

УХІV. С. О.

3596

М. Дилеевъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РАСКОЛА НА ВѢТКѢ

И ВЪ СТАРОДУБЬѢ

XVII—XVIII ВВ.

ВЫПУСКЪ II.

ИЗЪЖИИТЬ,
Типо-Лит. М. В. Глазера соб. д.
1091 г.

EB_1901_SLAVFOND_SF00000629

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
ки. Безбородко

Директоръ *Ф. Гельбер.*

Г Л А В А VIII.')

О «проектѣ» старообрядческаго архіерейства Вѣтковскими и Стародубскими раскольниками въ XVIII вѣкѣ.

Вѣтковцы въ XVIII в. заботились не только о пропагандѣ раскола по разнымъ русскимъ окраинамъ, градамъ и весямъ, но и о болѣе прочной постановкѣ устроенной ими на Вѣткѣ церкви. Черный попъ Θεодосій утвердилъ здѣсь бѣглопоповщину, но она скоро оказалась недостаточно обоснованной и неудовлетворительно для лучшихъ и мыслящихъ старообрядцевъ разрѣшавшей вопросъ о церкви и спасеніи человѣка при посредствѣ этой церкви. Дальнѣйшимъ шагомъ была мысль о томъ, чтобы объединить все старообрядчество болѣе прочнымъ іерархическимъ началомъ и господствующей церкви противопоставить свою собственную, независимую и канонически правильно устроенную церковь. Вся задача сводилась къ тому, чтобы найти «правильнаго архіерея», который былъ бы достоинъ «возрастити корень древле-православной іерархіи». Многие при этомъ боялись строгихъ неизбѣжныхъ преслѣдованій со стороны русскаго правительства, и тогда-де послѣдуетъ не только „конечное оскуднѣніе священства, но и совершенное истребленіе старой вѣры“. Другіе же, наоборотъ, въ самостоятельной старообрядческой церкви, съ тремя чинами духовной іерархіи, со святителями во главѣ, видѣли какъ прочное осно-

1) Первые 7 главъ напечатаны въ XIII—XIV томахъ «Извѣстій Историко-Филологическаго Института князя Безбородко»,—вышли и отдѣльной книгой.

ваніе для дальнѣйшаго существованія старообрядчества, такъ и надежное средство поставить угрешную ими на Вѣткѣ церковь такъ, чтобы она являлась дѣйствительною митрополіей всѣхъ ревнителей русской церковной старины. На Вѣткѣ и въ Стародубѣ, въ первой половинѣ XVIII в., какъ потомъ и во второй, когда раскольники замѣтно здѣсь устроились, освоились съ мѣстными условіями жизни и сравнительно благоденствовали, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо сознавалось, что старообрядчество безъ трехъчинной іерархіи не есть еще истинная церковь; хорошо понимали, что церковь безъ епископа не церковь, а только «самочинное собраніе», при посредствѣ которой и спасеніе невозможно. Вотъ почему именно здѣсь, въ средоточіи тогдашней поповщины, началось усиленное и дѣлательное исканіе архіерейства, какъ въ первой, такъ и во второй половинѣ XVIII в.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что мысль о старообрядческомъ архіерействѣ начала пробиваться у отдѣлившихся отъ православной церкви раскольниковъ очень рано, по нѣкоторымъ указаніямъ еще при жизни Павла Коломенскаго, единственнаго русскаго епископа, до конца жизни пребывающаго на сторонѣ ревнителей стараго церковнаго обряда.¹⁾ Извѣстно также, что въ 80-хъ годахъ XVII в. мечтали о поставленіи «особаго патріарха или епископа» и Донскіе раскольники²⁾. Точно также извѣстно, что новозеландскіе раскольники-поповцы сознавались Питириму Нижегородскому, что «безъ церкви нельзя быть, а церковь не можетъ быть безъ епископа». Особенно эта послѣдняя мысль стала безповоить совѣсть мыслящихъ и начитанныхъ въ святоотеческой письменности старообрядцевъ тогда, когда къ исходу XVII в. стали вымирать священники, оставившіе господствующую церковь при самомъ появленіи Никоноваго *Служебника*. Относительно Вѣтки есть указаніе, что здѣсь дѣйствовали попы стараго по-

¹⁾ Иова Курносый: *Ист. о бѣгств. свящ.*, напеч. Г. В. Есиповымъ въ прилож. ко II т. его *Раск. дѣл XVIII ст.*—Мельниковъ: *Ист. оч. поповц.* стр. 24—28, примѣч.

²⁾ *Ист. о бѣгств. священствѣ Ионы Курносаго.*—Дополн. къ *Акт. истор.* т. XII, № 17, стр. 180.

священія до 1708 г. ¹⁾ Потомъ и на Вѣткѣ, какъ и во всей поповщинѣ, „нужды ради“ стали принимать поповъ «новаго рукоположенія», но крещенія «старого», т. е. крещенныхъ въ три погруженія по Иосифовскимъ книгамъ. Скоро старообрядцамъ-поповцамъ пришлось брать бѣглыхъ поповъ и такихъ, которые были крещены въ три погруженія и не по Иосифовскимъ книгамъ. Одного при этомъ остерегались ревнители церковной старшины, чтобы переходившіе къ нимъ поны были рукоположены архіереями великороссами, а не малороссами, заподозрѣнными въ отступленіи отъ православія, въ особенности относительно практиковавшагося иногда въ Малороссіи „обливательнаго крещенія“, которое, по понятіямъ старообрядцевъ, есть крещеніе еретическое, а крещеніе еретическое «нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе». Вместе съ тѣмъ возникъ вопросъ, какъ принимать поповъ, переходящихъ въ расколъ отъ господствующей церкви: перекрещивать-ли ихъ, какъ еретиковъ, или журопоказывать, какъ схизматиковъ, или ограничиться одною «исправою» съ проклятійскъ ересей. Все это давало обильное поле для множества толковъ, споровъ, словопреній, при чемъ старообрядцы во-очію убѣждались, что безъ епископа церковь не церковь, что бѣгле ихъ попы суть не законныя и для спасенія христіанскаго сомнительныя. Подъ вліяніемъ такихъ убѣжденій старообрядцы пришли къ мысли объ исканіи бѣгствующихъ отъ православной церкви архіереевъ, т. е. они рѣшились искать между православными епископами такого, который, подобно бѣглымъ понамъ, согласился бы, подъ условіемъ извѣстнаго чинопріятія, вступить въ старообрядчество и совершалъ бы у нихъ всѣ „архіерейскія дѣйства“. «И таковой убо нуждѣ новорукоположенными іереи на многая дѣта простирающейся», говоритъ стародубскій историкъ раскола XVIII вѣка Иванъ Алексѣевъ, «восхотѣша народы изъ сего новопріятія извинутися, токмо да посвященъ ияъ будетъ какой либо

¹⁾ Облич. на протоіерея Андрея Большія Охты, — ркп. Хлудов. библи. № 302, л. 243. Кто былъ на Вѣткѣ послѣднимъ попомъ стараго крещенія и посвященія — неизвѣстно. Θεодосій, бывшій священноинокъ стараго посвященія, умеръ несомнѣнно позже 1708 г. О другихъ священникахъ стараго посвященія въ началѣ XVIII в. на Вѣткѣ нѣтъ указаній. Возможно здѣсь одно предположеніе, что упомянутый Θεодосій съ 1708 г. прекратилъ церковное служеніе «за немощь конечныя старости...»

отъ новыхъ епископовъ, и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ». 1) «Но ни великороссійскіе, ни малороссійскіе архіереи», по справедливому замѣчанію извѣстнаго изслѣдователя русскаго раскола, П. И. Мельникова, «ни въ какомъ случаѣ не согласились бы исполнить такую просьбу раскольниковъ. Они были довольно обеспечены, а въ случаѣ согласія на просьбу старообрядцевъ имъ предстояло бы по меньшей мѣрѣ кончить жизнь на Соловецкомъ островѣ или въ Рогервикѣ. Оставалось обратиться къ православнымъ архіереямъ заграничнымъ, которые, не зная русскаго языка и не разумѣя хорошо въ чемъ состоитъ образовавшійся въ русскои церкви расколъ и что такое значать слова «старый обрядъ» и «древлее благочестіе», могли посвятить старообрядцамъ архіерея» 2). Последніе и остановились на этой мысли.

Первая попытка осуществленія этой мысли относится къ самому началу XVIII в. Такъ по крайней мѣрѣ ставитъ вопросъ П. И. Мельниковъ въ своихъ „Историч. очеркахъ поповщины“. По его словамъ, поповщинскія общины рѣшились послать на Востокъ, къ Грекамъ, хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова на самомъ дѣлѣ вѣра у Грековъ и можно-ли отъ нихъ принять епископа, при чемъ выборъ палъ на старца *Леонтія*. Последній въ своихъ паломническихъ путевыхъ запискахъ о дѣлѣ своего путешествія во св. градъ Іерусалимъ кратко высказывается такъ: «Се писахъ мѣста сіа святая и путь сей, не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко что добро сотворивъ, но любви ради сихъ святыхъ мѣстъ, и *понужденъ тѣкими отцы и братією*. Кто были эти отцы и братія, и изъ какихъ побуждений они вынуждали Леонтія отправиться въ столь отдаленное путешествіе,—на это нѣтъ опредѣленныхъ указаній какъ въ путевыхъ запискахъ самого старца Леонтія, такъ и въ другихъ тогочременихъ источникахъ. Не приводитъ ихъ и авторъ «Историческихъ очерковъ поповщины». Такъ-ли дѣло было, какъ предполагаетъ П. И. Мельниковъ,

1) Ист. о бѣгствующ. свящ. Ів. Алексѣева. Лѣт. рус. лит. Н. С. Тихомирова, т. IV, отд. III, стр. 63—64. Срав. у Журавлева: Ист. изв. о раск. III, стр. 22; IV, стр. 103—104.

2) Мельниковъ, П. И. Ист. оч. поповщины. I, 52.

или нѣтъ—сказать, конечно, трудно, за неизмѣнимъ прямыхъ или хоть косвенныхъ указаній въ нашихъ источникахъ; но несомнѣнно то, что вѣсти, привезенныя старцемъ Леонтіемъ съ Востока, были не утѣшительны для старообрядцевъ. Его личныя наблюденія надъ нравами, обычаями, религіозностью и благочестіемъ Грековъ, привели его къ очень невыгоднымъ заключеніямъ о ихъ благочестіи. «Греки, писалъ онъ, непостоянны, обманчивы, только малые христіане называются, а и слѣду благочестія нѣтъ. Да и откуда имъ благочестія взять? Грекамъ книги печатаютъ въ Венеціи, такъ они по нимъ и поютъ, а Венеція папешская, а папа главный врагъ христіанской вѣры. Каковы имъ не приилютъ книги, такъ они по нимъ и поютъ. И такъ малымъ чѣмъ разлились съ папещицы. А что пьютъ, ѣдятъ, то все съ ними вмѣстѣ; а въ церковь, мы сами видѣли, что папещицы къ грекамъ ходятъ, а греки къ папещамъ: такъ не далеко до соединенія... Всѣ нравы у грекъ и поступки внѣшніе—все басурманскіе, а что прежніе ихъ бывали христіанскіе, такъ у нихъ отнюдь и слѣду вѣтъ... *А духовной чинъ у грекъ хуже простова народа*: крестится срамно сильно; какъ войдетъ въ церковь, а рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза... Патріархъ греческій по вся годы церкви отдастъ на откупъ, а беретъ за церковь по двѣсти талерей и полтораста, и что годъ, то череторжка: кто больше дастъ, тому и отдастъ. У нихъ и митрополитъ митрополита ссаживаетъ: даль лишнее, да и взялъ епархію. Такъ у нихъ много безвѣстныхъ митрополитовъ и поповъ, таскаются по базару, живутъ въ Царьградѣ, да собакъ бьютъ, ходя по улицамъ... А митрополиты греческіе въ церквахъ зѣло неискусны: все смѣются и съ греками говорятъ со стороны на сторону и рѣнія не слышать. А самъ, что коза, назадъ оглядывается; кричитъ по церкви: зѣло не хранятъ чина своего церковнаго; наши посельскіе попы лучше ихъ митрополитовъ». Сильно смущаетъ нашего паломника и то, что «патріархи и митрополиты и всѣ духовные играютъ въ карты и шахматы», что «табакъ пьютъ и во грѣхъ того не ставятъ», что «патріархи, митрополиты и попы усы подриваютъ и гуменцовъ (простриженное на головѣ мѣсто, на макушкѣ) себѣ не простригаютъ, но нѣкакъ странно снизу кругомъ подголяютъ до полголовья, какъ ебысы махеметанскіе...» Словомъ, старецъ Леонтій не нашелъ на Востокъ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители „древляго благочестія“. Не-

удивительно, что долго потомъ старообрядцы указывали на слова „*Леонтій Москвитинина*“, что греки «ни близъ де христіанства не хранятъ», что «греческія власти (архіереи) у себя въ келіи *красиковъ* (красавчиковъ) держатъ» и т. п., какъ, напр., въ старообрядческомъ рукописномъ *Цептницѣ* XVIII в., въ 78-ку, принадлежавшемъ прежде Добрянскому мѣщанину Петру Тихонову Головицеву, а потомъ П. И. Мельникову ¹⁾.

Стояла-ли въ какой-либо связи эта первая попытка отъискать старообрядческаго архіерея при посредствѣ греческихъ архіереевъ съ Вѣткой и ея поддѣйшіими стремленіями, на это нѣтъ никакихъ указаній. Несомнѣнно одно, что Вѣтковскіе раскольники находились въ сношеніяхъ съ Москвой и сосѣдними съ нею мѣстностями и въ первой четверти XVIII в., какъ показываютъ факты, приведенные нами въ IV гл. нашего изслѣдованія относительно вліянія Вѣтковскихъ проповѣдниковъ раскола на Москву и сосѣднія съ нею мѣстности. Дѣло доходило до того, что одинъ изъ Московскихъ священниковъ, служившій при церкви Николая Чудотворца на Пескахъ, что за Смоленскими воротами, Ѳеодоръ Матвѣевъ, былъ сосланъ въ 20-хъ годахъ XVIII в. въ Соловки за то, что отклонялъ своихъ прихожанъ отъ исправленія требъ у православныхъ священниковъ. Онъ же имѣлъ у себя требникъ *съ прискою* въ чинѣ исповѣди вопроса: «не бриваль-ли по еретически бранды?» и хранилъ въ дароносицѣ двоякія *дары*; одни бѣлые и подлинно, по его словамъ, освященные, и другіе смуглые, *привезенные съ Вѣтки* ²⁾. При-

¹⁾ Подробности о старцѣ Леонтіи и его путевыхъ запискахъ см. въ нашей ст.: «Къ вопросу объ авторѣ путешествія во св. землю (1701—1703 гг.) Московскомъ священникѣ Іоаннѣ Лукьяновѣ или старцѣ Леонтіи». (Отт. изъ IX кн. «Чт. въ истор. общ. Нестора Лѣтописца. Кіевъ. 1894 г.»), а также въ I в. нашего изслѣдованія—«Изъ ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. XVII—XVIII вв.», стр. 244—256. Срав. замѣчанія о томъ же проф. С. Т. Голубева въ рецензіи на I вып. нашего соч., представленнаго на четвертое соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова. Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс. при Моск. унив. за 1898 г., стр. 25—30. Есть и отдѣльная брошюра: «Отчетъ о четвертомъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Моск. Унив. М. 1898 г. Пыляевъ, А. Н. Ист. рус. лит. Спб. 1898. Т. II, стр. 257, 267—268.

²⁾ Есиповъ: Раскол. дѣла XVIII ст. т. I, стр. 239—242, 247—249, 251—253, 258—260. Оп. док. и д., хран. въ арх. св. Сын. т. VI, стр.

близительно въ концѣ перваго или самогъ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в. и самъ старецъ Леонтіи былъ принятъ на Вѣткѣ священникомъ Іовомъ, подъ именемъ священноинокъ *Леонтія*, и былъ седьмымъ изъ числа принятыхъ послѣднихъ, согласно свидѣтельству Лѣтописи Вѣтковской церкви Я. С. Бѣзьева (л. 21 об.). Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ старообрядческихъ пропагандистовъ раскола въ Москвѣ, Калугѣ и сосѣднихъ съ ними мѣстностяхъ. Бывалъ онъ и въ Стародубѣ и жила въ слободѣ Зыбкой (нынѣшнемъ г. Новозыбковѣ), какъ показывалъ Зыбковский войтъ Михайла Мартыновъ стародубскому православному миссіонеру Іосифу Рѣшилову, и Мартыновъ имѣлъ его, Леонтія, отцомъ своимъ духовнымъ. (Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сын. т. I, ст. 585, прилѣч.).

Не смотря на многіе труды и старанія, старообрядцамъ долго не удавалось «снискать чинъ епископскій». Не удовлетворяясь дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ своихъ общинахъ, въ утѣшеніе-ли себѣ, въ подкрѣпленіе-ли колеблющихся, старообрядцы пустили въ ходъ свою досужую фантазію, и уже въ послѣднихъ годахъ XVII в., по словамъ П. И. Мельникова, «распустили слухъ, что хотя они и не имѣютъ въ Россіи епископа, но есть на землѣ мѣста сокровенныя, Богомъ спасаемыя грады и обители, гдѣ твердо и нерушимо соблюдается «древлѣе благочестіе» и епископы правовѣрные сіяютъ какъ солнце». Эту правовѣрную церковь Христову съ богопреданнымъ священствомъ и епископами, благодаря своей фантазіи, они находили гдѣ-то на Востокѣ, не угаъ, впрочемъ, точно указать мѣста ея нахождения. На этой основѣ мало по малу обосновался другой слухъ, что «не всѣ восточные патріархи отъ притѣсненія турецкаго ослабѣли въ правовѣрїи и исказили вѣру Христову латинскою и кальвинскою ерессями, что патріархъ Антиохійскій съ подвѣдомственными ему церквами, непреложно и нерушимо хранить святоотеческія правила, преданія и обряды во всемъ, и твердо содержитъ «древлѣе благочестіе».

21, 564—565. Т. I, стр. 91, 178—179, 185, 332—333, 343—344, 395—398. Т. II, № $\frac{1112}{492}$, ст. 415—416. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. правосл. испов. Т. I, ст. 58—59, 72—75, 308. Сравни. I в. «Изъ ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. XVII—XVIII в.», стр. 223—244, 255—256.

Почему именно старообрядцы отнесли это крѣпкостоятельство въ святоотеческихъ правилахъ, преданіяхъ и обрядахъ именно къ Антиохійскому, а не другому патріарху, Мельниковъ, между прочимъ, объясняетъ тѣмъ, „что Арсеній Сухановъ, не бывъ въ Антиохіи, ничего не говорилъ о ней“. Съ другой стороны, Антиохійскій патріархъ Макарій два раза былъ въ Москвѣ и даже проѣзжалъ Волгой, жилъ нѣкоторое время въ Желтоводскомъ Макарьевѣ монастырѣ, вокругъ котораго расколъ въ то время былъ въ полномъ разгарѣ, и раскольники могли видѣть и видѣли, что «патріархъ Божія града Антиохіи» не соблюдаетъ ихъ излюбленныхъ обрядовъ. «Такъ», говорили старообрядцы, Макарій дѣйствительно отступилъ отъ православія, «это вѣрно; но Господь не допустилъ его до „Божія града“, да не внесетъ въ него разврата и еретическаго ученія: на пути онъ злою смертію изиде, и благочестіе сіяетъ въ Антиохіи по прежнему“. Слухъ объ антиохійскомъ патріархѣ, нерушимо и невредимо сохраняющемъ «древлее благочестіе», былъ принятъ за неоспоримую истину не только поповщинскими общинами, но и безпоповщинскими¹⁾.

Въ связи съ образовавшейся легендой о нерушимомъ сохраненіи святоотеческихъ преданій и обычаевъ въ патріархатѣ Антиохійскомъ надо поставить и широко распространившееся въ старообрядческомъ мірѣ XVIII вѣка рукописное путешествіе безпоповщинскаго монаха Марка изъ скита Топозерскаго, Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда. Оно озаглавляется такъ: *«Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ, инокомъ Маркомъ Топозерской обители, бывшимъ въ Опоньскомъ царствѣ. Его самый путешественникъ»*. Время написанія этого путешествія точно неизвѣстно; распространеніе же его среди старообрядцевъ относится по всей вѣроятности ко второй половинѣ XVIII в. Въ своемъ путешествиикѣ безпоповщинскій старецъ рассказываетъ, что ходилъ онъ въ Сибирь, добрался до Битая, перешелъ степь Гоби и дошелъ до «Опоньскаго царства», что стоитъ на океанѣ-морѣ, называемомъ «Бъловодіе», на семидесяти островахъ. Искавъ съ большимъ терпѣніемъ древляго благочестія на Востокѣ, Марко нашелъ его будто-бы въ Японіи, извѣщенный о томъ

¹⁾ Мельниковъ: Ист. оч. поп. Стр. 38—39.

«христоподражателями древяго благочестія св. соборныя и апостольскія церкви». «Въ восточныхъ странахъ съ великимъ нашимъ любопытствомъ и стараніемъ, говорить онъ, искали древяго благочестія православнаго священства, которое весьма цужно ко спасенію, съ помощію Божіею и обрѣли асирскаго языка 179 церквей, имѣють патриарха православнаго, Антиохійскаго поставленія, и четыре митрополита. А Россійскихъ до сорока церквей, тоже имѣють митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія. Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу уклонилось въ тѣ самыя восточныя страны, а Россіане во время извѣненія благочестія уклонились изъ Соловецкія обители и изъ прочихъ мѣстъ. Много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухпутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣеть сомнѣніе, то поставляю Бога во свидѣтеля нашего: имать приноситься безкровная жертва до второго пришествія Христова. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи принимаютъ первымъ чиномъ; крестятъ совершенно въ три погруженія, желающихъ тамо пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инока согласились вѣчно остаться: приняли св. крещеніе. И глаголють они: „вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересьяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ чловѣкъ и не прикасайтесь имъ... Въ тамошнихъ мѣстахъ татбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣють; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ не обычные съ разсѣдинами земными и громы съ землетрясеніемъ не малымъ бываютъ. И всякіе земные плоды бываютъ: родится виноградъ и сорочинское пшено... А оныя Опонцы въ землю свою никого не пуцають и войны ни съ кѣмъ не имѣють: отдаленная ихъ страна. Въ Китаѣ есть градъ удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не обрѣтается. Перва у нихъ столица—*Кабангъ*». ¹⁾

¹⁾ Ibid. Стр. 39—44. Собственно о Топозерскомъ скитѣ см. «Топозерскій скитъ. Очерки Арханг. губ.» К. Соловцова. Арханг. Губ. Вѣд. 1861 г., сентябрь. Прушакевичъ «Сказаніе о Топозерскомъ скитѣ», Арх. Губ. Вѣд. 1868 г., № 63. Подробности о старообрядческихъ маршрутахъ или путникахъ XVIII-го и начала XIX в. см. въ ст. А. П. Ща-

цова: «Земство и расколъ», напечат. въ журналѣ «Время». Здѣсь опять между прочимъ, говорить о томъ, что «въ эпоху распространения и развитія раскола, образовались у старообрядцевъ свои особыя пути-дороги, помимо трактовыхъ, общихъ, въ родѣ дорогъ, указанныхъ въ раскольниковыхъ маршрутахъ, или въ родѣ такъ называемой *сиротской дороги*, проложенной въ XVIII в. бѣглыми гонимыми старообрядцами по Саратовской степи къ Уралу» (стр. 277). Тутъ же опять приводитъ выдержку изъ маршрута или путника «въ какую-то азіатскую, невѣдомую страну». При ближайшемъ ознакомленіи съ этой выдержкой оказывается, что это тотъ же путникъ въ Опошское царство, но повидимому другой редакціи, чѣмъ путникъ Марка Топозерскаго. Вотъ этотъ маршрутъ: «На Екатеринбургъ, на Томскъ, на Барнауль, вверхъ по рѣкѣ Катунѣ на Красной Мртъ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устба. Во Устбѣ спросить страннопріимца Петра Кирилова, зайти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Снѣговая гора: она горы на 300 верстѣ, отъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня; въ той деревнѣ часовня; настоятель схимникъ Іоаннь. Отъ той обители есть ходъ 40 дней съ рыхломъ, чрезъ Кияжскую землю, потомъ четыре дня ходу къ Татаню, тамъ вавилонское государство; живутъ въ губѣ океана моря: *мѣсто называемое бѣловодіе* и озеромъ Ловѣ, а на немъ 100 острововъ, а одинъ островъ есть... верстѣ, а на нихъ горы, а въ горахъ живутъ о Христѣ подражатели Христовой церкви, православные христіане. И съ тѣмъ прощу желающихъ православныхъ христіанъ; прямымъ образомъ, безъ всякой лести васъ увѣряемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, желающихъ послѣдовать стопамъ Христовымъ. А тамъ не можетъ быть антихристъ, и не будетъ. И во ономъ мѣстѣ лѣса темные, горы высокія, разсѣдлинны каменны; а тамъ народъ именно, варварствъ никакихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бы всѣ китайцы были христіане, то бѣ и ни одна душа не погибла... Любители Христовы, грядите вышеозначенною стезею!... Отъ пана гонимы изъ своєї земли, отлучилися пятьсотъ лѣтъ и приискивали имъ мѣсто два старца; *церковей сирскихъ* (асирскихъ)... *сущихъ христіанскихъ... Россійскихъ церковей 44, и христіанскіе у нихъ митрополиты занялись отъ сирскаго патріарха. И отлучилися отъ своихъ мѣстъ отъ численія Никона патріарха, а приходъ былъ отъ Зосимы и Савватія, святыхъ Соловецкихъ чудотворцевъ, кораблями чрезъ Ледовое море. И такимъ образомъ, отцы послаемъ, проискивали отъ Изосимы и Савватія. Сей же памятникъ писалъ самъ, тамо былъ, и писалъ имъ свое многогрѣшное иное (имя?) Михаилъ своею рукою, и о Христѣ съ бра-*

Въ нашей исторической литературѣ первымъ высказался объ этомъ безпоповщинскомъ произведеніи XVIII в. *П. И. Мельниковъ*. Онъ находилъ, что въ Китайскихъ владѣніяхъ, собственно въ приамурской области, издавна селились бѣглецы изъ Сибири раскольники, и это считалъ не

тією своєю писавъ вамъ». (Стр. 277—278). Кто этотъ Михайлъ — неизвѣстно. Незавѣстно и то, откуда извлекъ А. П. эту выдержку.

Кромѣ того, существуютъ особые народные заговоры и молитвы *«въ путь идущимъ и назадъ идущимъ»*. Молитвы эти употребительны какъ у раскольниковъ, такъ и въ извѣстной средѣ у православныхъ. Молитва *въ путь идущимъ*: „Господи Боже нашъ, въ путь шествовати угоднику своему Якову устрой его, рабу своему (имя рекъ) сопутствуй, раба своего, Владыко, изми отъ искушенія, разбойника, разбойства, всякаго навѣта, и въ ширѣ и близко пространства. Устави прежде всякаго творяща промыслъ по заповѣдемъ твоимъ, исполни житіе небесныхъ благъ, бывши тамо, возвратиться благоволи: яко твое есть царство, сила и слава, Отца и Сына и св. Духа. Аминь“. *Молитва назадъ идущимъ*: «Господи Владыко, Боже отецъ нашихъ, ты просимъ, тебя съ милосердіемъ, якоже бѣ изволилъ самъ выйти съ угодникомъ твоимъ Моисеемъ во свѣтъ. Люди твоя избра, Израильтяне избѣда въ земли чуждой, также и нынѣ самъ иди съ рабомъ твоимъ (имя рекъ), самъ своихъ сохраня, ихъ дель и ночь, якоже укрѣпилъ Исуса Навина, образомъ и крестомъ съ молитвою...» (Ibidem, стр. 278). О народныхъ заговорахъ въ Петровское и послѣпетровское время см. дѣло св. Синода, № 211—269, по словесному доношенію присланнаго изъ Вышняго суда капитана Бредихина, о разсмотрѣніи заговорныхъ, волшебныхъ и раскольническихъ писемъ, травъ и корней въ, найденныхъ у содержащагося подъ арестомъ бывшаго Новгородскаго „лапдряхтера“ Ивана Ивацова Млякина. Къ сожалѣнію, самыя письма сожжены. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сн. т. V. (Спб. 1897 г.), стр. 361—366. О *«заговоръ при отправленіи въ путь»* см. въ *Сборн. заговоровъ* Имп. Публич. Библ. XVII в., (О. Ш. № 185), и въ *Сборн. той же библиотеки XIX в., об. 24* (О. XVII. № 46). Оба сборника были приобретены отъ помощника директора Л. Н. Майкова. См. Отч. Имп. Публ. Библ. за 1889 г. Спб. 1893, стр. 141—142.

подлежащимъ никакому сомнѣнію, такъ какъ объ этомъ производилось нѣсколько дѣлъ, не приводя однако никакихъ документальныхъ указаній. Что же касается Японскихъ старообрядцевъ, то относительно ихъ, на сколько это извѣстно, говорилъ лишь одинъ Марко Топозерскій, да поселенникъ Томской губерніи Бобылевъ, подавшій о нихъ въ 1807 г. особую записку въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣдней онъ писалъ, что на морѣ-океанѣ, въ Бѣловодѣ, живутъ старообрядцы, русскіе подданные, ушедшіе туда во время церковныхъ раздоровъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тамъ, говорилъ Бобылевъ, они имѣютъ *своихъ епископовъ*, священниковъ и церкви, въ которыхъ служатъ по стариннымъ книгамъ, при крещеніи младенцевъ и при бракѣ ходятъ по солонь, молятся двуперстнымъ сложениемъ, книгъ, напечатанныхъ при патриархѣ Никонѣ и послѣ него, не принимаютъ, за государя и за войско молятся. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что Государь Александръ Павловичъ позволилъ старообрядцамъ строить церкви по старому закону, то они изъявили желаніе вѣрно служить Его Величеству, нести всѣ тягости и повинности, и исправили за оставленіе отечества прощенія. Живутъ они, по увѣренію Бобылева, въ трехъ мѣстахъ; къ нимъ надо ѣхать по дорогѣ изъ Бухтерминской волости, Алтайскаго округа, черезъ Китайскую границу: въ одномъ мѣстѣ ихъ слишкомъ тысяча душъ, въ другомъ—до семи сотъ, а въ Бѣловодѣ болѣе полумилліона. Дани никакому государству не платятъ. Бобылевъ вызывался отправиться къ нимъ и исполнить все, что ему будетъ приказано, для того, чтобы тѣ старообрядцы возвратились въ русское подданство. Правительство приняло предложеніе Бобылева. Ему дали 150 руб. и приказали явиться къ Сибирскому генералъ-губернатору, отъ котораго онъ долженъ былъ получить дальнѣйшія приказанія. Но Бобылевъ къ генералъ-губернатору не явился и пропалъ безъ вѣсти. Доходили до правительства и позже слухи о множествѣ русскихъ старообрядцевъ и церквей въ Японіи, какъ и о нѣсколькихъ епископахъ и даже патриархѣ; но слухи слухами такъ и остались, и русскіе старообрядцы не были открыты въ Японіи. Возможно, конечно, что Сибирскіе раскольники могли пробираться на Курильскіе острова, а оттуда въ Японію, какъ по своимъ торговымъ дѣламъ, такъ и для поселенія тамъ; но патриархъ старообрядческій въ Японіи и митрополиты и 179 старообрядческихъ церквей, по всей вѣроятности, плодъ изобрѣта-

тельной способности старца Топоверскаго Марка, какъ повидимому совершенно справедливо замѣтилъ въ свое время П. И. Мельниковъ¹⁾.

¹⁾ Ibidem, стр. 44. О сношеніяхъ русскихъ людей съ Китаемъ и Японіей, см. *Зап. о Китайской границѣ*, составл. въ 1846 г. совѣтникомъ пограничнаго правленія *Сычевскимъ*: Сношенія Россіи съ Китаемъ политическія и торговыя съ конца XVII в. по 1769 г. Сообщ. *В. Н. Бачинъ*. Чт. въ общ. ист. и древн. росс. 1875 г., II, 1—292. Срав. „Вѣдом. о Китайской землѣ и глубокой Импѣріи“, составл. стольникомъ и воеводой Тобольскимъ *П. И. Годуновымъ* въ 1669 г. и изд. С. О. Долговымъ въ Пам. древн. писемъ. 1899 г., СХХХІІІ, 14 и д. *Отписаніе о Японіи*, содержащее въ себѣ три части... Печ. въ Спб. при Акад. наукъ 1734 г. Первая часть содерж. «Изв. о Японіи и о винѣ гоненія на христіанъ», 2-я — «Ист. о гон. на христіанъ», а 3-я — «Ислѣд. странств. Генриха Гагенара въ Восточную Индію», сочип. чрезъ Франц. Карона. Подроб. объ изд. у Губерти—I, № 19 и у *Остролазова*—въ Рус. Арх. за 1892 г. № 3, стр. 406—407. О Японіи въ кн. *Колотыгина*—Спб. 1817 г. О попыткахъ торгов. снош. съ Японіей въ XVIII и XIX ст. Морск. Сборн. 1869 г., по Иркут. и Охот. архив. О снош. русскихъ съ Японіей, съ коп. разн. донес. о путеш. кап. *Головина*: Вѣст. И. Р. геогр. общ., журн. общ. за 1852 и 1853 гг. Историч. мат. о снош. европейцевъ съ Японіей, *И. С. Сельскаго* (Зап. Сибир. отд., т. IV). Зап. путеш. *Лакмана* въ Японію. Сѣв. Арх. 1822 г., ч. 1, № 3. Рус. Арх. 1865 г., стр. 805—851. Докум. снош. съ Японіей 1791 г. Арх. кн. Воронцова, т. XXIV. Акты о снош. Росс. съ Японіей въ XVIII—XIX вв., собр. *В. Н. Бергомъ*. Сѣв. Арх. 1826 г., ч. XXII, №№ 14 и 15. Сравн. Лѣт. зан. Арх. Ком., в. VI, стр. 133. Геннадіи, I, стр. 83. «Рус. старообрядцы въ Китаѣ» (Восточ. Обзор. 1884 г., № 38). Въ ст. этой приводится въ подлинникѣ рукоп., находящаяся въ Ташкентскомъ Музеѣ и содержащая въ себѣ любопытныя данныя о томъ, какъ Сибирскіе старообрядцы—капиталисты сооружали цѣлыя предпріятія для отысканія своихъ единовѣрцевъ въ Кашгарѣ и какія тщательныя свѣдѣнія собирали о нихъ. Ркп. относится къ 1800 г. Срав. «По вопросу о старообрядцахъ въ восточномъ Туркестанѣ» Я. Безукладникова. «Туркест. Вѣст.» 1873 г., № 47. По *Космографіи* 1670 г., изд. общ. древ. писем., Спб. 1878—1881 гг., славнымъ по торговлѣ городомъ въ Японіи былъ г. *Осака*: „къ тому городу изъ разныхъ окрестныхъ государствъ съ

Тотъ же изслѣдователь подмѣтилъ черты сходства между «патріархомъ асирскаго языка, что въ Опоньскомъ царствѣ, по «Путешественнику» Марка Топоверскаго, и легендарнымъ Іоанномъ Пресвитеромъ, могущественнымъ царемъ христіанскаго государства въ Средней Азіи, легенда о которомъ въ древнюю русскую письменность проникла подъ именемъ «Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ». И тотъ и другой первосвященники, и тому и другому подсудны все мірскія дѣла. Тамъ свѣтскаго суда не имѣютъ, говоритъ Марко, управляютъ народы и всехъ людей духовныя власти, и преступленій тамъ нѣтъ. Совершенно тоже и въ царствѣ Іоанна Пресвитера. Далѣе вся обстановка таинственной земли Опоньской: эти земныя расщелины, эти необычайныя морозы, при которыхъ однако растутъ и виноградъ и рисъ, эти землетрясенія и безпрестанныя громы и молніи—все это такъ сходно, если не совсемъ похоже на средневѣковыя европейскія сказанія о таинственныхъ земляхъ отдаленнаго востока¹⁾.

разными товарами привозаютъ, ярмонки и торговли великіе бываютъ*... О городѣ *Фукумъ* тамъ же замѣчено, что тамъ живетъ «много христіан»... (Гл. О).—А. А. Титовъ. Сибирь въ XVII в. Сборн. старинныхъ рус. статей о Сибири и прилегающихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ сямка со старинной карты Сибири. Изд. Г. Юдинъ. М. 1890 г.

¹⁾ Ibid. стр. 45. Сказаніе о пресвитерѣ Іоаннѣ весьма распространено на Западѣ и у насъ. На Западъ оно проникло въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Въ основаніи слуха о царѣ-пресвитерѣ лежалъ дѣйствительный фактъ успѣха несторіанскаго христіанства среди племенъ Средней Азіи, записанный у Абуль-Фараджа; легендарный же элементъ сказанія о царствѣ, полномъ всехъ благъ міра, и о царѣ-священникѣ, идущемъ на защиту христіанъ отъ невѣрныхъ, созданъ благодаря угнетеніямъ восточныхъ христіанъ турками и сарацинами. Въ царствѣ этомъ, по краткой *Космографіи* (см. предисловіе къ указанной выше *Космографіи* 1670 г.), «вѣра евангелицкая, только жъ горды имѣютъ нравы, аще привязкіе гости, кои ихъ вѣры не учнутъ вѣровать, и она у нихъ на главахъ бумажные шляпки зажигаютъ, и оттого изгораютъ» (стр. 23). Литература о пресвитерѣ I. весьма обширна какъ иностранная, такъ и русская. Assemani, *Bibl. orientalis*; Moshemii, *Hist. Tartarorum ecclesiastica*; G. Oppert, *Der presbyter Johannes in Sage u. Geschichte* (В., 1870); Zarncke, *Der Priester Johannes* (L., 1776); Брувъ, *Странствов. царя-*

Не смотря на всю фактическую несообразность рассказа Марка Топозерскаго и Томскаго поселенца Бобылева о старообрядческом «патріархѣ асирскаго языка» въ Японіи и многочисленныхъ тамъ старообрядческихъ церквахъ, русскіе старообрядцы не сомнѣвались въ ихъ дѣйствительности и вѣрили, что есть у нихъ своя іерархія, хотя и оторванная отъ нихъ дальностію разстоянія. Увѣренность раскольниковъ въ дѣйствительности японской іерархіи повела въ концѣ концовъ къ тому, что въ XVIII и началѣ XIX в. появились у нихъ самозванцы-попы, ходившіе якобы за посвященіемъ въ Опоньское царство и даже показывавшіе ставленныя грамоты отъ небывалыхъ архіереевъ, собирая изду за исправленіе требъ отъ легковѣрныхъ. Увѣренность эта продолжается и доселѣ. Во второй половинѣ XIX в. появился даже архіепископъ, получившій хиротонію въ Бѣловодѣ. Именно въ 80-хъ годахъ прошлаго XIX в. представителемъ «Бѣловодской» іерархіи служилъ нѣкто *Аркадій*, выдававшій себя за архіепископа, получившаго хиротонію въ Бѣловодѣ, въ Опоньскомъ царствѣ, отъ Мелетія, патріарха Славяно-Бѣловодскаго, Индостанскаго, Индійскаго и пр. и пр. Въ статьѣ «Церков. Вид.» 1889 г., № 24, стр. 686—689: «Новоизобрѣтенная іерархія у раскольниковъ» приведены любопытныя выдержки изъ двухъ ставленныхъ грамотъ Аркадія: краткой, подписанной патріархомъ Мелетіемъ и 4 митрополитами «асирскаго языка», и пространной, подписанной, кромя п. Мелетія, «царемъ и кралемъ Каибайскаго царства», 38 митрополитами, 30 архіепископами, 24 епископами, 38 архимандритами и 28 игуменами. *Г. Ив. Никифоровскій* въ Христ. Чт. 1890 г. (нояб.-дек.) въ ст.: «Къ матеріаламъ для характеристики современнаго раскола

пресв. І. (Зап. Новор. унив., т. V); Путеш. генуэзцевъ вокругъ Африки въ царство попа Ивана (Вѣст. И. Р. Геогр. Общ. 1859 г., кн. 5); Н. Баталынь, Сказ. объ Инд. царствѣ (Воронежъ, 1876), Семеповъ, Земле-вѣдѣніе Азіи (Спб. 1856 г.); Пыпинъ, А. Н., Очеркъ стар. пов. и сказокъ; В. Бартольдъ, О христ. въ Туркестанѣ въ до-монгольскій періодъ (Зап. Вост. отд. И. Р. Археол. Общ., т. VIII, в. I—II). «Сказ. о Инд. царствѣ и чудесахъ въ той землѣ» переписывалось еще въ XVIII в. См. Сборн. Имп. Публ. Библ. (Q. XV. № 90). Отч. Имп. П. Б. за 1889 г. Спб. 1893 г. стр. 27.

(Въловодская іерархія), стр. 689—694, сообщилъ чинъ пріятія въ «Въловодское» согласіе приходящихъ изъ церкви великороссійской, изъ безпоповщины, бѣглопоповщины и толка «австрійскаго», заимствованный имъ изъ небольшой рукоп. тетрадки, принадлежавшей самому Аркадію и потомъ отобранной отъ него. Въ основу Аркадіева чинопріятія положенъ такъ назыв. „второй чинъ“: Аркадій принимаетъ приходящихъ къ нему изъ православія и раскола *чрезъ мѣропомазаніе*. Чинъ начинается анаеоматствованіемъ прежде всего «Никоніанской ереси», затѣмъ безпоповщиной, Вѣдокривяцкой, бѣглопоповщинской... За «отреченіемъ» отъ ересей въ чинѣ слѣдуетъ пространное изовѣданіе вѣры, въ коемъ особенно примѣчательны заключительныя слова: „прежде бывшихъ восточныхъ патріарховъ: Константинопольскаго, Антиохійскаго, Александрійскаго, Іерусалимскаго и настоящаго святѣйшаго Славяно-Въловодскаго, Остъ-Индскихъ, и Японскихъ, и Англо-Индійскихъ острововъ (затѣмъ между строкъ: «Индостана и Камбайскаго царства, Америки и Хили, Магелланскія земли и Патагоніи), и отъ него поставленныхъ, по благодати св. Духа, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и отъ нихъ поставленныхъ священниковъ (пріемлю и имъ) въ послушаніи и въ повиновеніи пребуду до смерти“. Рядъ предварительныхъ церемоній, предшествующихъ мѣропомазанію, заканчивается въ чинѣ вопрошеніями «святителя», на которыя должны отвѣщать поступающіи подѣ духовное водительство «Въловодской» іерархіи. Здѣсь исключительное почти вниманіе удѣлено «Никоніанамъ», которые, какъ видно, не даютъ покоя поборникамъ древлаго благочестія даже въ странахъ Патагонскихъ и Магелланскихъ... «Проклинаеши ли и отрицаеши ли нововведенный расколъ и ересь отъ Никона, и повелѣніемъ царя Петра Перваго и отъ него установленнаго Синода?.. Отрицаеши ли и проклинаеши ли—съ еретики, и отступники, и расколуучители, и съ ереси начальники, и съ жидаы, и съ Агаряны, съ Латынниками, и Люторанами, Калвинами и Гусистами, и Агликанами, и Арменами, и Церсами, и Аріянами, и съ Болтами, и съ Яковитами, и Павликіянами и Сиверіянами, Македоніянами и прочими еретики, и съ идолопоклонниками, и съ непросвѣщенными св. крещеніемъ, и съ язычниками, и со псы, и кошки,—аже съ тѣми съ единого сосуда ясти и пити?.. Отрицаеши ли и проклинаеши ли новаго ученія, новаго толкованія, новыхъ книгъ и всякія хулы, аже ни-

шутъ на Христа и на вся христіяны, и хулы на Бога, яке пишутъ, и учатъ, что нѣсть Бога... и едиnorodнаго Сына и животворящаго Духа... и Пресв. Богородицы... и св. ангель... и св. пророкъ и апостоль..., и что Богъ не сотворилъ неба и земли, сего видимаго свѣта, и что сіе твореніе не Богомъ сотворено—небо и земля, и свѣтъ и тьма, солнце и луна, и звѣзды, и свѣтъ, и стихія, трава и кринны, и цвѣты, и дровіе листовная, горы и холмы, и море, и озера водная, и блата, и рѣки, и птицы пернатая, и рыбы морскія, и звѣріе, и скоты, и гады, и змїи, и кони, волове, и овца,—просто рещи—всяка тварь; но злословятъ, что якобы сія вся не Богомъ же сотворено, но нѣкою природою самопроизвольно. Что человекъ первый не Богомъ сотворенъ, но произошелъ отъ нѣкоего дикаго звѣря: обезьяна, и что сей видимый міръ, или свѣтъ сотворенъ 11 тысящъ или болѣе 13-ти т. лѣтъ, и всемірнаго потопа не было, и что Господь нашъ І. Х. не сходилъ съ небесъ для спасенія рода человѣческаго..., что І. Х. былъ простъ человекъ и могъ (все) сотворить ученостію и мечтаніемъ, и тѣмъ могъ къ себѣ обратитъ другихъ... *И сія хулы, яке разоратно пишутъ и учатъ, что солнце стоитъ, а земля ходитъ, и громы и молнія бываютъ отъ нѣкоего, по ихъ толкованію, электричества, и что якобы туча съ тучею сходитъ и отъ того бываетъ молнія и громъ.* Еще всѣ учатъ, и беззаконно толкуютъ, что не будетъ воскресеніе мертвыхъ..., но душа по разлученіи отъ тѣла восходитъ въ воздухъ, а тѣло предается гнінію... Еще же блдословятъ, что душа отъ человекъ по смерти... переходитъ во птицы и звѣри, и во псы, и скоты, а послѣди паки къ вновь рождаемому человекъ возвращается... Еще зловѣчатъ, что св. Евангеліе—умышленіе для обузданія человекъ, такоже и вѣра, и установленіе церкви; что нѣсть на земли... мощей, нѣтлѣнно почивающихъ, но вся ложна, и что по смерти святїи не молятся Богу и не ходатайствуютъ о грѣшныхъ и не творятъ святїи по представленіи чудеса...¹⁾

¹⁾ Краткія сообщенія о „Бѣловодской іерархіи“ появлялись въ печати и рѣньше указанныхъ выше, напр., въ Совр. Изв. 1881 г., № 246; въ Правосл. Собесѣд. 1881 г., № 12. стр. 345—346; въ Рук. для сельскихъ пастырей 1864 г., т. III, № 44, ст.: „Мнѣніе бѣловодскихъ раскольниковъ о спасеніи“. Ср. «Расколъ въ Перм. губ.», Вруцевича.

«Увеличенію и разнообразію раскольническихъ толковъ о „сacro-венныхъ» епископахъ «древляго благочестія», по словамъ П. И. Мельникова, не мало помогала и народная фантазія. Пошли по народу толки о невиданныхъ городахъ и монастыряхъ, колокольный звонъ которыхъ будто бы слышенъ въ тихія лѣтнія ночи. Пошли толки о Масвскихъ монастыряхъ (въ Вышневолоцкомъ у., Тверской губерніи), о исвидимомъ градѣ Китежѣ, о старцахъ горъ Архангельскихъ или Кирилловыхъ и Жигулевскихъ (въ Нижегородской, Сибирской и Самарской губ.) и т. п. Ко всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ мѣстамъ народная фантазія, подъ вліяніемъ раскола, приурочивала и приурочиваетъ еще «архіереєвъ древляго благочестія». Такъ, извѣстный старообрядчеству авантюристъ первой половины XIX в., *Константинъ Константиновичъ Ляльчевъ*, побывавшій на своемъ долгомъ вѣку почти во всѣхъ русскихъ европейскихъ и азіатскихъ раскольническихъ общинахъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ, по происхожденію новгородъ-сѣверскій регистровый товарищъ, бывшій студентъ или вольный слушатель Московскаго университета по медицинскому факультету въ концѣ XVIII в., въ началѣ 30-хъ годовъ, уже 70-лѣтнимъ хронимъ старикомъ рассказывалъ въ старообрядческомъ Лаврентьевѣ монастырѣ, Гомельскаго уѣзда, чудныя повѣсти о невидимыхъ градахъ и монастыряхъ, о славномъ озерѣ Свѣтлоярѣ, о Бѣловодѣ или Опоньскомъ царствѣ, куда будто бы самъ ходилъ. Онъ увѣрялъ, что самъ видалъ старообрядческіе монастыри и великія лавры, и не только епископовъ и митрополитовъ, но даже самого патріарха антиохійскаго, цѣло сохранившаго «древлее благочестіе». Былъ я, рассказывалъ онъ, за Египтомъ, живутъ тамъ старообрядцы русскаго языка, въ области, нарицаемой Емаканъ, тамъ у нихъ истинная вѣра сіяетъ какъ солнце: много церквей и монастырей, много св. мощей и чудотворныхъ иконъ. Есть тамъ и епископы истинно-древлей православной вѣры: молятся и благословляютъ въ два перста, аманію сугубятъ и служатъ на 7 пресфорахъ. А то еще

Отч. Зап. 1883 г., №№ 6 и 7. Авторъ, указывая на секту Сухорѣцкой, гов., что она вѣруетъ «въ существованіе церкви въ какой-то Бѣловодіи, до которой еще никто не достигалъ». О стремленіи Сибирскихъ старообрядцевъ въ «Бѣловодію» говорить и г. Благовѣщенскій, авторъ ст. въ «Рус. Курьерѣ» 1881 г., №№ 11 и 15: «Старовѣры въ Сибири».

на Черной горѣ, за Сербской землей, гдѣ подвизался Никонъ Черныя Горы и писалъ Уставъ, извѣстный подъ его именемъ, тамъ есть свой «древляго благочестія» епископъ, онъ и землю править по закону церковному, а не гражданскому. Такимъ образомъ и Черногорскаго владыку Колычевъ сдѣлалъ въ своихъ разсказахъ старообрядцемъ. Разсказывалъ Колычевъ и „*про стрѣльцовъ*“, будто бы ушедшихъ изъ Россіи отъ гоненій за старую вѣру *въ Персію* и тамъ доселѣ будто бы соблюдающихъ ее ни въ чемъ неизмѣнно и имѣющихъ своихъ епископовъ, зависящихъ отъ п. Антіохійскаго ¹⁾).

1) Подробныя свѣдѣнія о Колычевѣ въ Рус. Вѣсти. за 1867 г., февраль ст. П. И. Мельникова: «Ист. очерки поповщ. XIV. Лаврентьевъ монастырь». Стр. 653—662. Курса въ Московскомъ университетѣ Колычевъ не кончилъ, потому что диплома не имѣлъ, но лѣчилъ и даже составлялъ себѣ извѣстность среди старообрядцевъ удачнымъ лѣченіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собиралъ библиотеку и былъ прославленъ въ средѣ раскольниковъ за умнаго и ученаго человѣка. Въ качествѣ Кіевскаго купца, которымъ онъ сдѣлался по обращеніи въ поповціанскій расколъ, онъ сталъ печатать старообрядцамъ книги съ 1805 г. въ м. Яновѣ, Литинскаго у., Подольской губ. Купленная имъ старообрядческая типографія раньше тайно дѣйствовала въ г. Махновѣ, Кіевской губ. Для старообрядцевъ въ Яновѣ печатались: *Страсти Христовы, Житіе Василія новаго, о лжеучителяхъ, Азвы Доровая, поученія І. Златоуста, Псалтирь, Часословъ, Евангеліе, Шестодневъ, Толковныя Евангелія, Канонники, Ефремъ Сиринъ*. Въ выходахъ книгъ обыкновенно выставлялось мѣсто печатанія и первоначальныя буквы имени, отчества и фамиліи Колычева (К. К. К.) и купца Дм. Ѳедорова (Д. Ѳ.), даваго средства на покупку типографіи. Дѣло шло довольно бойко: съ 1805 по 1817 г., за 12 лѣтъ, Колычевымъ переслао въ Москву до 48 т. экземпляровъ разныхъ книгъ. Колычевъ не ограничивался только печатаніемъ книгъ для старообрядцевъ: онъ печаталъ вѣнчики и разрѣшительныя молитвы, какъ старообрядцамъ, такъ и православнымъ священникамъ; печаталъ книги и для католиковъ на польскомъ языкѣ. Всѣ эти книги были издаваемы съ цензурнаго разрѣшенія отъ Виленскаго университета. Въ іюлѣ 1817 г. Яновская типографія была запечатана; тогда онъ переѣхалъ изъ Янова въ селеніе Майданъ Почапя-

Еще до 1830 г., по словамъ Мельникова, ходилъ между старообрядцами слухъ о благочестивомъ Персидскомъ царствѣ. Колычевъ говорилъ

нещій, и здѣсь снова завелъ типографію съ однимъ станкомъ, сгорѣвшую 23 окт. 1821 г. Послѣ того Колычевъ занимался болѣе лѣченіемъ, собираніемъ травъ и приготовленіемъ лѣкарствъ, которыхъ при обыскѣ въ 1822 г. нашлось у него нѣсколько шкафовъ. Не разставался при этомъ и съ полюбившимся ему печатнымъ дѣломъ: въ 1822 г. онъ въ третій разъ завелъ тайную типографію, и въ томъ же году отправилъ въ Москву съ купцомъ Избушкинымъ 1 т. книгъ и 6 т. букварей. Въ 1823 г., согласно съ мнѣніемъ Московскаго архіеп. Филарета и тогдашняго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицина, всѣ типографскія принадлежности и старообрядческія книги, отобранныя у Колычева въ Майданѣ Почапинецкомъ и прежде того въ Яновѣ, были истреблены; арестованныя же бібліотека и медикаменты возвращены. Послѣ того Колычевъ отправился въ Турцію къ Некрасовдамъ, думая тамъ заняться тайнымъ печатаніемъ; но послѣдніе о новопечатанныхъ книгахъ и слышать не хотѣли и грозили нововводителя «намочить», т. е. въ куль да въ воду. Во время турецкой войны 1828 г. онъ вышелъ въ Россію, рассчитывая въ Лаврентьевѣ монастырѣ устроить четвертую тайную типографію; попытка однако не удалась, не смотря на сочувствіе повидимому къ дѣлу настоятеля монастыря и нѣкоторыхъ иноковъ. Тогда Колычевъ снова принялся за лѣченіе, не отказываясь и отъ посильнаго вознагражденія штофами и бутылками. Но тутъ случилась слѣдующая скандальная исторія. Однажды привезли къ сѣдому какъ луяъ врачу двухъ молодыхъ дѣвушекъ; одну 14 л. съ ракомъ на груди, другую 17 л. съ бѣльмомъ на глазу. Обѣ были помѣщены въ кельѣ сѣдаго и хромого врача. Онъ началъ ихъ пользоваться. Черезъ нѣсколько времени родители той и другой жаловались игумену и братіи, что старый врачъ обвѣмъ дѣвушкамъ сдѣлалъ насиліе, и потребовали отъ монастыря значительнаго денежнаго вознагражденія, грозя въ противномъ случаѣ судебнымъ преслѣдованіемъ. Тогдашній игуменъ Михайлъ поспѣшилъ удовлетворить обиженныхъ изъ монастырской казны, по общему приговору соборныхъ старцевъ, а сластолюбиваго стараго врача изгнали изъ монастыря, задержавъ все его имущество для пополненія суммы зашпленной монастыремъ. Колычевъ ушелъ въ Москву, гдѣ онъ жилъ до конца сороковыхъ годовъ, питаясь подаяніемъ, переходя изъ дома въ домъ, и

только про «стрѣльцовъ», будто-бы живущихъ въ Персіи, какой-то досужій языкъ прибавилъ, что тамъ у этихъ «стрѣльцовъ», у сей «благочестивой Христовой рати небрѣмой» пребываютъ не только истинные старой вѣры епископы, бояре и вои, но даже самъ царь древле-благочестивый, прямой потомокъ царя Михаила Феодоровича Романова. Между прочимъ, въ письмѣ, отправленномъ изъ Стародубья на Керженецъ какой-то грѣшной инокиней Е. къ игуменъ Комаровскаго скита Екатеринбургъ, писанномъ въ іюнь 1830 г., читаемъ слѣд.: «Еще же повѣдаю вамъ, матушка, какъ Христосъ хранитъ непорочну невѣсту свою, св. церковь, по неложному своему обѣщанію, что пребудетъ съ нами на землѣ до скончанія вѣка. Истинные свидѣтели отъ нашихъ христіанъ подѣ клятвою увѣряютъ, что въ Персидской землѣ много обрѣтается нашихъ древле-благочестивыхъ христіанъ, бѣжавшихъ изъ Россіи отъ огненнаго гоненія Никона патріарха. Идѣ же св. мученикъ Іяковъ за Христа пострадавый (зри о семъ въ Прологъ подѣ 27 ноября), тамъ нынѣ благочестіе сіяетъ, яко свѣтило. Не точію священнаго чина иноковъ исполнена страна та, но и епископы древле-благочестивые въ ней есть, имѣютъ даже царя своего, благовѣрнаго и христіолюбиваго. Егда Никонъ патріархъ возвѣя на церковь всемрачную бурю и ересей море великое и пространное на Россійское царство испусти, царь же Алексій Михайловичъ и весь синклитъ

умеръ 90 л. отъ роду, совершенно почти выживъ изъ ума. Подробности о старообрядческихъ типографіяхъ см. въ приложеніи къ ст. Мельникова: «Лаврентьевъ монастырь». Тамъ напечатана имъ «Записка о старообрядскихъ типографіяхъ въ Клинцахъ, Махновкѣ, Яновѣ и Майданѣ Починивецкомъ» (стр. 673 — 698). О Клиновскихъ типографіяхъ см. въ «Опис. старой Малорос.» А. М. Лазаревскаго, стр. 463—465. О Клиниц. типографіи см. также дѣло Черниг. гражд. и уголов. Палаты въ М. А. М. Ю. за 1799 г., на 41 л. О «невидимомъ градѣ Китежѣ» и оз. Свѣтлоярѣ (Макар. у., Нижегород. губ.) см. ст. К. А. Гацискаго: «У невидимаго града Китежа» (посвящ. автору «*Français et Russes*» Альфреду Рамбо) въ Др. и Нов. Росс. 1877 г., № 11, стр. 267—278. Тамъ же рассказано и содержаніе «Китежскаго лѣтописца», письменно увѣковѣчившаго легенду о «невидимомъ градѣ Китежѣ» на Свѣтлоярѣ и обращающагося за Волгой во множествѣ списковъ. Мельниковъ: Ист. оч. поповщ., стр. 46—47.

и вся вои во слѣдъ онаго отца ересемъ пошли, тогда убо старѣйшій царевичъ, царя Алексія Михайловича сынокъ, не восхотѣлъ отступити отъ истинно древней православной вѣры и крѣпко утвердися въ староцерковномъ благочестіи. И воздвиже на него царь гнѣвъ свой и томленъ бысть царевичъ во единой отъ царскихъ палатъ, яко въ темницѣ, обаче ни поколебати, ни ослабити его, ни къ своимъ водемъ преклонити не возмогша. И бѣжа тотъ старѣйшій царевичъ, съ благочестивыми стрѣльцами и съ казаками, за море, въ Персидскія страны и пріять бысть персидскимъ царемъ набожно (?), испроси у него земли ради населенія съ тѣми стрѣльцами и казаками. И устроилъ тамо благовѣрное царство и *пріятъ отъ антиохійскаго патріарха, благочестива сурца, митрополита и епископовъ, священній же и иноческій чинъ*, и доживе до старости, устроая царство, честиѣ животъ свой сконча, на царство же Персидское благослови сына своего старѣйшаго. И до днѣ нашихъ царскій благочестивый корень тамо не изсяче. Аще и не пространно царство, обаче по Спасову словеси: „не бойся малое стадо“, благочестіемъ сіяюще, яко до Никона патріарха вся Россія сіяла, то малое царство пребываетъ десницею Господнею прикровенно. И выходу оттуда благочестивымъ христіанамъ въ наши мѣста нѣтъ, приходящихъ же туда нашихъ христіанъ съ великою радостію пріемлютъ. Тако сіяетъ сокровенная Божія церковь, чистая и непорочная невѣста Христова, и такое Божіимъ милосердіемъ соблюдается царство то благочестивое по писанію, яко имать быти церковь до скончанія вѣка и врата адовы не одолѣютъ ю. Истинно извѣщаю вамъ, матушка, пречестная инокиня Екатерина, что нѣкіе отъ нашихъ христіанъ ходили въ Ерѳалимъ поклонитися живоносному гробу Господню и св. мѣстамъ спасительныхъ страстей Христовыхъ и доходили до того мѣста, и въ томъ безъ сумнѣнія подъ клятвою утверждаютъ». Такимъ образомъ память о самозванцѣ царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ, бывшемъ у Стеньки Разина, ходившемъ и въ Персію, воскресла въ средѣ старообрядцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIX в. Любопытно, что изданная въ 1831 г., во время распространенія толковѣ о мнимомъ персидскомъ царѣ изъ дома Романовыхъ, книжка Берха „Царствованіе царя Алексѣя Михайловича“, въ которой едва-ли не въ первые въ русской печати говорилось о самозванцахъ-царевичахъ Алексѣѣ и Симеонѣ Алексѣевичахъ (I 261 и 279), разошлась въ значительномъ

количество экземпляров среди старообрядцевъ. Въ любомъ скитѣ или монастырѣ старообрядческомъ можно было найти эту книгу, какъ и у многихъ частныхъ лицъ изъ старообрядцевъ. До 30-хъ годовъ прошлаго вѣка раскольники не толковали о персидскомъ царствѣ, на сколько извѣстно (стр. 660—662).

Съ 1833 г. между старообрядцами распространялись такъ назыв. *Иерусалимскія письма*, приводимыя П. Н. Мельниковымъ цѣликомъ въ указанной выше статьѣ о Лаврентьевѣ монастырѣ (стр. 668—672). Въ одномъ изъ нихъ говорится, что «древнее благочестіе и св. неспорочная вѣра Христова неблаженно соблюдается на о. Кипрѣ, идже православный благочестивый архіепископъ, со епископы и со всѣмъ освященнымъ и мнишескимъ чиномъ непреткновенно вѣру соблюли и преданія, святыми отцы заповѣданія, крѣпко хранятъ. И тотъ Кипрскій архіепископъ ни подѣ цареградскимъ, ни подѣ ерусалимскимъ и ни подѣ которымъ патриархомъ не состоитъ; отъ того отъ самаго и сохранилъ вѣру и праведное житіе, не преткнувся ни на какую ересь или новшества. Будучи въ томъ дѣлѣ самовидцами увѣрены, на Фоминой недѣлѣ пошли мы во градъ Юпцію, чая отплыть въ Кипръ. Но сѣдши въ корабль греческій... Греки обманомъ привезли насъ во ину страну, въ великій градъ Александрію, во Египетскую страну. Въ Александріи не обрѣтохомъ благочестія, ниже въ Каирѣ. И увидѣхомъ во ономъ градѣ, что въ землѣ Фивандской, глаголемой Емакань, благочестивая Христова вѣра, отъ самихъ апостолѣхъ насажденная и напоенная, сохраняется. По великой рѣцѣ Нилу, обширностію и широтою яко наша Волга, плыли мы много дней... до мѣста Емакань. Тамо люди благочестивы: молятся въ два перста и благословляютъ якоже и Христось, аллилуію сугубить, а третіе: Слава тебѣ Боже возглашаютъ; крестятъ въ три погруженія..., а не поизвательню. Монастырь, въ немъ же насъ, странныхъ, христіолюбцы, спаси ихъ Богъ, милосердно упокоили, и одежду намъ дали и всѣмъ довольны на обратный путь отпустили, стоятъ при древахъ и источникахъ и вельми красуются, будетъ съ нами *Криволучный* (на Иргизѣ). Братіи триста человекъ, а по пустынямъ и въ колибахъ подвижащихся таковое же, сказываютъ, число. Игумень зѣло старъ и сѣдинами благоукрашенъ, милостивъ и держитъ братію строго, въ послушаніи. По истинѣ, въ томъ монастырѣ живутъ земные ангелы, небесные же человѣцы. И священнаго чина у

нихъ довольно—іереевъ и діаконовъ. И сказывали намъ иноки того монастыря, что въ ихъ Емаканской землѣ три благочестивые епископа и полное освященіе. И пребыхомъ въ томъ монастырѣ три недѣли, увѣдихомъ и увѣрихомся яко церковь Божія не изсяче, аще и великими бурями ересей и новшества повсюду побораема, по веложному обѣтованію Христа Спаса, яко церковь святая пребудеть до скончанія вѣка и врата адова не одолѣють ю». Въ другомъ Іерусалимскомъ письмѣ, составленномъ какииъ-то Молдавскимъ старообрядцемъ, Матвѣемъ Сидоровымъ, находятя собственно три сказанія о мнимыхъ старообрядческихъ епископахъ. Въ первомъ сказаніи рѣчь идетъ о старообрядцахъ, жившихъ на Вагдаты рѣкѣ, въ области, именуемой *Емаканъ*, въ пяти стахъ верстахъ отъ Египта, въ числѣ 5 т. человекъ, имѣвшихъ трехъ епископовъ и «поповъ изобильно», и что тѣ старообрядцы-христіане говорили Сидорову: «Когда у васъ налѣжитъ душевный гладъ и ежели царь вашъ позволитъ, то мы вамъ отправимъ епископа и священниковъ къ душевной пользѣ. А у насъ христіанская вѣра и св. соборная апостольская церковь яко солнце сіяютъ... Еще свидѣтельствуемъ вамъ, что есть христіане между землею Турскою и Персидскою при р. Курѣ, именуемые «стрѣльцы». Во второмъ сказаніи рѣчь идетъ о христіанахъ, жившихъ въ Сербской землѣ и «зовомыхъ *Филиппы* (вѣроятно Филиппы, Пилиппы, какъ звали и зовутъ старообрядцевъ въ юго-западной Россіи, въ австрійскихъ, турецкихъ и румынскихъ владѣніяхъ), «и ихъ два села большія, яко великіе грады: въ тѣхъ двухъ селахъ два епископа православныхъ и древнихъ». Въ третьемъ сказаніи рѣчь идетъ опять о стрѣльцахъ, жившихъ на Вѣломъ морѣ (архипелагѣ) на о. Карабузовѣ двумя селами и имѣвшихъ двѣ церкви и поповъ. А поповъ они брали изъ другого острова, отъ монастыря Семяскаго, „и той монастырь близъ Окіана“. Распространеніе этихъ писемъ важно въ томъ отношеніи, по словамъ П. И. Мельникова, что старообрядцы по всемъ захолустьямъ узнали изъ нихъ, что за границей есть христіане „древляго благочестія“. До того многіе изъ нихъ не знали о существованіи заграничныхъ единовѣрцевъ или ибли о нихъ самое смутное понятіе... Еслибы Іерусалимскія письма не были благовременно распространены, еслибы посредствомъ ихъ старообрядцы не узнали, что и внѣ Россіи можетъ существовать и существуетъ ихъ «древнее благочестіе», по всей вѣроятности, появленіе въ австрійскихъ

предѣлахъ бѣлокриницкой іерархіи было бы встрѣчено ими съ крайнимъ недоумѣніемъ. Они бы единогласно возопили тогда, что это новшество, ничто иное, какъ ловушка въ Латинскую ересь, какъ и говорили нѣкоторые, не смотря на торжественное на всю Россію возвышеніе властей бѣлокриницкихъ: «да не смущается сердце ваше, вѣруйте, яко можетъ Богъ и изъ каменїа чада Авраамовы воздвигнути, можетъ и въ чуждѣй благочестїа странѣ свѣтильникъ свой поставити» (Ibidem.).

Болѣе положительнымъ и практичнымъ путемъ въ вопросѣ о «прорисскѣ» старообрядческаго архіерейства пошли представители Вѣтковской поповщины въ первой и второй половинѣ XVIII в. Пользовавшіеся сравнительно съ прочими русскими раскольниками большою свободой и безопасностью, а потому имѣвшіе и больше возможности и удобства обсудить свое положеніе, они также пришли къ мысли о необходимости имѣть своего самостоятельнаго старообрядческаго епископа, чтобы сохранить „древнїя рукоположенныхъ обычаи“ и установить подобающій церковный порядокъ. Весьма естественно, что къ этимъ соображенїямъ у Вѣтковскихъ поповцевъ примѣшивалось и другое соображеніе: они хотѣли прочно обставить и утвердить силу и вліяніе своей Вѣтки среди русскаго старообрядства, справедливо полагая, что если въ ней поселится старообрядческій епископъ, то она будетъ вліятельна и богата.

По свидѣтельству историка стародубскаго поповщинскаго раскола Ивана Алексѣева, первая попытка Вѣтковцевъ приобрести себѣ епископа относится къ 1730—1731 г., когда они порѣшили отыскать себѣ архіерея не въ предѣлахъ православной Россіи и не у Грековъ, а въ Яссахъ, у Молдавіи ского митрополита. Есть однако нѣкоторое основаніе относить первую попытку Вѣтковцевъ къ отысканію себѣ епископа въ Яссахъ къ болѣе раннему времени, чѣмъ къ 1730—1731 г., указываемому Иваномъ Алексѣевымъ. Именно есть извѣстіе, что въ 1722—1723 гг. «по совѣту всѣхъ раскольниковъ, которые обрѣтаются за границею, ѣздили въ Турецкую земаю, а имянно: изъ слободы Вылева, которая при самой границѣ, раскольническіе учителя, четыре человека: Яковъ Григорьевъ, Тимошей Ананасьевъ, Дмитрій Тимошеевъ, Степанъ Ефремовъ, а иные съ Вѣтки и изъ монастыря, по совѣту всѣхъ же тамошнихъ жителей. А за какимъ оныѣ дѣломъ ѣздили, того невѣдомо». Такое извѣстіе привезъ стародубскому миссіонеру, іеромонаху Юсифу Рѣшлову, обратившійся изъ раскола Иванъ

Въльевъ, котораго Рѣшиловъ посылалъ въ 1724 г. «за границу, въ Польшу, на Вѣтку, ради свѣдѣнствъ раскольниковъ¹⁾. Такимъ образомъ, въ этомъ извѣстїи нѣтъ прямого указанія, за чѣмъ эти раскольническіе учителя изъ Вылевои слободы и съ Вѣтки ѣздили въ Турецкую землю. Но, принимая въ соображеніе, что Вылева слобода въ то время была центромъ Діаконовщины, а Вѣтка съ своимъ монастыремъ—центромъ собственно Вѣтковскаго поповщинскаго толка, и что Діаконовцы и Вѣтковцы въ то время только въ вопросѣ о «проискѣ» архіерейства и были солидарны между собою, во всемъ же остальномъ смотрѣли другъ на друга какъ на еретиковъ, или, по выраженію современника, «междоусобныя брани воздвизаше, въ Еллина другъ друга вмѣняше», какъ мы подробно говоримъ о томъ въ VI главѣ нашего изслѣдованія, можно не безъ основанія съ этимъ совмѣстнымъ участіемъ Вѣтковцевъ и Діаконовцевъ связывать намѣченную нами цѣль. Косвенное подтвержденіе той же цѣли даетъ и *«Указаніе о стиропрцахъ, живущихъ въ землѣ Молдавской, како призваны были со всей Молдавы въ Яссы предъ господаря, и како вопрошены были о вѣрѣ и како отвѣщали ему, и въ какъ мѣста приидоша жити на Волощину, при господарѣ Михайлѣ, а при митрополитѣ Георгіи ея Молдавы. А осаживалъ Тимошей Алексѣевичъ, по реклу Соболевъ, а въ постриженіи нареченъ Тихонъ, въ мѣсто 7232»*. Такимъ образомъ и здѣсь нѣтъ прямого указанія, по какому поводу въ это время раскольники были вопрошены о вѣрѣ; но едва ли только по поводу ихъ поселенія, такъ какъ послѣднее относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1722—1723 г., какъ мы видѣли въ IV главѣ нашего изслѣдованія, говоря о начавшихся сношеніяхъ Вѣтки съ Волоскыми и задунайскими раскольниками (стр. 259—264). Упоминаемый въ «Сказаніи» господарь Михайлъ—это известный Михайлъ Раковица, властвовавшій попеременно въ Молдавіи и Валахіи, начиная съ 1704 по 1726 г. включительно, а митрополитъ Георгій—тотъ самый, который 22 іюля 1724 г. хиротонисалъ извѣстнаго іеромонаха *Епифанія Ревуцкаго*, въ санъ епископа Чигиринскаго и Украинскаго, по подложной грамотѣ Кіевскаго архіепископа Варлаама Вонато-

¹⁾ Доношеніе І. Рѣшилова св. Сын. о томъ, отъ 3 ноября 1724 г. Полн. собр. пост. и расп. по вѣдом. прав. испов. Росс. имп. т. IV, № 1376, 239.

вича (Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. IV, 481—483). Кроме того, въ известномъ раскольническомъ сочиненіи объ учрежденіи Блочнокрипичной іерархіи, написанномъ въ 1861 г. и весьма распространенномъ между поповщинскими старообрядцами, прямо и рѣшительно утверждается, что первыя попытки отыскать себѣ епископа были у старообрядцевъ въ царствованіе Петра I, и что для того они обращались въ Молдавію и Грецію. Сочиненіе это озаглавляется такъ: «Сказаніе вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древне-православной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающихся»¹⁾.

О попыткѣ 1730 - 1731 г. довольно подробно и обстоятельно рассказываетъ Иванъ Алексѣевъ. По его свидѣтельству, въ то время въ Молдавіи находилось уже не малое количество поселившихся тамъ старообрядцевъ. Черезъ своихъ Молдавскихъ единовѣрцевъ представители Вѣтковской поповщины и вошли въ сношеніе со «всея Молдавіи преосвящен-

¹⁾ О времени поселенія рус. старообрядцевъ въ нынѣшней Румыніи и Турціи см. изслѣдованіе Романскаго преосвящ. *Мелхиседека*, хорошо знакомаго съ языкомъ и рус. литературою: *Lipovenismul și schismaticii sau răscolnici... ereticii rușesci. Bucuresci.* 1871. Стр. 31, 99. *О сказаніи о старообрядцахъ въ земли Молдав.*—наше опис. рип. Черн. сем. библ., стр. 166—167. О господарѣ Михайлѣ Раковичѣ см. у Палаузова, С. Н. Румын. госп. Валахія и Молд. въ историко-политич. отнош. Спб. 1859 г., стр. 122, 136. О м. Георгіи ср. указаніе, сдѣлан. проф. Е. Е. Голубинскимъ въ «Крат. оч. ист. прав. церкв. Болг., Серб. и Рум.» М. 1871, стр. 361. Ср. также: Goelert, I. Die Lipowaner der Bukowina въ «Sitzungsberichten der phil.—hist. Classe» Вѣнской Акад. Наукъ 1863 г., Т. 41, р. 479. «Статистич. свѣдѣнія о раскольникахъ (Липованахъ) въ Молдо-Валахія (Румыніи)» изъ книги—«Рус. раскольники» Мелхиседека, «епископа нижняго Дуная». Кншенев. спарх. Вѣдом. 1873., 66.—«Наши раскольники въ Румыніи и отнош. къ нимъ Румынскаго правит.» П. Сырку Христ. Чт. 1878 г., № 5—6. Ст. составлена по изслѣдов. преосвящ. Мелхиседека: «Липованство, т. е. русскіе схизматы или раскольники и еретики». Букарештъ. 1871 г. (на румын. языкѣ). Егоже: «Наши раск. въ Румыніи и взглядъ на нихъ Румын. общ.» Христ. Чт. 1880 г., № 6.

ными митрополитомъ и епархомъ Сочавскимъ и всего Поморія архіереемъ Антоіемъ», обѣщавъ ему за поставленіе старообрядческаго епископа построить для него въ Яссахъ каменную церковь. По свидѣтельству того же источника, Ясскій митрополитъ Антоій былъ «удобо приступенъ» къ мѣстнымъ раскольникамъ и даже входилъ съ ними въ разглагольствія о вѣрѣ, благодаря чему Молдавскіе старообрядцы, по совѣту и наставленію Вѣтковскихъ учителей, и обратились къ нему съ дерзновенной просьбой о томъ, «да посвятитъ имъ отъ нихъ челоуѣка во епископа». И «митрополитъ на се соизволи и повелѣлъ подати допощеніе, кое поданное явѣ сотворено бысть Господарю и совѣтникомъ его. И вси радостно соизволиху на то». Это происходило въ 1730 г. Въ концѣ того же года или самомъ началѣ слѣдующаго 1731 г., послѣ того, какъ Молдавскіе раскольники сообщили Вѣтковскимъ объ успѣхѣ начатаго дѣла, на Вѣткѣ былъ созванъ по этому поводу соборъ изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ; на этомъ соборѣ были и выборные представители отъ діаконовскаго толка, въ то время значительно усилившагося на Вѣткѣ и въ Стародубѣ. Предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ Вѣтковскій игуменъ *Власій Гривинъ*, по имѣвшій священнаго сана. Общимъ соборнымъ совѣтомъ рѣшено было избрать кандидата во епископы и послать его для посвященія въ епископскій санъ въ Яссы. Кандидатомъ былъ избранъ Вѣтковскій инокъ *Павелъ*, экономъ Покровскаго монастыря, иночествовавшій уже около 30 лѣтъ, и немедленно былъ отправленъ въ Яссы вмѣстѣ съ выборными представителями отъ вѣтковского и діаконовскаго согласія. По прибытіи въ Яссы уполномоченные подали «отъ всего собора» грамоту Молдавскому господарю, «да повелитъ митрополиту отъ Вѣтки посланнаго челоуѣка посвятити во епископа». Но случилось такъ, что въ это время какъ разъ прибылъ въ Молдавію Константинопольскій патріархъ *Паисій II*, въ духовную юрисдикцію котораго входила Молдавія, и Молдавскій митрополитъ дѣло о старообрядческомъ епископствѣ, какъ не бывало до— толѣ, представилъ на судъ вселенскаго патріарха. Въ свою очередь и Вѣтковскіе уполномоченные обратились къ тому же патріарху за разрѣшеніемъ вопроса о старообрядческомъ епископствѣ, хорошо понимая всю выгоду такого шага, въ случаѣ благоприятнаго отношенія патріарха къ ихъ дѣлу о поставленіи для нихъ епископа. Патріархъ Паисій II не нашелъ возможнымъ единолично разрѣшить предложенный ему вопросъ,

хотя въ принципѣ и одобрялъ желаніе Вѣтковскихъ раскольниковъ имѣть своего законнаго архіерея, обѣщавъ черезъ переводчика, по возвращеніи въ Константинополь, посоветоваться о ихъ дѣлѣ съ другими патріархами и прислать отвѣтъ въ Яссы. Черезъ нѣкоторое время обѣщанный отвѣтъ былъ дѣйствительно присланъ на имя Молдавскаго митрополита Антонія. Это были, по словамъ Ивана Алексѣева, двѣнадцать пунктовъ или статей, принятіе которыхъ старообрядческимъ кандидатамъ во епископа вселенскіе патріархи поставляли непремѣннымъ условіемъ, и составлены эти статьи или пункты были «въ такомъ разумѣ, да хотяи ставитися исповѣданіе дастъ новотворные догматы хранить и въ ихъ спасеніе вѣровати и прочіяхъ сему научити». Неизвѣстно съ точностію, какіе эти были «новотворные догматы»; но, по всей вѣроятности, это были—трехперстное крестное знаменіе и пятипрофоріе, а главное—соблюденіе общенія съ церковію православною... Такимъ образомъ, очевидно, патріархъ Паисій соглашался исполнить просьбу Вѣтковскихъ раскольниковъ, если только поставленный для нихъ епископъ дастъ клятвенное обѣщаніе во всемъ послѣдовать ученію православной церкви, т. е. подъ условіемъ отреченія отъ раскола. На этомъ собственно на этотъ разъ и остановилось дѣло о поставленіи старообрядческаго епископа; раскольники не могли принять епископа на предложенныхъ имъ условіяхъ, такъ какъ принятіе послѣднихъ было бы равносильно полному соединенію ихъ съ православною церковію, что очевидно во все не соответствовало намѣреніямъ Вѣтковскихъ инициаторовъ этого дѣла. При такихъ обстоятельствахъ и Молдавскій митрополитъ, прежде такъ расположенный къ старообрядцамъ, совершенно измѣнилъ свое къ нимъ отношеніе. Когда Діаконовцы послѣ Вѣтковцевъ стали просить митрополита о переводѣ съ греческаго языка присланныхъ изъ Константинополя 12 пунктовъ, онъ «возмѣнши шпирство нѣкое отъ нихъ быти, яростно ихъ отсла отъ себе. Они же познавшѣ лукавый Вѣтковскихъ подлогъ, скрышася отъ лица митрополита, да не бѣдише ихъ животь погибнетъ. И на томъ преста высканіе то»¹⁾.

¹⁾ *Ив. Алексѣевъ*. Лѣт. рус. лѣт. т. IV, стр. 64. Иеромонахъ *Виталий* въ своемъ сочиненіи «О церкви и о старообрядцахъ» (рпк. Кіев. дух. Ак. Аа., 128, л. 75, Мазарьевская) рассказываетъ объ этой попыткѣ такъ: «Живущіе за границею Вѣтковскаго и Діаконовскаго согласія

Единственнымъ документальнымъ источникомъ о сношеніяхъ Вѣтковскихъ раскольниковъ съ Молдавскимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патріархомъ по дѣлу о поставленіи для нихъ епископа въ 1730—1731 г.,—источникомъ, подтверждающимъ и дополняющимъ рассказъ Ивана Агѣйсѣева,—является прошеніе, поданное Вѣтковскими уполномоченными патріарху Памсію II. Оно было найдено въ 1866 г. нѣкоторыми изъ старообрядческихъ епископовъ у Ясскихъ раскольниковъ, а потомъ было напечатано въ 1870 г. съ руководящими замѣчаніями съ современнаго его написанію списка извѣстнымъ знатокомъ раскола Н. И. Субботинимъ въ Душеполезномъ Читаніи (№ 1, стр. 26—44). Въ этомъ прошеніи «великороссійскаго царства, православія греческаго, восточныя церкви сынове, обитающіи въ Польскомъ королевствѣ, Покровскаго монастыря... смиренный игуменъ Власій и прочіи свещеннопочествующіи и иночествующіи, и народи православніи многія тысячи» прежде всего оправдывали себя предъ вселенскимъ патріархомъ «отъ великороссійскихъ новосѣдѣльныхъ синодовъ дожно наносимыхъ оглашеній» и клеветъ на нихъ. Далѣе въ прошеніи утверждалось, что только они, «кромя всякаго прилога луковаго», имѣютъ «вѣру греческую, отъ престола Константинопольскаго великимъ княземъ Владиміромъ Кіевскимъ пріятую»; что только они «чины и уставы церковныя неотмѣнно содержатъ, якоже древле въ книгахъ греческихъ пріяхомъ»; что только они «главные артикулы каѳолическія церкви, сице и прочіе церковныя догматы соблюдаютъ и Богословію вселенскихъ патріарховъ безъ премѣненія содержатъ». Представляя далѣе исповѣданіе своей вѣры, представители Вѣтковской поповщины стараются какъ можно ярче поставить на видъ, что они отвергаютъ ученіе всѣхъ еретиковъ, осужденныхъ вселенскими соборами, которыхъ и перечисляютъ поименно, съ показаніемъ лжеученія каждаго изъ нихъ, и что наоборотъ «древнія преданія св. апостоль и св. отецъ усердно

имѣли соглашеніе о поставленіи епископа въ Яссахъ. Но при семъ каждая сторона желала, чтобъ изъ своей собратіи выбрать человека къ такому поставленію, въ чемъ завели между собою споръ. Затѣмъ прервали таковое соглашеніе, обвиняя Діаконовскіе въ неустойкѣ Вѣтковскихъ, каковое происхожденіе видно изъ письма, писаннаго отъ діаконовскаго монаха Марки къ Вѣтковскому иконописцу Федору Козмиану, именуемому философу».

соблюдаютъ», какъ научились отъ древнихъ православныхъ учителей восточной св. церкви. Относительно «новозмышленныхъ преданій», несогласныхъ съ восточною церковію, а именно прежде всего «латинскихъ и всего запада, кальвинскихъ и лютеранскихъ, иже Богословію древнюю премѣнили, о исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына приложили, и прочее преданіе святыхъ премѣнили,—о постахъ и объ оупрѣсничномъ служеніи и о постриженіи брады и прочее ихъ новозмысленіи»,—они ограничиваются только замѣчаніемъ, что весьма того премѣненія не приемлютъ, которое противуствуетъ древнему греческому преданію». О «новозмысленіяхъ» собственно Великороссійской церкви Вѣтковцы писали, что послѣдняя приняла якобы «латынскіе и лютеранскіе обычаи, а отъ святой восточной церкви, окурляемой вселенскими патріархами, въ ученіи и преданіихъ» уклонилась, тогда какъ они, глаголемые старообрядцы, истинные послѣдователи освященныхъ древностію преданій и порядковъ церковнаго управленія. Въ такихъ виѣшнихъ новоперемѣнахъ петровскаго времени, какъ ношеніе нѣмецкаго платья, бритье бородъ, въ особенности же учрежденіе св. Синода вмѣсто патріаршества, они видѣли несомнѣнные признаки еретичества, отступленія отъ древнеправославной церкви и даже признаки временъ антихриста. Въ особенности представители Вѣтковской поповщины обращали вниманіе патріарха на то, что «въ великой Россіи патріаршескій престолъ имѣти не восхотѣша», но «бискупскій синодъ въ молебныхъ диптахъ вписаша», и что *имѣютъ великороссійстѣи мнози Господа и купечестѣи люди въ кальвинскіе обычаи синоподша, въ посты солтые... не брегуть, среды и пятки не хранятъ, мяса ядятъ*, и о сей слабости синодальные не возбраняютъ, но паче и спозволяютъ, и снятъ небрежвіемъ народомъ великороссійскимъ въ нѣмецкую слабость врата отвориша, яко не тоцію народъ простолюдиновъ, но и церковныхъ причетниковъ въ одѣяніе кальвинское облекоша и брады имъ по нѣмцемъ обриша. А иже кто ихъ повелѣнію (синодальныхъ) противенъ и образъ христіанскій на себѣ нерушимъ носить,--и тѣхъ при церквахъ не погрѣбають, но на кладбище бусурманское относятъ, и въ гноиныхъ уѣстахъ, аки скотовъ, со многими руганіемъ пометають: таковое поруганіе вашему (патріаршему) благочестію сотворяють»¹). Виѣстѣ съ тѣмъ Вѣтковцы указыва-

¹) Въ царствованіе Петра II раскольники про св. синодъ и его распоряженія въ своихъ пророчествахъ говорили слѣд.: «Антихристовы

ли, что учрежденіе синода собственно есть дѣло оскорбительное и преступное въ отношеніи къ церкви греческой, что церковь великороссійская тѣмъ будто

страсти—ясловѣдныя всенародныя тричастныя кнѣги умереннымъ, ново-рожденнымъ (метрическія кнѣги), и нашимъ руссійскимъ государствомъ овладѣють еретики, и что мышь синода, то антихристовъ престолъ, и будетъ князь великій императоромъ вторымъ, и при немъ смѣтается истинная вѣра предъ Богомъ и будетъ людямъ жить добро, но не долго. Вып. изъ тайныхъ дѣлъ въ Государств. Архивѣ. Соловьевъ, Ист. Росс. XIX, стр. 194. Были недовольные синодомъ и среди православныхъ. Въ Стародубѣ поручикъ Игнатій Архипевъ, состоявшій въ подчиненіи у коменданта Пашкова, въ разговорахъ съ стародубскимъ войтомъ Яковомъ Андреевымъ про Рѣшилова «говорилъ злую рѣчь непотребными словами на все освященное собраніе св. Синода... и тѣмъ прикончалъ, что—де я единой персонѣ съ духовности, но и черному псу не иму вѣры... П. соб. пост. и р. по вѣд. прав. испов. IV, стр. 169, ст. 1. Были недовольны учрежденіемъ св. Синода и нѣкоторые изъ правосл. архіереевъ, напр. Амвросій Юшкевичъ; см. его предположеніе о высшемъ церковномъ управленіи, составленное имъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ Мацѣвичемъ и представленное Государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. Въ докладѣ его о мѣрахъ ослабленія раскола 1744 г. сказано (Демидова М. № 659, 660), что раскольники всего болѣе защищаются тѣмъ въ своемъ упорствѣ, что синодальное управленіе «отъ единого образца протестантскаго взято». Обз. рус. дух. лит. Изд. III, кн. II, стр. 314.—Извѣстно, что петровскія нововведенія, имѣвшія своею цѣлью ввести русскаго человѣка въ формы европейскаго общежитія, на столько скоро приваились, что уже въ первой половинѣ XVIII в. отразились даже во внѣшнихъ формахъ жизни московскаго духовенства. Къ 29-му сентября 1729 г. относится слѣд. любопытное распоряженіе: «По его И. В. указу и по приказанію св. правит. синода духовной дикастеріи членъ Серапіонъ, архим. Знаменскій, приказалъ московскимъ протопопамъ и сороковымъ старостамъ поповскимъ сказать указъ съ подпискою, чтобы всѣхъ церквей священники и діаконъ ходили и въ бѣсѣдахъ сидѣли въ скуфьяхъ и гуменцы были всегда у нихъ вычищены, понеже скуфія и гуменца знакъ священства, и носили бѣ шапки образцовыя, а въ шляпахъ, такожъ и въ нѣмецкихъ камзолахъ и въ прочихъ еспрядичному священно му чину одеждахъ отнюдь бы не ходили». Ко-

бы преврѣла вселенскихъ патріарховъ „и въ вѣчномъ ихъ послушаніи быти не захотѣла“. О прежнихъ доказательствахъ мнимаго отступленія великороссійской церкви отъ древняго православія и благочестія—двуперстїи,

пія этого указа, по свид. С. М. Соловьева, внесена въ журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта. Такъ какъ повтореніе указа послѣ не встрѣчается, то можно думать, что имъ прекращена была попытка нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ приравняться въ одеждѣ къ мірскимъ людямъ. Ист. Рос. XX, стр. 459, примѣч. 239. Недаромъ Вѣтковцы въ вышеуказанномъ прошеніи Константинопольскому патріарху Паисію II въ 1731 г. писали, что синодальные члены небреженіемъ о церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ «въ нѣмецкую слабость врата отворяша, яко не тоію народъ простолюдиновъ, но и церковныхъ причетниковъ въ одѣяніе калвинское облекаша и брады имъ понѣмецки обрїша». Въ Стародубѣ распространялись въ ближайшее послѣ-петровское время возвращенія и прямо антицерковныя. Такъ, синодальный подканцеляристъ Петръ Дан. Буйнаковъ доносилъ св. Синоду, что 3-го декабря 1725 г., въ квартирѣ Почепскаго управителя Андрея Гудовича, Почепскій обыватель Андрей Бороновскій говорилъ ему, Буйнакову, что онъ, Бороновскій, съ поманутымъ Гудовичемъ слышали отъ «служителя дому его высококняжеской свѣтлости (кн. Меншикова) Евстїея Иаволова объ изглашеніи секретаремъ Ѳеодоромъ Зеленымъ слѣд. богомерзкихъ и хулительныхъ, касающихся еретичества словъ: а) отъ образа де Богородична, назыв. Тихвинскія, чудеса всѣ, что ни есть преданныя св. церкви къ почтенію, онъ не имѣеть, и гдѣ-де чудеса всѣ, что изображено, почитаютъ де напрасно; б) праотца Адама называлъ мужикомъ простымъ; в) святителя и чудотворца, великаго угодника Божія Николая—простымъ же мужикомъ, и г) про св. Георгія говорилъ: онъ де былъ пономарь Егорка, а мужики де его стали звать св. Георгій, да Георгій, и отъ того времени его, Егорку, почли всѣ во святые и нынѣ почитаютъ. Такъ же и другія многія хулительныя слова онъ, Зеленый, говорилъ». Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ архіеп. Нижегородскій и Алаторскій Пятиримъ. 8 апрѣля 1728 г. Ѳеодоръ Зеленый на допросѣ сказалъ, что «никакихъ хулительныхъ о св. угодникахъ Божіихъ словъ никогда никому не говаривалъ, и св. образа ихъ почиталъ». О дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія по этому дѣлу свидѣній у насъ не имѣется. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода. Т. V (1725 г.). Спб. 1897 г., стр. 616—617.

сугубой алалиуи и имени Ісусъ—говорится здѣсь только между прочимъ, именно по поводу „клеветной книги *Працицы* новоизданной о ложномъ Мартиновомъ *соборѣ*“, *объявленномъ* „новоумышленнымъ россійскимъ синодомъ“. Раскольники не хотѣли быть учениками „незнаемаго“ исторіей и древними книгами еретика Мартина. Обращаясь въ заключеніе къ изложенію причинъ, побуждавшихъ ихъ искать епископа, Вѣтковскіе представители поповщины объясняли свою просьбу о епископѣ не желаніемъ организовать свою церковь сообразно каноническимъ правиламъ, не желаніемъ избавиться отъ внутреннихъ церковныхъ затрудненій учреденіемъ самостоятельной іерархіи, такъ какъ не было въ ихъ церкви „единачнаго вышняго члена, рекше епископа“, а совершенно вышними условіями, именно: укоризнами и поношеніями за неимѣніе епископства, претерпѣваемыми „отъ езуитовъ и прочихъ иновѣрныхъ“, а равно и желаніемъ какъ можно удобнѣе защититься отъ латинской уніи. Въ этихъ видахъ они просили Константинопольскаго патріарха, какъ раньше Молдавскаго митрополита, чтобы онъ *посвятилъ имъ во епископа эконома Покровскаго монастыря инока Павла*, жившаго на Вѣткѣ около 30 лѣтъ въ монашескомъ образѣ, который „просвѣщалъ бы родъ христіанскій божественными тайнами и настоятель былъ бы во общей общины нашей и прочимъ скитскимъ отцемъ, иже западныхъ расколовъ весьма себя хранять, и за православіе отеческаго преданія души свои полагаютъ“.

Это прошеніе представителей Вѣтковской поповщины имѣетъ дѣйствительную историческую важность не только въ томъ, что оно первое документальное свидѣтельство о сношеніяхъ старообрядцевъ съ Яскимъ митрополитомъ и патріархомъ Константинопольскимъ о поставленіи для нихъ епископа въ 1730—1731 г., но и въ томъ, что оно ясно показываетъ ихъ тогдашнюю лукавую неискренность въ отношеніи греческой церкви и ея представителей, какую они проявили и потомъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ, при учрежденіи Вѣлокриницкой старообрядческой іерархіи. Въ самомъ дѣлѣ, представители Вѣтковской поповщины изъявили полное желаніе и рѣшительную готовность принять епископа отъ руки патріарха Константинопольскаго; о православіи греческой говорили какъ о неповрежденномъ и самихъ себя признавали вѣрными чадами этой церкви, а въ особенности вселенскаго патріарха, котораго всячески старались задобрить.

Последняго называютъ «верховнѣйшимъ пастыремъ и вселенскимъ правителемъ св. восточныя церкви, столпомъ и свѣтиломъ всего міра, протцемъ великороссійскихъ святителей и патріарховъ» и пр., а себя «св. восточной церкви сынами, непогрязненными западныхъ расколовъ напоеніемъ, но при греческой церкви правопребывающихъ...» Но это свидѣтельство о православіи греческой церкви и полномъ съ нею согласіи было только лукавымъ маневромъ, употребленнымъ съ іезуитскою цѣлью, для того, чтобы только склонить патріарха къ поставленію для нихъ епископа. Извѣстно, что гораздо раньше первой половины XVIII в. русскіе старообрядцы считали греческую церковь утратившею благочестіе, поврежденною ересями, а самихъ себя далеко не согласующимися съ нею въ богословіи и въ преданіяхъ, какъ, напр., видно изъ путевыхъ записокъ старца Леонтія; а потому если теперь они и выставляли себя строгими блюстителями православія и вполне солидарными съ греческою церковію, то тѣмъ самымъ только прикрывали свои дѣйствительныя отношенія къ православію и православной церкви. Да и въ самомъ прошеніи явственно отличали они «древнее православіе», «древнія греческія книги», «древнее восточныя святыя церкви преданіе» отъ какого-то новаго благочестія, новыхъ греческихъ книгъ, новаго восточной церкви преданія, находя въ то время неудобнымъ относить эти «новшества» къ современной греческой церкви. Достаточно ясно выразилось отношеніе Вѣтковскихъ старообрядцевъ къ православнои церкви вообще въ рѣзкихъ отзыввахъ о русской церкви, которую они считали уклонившеюся въ латынскіе, люторскіе и кальвинскіе обычаи и отдѣлившеюся отъ іерархическаго единства со вселенскими патріархами, а въ особенности въ нежеланіи получить епископа на тѣхъ же условіяхъ, относительно исповѣданія вѣры и іерархическаго союза съ вселенскою церковію, на какихъ даются они вообще православнымъ паствамъ. Очевидно, что всѣ разглагольствія Вѣтковскихъ старообрядцевъ о святости греческой церкви и «сыновнемъ почтеніи патріаршимъ вселенскимъ еронамъ», какъ выражаются они, были со стороны ихъ простымъ обманомъ, съ цѣлью добиться желаемаго.

Прошеніе Вѣтковскихъ старообрядцевъ Константинопольскому патріарху о поставленіи епископа въ указанномъ нами спискѣ помѣчено 5-мъ мая 1731 г. Къ этому прошенію прежде всего подписались: Покровскаго монастыря игуменъ Власій съ братіей, еклезіархъ монахъ Зосима и до-

местных схимонахъ Филаретъ; потомъ Введенской обители строитель Лаврентій и Тихвинской обители строитель Авраамій съ братьями. Любопытна, что въ числѣ подписавшихся нѣтъ ни одного лица изъ мѣстныхъ мирянъ-старообрядцевъ.

Отвѣтить и другую любопытную бытовую подробность, которую узнаемъ только изъ этого прошенія. Оказывается, что хлопотать въ Исакахъ о приобретеніи епископа Вѣтковцы начали съ державнаго на то дозволенія вѣлѣтельнаго владѣльца Вѣтки—пана Халецкаго, старосты Рѣчицкаго, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ ихъ предпріятіи и снабдилъ ихъ «просительнымъ листомъ», который они и доставили по принадлежности. Очевидно, для Халецкаго было выгодно „отечески пощадить“ о возвышеніи старообрядческой обители на его землѣ...

Въ слѣдъ за этой неудачной попыткой приобрести старообрядческаго епископа изъ-за границы послѣдовала и другая, нисколько не похожая на первую, хотя и одинаковая съ нею по результату. Вѣтковцы и Діаконовцы на этотъ разъ соединились съ безпоповцами номерскаго согласія и рѣшились дѣйствовать коллективно, общими силами, въ такомъ важномъ, съ ихъ точки зрѣнія, дѣлѣ, какъ устройство старообрядческой церкви, не имѣвшей доселѣ «перваго вышняго члена, рекше епископа». Кромя устройства старообрядческой церкви, инициаторы этой второй попытки стремились вмѣстѣ съ тѣмъ остановить дальнѣйшее дробленіе и распаденіе старообрядческаго раскола на толки и разгласія, а образовавшіеся уже толки и разгласія сплотить и привести въ полное согласіе между собою, подъ верховенствомъ епископа древляго благочестія. Такова была внутренняя подкладка соглашенія, каковое состоялось будто бы на этотъ разъ въ Стародубѣ, какъ утверждаетъ П. П. Мельниковъ (стр. 87), не указывая источника. Но умудренные горькимъ опытомъ старообрядцы однакоже хорошо понимали, что избраніе епископа изъ той или другой старообрядческой фракціи непременно повлечетъ за собою взаимныя ссоры, споры и непріятности; понимали хорошо по первому неудачному опыту и то, что невозможно получить и за границей хиротонію для раскольника, къ какому бы толку онъ ни принадлежалъ. Въ этихъ видахъ на соединеніи стародубскомъ соборѣ поповцевъ съ безпоповцами пришли къ тому же рѣшенію, которое удалось старообрядцамъ осуществить столѣтіемъ слѣдомъ позже, при учрежденіи Бѣлокриницкой старообрядческой іерархіи.

Именно старообрядцы рѣшились отыскать для себя на Востокъ черезъ выборныхъ представителей какого-либо безудѣльнаго епископа, котораго по надлежащей раскольнической «исправѣ» можно было признать за святи-теля всѣхъ старообрядцевъ. За осуществленіе этого важнаго для старо-обрядцевъ дѣла взялся главнымъ образомъ извѣстный поморецъ Михаилъ Ивановичъ *Вышатинъ*, ошибочно называемый Мельниковымъ *Витати-нымъ*, другъ и единомысленникъ Андрея Денисова, одинъ изъ самыхъ влі-ятельныхъ и авторитетныхъ людей среди тогдашнихъ старообрядцевъ всѣхъ согласій. Это былъ, по словамъ П. И. Мельникова, одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ людей, какіе только были въ расколѣ съ самаго начала его. Много онъ странствовалъ и по Россіи, и въ чужихъ краяхъ, много ви-дѣлъ, много зналъ и обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать и искренно привязывать къ себѣ людей, какихъ бы религіозныхъ убѣжде-ній они ни были (стр. 88).

Въ «Историческомъ Словарѣ» Павла Любопытнаго Вышатинъ ха-рактеризуется, болѣе впрочемъ риторически, чѣмъ исторически, какъ «слав-ный житель въ Выгорѣцѣхъ, Березовскаго скита, мужъ ученый, знатныхъ талантовъ, вѣдущій греческій и латинскій языки»; какъ «примѣрный ревнитель благочестія, твердаго и геройскаго духа и строгой жизни; рази-тельный писатель о бытіи послѣдняго времени и антихриста, знатный объяснитель догматовъ благочестія и рѣдкій правоучитель ближнихъ. Онъ не разъ торжественно поражалъ возникавшее тамъ пагубное бракоборство... *Онъ, по духу тогдашнлаго времени, убѣдился отъ старѣйшихъ сво-ей церкви долговременно странствовать по Палестинѣ и тамъ искать Христовой хиротоніи, но все было тщетно.* Мужъ былъ тща-тельный въ созиданіи церкви и ревностный обличитель враговъ ея, посвя-тившійся благу оной; онъ былъ искуснѣйшій писатель св. иконъ и священ-ныхъ предметовъ нравственныхъ, какъ и нынѣ гласятъ тамъ о высотѣ его талантовъ; любитель мира, тщательный снискатель священныхъ пред-метовъ древности, украшавшій многія святилища своимъ благодѣіемъ. Его любовь къ ближнимъ, чистота сердца, вѣдѣніе священнаго писанія и любуемое краснорѣчіе удивляли Выгорѣцкую лавру и всѣ окружающіе оную скиты, и они увѣнчивали его славою и честію вездѣ». Таковъ былъ, по словамъ Павла Любопытнаго, главный инициаторъ и руководи-тель второй неудачной старообрядческой попытки пріобрѣсти себѣ загра-

ничнаго епископа, умершій въ 1732 г., 65 лѣтъ отъ роду, (род. въ 1667 г.), во время своего заграничнаго странствованія съ указанною цѣлью. Умеръ онъ въ Галицкомъ городкѣ Кутахъ, въ небольшомъ раскольническомъ монастырѣ, незадолго передъ тѣмъ построенномъ на тогдашней польско-молдавской границѣ ¹⁾).

¹⁾ О Вышатинѣ см. у Мельникова. Истор. оч. поповц. стр. 88—89. «Каталогъ или Библиотека старовѣрческой церкви» и «Историческій Словарь старовѣрческой церкви» *Паула Любопытнаго*, изд. и папечат. О. М. Бодянскимъ въ Чт. общ. ист. и древн. Росс. М. 1863 г. Сран. Раскольники и острожники Ливанова, т. IV, приложенію (Спб. 1873 г.). *Поповъ*, А. Опис. ркл. библ. А. И. Хлудова. М. 1872 г. стр. 590. Извѣстны два посланія къ Вышатину Андрея Денясова: 1) «Благодарственное посланіе къ М. И. Вышатину съ прочими о общей пользѣ съ нравоученіемъ»; 2) «нравственное и ободряющее посланіе *путешествующему брату Вышатину ради церковной и благочестивой пользы*, о хиротоніи». Указанія на эти посланія Денясова († 1 марта 1730 г.) см. у П. Любопытнаго (Чт. въ общ. ист. и древн., стр. 10—11). Кромѣ того въ Императорской Публичной Библиотекѣ имѣется полууставная рукопись XVIII в., на 334 л., въ 8-ю д. л. (О. 1. № 257), представляющая сочиненіе Вышатяна, озаглавленное такъ: «Книга драгоценный бисеръ о сотвореніи свѣта, о паденіи же Адамовѣ, и о царствованіи грѣха и упрязненіи его, о слугахъ Антихристовыхъ, и о самомъ господинѣ ихъ, и о изряднѣйшихъ правовѣрныхъ сложеніяхъ: о святѣй церкви, о второмъ пришествіи Христовѣ, о страшномъ судѣ, о мукахъ же и о царствіи небеснемъ, отъ божественнаго писанія вкратцѣ избрано». О сочинителѣ рукописи даетъ понятіе слѣд., интересная для насъ въ данномъ случаѣ приписка, на одномъ изъ неисписанныхъ бѣлыхъ листовъ рукописи, писанная другою рукою, чѣмъ сама рукопись: «Сія книга, собранная изъ сваяц. писанія Михайломъ Ивановымъ Вышатиннымъ, въ 1729 году, мая 10, который былъ современникъ и собесѣдникъ Андрею Діонисьеву, и посланный въ Грецію для изысканія состоящей тамъ въ неповрежденномъ благочестіи церковной іерархіи, и проживавшій не малое время въ Молдавіи, и наконецъ имѣвшій постоянное пребываніе въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Выгорѣдской пустыни, въ Березовской пустыни». Кстати замѣтимъ, что указанное сочиненіе Вышатяна состоятъ изъ молятвы, предисловія къ читателю, оглавленія, стиховъ или виршей къ читателю,

Есть основаніе полагать, что Вышатинъ, отправившись на Востокъ въ преклонныхъ лѣтахъ, искренно вѣрилъ въ возможность установить въ старообрядчествѣ архіерейство, а посланія Андрия Денисова даютъ основаніе полагать, что и Выговскіе руководители безпоповщинскаго раскола раздѣляли мысль авторитетнаго и вліятельнаго Вышатина.

инаго предисловія къ читателю же и самаго текста сочиненія. Текстъ состоитъ изъ 40 главъ, изъ нихъ первая о сотвореніи свѣта, 9-я о отступленіи юнатовъ, 10-я о отступленіи Россіянъ, 11-я о прореченіи російскаго отступленія, о російскихъ еретикахъ, о ересяхъ въ російской церкви, о клятвахъ и запрещеніяхъ на новопродерзанія и еже не пріяматы новостей; о похвалѣ непріимшимъ новопреданія и злымъ пастыремъ отлучившимся; обличеніе на хвалящихся и глаголющихъ яко исправляемъ (?); о прочтанія книжномъ и о ползѣ его; о гоненія на христіанъ; о правѣ мучительства, еже колико несогласенъ Христову благовѣстію; послѣдняя, 40-я глава, о славѣ святыхъ, о царствіи небесномъ. См. Отч. Имп. Публич. Библ. за 1876 г. Спб. 1878 г., стр. 82—84. Указанія на эту вторую попытку Вѣтковцевъ „снискать себѣ чинъ епископскій“ см. у Журавлева, Полн. ист. изв. ч. IV, стр. 104—105; у іеромонаха *Виталия* въ сочиненіи *О церкви и о старообрядцахъ* (рук. Кіев. дух. Акад. Аа, 128), гл. IV, лл. 75 об. и 81. Здѣсь говорится: «Вѣтковскаго и Діаконовскаго и безпоповскаго поморскаго согласія, возымѣвъ предпріятіе, отправили съ каждаго ссекта (?) по одному человѣку въ Грецію отыскивать епископа, но не искали, изъ коныхъ поморской Михайло Вышатинъ за границую умре, а прочіи возвратились во своя си. Слѣпой не всякъ видѣтъ, какъ только можно быть тому, чтобъ у нихъ епископъ могъ угодить имъ всѣхъ разныхъ толковъ сектамъ, что они всѣ между собою весьма несогласныя, а такъ и безъ епископа въ случаяхъ между ими въ преніяхъ, вступая въ озартъ, всякъ себя въ своемъ суевѣрїи заставляя, бывають частыя драки и побой» (л. 81). Срав. Опис. нѣкот. соч., напис. рус. раскол. Ал. Б. (ровковича, вполсѣд. архіеи. Одесскій Никаноръ), стр. 269.—Куты или Куть, гдѣ умеръ Вышатинъ, находится на Галицкомъ берегу р. Черемоша, текущаго въ Прутъ и составляющаго границу съ Буковиной. Противъ Кута, на буковинской сторонѣ Черемоша, г. Вишняца. Это неподалеку отъ знаменитой нынѣ Бѣлой Криницы, тогда еще не существовавшей. Въ Кутахъ остались ученики Вышатина, ѣздившіе съ нимъ. Вѣтковцы и

Одновременно съ попыткой поповщины и безипоповщины совмѣстными силами найти на Востокъ какого-либо безвѣдѣльнаго епископа, главнымъ иниціаторомъ которой былъ Вышатинъ, Вѣтковцы, не дождавшись результатовъ побѣдки послѣдняго на Востокъ съ ихъ уполномоченными, рѣшились еще разъ самостоятельно послать кого-либо изъ своихъ въ Яссы къ митрополиту Антонію для посвященія во епископа. Выборъ палъ на монаха *Варлаама*, жившаго въ то время въ Спасовой слободѣ, болѣе извѣстнаго подъ именемъ бѣлаго попа Василья Кондратьева Казанскаго, рукоположеннаго по однимъ указаніямъ Астраханскимъ архіереемъ Лаврентіемъ Горкой, кровнымъ малороссіаниномъ, слѣд., съ точки зрѣнія раскольниковъ, обливанцемъ, по другимъ—Казанскимъ митрополитомъ Тихономъ, уроженцемъ Нижняго-Новгорода. Сначала, по отпаденіи отъ православной церкви, онъ довольно долго дѣйствовалъ по священнически въ Казани и былъ главою поволжскаго поповщинскаго раскола, откуда и получилъ прозваніе Казанскаго. Не поладивъ здѣсь съ вліятельными «мірскими правителями», господствовавшими во всѣхъ старообрядческихъ общинахъ и управлявшихъ ихъ дѣлами, онъ оставилъ Казань, предавъ проклятію своихъ недоброхотовъ, и ушелъ на Керженецъ. Та же причина заставила его переселиться съ Керженца на Уралъ. Какъ на Керженцѣ, такъ и на Уралѣ, по тѣсной связи послѣдняго съ Керженцемъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ полученіи своего священнаго сана отъ архіерея-обливанца. Притакихъ обстоятельствахъ произошло его первое появленіе на Вѣткѣ. Здѣсь къ вопросу объ обливанствѣ относились уже гораздо терпимѣе, чѣмъ гдѣ-либо среди старообрядцевъ. Живя между Малороссіянами и Бѣлоруссами, Вѣтковцы видѣли,

Стародубцы воротились по его смерти «во своя си», а поморцы изъ любви къ учителю не хотѣли разстаться съ его могилой. Впослѣдствіи видѣлся съ ними здѣсь безипоповщинскій писатель Алексѣевъ, авторъ сочиненія *Тайна брака*. Авторъ «Опис. соч., писан. раскольниками, вышеуказанный А. Б. смѣшалъ двухъ Ивановъ Алексѣевыхъ—автора *Ист. о блтств. свящ.* и автора *Тайны брака*, принявъ два разныя лица за одно. Такая же ошибка перешла въ Энциклопедическій Словарь въ ст. покойнаго *Н. Я. Аристовъ*: „Алексѣевъ. П.^а. Любопытный въ своемъ «Историч. слов. старовѣрч. церквд» увѣряетъ, что Вышатинъ умеръ въ Палестинѣ. Чт. въ общ. ист. и древ. 1863 г. № 1, стр. 157.

что тамошніе православные священники при крещеніи не поливаютъ, а именно крестятъ въ три погруженія. Во всякомъ случаѣ, у Вѣтковцовъ была въ то время сильная партія, невѣрившая уже въ обливанство Малороссіянъ и Бѣлоруссовъ, какъ и Грековъ. Съ представителями послѣдней партіи на Вѣткѣ и сошелся попъ Василій, очаровалъ ихъ своимъ умомъ и опытностію, званіемъ свящ. писанія и учительными дарованіями. Благодаря этой партіи, попъ Василій скоро выдвинулся на Вѣткѣ, и былъ посланъ игуменомъ Покровскаго монастыря, какъ мужъ учительный и истинный пастырь душъ человѣческихъ, въ Москву, находившуюся въ то время подъ полнымъ духовнымъ вліяніемъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря. Дѣятельность его въ Москвѣ и ея окрестностяхъ видимо была успѣшна, такъ какъ онъ здѣсь скоро разбогатѣлъ, или, какъ выражается Іона Курносый, «наполни чпагъ серебромъ и златомъ». Возвращеніе его снова на Вѣтку, гдѣ онъ и постригся въ монашество съ именемъ Варлаама, какъ разъ совпало съ временемъ усиленной агитаціи Вѣтковскихъ чернцовъ и поповъ обзавестись своимъ старообрядческимъ епископомъ. Варлаамъ самъ сталъ во главѣ агитировавшихъ и какъ учительный и краснорѣчивый монахъ былъ отправленъ въ Яссы къ митрополиту Антонію, въ качествѣ кандидата на епископство. Варлаамъ поѣхалъ въ Яссы съ своими собственными и Вѣтковскими деньгами. Надѣясь на воздѣйствіе этихъ денежныхъ средствъ, онъ не хотѣлъ смирить своего права и передъ митрополитомъ, говорилъ съ нимъ властно, пускался въ многоглаголаніе, вообще велъ себя, по выраженію Іоны Курносаго, «съ бойствомъ и велерѣчіемъ». Тѣмъ не менѣе митрополитъ принялъ прошеніе Варлаама и подарки, привезенные Варлаамомъ и Вѣтковцами, и даже назначилъ день хиротоніи. Наканунѣ этого дня между митрополитомъ и Варлаамомъ происходилъ такой разговоръ:

— Знаю, что ты изъ раскольниковъ, говоритъ Антоній. Но когда япосвящу тебя во епископа, какъ ты будешь мня разумѣть? Благочестивъ я или нѣтъ?

Варлаамъ, какъ искусный старообрядческій словопритель, уклончиво отвѣчалъ:

— Твое благочестіе съ тобой пребудетъ, а я въ чемъ стою, то со мной.

Антоній сообразилъ смыслъ рѣчи Варлаама и въ раздраженіи закричалъ:

— Так ты меня благочестивымъ не хочешь не только разумѣть, но даже назвать! Фельдшера сюда!—Явившемуся фельдшеру приказано было обрить кандидату во епископа бороду и волосы на головѣ. Мало того, митрополитъ посадилъ его въ тюрьму и угрожалъ рудниками и оковами. По позднѣйшему свидѣтельству іеромонаха Виталія, послатались бородами и Вѣтковскіе спутники Варлаама, но не были посажены вмѣстѣ съ нимъ въ тюрьму. Они-то потомъ и постарались освободить Варлаама изъ рукъ Молдавскаго митрополита, обращаясь къ разнымъ Яскимъ властямъ и просилъ похлопотать ихъ за злополучнаго Варлаама у митрополита. Этимъ не дешево стоило, такъ какъ въ Яссахъ, какъ и вездѣ въ то время, безъ подарковъ дѣло необходимо. Освободившись изъ тюрьмы, Варлаамъ съ пустымъ чпагомъ убѣжалъ изъ Молдавіи и не малое время скрывался въ скитахъ у заграничныхъ раскольниковъ, пока не отросли у него борода и волосы. Приѣхавши на Вѣтку, Варлаамъ и бывшіе съ нимъ спутники, предъ соборомъ изъ духовныхъ и мирянъ, рассказали все, что съ ними случилось въ Яссахъ. Не похвалили Варлаама Вѣтковцы за безтактные его разговоры съ митрополитомъ и его многоглаголаніе. «Ты все дѣло испортилъ», сказали они ему въ заключеніе.

Скандалный исходъ послѣдней попытки не обезкуражилъ Вѣтковцевъ: они немедленно выбрали новаго кандидата во епископа и опять послали въ Ясы. Кто былъ этотъ третій кандидатъ—неизвѣстно; въ нашихъ источникахъ онъ не названъ по имени. Какъ изъ попытки 1730—1731 г. съ инокомъ Павломъ, такъ изъ попытки съ Варлаамомъ, Вѣтковцы ясно видѣли, что дѣлу ихъ отъ того больше успѣха нѣтъ, что Яскій митрополитъ затрудняется посвятить имъ во епископа раскольника. Вотъ почему на этотъ разъ Вѣтковцы наказывали новому кандидату исполнять всѣ обряды, не принятые старообрядцами, и называть себя принадлежащимъ къ великороссійской церкви, лишь бы только получить желаемое архіерейство. «Послѣ исправу примешь и проклянешь ересь», говорили они послѣднему кандидату во епископы. «Хоть присягу прими, а не дѣлай такъ, какъ Варлаамъ: грѣхъ твой на всю церковь беремъ». Такъ успокаивали совѣсть смутившагося при этомъ кандидата во епископа.

И эта третья Вѣтковская попытка не имѣла успѣха въ Яссахъ. Какъ разъ въ это самое время усилились толки о поливательномъ кре-

щеніи у Грековъ и вообще въ заграничныхъ православныхъ церквахъ. Эти толки вызвала изданная Теофаномъ Прокоповичемъ книга: «*Истинное оправданіе правоверныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ*» (Спб. 1724 г.).¹⁾ Теперь опять заго-

¹⁾ Полное заглавіе соч.: «*Истинное оправданіе правоверныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ; неправедно же и злобно, аки бы таковое илъ крещеніе неважное было, невѣжами порицаемыхъ: многими доводами, отъ священныхъ писаній, древнихъ учителей и исторій церковныхъ, отъ разсужденія силы св. сею христіанскаго тайнодѣянія и ево съ таинствомъ евхаристіи соразсужденія, и отъ многихъ и различныхъ обстоятельствъ ячно показанное.* (На оборотѣ). *Напечатано въ царствующемъ Санктъ-Петербурхѣ повелѣніемъ императорскаго священнѣйшаго Величества Петра великаго, отца отечества, императора и самодержца Всероссийскаго. Благословіемъ же святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго Синода 1724 г. Мѣца генваря въ 11 день.* Въ 4^о, на лѣст. Было напечатано и «*въ Москвѣ того же 1724 г. Мѣца марта въ 11 день*». Вторичное крещеніе погруженіемъ, при вступленіи въ православіе тѣхъ, кто крещенъ поливательно, установлено въ «*Потребникъ иносеческомъ*», издан. въ Москвѣ 1637 г. Въ 1644 г. по этому поводу былъ споръ, возникшій вслѣдствіе пребыванія въ Москвѣ Вольдемара, принца датскаго, и непризнаніе дѣйствительности крещенія поливательнаго внесено въ печатный сборникъ, изд. въ Москвѣ 1648 г. (Слов. Дух. писателей, II, 73—74; Обзор. славяно-русской библиографіи, № 503; Опис. книгъ Царскаго, стр. 252—256). При Петрѣ вопросъ рѣшили иначе, и въ старообрядческихъ сборникахъ XVIII в. встрѣчаются статьи противъ такого рѣшенія, что, вѣроятно, и побудило правительство издать «*Ист. оправданіе*». Въ одной рѣк. Публич. Библіотека (въ 8^о, № 1261) читаемъ: «въ великороссійскія церкви митрополіяхъ, въ Кіевстѣй и словенстѣй тайна св. крещенія, яко въ погруженія, тако во обливаніи за едно и дѣйствуется и приеъмется, еже показуется въ книгахъ печати кіевскія...; но древлеправославныя церкви отъ писанія святого зрится, яко отъ св. апостолъ и св. отецъ три погруженія въ крещенія предашася, обливанія же нигдѣ же видѣти повелѣно, но паче запрещено...» Затѣмъ идутъ ссылки и обычныя толкованія буквъ св. писанія, при чемъ не забыто указаніе и на «Працицу» Пятиряма, гдѣ дѣйствительно есть мѣсто, направленное противъ крещенія обливаніемъ.

ворили въ старообрядческомъ мірѣ, даже и па Вѣткѣ, что въ Малороссіи и у Грековъ есть поливательное крещеніе, когда архіепископъ Теофанъ,

Заключеніе статьи таково: «новолечатная книга погнужена Христа отъ Предтечи, по облыта исповѣдующе, несогласуютъ дрислцерковнымъ, а понеже не согласуютъ таковымъ св. мужамъ, убо и мудрствованіе ихъ о семъ намъ сомнительно является...» Въ предисловіи къ «Ист. оправданію» Теофанъ Прокіоповичъ употребилъ всю силу своего дарованія противъ учителей раскольническихъ, новѣжества и особенно по правившейся ему закоснѣлости ихъ. Имена главныхъ пачальниковъ секты, попадающіеся въ этомъ предисловіи, достаточно ясно показываютъ, на кого мѣтили онъ въ своемъ предисловіи. Объясняя, почему полуграмотные люди всегда берутся за толкованіе св. писанія, Теофанъ говоритъ: «когда слоگوی книжныхъ изучатся, и честь и писать могутъ, помышляютъ, что уже все получили и не осталось, чтобы имъ еще познать подобало: не вѣдая, какое пространное есть поле Вѣтхаго и Новаго Завѣта писаніе и колыкаго труда требуетъ къ прочитанію своему..., къ изслѣдованію и пропизнанію всѣхъ своихъ главизнъ и силы ихъ. Какой же къ тому и помощи искаръ надлежитъ изъ книгъ многихъ древнихъ и новыхъ учителей богословскихъ, изъ толкованій и исторій и прочихъ пособствующихъ дѣлу сему писаній! И мнѣніе таковыхъ невѣжей подобное весьма есть легкому мнѣнію дѣтскому: якоже бо малые отроки, а еще сельскіе, бѣгая близъ села своего и видя, что будто небо сошлося и совокупилося съ землею за недалекимъ лѣсомъ, помышляютъ, что тамъ-то и конецъ міра.... Тако и невѣжливые чтецы, или книжники, сколько до ихъ рукъ приидеть нѣшихъ тетрадей и то неискусно сошитыхъ, по большей же части смѣха достойныхъ, напр., проповѣдей Аввакумовыхъ, сказокъ о двѣнадцати пятницахъ, притворныхъ откровеній, чудесныхъ ложныхъ повѣстей, суетныхъ нѣшихъ преданій и прочихъ басней. Сія она, писаньяшки получивше, помышляютъ, что уже получили и обняли всѣ предѣлы мудрости и дошли до самого дна богословія... Вина таковой продерзости есть каченіе, и чванство, и желаніе славы учительской. Сія вина не особъ дѣйствуетъ, но вышеупомянутой первой сопослѣдствуетъ. Помышляя бо бездѣльникъ о себѣ, что мудръ есть, желаетъ, дабы и всѣ тожъ о немъ думали и, яко премудра, славили и почитали... Того ради никакова въ разговорѣ съ людьми не упустить случая, въ которомъ бы мощно ему, какъ ворону, голосъ испустить. Писаніе толковать тщитъ-

самъ сунцій поливанецъ, защищаетъ и похваляетъ таковое, св. отцами не преданное, крещеніе, Эта книга, какъ извѣстно, соблазняла и право-

ся, отъ князь будто отеческихъ, которыхъ не бывало, свидѣтельства произносить, но я безъ всякаго свидѣтельства своимъ умысломъ... поучаетъ— что вѣрять, что хранить и чего блюстися подобаетъ. И видя простодушны, что угодны къ прельщенію, а не имѣя самъ довольнаго къ прещенію ни ума, ни слова (какъ то имѣли еретики Арій, Некторій, Еваналій и пр.), во утверженіе басень своихъ часто, ово лицемѣрно воздыхая, ово гордо поднимал бровь (кажется бо ему, что такъ мудрїя дѣлають); часто сяхъ между разказами своими рѣчей употребляютъ: великое дѣло богословіе! не всякъ постигаетъ глубину богословія! не всякъ знаетъ силу св. писанія! и проч. сямъ подобная. Се же того рода повторяетъ, дабы слышанїя помышляли, что онъ тое все до дна знаетъ, а онъ—что есть писаніе, и что богословіе—такъ не вѣдаетъ, какъ подземный кротъ о дневномъ свѣтѣ!.. Наше домашнее зло вѣдше всѣхъ древнихъ устрашаетъ насъ. Что бо се видимъ въ Россїи нашей? Самые крайніе невѣжи, не пастыріе, учителя христіанствя, но слѣпые вождя и таковыя глупцы, которые и млека апостольскаго, т. е. первыхъ христіанскаго ученїя начатковъ (млекою бо оны нарицаетъ Павелъ) не вкусили, а именно Аввакумъ располь, Лазарь, Никита и прочіе возопили въ народѣ, яко пьяные или бѣшеные, безумнымъ кликомъ; напели безъ числа суевѣрїй и неслыханныхъ преданїй и весьма христіанству страшныхъ, а отечеству нашему студныхъ и срамотныхъ догматовъ. Что же сдѣбалось, не получили вѣроятїя? О стыденїя твоего Россїе! Такъ многое число вѣрующихъ и вослѣдовавшихъ себѣ получили, что мѣста не обрищемъ, гдѣ бы оныхъ лстедцовъ не были наслѣдники и ученики, ово тайные, ово же и явные, которые хотя и сами отнюдь не знаютъ, что прїемлютъ и что отмещуть и на чемъ основаны стоятъ, однако же стоятъ на пути погубительномъ, аки бы обаенные. И, понеже уже не вчера расколъ сей начался, внемли себѣ, благочестивый читателю, коликое душъ число слѣпымъ, да злобнымъ упрямствомъ сямъ погубло и погибаетъ. Толикое же въ народѣ нашемъ душепагубнаго бѣдства, аще который пастырь не видитъ, не дремлетъ онъ, но твердо спитъ, аще же видитъ и не радитъ, весьма онъ духовнаго чувства, яко расслабленный, лишился». *Пекарскій, II. Наука и литература въ Россїи при Петрѣ Вел. т. II. Спб. 1862 г. Стр. 610—613. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сын. Т. III, ст. 432.*

славных, а еще болѣе раскольниковъ. Соблазнилъ сю и новый Вѣтковскій кандидатъ во епископа, и по прибытіи въ Яссы сталъ прежде всего разыскивать какъ крестяты въ Молдавіи, у Грековъ: въ три погруженія или поливательно? Откуда родомъ митрополитъ Антоній и какъ онъ крещенъ? Вѣрно или не вѣрно сказали ему, что Ясскій митрополитъ крещенъ поливательно? Не желая получить хиротоніи отъ обливанца, онъ возвратился на Вѣтку и объяснилъ, почему онъ особенно и не хлопоталъ о архіерействѣ. Не понравилось это объясненіе на Вѣткѣ, такъ какъ оношло въ разрѣзъ съ давнишнимъ, усерднымъ желаніемъ Вѣтковскихъ старообрядцевъ имѣть своего епископа. «Они слышавши, прискорбни бѣша», говоритъ Іона Курносый въ своей «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ»¹⁾.

П. с. п. и р. по вѣд. правосл. исповѣд. Т. III, № 1089, стр. 131. Какъ относились раскольники къ указанной книгѣ Теофана Прокоповича см. въ «Подмѣтномъ письмѣ 1727 г.», напечатанномъ въ приложеніяхъ къ ст.: «Ссылка кн. Меньшикова» (Отч. зап. 1861 г., № 1 и 2, стр. 3, а также въ раскольниковемъ трактатѣ первой половины XVIII в.: «Изъявленіе, чесо ради сомняемся о новодѣйствуемомъ нынѣ въ Россіи крещенія и для чего крещенія, по новопечатнымъ книгамъ совершаемаго, не приедемъ». Ркп. Имп. Публ. Библ. (О. 1. № 319). См. Отч. Имп. Публ. Биб. за 1889 г. Спб. 1893 г. Стр. 162, лл. 15—30 об. Этотъ же обширный трактатъ упоминается въ «Обстоятельномъ опис. славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся... въ библіотекѣ... графа Ѳ. А. Толстова, Строева и Калайдовича, стр. 517 (эта рукопись принадлежитъ нынѣ Имп. Публич. Библіотекѣ, Q. 1. № 345) и въ «Опис. ркп. библіотеки А. И. Хлудова, сост. А. Поповымъ, стр. 530. Срав. въ Сборн. раскольниковескомъ (Цвѣтникѣ) XVIII в., въ 8 д. л., Императорской Публич. Библ., л. 87 и д. опроверженіе по вопросу о крещеніи изъ книги «*Оправданіе крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ, Синодоломъ сочиненной в ълто 1724 г.*» О. 1. № 415.

¹⁾ *Іона Курносый*, авторъ второй «*Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*», напеч. въ наибольшей своей части Г. В. Есиновымъ: «Расколъ для XVIII» (т. II, въ приложеніи, стр. 177—189). Недостающій у Есипова конецъ исторіи Іоны Курносаго пересказанъ Мельниковымъ въ его «Историч. очеркахъ поповщины», ч. I. М. 1864 г. и статьяхъ его въ

То, о чемъ долго думали и мечтали и чего такъ усиленно искали Вѣтковскіе старообрядцы, осуществилось, наконецъ легко и удобно для нихъ, въ лицѣ дѣйствительнаго епископа, хотя и обманнымъ образомъ сдѣлавшагося таковымъ. Въ то время, какъ Вѣтковцы тщетно и съ большими издержками хлопотали предъ Яскимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патриархомъ о поставленіи старообрядческаго епископа, Московскіе старообрядцы-поповцы, находившіеся въ то время въ тѣсномъ общеніи съ Вѣтковскими, наткнулись на готоваго епископа въ самой Москвѣ. То былъ столь извѣстный въ исторіи поповщинскаго раскола епископъ *Елифаній*, именуемый епископомъ Чигиринскимъ и Украинскимъ, который принялъ епископскій санъ въ Волощинѣ у Молдавскаго митрополита Георгія 22-го іюля 1724 г. ¹⁾. По своему общественному положенію

Русскомъ Вѣстникѣ за 1864—1867 гг. О послѣднихъ двухъ попыткахъ Вѣтковцевъ пріобрѣсть себѣ епископа, мы находимъ болѣе полныя указанія только у Ионы Курносаго; ни Иванъ Алексѣевъ, ни протоіерей *Журавлевъ* о нихъ не говорятъ вовсе. Нѣкоторые краткія указанія впрочемъ находятся относительно Варлаама въ вышеуказанномъ рукоп. сочин. монаха Виталія— „О церкви и старообрядцахъ“. Именно здѣсь говорится о попыткѣ Варлаама слѣд... «По совѣту всѣхъ отправленъ бысть изъ *Стасовой слободы* іеромонахъ Варлаамъ съ прочими въ Яссы же для постановленія во епископа и просили м—та да освятятъ. Но когда же узнано объ умыслѣ ихъ, что оне подходятъ коварно и не согласны со св. соборною Грекоросс. церковію, то приказано было задержать таковыхъ спяскателей и сдѣлать насмѣшку надъ ними такую: Варлааму, ставленнику тому, остричь бороду и волосы на головѣ, понеже безбрадый, аки евнухъ; а тѣмъ бороды, чтобы прочимъ неповадно. Однако Русь могуча: познавше то, скоро убѣжали». Л. 81 и об. Особенно важно для исторіи архіерейства у старообрядцевъ «*Письмо соборнаго старца, первышаго во время собранія или соборованія о нужныхъ случаяхъ заступателя*». Ч. 1, стр. 91—93...

¹⁾ По свидѣтельству Ивана Алексѣева, Елифаній, бывшій раскольническимъ архіереемъ на Вѣткѣ „лѣта 7242* (Брат. Слово 1889 г., № 7, стр. 511), получалъ санъ епископа отъ Молдавскаго митрополита Георгія 22-го іюля 1724 г. Эта дата согласно принимается протоіереемъ Журавлевымъ въ его «Подл. историч. изв. о древ. стригол. и новыхъ

нію въ южно-русской церкви это былъ «бискупъ хлопской вѣры», какъ пренебрежительно называли уніаты и уніатскіе епископы православныхъ «бродячихъ архіереевъ», появившихся отъ времени до времени въ южно-русскихъ и западно-русскихъ областяхъ Польши среди православнаго сельскаго и городскаго населенія. Обыкновенно такіе архіереи бродили по православнымъ приходамъ и монастырямъ для отпразднѣнія богослуженія, иногда даже съ разрѣшенія уніатскихъ архіереевъ. Въ этомъ «бродячьемъ архіереямъ» принадлежалъ и Епифаній, попавшійся въ началѣ 1733 г. въ Москвѣ въ руки старообрядцевъ и сдѣлавшійся первымъ старообрядческимъ на Вяткѣ епископомъ, не смотря на то, что ему, какъ южноруссу, болѣе или менѣе тронутую образованіемъ, были въ сущности противны русскіе церковные отщепенцы-раскольники. Трагическимъ характеромъ вообще отъыпается судьба этого русскаго монашествующаго авантюриста первой половины XVIII в. Епифаній, въ мірѣ Евстафій Яковлевъ Ревуцкій, изъ казаковъ Лу-

раскол.», изд. 1855 г., ч. III, стр. 20; преосвящ. Макаріемъ, авторомъ „Ист. рус. раск.“, стр. 301; П. И. Мельниковымъ, Ист. оч. поповц. Ч. 1, стр. 103 и 105; проф. Ивановскимъ въ его „Руков. по ист. и облич. старообр. раск.“ Казань. 1887 г. стр. 143. Г. Стрѣльбицкій, авторъ „Ист. рус. раск.“ (Одесса, 1889 г.), утверждаетъ, и вполне повидимому несправедливо, что Епифаній былъ рукоположенъ во епископа 22 іюля 1722 г. (стр. 163).—Источниками о Епифаніи служатъ официальные документы, собранные отчасти еще въ XVIII в. Главнѣйшіе изъ нихъ были напечатаны протоіереемъ А. І. Журавлевымъ въ его „Полн. ист. изв. о раскол.“ Изд. VI, М. 1890 г., ч. III, стр. 181—192. Тѣ же самыя документы находятся и въ указываемомъ уже не разъ рукоп. соч. монаха Виталія „О церкви и старообрядцахъ“, гл. 14, стр. 81—93. Въ полномъ видѣ дѣло Епифанія иллюстрируется въ издаваемыхъ св. Синодомъ „Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сн.“ и „Полн. соб. пост. и распор. по вѣд. правосл. испов.“, которыми мы главнымъ образомъ и пользуемся въ данномъ случаѣ. Кромѣ того, въ Моск. арх. Мин. Ин. дѣлѣ, въ такъ назыв. „повыхъ малороссійскихъ дѣлахъ“, находятся «прошеніе монаха (разстриги) Епифанія о прощеніи вины, освобожденія изъ подъ стражи и увольненія по обѣщанію его». Св. 69, 1727 г., № 8/2.

бенскаго полка, стало быть чистокровный малороссіянинъ, родился около 1685 г. и первоначальное воспитаніе получилъ въ г. Ширятинѣ, Полтавской губерніи; монашество принялъ «въ святой Софіи» отъ митрополита Варлаама Ясинскаго и черезъ нѣсколько времени посвященъ былъ въ іеромонахи. При митр. Іоасафѣ Кроковскомъ онъ занималъ игуменство Маньковское и Козелецкое, а при архіепископѣ Варлаамѣ Вонатовичѣ—Скельское, и пользовался такою благосклонностію послѣдняго, что сдѣланъ былъ экономомъ архіерейскаго дома и какъ человѣкъ знающій толкъ въ приказныхъ дѣлахъ, завѣдывалъ канцелярією архіепископа. Недолго, впрочемъ, ему пришлось занимать довольно видное и вліятельное положеніе въ обширной и въ то время Кіевской епархіи; именно онъ скоро былъ обвиненъ монахами Козелецкаго монастыря въ растратѣ 240 руб. монастырскихъ денегъ и въ расхищеніи монастырскаго имущества, а монастырскою коровницею—въ незаконномъ прижитіи съ нею ребенка. Виновникъ такого соблазна, по запрещеніи священнослуженія, былъ преданъ суду, исходъ котораго могъ плохо окончиться для виновнаго монаха¹⁾.

¹⁾ Иона Курносый поводъ къ обвиненію Епифанія и первоначальный ходъ его дѣла передаетъ такъ: «за непорядки, пьянство и за расхищеніе насильно чистыя дѣвы изъ священства и экономства своими обличанцами извержена бывша, и по изверженіи, по сердцу сказующа на своихъ важное дѣло, изловленъ, и, сидѣвъ долго, приговоренъ къ розыску, и поспѣшившу милостивому указу отъ розыску и сѣденія освобожденъ». Мельняковъ, Ист. оч. поповц. 1, 98, примѣч. Въ дѣлѣ св. синода объ уличеніи монаху Епифанію Яковлеву Ревуцкому наказанія плетью и объ отсылкѣ его въ Соловецкій монастырь, отъ 8 января 1733 г., выставлено слѣд. 8 вѣвъ за Епифаніемъ: 1) Будучи онъ Кіевской епархіи, въ Козелецкомъ монастырѣ забралъ монастырскаго казны 240 руб., и родственникамъ своимъ раздавалъ монастырское иждивеніе. 2) Съ дѣвкою явился въ блудодѣянніи. 3) Взятъ изъ Кіев. губ. Канц. паспортъ о пропустѣ ево на заставѣ черезъ караулъ, будто до Триполья, для осмотра дѣловой вотчины, и проѣхавъ оной караулъ, бѣжалъ за границу Лядскую. 4) За Дѣвпромъ будучи въ г. Сорокѣ, вымысломъ написалъ своеручно письмо, будто отъ Кіевск. архіерея къ Ясскому Митрополиту, чтобъ онъ посвятилъ ево во епископы, и имя-

Въ виду этого, прежде окончанія начавшагося дѣла, въ началѣ іюня 1724 г., по отъѣздѣ архіепископа Вонатовича изъ Кіева для обозрѣнія епархіи, Епифаній, получивъ обманомъ изъ Кіевской губернской канцеляріи паспортъ для проѣзда будто бы до Триполья, съ цѣлью осмотра архіерейскихъ вотчинъ, бѣжалъ «заграницу ладскую», задумавъ сдѣлаться «бродячимъ архіереемъ». Въ Умані онъ открылъ свою тайную мысль тамошнему намѣстнику и знакомымъ священникамъ, что ѣдетъ въ Волошскую землю «за благословеніемъ» на епископію Чигиринскую и Украинскую. «Бродячіе епископы», вслѣдствіе ненормальныхъ условій тогдашняго положенія православныхъ подъ польскимъ владычествомъ, покровительствовавшимъ униі, были такимъ обыкновеннымъ явленіемъ, что мысль Епифанія сдѣлаться такимъ архіереемъ никого не удивила. Уманскіе священники не только одобрили намѣреніе Епифанія, но и исходатайствовали чрезъ Уманскаго намѣстника у Львовскаго епископа Аванасія Шептицкаго письменное дозволеніе на невозбранное поставленіе священ-

немъ ево подъ тѣмъ письмомъ подписался и печать Софійскую нарисовалъ и вырѣзалъ, то письмо самъ воровски запечаталъ; также и др. фальшивая письма писалъ же. 5) Въ томъ же году написалъ ложныя на св. Сын. клеветы: 1, все-де духовенство на Украинѣ желаетъ по прежнему м-та, а св. Синодъ, невѣдомо ради какихъ причинъ, убавилъ чести митрополія Кіевской и учинилъ архіепископство; 2) запретилъ во всей Россіи за патриарховъ молиться и почитать ихъ; 3) а навначе отъ Сын. установлено Кіев. архіерею ѣздить къ Москвѣ на годовую священнослуженія чреду, а въ Кіевѣ для поставленія поповъ быть не кому; 6) пріѣхавъ въ Яссы, вышепомянутому м-ту своеручно написанное письмо подаль, и тѣмъ м-томъ, по тому письму, во епископа на Украину и въ Чигиринъ ояъ, въ 724 г. іюля 22, посвященіе подучилъ. 7) отъѣхавъ отъ того м-та изъ Яссъ, на Украинѣ бывъ, посвятилъ во іеродіаконы и поны больше 14 чел. 8) Будучи въ Волоской землѣ, писалъ ко Львовскому и Володими́рскому епископамъ (униатамъ) письма, представляя себя подъ ихъ протекцію, и просилъ о позволеніи житія въ ихъ епархіяхъ, для посвященія въ попы». П. с. п. и р. по вѣд. прав. испов. г. V, № 1642. Т. VIII, № 2674, стр. 2.

никовъ во всей Украинѣ). Не ограничиваясь согласіемъ этого епископа и для большей очевидности и достоверности своего ходатайства, Епифаній въ Бессарабскомъ городкѣ Сорокахъ составилъ подложную грамоту къ Ясскому митрополиту отъ имени Киевскаго архіепископа и представилъ ее потомъ по адресу съ приложеніемъ фальшивой Софійской печати и трехъ патентовъ на вышесказанныя игуменства. Грамота эта составлена съ знаніемъ и пониманіемъ тогдашняго политическаго положенія Украины и того недовольства, которое затаенно дѣйствительно существовало давно противъ отношеній русской власти къ южно-русскому духовенству, именно со времени отчисленія Києва и Малороссіи изъ вѣдѣнія Константинопольскаго патріарха, и особенно усилилось со времени учрежденія св. Синода. Именно Епифаній отъ лица Киевскаго архіепископа писалъ: «нарочно писалъ я къ преосвященному епископу Львовскому, объявляя поведеніе Украины, которая прежде была подъ вѣдѣніемъ Киевской епархіи, а когда Императорское Величество отдалъ во владѣніе королю Польскому, тому уже дѣтъ съ тридцать, въ другомъ случаѣ сказано—тринадцать и, кажется, вѣрнѣе, знатные города: Бугуславъ, Лисянку, Корсунъ Бѣлую Церковь, Хвостовъ и прочіе города и села и Чигиринъ, гдѣ въ прежніе годы были епископы Киевскіе, то вся та Украина, не имѣя своего пастыря, пребываетъ безчинно, и въ ней много явилось несвященныхъ поповъ, а которые отъ священнослуженія отлучены—священнодѣйствуютъ по прежнему²⁾. И это отъ того, что Львовскій епископъ запре-

¹⁾ Въ экстрактѣ дѣла о Епифаніи, сдѣланномъ въ канцеляріи св. Снн., по этому поводу сказано: «Привезли къ нему, Епифанію, дому онаго Львовскаго епископа съ Немирова отъ архидіакона письмо..., что ежели онъ, Епифаній, можетъ получить благословеніе на Чигиринскую епископію, то невозбранно будетъ во всей епархіи Львовской, Украинской и повѣтъ Уманскомъ прилучающихся въ поны посвящать»... Ibidem.

²⁾ Въ первомъ случаѣ здѣсь разумѣется договоръ 1686 г. съ Польшею, напечатанный еще въ XVIII в. въ десятичномъ сборникѣ Туманскаго. Заглавіе сборника: «Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Вел.». Изд. трудами и иждивеніемъ Федора Туманскаго. Спб. 1787—1788 гг. Договоръ напечатанъ въ X т. Нѣкоторыя указанія о ходѣ изданія см. у Державина, Сочиненія, изд. Акад. Наукъ, V, 574, 662, 660. Шмурло, Е. Петръ Вел. въ рус. лит. Спб. 1889 г. стр. 83.

тиль всѣмъ ставленникамъ принимать священство отъ великороссійскихъ и малороссійскихъ архіереевъ, а всѣмъ имъ приходило для этого во Львовъ, куда они однако нейдутъ, какъ за дальностію пути, такъ напаче ради опрѣсночнаго служенія, предпочитая на свою пагубу совершать священныя тайны безъ посвященія. О такомъ настроеніи и распустаніи самованныхъ поповъ писалъ я къ епископу Львовскому, проси его здраваго совѣта, а его преосвященство хотя и не вручалъ мнѣ вѣдомствомъ тѣхъ поповъ, однакожь, чтобъ не было между Императорскимъ Величествомъ и королемъ Польскимъ нарушенія договоровъ, позволялъ посвящать на епископію іеромонаха и послать въ Чигиринъ, гдѣ прежде епископы живали. И по тому епископа Львовскаго согласію посвятить епископа въ Кіевъ невозможно, понеже отъ св. Синода не токмо по епископа посвящать, но и въ монахи во всей Малой Россіи постригать запрещено. Того ради смиренно молю, да благоволите сего свидѣтельствовавшаго законника нашего, святософійскаго іеромонаха Епифанія посвятить во епископа и дать ему патентъ за подписью своей руки и наименовать епископомъ, Чигиринскимъ и Украинскимъ; а ежели въ Яссахъ обрѣтается патриархъ какой изъ Палестины греческой, то бѣ и митрополитомъ его посвящать и бѣлый клобукъ ему дать, понеже, невѣдомо для какихъ причинъ, св. Синодъ, унявъ чести митрополіи Кіевской, перевелъ ее на архіепископію и запретилъ во всей Великой и Малой Россіи молиться за патриарховъ и не почитать ихъ. А мы съ духовенствомъ желаемъ, по прежнему, на Украинѣ митрополита, и какъ онъ, Епифаній, въ близости будетъ жить отъ Кіева, то всегда можетъ присутствовать въ домѣ нашемъ при ду-

Еще въ началѣ 1711 г. чрезвычайный и полномочный посолъ польскій, Воловичъ, маршалъ Литовскій, объявлялъ въ Москвѣ царскимъ министрамъ, между прочимъ, и такія требованія, чтобъ отданы были Польшѣ украинскія крѣпости: Бѣлая Церковь, Хвостовъ, Браславль, Немировъ, Богуславъ, какъ и города на правомъ берегу Днѣпра: Чигиринъ, Каневъ, Трахтемировъ, Мошны, Соколыница и др., стоящіе теперь пустыми. Позже, подъ вліяніемъ новой грозящей войны въ Турціи, заключенъ былъ договоръ съ Польшей, обезпечивающій опасность съ этой стороны, именно въ 1713 г. Ист. Рос. Соловьева, т. XVI, стр. 64 и д.

ховныхъ дѣлахъ, а во время нашего отъѣзда въ Москву на годовую чреду священнослуженія, замѣнить насъ въ Кіевѣ»¹⁾.

Грамота эта датирована 28 мая, а 22-го іюля того же 1724 г. Молдавскій митрополитъ Георгій въ сослуженіи съ епископами: Романскимъ Аванасіемъ и Гусскимъ Орестомъ въ Ясскомъ кафедральномъ соборѣ возложилъ на Епифанія оиофортъ. При отпускѣ митрополитъ Георгій снабдилъ новопоставленнаго епископа Чигиринскаго и Украинскаго обыкновенною «ставленою» грамотою, «съ словеснымъ приказаніемъ, что ежели онъ присягнетъ на унію, то будетъ анаема, а ежели подвергнется гоненію, то бѣ переимѣнить епархію». Съ 15-го августа Епифаній принялся за исполненіе своихъ епископскихъ обязанностей, прежде всего въ Лысянкѣ, по прошенію тамошняго игумена, онъ посвятилъ въ приходской церкви двухъ монаховъ—одного въ іеромонаха, а другого — въ іеродіакона; въ Богуславѣ поставилъ одного попа и одного іеродіакона. «И какъ узнали, что онъ епископъ, понасылали къ нему ставленниковъ изъ разныхъ мѣстъ,

¹⁾ Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сян. Т. IV, № 476/217, стр. 482—483. Интересно, что архіеп. Варлаамъ самъ писалъ въ 1725 г. въ св. Синодѣ о разрѣшеніи постригать въ монашество студентовъ безъ трехлѣтняго искуса, по причинѣ оскудѣнія монаховъ, по доношеніямъ ректора коллегіума Богоявленскаго братскаго монастыря, іером. Іосифа и Свято-Никольскаго Пустынно-Кіевскаго монастыря иг. Христофора. Первый доносилъ, что 11 изъ его «пановъ дисциплиуловъ», окончивающихъ богословское «четверолѣтнее» ученіе, желаютъ „въ чинъ монашества“, но только смущаются трехлѣтнимъ монастырскимъ искусомъ и запрещеніемъ изъ св. Сян. постригать въ монашество, прося вмѣнять имъ за искусъ постоянное, въ продолженіе 12 и болѣе лѣтъ, обученіе, «понеже зѣло великое оскуденіе литератовъ въ нашихъ обителѣхъ кіевскихъ обрѣтается». Оба ходатайства б. уважены св. Синодомъ; относительно же указа отъ 28 января 1723 г. о запрещеніи постригать въ монашество Синодъ объяснилъ, что онъ относится къ великороссійскимъ монастырямъ, а не малороссійскимъ, такъ какъ въ тамошніе монастыри опредѣлено посылать на пропитаніе отставныхъ солдатъ, а въ малороссійскіе монастыри солдатъ не посылають. Ол. док. и д., хран. въ арх. св. Сян. Т. V, стр. 106—109. Ср. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. Росс. имп. Т. V, № 1490. Характеристика Варлаама Вона-

которыхъ онъ и посвятилъ больше десяти человекъ». Протоіерей Журавлевъ первый пустилъ въ оборотъ извѣстіе, что въ это время Епифаній познакомился съ раскольниками, которые, чуждаясь въ священникахъ, просили его посвятить избранныхъ ими лицъ,—извѣстіе, неоправдываемое официальными данными и невѣроятное само по себѣ, хотя и часто повторяемое нашими историками раскола. Посвященные Епифаніемъ священники въ Лысянскѣ и Богуславѣ были православными южно-русскими людьми, а не великороссійскими раскольниками¹⁾.

говича мастерски сдѣлапа г. Е. Крыжановскимъ въ ст.: «Феофанъ Прокопевичъ и Варлаамъ Вонатовичъ». (Тр. Киев.-Дух. Ак. 1861 г., апрѣль, стр. 279 и д.). Это былъ человекъ простой, неученый, чуждавшійся всякаго общества и любившій только уединеніе и подвижническія занятія. На Киевской кафедрѣ Вонатовичъ не только чуждался общества, но и рѣдко допускалъ къ себѣ подчиненныхъ, сдалъ все дѣла по епархіи консисторіи и сносился съ нею единственно чрезъ своего писаря, такъ что сами члены консисторіи рѣдко могли его видѣть. Писаремъ, впрочемъ всѣми дѣлами по Киевской епархіи, былъ нѣкоторое время у Вонатовича и Епифаній Ревуцкій.

¹⁾ Журавлевъ. Полн. ист. изв. о раскол. Ч. III, стр. 27. Мельниковъ—Ист. оч. поповщ. Ч. I, стр. 103, говоритъ, что на Украинѣ Епифаній, разумѣется, «не даромъ», въ продолженіе какого-нибудь мѣсяца поставилъ раскольникамъ 14 поповъ и дьяконовъ. Тоже повторяетъ за Мельниковымъ и проф. Ивановскій въ своемъ «Руков. по ист. и облич. старообр. раскола». Казань. 1887 г., стр. 143. Платонъ Аванациновичъ, еп. Будимскій, въ своей «Повѣсти краткой и достоверной о раскольничьихъ, на соблазнъ и позоръ правосл. нашей восточ. церкви въ сія послѣдняя времени прошибающихся» (Будимъ, 1848 г.), рассказываетъ, что раскольники, не обрѣтая нигдѣ православныхъ іерарховъ, которые бы пожелали воспріять жезлъ паствы надъ ними, «отринувшии и прогнании отсюду, умыслиша наконецъ восхитити лестію и обманомъ, еже прямо получить не можаху—се како то: Калогера нѣкоего, развратника и пьяницу, златомъ многимъ купивше я, посылають во страну Молдаво-Валахійскую во градъ Гасси къ митрополиту тамо священноначальствующему, ему же и писаніе нѣкое живое, аки бы отъ православнаго митроп. Киевскаго въ Россіи, составиша и препоручиша, да онаго лестца посвятитъ во епископа въ нѣкій градъ Киевскія области... Изшедшій

Не долго однако Епифанію пришлось дѣйствовать по епископски въ юго-западныхъ областяхъ тогдашней Польши. Чтобы не навлечь на себя непріятностей со стороны мѣстныхъ униатскихъ архіереевъ, онъ принужденъ былъ, назвавшись «странствующимъ епископомъ, идущимъ до Кіева», обратиться къ униатскому архіепископу Владимірскому Кишкѣ и епископу Львовскому Шептицкому съ просьбою «о протекціи и дозволеніи жить на Украйнѣ и ставить поповъ». Въ отвѣтъ на эту просьбу комиссаръ Владимірскаго архіепископа, Овручскій архимандритъ, прислалъ въ Лисянку къ Епифанію своего законника, «который крѣпко держалъ его цѣлую недѣлю подъ арестомъ, и до тѣхъ поръ не отпускалъ, пока онъ не явилъ ему своей ставленой грамоты». «Въ яковомъ гоненіи», говоритъ далѣе Епифаній, «по нуждѣ моей, переписалъ на бланкетѣ грамоту, называющуюся Гусскимъ Волошскимъ епископомъ, а не Чигиринскимъ, а тую грамоту спалилъ, боячися, же бы не усиливали присягати на унию и за то не подласти проклятію митрополитанскому; а какъ законникъ отѣхалъ до официала, то онъ, ради благочестія, ушелъ до Кіева». Въ концѣ сентября того же 1724 г. Епифаній былъ уже въ Кіевѣ, и, предъявивъ Кіевскому архіепископу Варлааму Вонатовичу, „предстателю паствы словесныхъ овецъ, учителю, отцу и пастырю“, ставленную грамоту, составленную имъ въ Лисянкѣ и писанную на турецкой бумагѣ малороссійскими литерами, просилъ отпустить его за Днѣпръ, въ Скельскій монастырь, гдѣ прежде онъ игуменствовалъ. Однако Вонатовичъ, не смотря на свое прежнее покровительство Епифанію, «видя его не епископа, а бѣглеца быти», по совѣту съ Кіевскимъ губернаторомъ княземъ Ив. Юрьевичемъ Трубецкимъ и «съ духовнымъ консисторомъ своимъ, велѣлъ взять его въ хлѣбню на цѣпь», гдѣ Епифаній и сообщил вышеизложенныя свѣдѣнія о приобрѣтеніи имъ епископства, подписавъ свое

обаче на ловяту сей опасный лжепастырь, именованійся *Епифаній*, невозможне утвердиться нигдѣже, не точію въ державѣ Россійскій, но ниже и во странахъ Полскихъ и Турскихъ, идѣже расколники живяху... свие принужденъ бѣ калогеръ Епифаній сей святатися, бѣгая отъ страны въ страпу и крыся, во пристанищахъ расколническихъ, дондеже ятъ бысть яко скятница и возмутитель, и въ заточеніе вперженъ, идѣже злохудожную душу свою алѣ испусти». Стр. 13—14.

показаніе такъ: «недостойный епископъ Епифаній Яковличъ, брэнною рукою»¹⁾.

Прежде донесенія св. Синоду о дѣлѣ Епифанія, Киевскій архіепископъ запросилъ грамотой Молдавскаго митрополита, и послѣдній отвѣтилъ, что дѣйствительно Епифаній хиротонисованъ имъ въ санъ епископа, но не Гусскаго, а Чигиринскаго, и хиротонія учинена «не ради мзды и пріятія даровъ», а вслѣдствіе принесенной Епифаніемъ братской грамоты его, Киевскаго архіепископа²⁾. Въ такомъ смыслѣ Варлаамъ Вонатовичъ и донесъ о Епифаніи св. Синоду. Послѣдній потребовалъ его «для подлежащаго розыска» въ С.-Петербургъ. 12-го сентября 1725 г. Епифаній лишень сана и монашества и отосланъ въ юстицъ-коллегію. 16-го іюня 1726 г., вслѣдствіе особаго ходатайства вице-президента св. Синода архіепископа Теофилакта Лопатинскаго, съ Высочайшаго соизволенія, св. Синодъ постановилъ: «означеннаго разстригу Евстафія, для поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императорскаго Величества (Петра I) и для многолѣтняго здравія Ея Императорскаго Величества отъ розыска и наказанія учинить свободна, а... за его важныя винны, на волю его не освобождая, посласть его въ Соловецкій монастырь и содержать тамъ до

¹⁾ Сажанье на цѣпь, при современномъ взглядѣ на вещи, кажется чѣмъ-то дикимъ, жестокимъ, тяжелымъ наказаніемъ. Въ древней Руси, какъ и въ началѣ XVIII в., сажанье на цѣпь было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ; это было даже не наказаніе, а первая исправительная мѣра. Вездѣ, по всей Россіи, въ деревняхъ, въ городахъ, въ приказахъ, канцеляріяхъ, при первомъ «протпвномъ» поступкѣ, сейчасъ сажали на цѣпь. Это было такъ общепринято, что даже въ присутственныхъ мѣстахъ, въ случаѣ грубости или пьянства какого-нибудь подъячаго или коніюста, секретарь безъ всякаго дальнѣйшаго разговора сажалъ его на цѣпь—до повинной или до протрезвленія. Въ монастырхъ православныхъ и старообрядческихъ это было также всеупотребительно.

²⁾ Хиротонія дѣйствительно обошлась Епифанію очень не дорого. Онъ далъ митрополиту «два куля (мѣха) сѣберчатые, да денегъ 50 талерей, а прочимъ его служителямъ монахамъ давалъ на рясы мухоару, чтобы старались у него митрополита». Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Свн. Т. IV, ст. 483.

смерти неисходно...» Но и этот сравнительно в ту пору мягкой приговор не приводился в исполнение почти целый год. 30-го июня 1727 года разстрига Евстафий ходатайствовал предъ св. Синодомъ о возвращеніи ему монашескаго чина; Синодъ разрѣшилъ ему быть простымъ монахомъ и именоваться по прежнему Епифаніемъ, и ради того же помяновенія Петра I вѣдѣно было возвратить ему клобукъ и камилавку. Въ Соловки Епифаній былъ отправленъ въ самомъ концѣ 1727 г., и пробылъ тамъ года полтора съ небольшимъ. 26-го июня 1729 г. онъ въ толпѣ богомольцевъ оставилъ ногостепримный для него Соловецкій островъ и отправился на другой конецъ тогдашней Россіи, гдѣ хотѣлъ пробраться за польскую границу, но былъ снова схваченъ. Въ сентябрѣ того же года онъ былъ схваченъ именно на форпостѣ у Каневского перевоза черезъ Днѣпръ и представленъ въ Переяславскій архіерейскій домъ, гдѣ и сознался въ бѣгствѣ изъ Соловецкаго монастыря и въ намѣреніи тайно пробраться въ Польшу. Изъ Переяславскаго ареста Епифаній черезъ мѣсяцъ ушелъ за Днѣпръ въ Корсунъ и Лисянку, началъ здѣсь переговоры „съ ктиторами церковными и мѣщанами“ о томъ, чтобы ему, Епифанію, быть Украинскимъ архіереемъ, и даже ѣздилъ съ двумя Лисянскими монахами съ просьбою о томъ къ Львовскому униатскому архіерею Аванасію Шептицкому. Послѣдній «угваривалъ его присягнуть на унию, съ обѣщаніемъ архіерейства, и назначилъ ему для прожитія Креховскій монастырь, гдѣ онъ и жилъ почти целый годъ». Въ началѣ 1731 г. Епифаній опять очутился въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ былъ снова схваченъ 20-го февраля въ одной изъ вотчинъ Густынскаго монастыря, отправленъ въ оковахъ въ Кіевскій архіерейскій домъ, а отсюда доставленъ въ Московскую Синодальную Канцелярію, гдѣ и содержался съ ноября 1731 г. по 6-е февраля 1733 г. Здѣсь-то онъ впервые и познакомился съ старообрядцами-поповцами, предложившими ему перейти къ нимъ и поселиться у нихъ на Вѣткѣ въ тамошнемъ старообрядческомъ монастырѣ. Здѣсь Московскіе и Вѣтковскіе раскольники, когда Епифаній согласился быть архипастыремъ всего старообрядства, учли непривычнаго южнорусса своимъ старымъ обрядамъ, чтобы послѣ, когда будетъ священнодѣйствовать на Вѣткѣ, не произвелъ какого-либо несвойственнаго старообрядству соблазна

Въ Синодальной Канцеляріи Епифаній показалъ, что „хотя онъ и

многочратно былъ склоняемъ Львовскимъ епископомъ Шеншицкимъ на унию, однако не принялъ оной и побѣжалъ снова въ Лясанку, а оттуда въ Москву, *«въ намѣрѣніемъ просить у св. Синода милостиваго въ оныхъ своихъ прощенья»*; но на дорогѣ, въ с. Поддубновкѣ, поймалъ его Гусьтинскій монастырь игуменъ Гавриилъ Леопольскій и отослалъ въ Кіевъ, откуда его взяли въ Москву. По отрѣшеніи св. Синодомъ поправильно восхитеннаго имъ, Епифаніемъ, епископскаго сана, во всемъ ономъ своемъ бѣствѣ ни по архіерейски, ни по іеромонашески нигдѣ оиъ не служилъ, и епископомъ себя не называлъ; а что и некоторые въ Переславль, до архіерейскаго служенія принадлежація, венцы при немъ были, а именно: оюфоръ луданный, желтаго цвѣта, митра сукошная, красная, съ серебряною выставкою, и служебникъ, то тѣ вещи не съ такимъ намѣреніемъ оиъ возилъ съ собою, чтобъ по архіерейски служить, но для того, чтобы ихъ отдать въ Польшѣ въ который-нибудь монастырь». Въ заключеніе Епифаній заявилъ, что сказалъ оиъ «суцую правду». Тѣмъ не менѣе поведеніе его въ арестантскомъ отдѣленіи при Синодальной Канцеляріи, или по тогдашнему названію «въ бѣдности», даетъ поводъ сомнѣваться въ справедливости его показанія о томъ, что будто бы, во время своего бродяжничества по правобережной и лѣвобережной Малороссіи, оиъ не служилъ ни по архіерейски, ни по іеромонашески. Именно 2-го іюня 1732 г., содержавшійся вмѣстѣ съ Епифаніемъ подъ арестомъ, бывшій архимандритъ Казанскаго Спасопробряженскаго монастыря Питиримъ «извѣтомъ» объявилъ, что «монахъ Епифаній, пришедъ къ нему съ ножомъ въ рукѣ, бранилъ его, Питирима, называлъ собакою и говорилъ, якобы оиъ, Питиримъ, съѣлъ Казанскаго архіерея, и что лучше бы ему умереть, чѣмъ честь его, Епифанія, испразднить; оиъ же, Епифаній, приходившихъ къ нему всякаго чина людей благословляетъ и отправляетъ въ спитрахили часы, по должности *«священнической»*. Епифаній по существу «извѣта» ни въ чемъ не сознался, заявивъ только, что когда Питиримъ въ происшедшемъ между ними спорѣ называлъ его «жидомъ», то и оиъ, въ отвѣтъ на это, называлъ Питирима «людоѣдомъ», въ виду того, что Питиримъ арестанту іеродиакону Александру «переломилъ ребро», а дьячка Андрея Волостковскаго «билъ въ шею». На допросѣ же и на очныхъ ставкахъ обвиняемаго съ обвинителемъ и свидѣтелями выяснилось, что Епифаній вышеприведенныя слова о Казанскомъ

архіереѣ Сильвестрѣ дѣйствительно говорилъ и приходившихъ къ нему людей благословлялъ. «Объ этой новой дерзости» Епифанія Синодальная Московская Канцелярія сообщила вѣдѣніемъ отъ 13-го Іюня, св. Синоду, который 8 января 1733 г. постановилъ: «онаго монаха Епифанія Яковлева, по учиненіи ему въ Москвѣ жестокаго плетью наказанія, отослать, на его коштѣ, въ Соловецкій монастырь, за крѣпкимъ карауломъ, и тамъ содержать всегда скована, отнюдь не выпуская изъ монастыря». О такомъ опредѣленіи было сообщено Московской Синодальной Канцелярії вѣдѣніемъ, отъ 9-го января. 13-го февраля, «при крѣпленіи протокола отъ 8-го января», нерискованной членъ Синода, архіепископъ Новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, заявилъ св. Синоду, что назначенное Епифанію наказаніе не соответствуетъ степени его вины; ибо монахи этотъ не только не вразумили прежде оказанною ему милостію, но, «уничтожа и презира» оную, бѣжали изъ Соловецкаго монастыря, а потому заслуживаютъ тяжкаго наказанія. Синодъ согласился съ мнѣніемъ своего вліятельнаго члена, и 27-го февраля постановилъ: „Синодальное 8-го января о вышеупомянутомъ монахѣ Епифаніѣ опредѣленіе отмѣнить, и егору Епифанію, накіи въ Московскую синодальную канцелярію возвратити“, и, по возвращеніи, за дерзости его, монашескаго сана лишить и, съ прописаніемъ воѣхъ вишъ его, отослать въ свѣтскій судъ, для ссылки въ Сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу¹⁾.

Прежде чѣмъ состоялось послѣднее опредѣленіе св. Синода о Епифаніи, Московская Синодальная Канцелярія приводила въ исполненіе первое: Епифаній былъ наказанъ плетью и отправленъ въ Соловки 6-го февраля подъ карауломъ двухъ солдатъ—Николая Лушанина и Семена

¹⁾ О ходѣ дѣла Епифанія въ 1733 г. см. Полн. соб. пост. и расписно вѣд. правосл. испов. Т. VIII (1733—1734 гг.). Спб. 1898 г. № 2674, объ учиненіи монаху Епифанію Яковлеву Ревуцкому наказанія плетью и объ отсылкѣ его, на своемъ коштѣ, въ Соловецкій монастырь, для содержанія всегда скованнымъ и безъ выпуска изъ монастыря, отъ 8-го января, и № 2693, отъ 22 февраля, объ отмѣнѣ прежняго синодальнаго и замѣнѣ онаго лишеніемъ монашества и отсылкою Епифанія къ свѣтскому суду, для ссылки въ Сибирскіе горные заводы на вѣчную работу. Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Сми, Т. IV, ст. 492.

Честнаго, а 17-го февраля былъ отбитъ отъ кошвои „воровскими людьми“, какъ показали названные солдаты и Ярославскаго Яму ямщикъ Иванъ Малыгинъ въ Ярославской провинціальной канцеляріи 18-го февраля „въѣтомъ въ допросахъ и съ очныхъ ставокъ“. Именно они показали, что наканунѣ, 17-го февраля, колодника старца Епифанія отбили у нихъ воровскіе люди въ Коломинскомъ лѣсу (а не Коломенскомъ, какъ въ „Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода“, т. IV, ст. 493, и у преемв. Макарія въ „Ист. рус. раск.“, стр. 302), при чемъ били ихъ и увѣчили и 12 руб. прогонныхъ денегъ отняли¹⁾. Между тѣмъ другой ямщикъ, 14-лѣтній Дмитрій Ивановъ «въ разспросѣ и съ очной ставки» показалъ, что «объявленнаго де колодника означенные солдаты Лупандинъ съ товарищемъ везли нескованнымъ и отпустили своею волею, а воровскихъ людей они не видали». Показаніе послѣдняго относительно того, что Епифаній на пути въ ссылку не былъ закованъ, какъ требовалось данной изъ Синодальной канцеляріи инструкціей, подтвердили сотникъ и староста д. Рѣшетниковой, въ которой ночевали солдаты вмѣстѣ съ Епифаніемъ наканунѣ его бѣгства. Солдатъ и ямщиковъ, какъ водится, отправили въ Сыскной Приказъ «для подлиннаго слѣдствія»; но и здѣсь на пыткѣ первые трое говорили тѣ же рѣчи; Честной же на пыткѣ и умеръ. Дмитрій Ивановъ отказался здѣсь отъ прежняго своего показанія, заявивъ, что давалъ таковое «изъ заустрастія», а того монаха подлинно отбили воровскіе люди, и это послѣднее утверждалъ «съ троекратнаго битья плетью».

Результаты слѣдствія о бѣгствѣ Епифанія изъ подъ караула изложены въ указѣ св. Синода епархіальнымъ архіереемъ, отъ 30-го марта 1733 г., о поискѣ во всѣхъ монастыряхъ и пустыняхъ и присылкѣ въ Синодъ колодника старца Епифанія. Здѣсь же описываются и его примѣты: «А ростомъ оный Епифаній привезимствъ, толствъ, въ лицѣ широкъ, блѣденъ, глаза сѣрые, волосы на головѣ и бородѣ черные, съ сѣдиною, борода широкая и продолговатая».

О томъ, при какихъ обстоятельствахъ попалъ Епифаній въ руки

¹⁾ Деревня Коломино, по имени которой назыв. лѣсъ, вправо отъ большой Ярославско-Вологодской дороги, на границѣ Ярославскаго и Романовскаго уѣздовъ. Лѣсъ и волокъ начинаются верстахъ въ 18 отъ Ярославля. Мельниковъ, Ист. оч. поповщ. 1, ст. 114—115,

раскольниковъ и потомъ очутился на Вѣткѣ, рассказываетъ онъ самъ въ письмѣ съ Вѣтки къ Кіевскому архіепископу Рафану Заборовскому, отъ 30-го марта 1734 г. Между прочимъ здѣсь онъ писалъ: «воввѣсти о мнѣ окаянномъ свят. правительствующему Синоду, о неизглаголанномъ бѣдствіи моемъ и странничествѣ, и что подъяхъ отъ разбойниковъ, и то еще сохранилъ мене Господь Богъ отъ наглої смерти; и быеніе немилостивое отъ нихъ претерпѣлъ и раны, и до нынѣ стражду въ болѣзни той и дыхати не могу, и наслу до церкви изъ келии перейду, и такъ начаюся, что сія болѣзнь до кончины моея случися мнѣ. И то еще послалъ мнѣ Богъ человѣка изъ Москвы, за мною ѣхалъ путемъ, и увѣдалъ о моемъ окаянствѣ, якою я чиню человѣкъ, и тилъ разбойникамъ огласилъ мою персону, теи они перестали ма быти и мучити. А сіе мнѣ прилучилося за градомъ Перяславлемъ, за рѣкою Волдою, перейхавши уже верстѣ больше тридцати; и оттоли везли мене связаннаго днемъ и ночу у саняхъ рогожами прикрытаго, и тако подъяхъ неизглаголанія бѣди больше двухъ недѣль; а когда завезли мене на Полѣся и, обнаживши, оставили ма въ ноци при двухъ келіяхъ, идеже пустынники, старци рускіе, живутъ, съ которыми старцами прежилъ я тамо недѣль боаше десятка, въ пустинѣ той. Приспѣвшу же празднику Преображенія Господня единъ отъ нихъ, ради исповѣди и причастія, пошелъ на Вѣтку, и тамошней братіи извѣстилъ о мнѣ, теи они вѣтковскіе старцѣ, безъ откладу того жъ времени, пріехавши у тую пустыню, насиліемъ узали мене, идеже и донныѣ жию на Вѣтки, и по надлежащей моеї нуждѣ, чего и ненавижду, тое содѣловаю и *литургисати убъжденг*. Пожалуй, Бога ради, сотвори милость со мною; промисли о мнѣ, понеже кончина житію моему уже при дверехъ стоитъ. Благоволи свободити меня оттуду, да на своемъ обѣщаніи и животь мой скончаю. А кто же сіе писаніе преосвященству вашему донесетъ, буди ко мнѣ и къ нему благостию своею милосердѣ. Азъ же за благодареніе ваше должень молити Бога, Той да сохранитъ тя отъ воѣхъ враговъ твоихъ на лѣта многа. Еще же и о сей моеї крайней нуждѣ молю преосвященство ваше: ежели изводите по мене посылати на Вѣтку якого человѣка, тотъ посланній да явится первѣе мнѣ самому секретно. А ежели оцутятъ его, или старцѣ тамошніе или гражданае, то и путіе неизслѣдованни будутъ, албо же во внутреннюю пустыню завезутъ ма, или отраву дадутъ, а я уже и безъ того

ведми немощію обложенъ есмь отъ убійства разбойническаго, отчего усѣхъ вась и въ далніе часы да сохранитъ Господь Богъ»¹⁾.

Такъ писалъ съ Вѣтки «дознаному благодѣтелю» своему, Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, «недостойный рабъ и богомолецъ, старецъ Свято-Совѣтскій Кіевскій, Епифаній Іковлевичъ Ревуцкій», какъ онъ, подписався на письмѣ, о томъ, какъ онъ попалъ на Вѣтку и въ какомъ положеніи находился тамъ. Письмо это отчасти дополняетъ и уясняетъ намъ тѣ обстоятельства, при которыхъ Епифаній попалъ на Вѣтку, какъ и обращавшія по этому поводу свѣдѣнія въ нашей литературѣ, довольно подробно изложенныя главнымъ образомъ П. И. Мельниковымъ въ его «Истор. очеркахъ поповщины» (стр. 113—119), на основаніи документальныхъ данныхъ, не всегда однако же точно. Такъ, по словамъ Епифанія въ письмѣ къ Кіевскому архіепископу, онъ прожилъ въ пустынѣ около Вѣтки «недѣль болше десятка», а затѣмъ около 6-го августа 1733 г. взятъ былъ «насиліемъ на Вѣтку», гдѣ и жилъ до написанія письма архіепископу Рафаилу Заборовскому, т. е. до 30-го марта 1734 г., и даже *литургисати убѣжденъ*. Этимъ указаніемъ оправляется та неточность, допущенная Мельниковымъ, категорически утверждающимъ, что первоначально Епифаній жилъ «болше года» не въ самой Вѣткѣ, а въ какой-то пустынкѣ, бывшей не подалеку, и что въ эту пустыньку, провѣдавъ о привезенномъ изъ Ярославля архіереев, приходили къ нему старообрядцы и допытывались: кто онъ такой, откуда, какого града былъ епископъ, и слыша его малороссійское произношеніе, тотчасъ же спрашивали: «А тебя какъ крестили? Обливали или погружали въ три погруженія?» (Стр. 119—120).

Съ другой стороны, изъ письма Епифанія къ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому оказывается, что и къ послѣднему Епифаній стоялъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, какъ и къ прежде бывшему архіепископу Варлааму Вонатовичу, несомнѣнно покровительствовавшему Епифанію, и велъ съ нимъ переписку раньше 30-го марта

¹⁾ Письмо предложено къ дѣлу св. Синода о мѣрахъ къ привлеченію бѣлаго чернеца Епифанія Ревуцкаго къ возвращенію въ Кіевъ изъ с. Вѣтки, для отсылки его въ св. Синодъ. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. св. Синода. Т. VIII, 1733—1734 гг. Спб. 1898 г., № 2833, стр. 276—277.

1734 г. Именно въ началѣ письма о своихъ отношеніяхъ къ архіепископу Рафаилу Епифаній говоритъ: *„Неоднократно уже пишуши до вашего преосвященства о неизглагоманной моей нуждѣ, но обаче вашего архіерейскаго любезнаго отвѣту и утѣшенія презрѣльному желанію моему отъ многихъ временъ отнюдъ не получилъ, о такомомъ невзвѣстїи, или реку презрѣнїи вашомъ, испущю тако: явобы ваше преосвященство, будучи во изобилии славы своєю, въ преворство ко мнѣ бѣдному сихъ временъ предложися... Сидевое нещеваніе о вашемъ преосвященствѣ неразумѣваю, понеже естественнїй характеръ на вашемъ преосвященствѣ возбраняеть ны сидеваго помышленїя нещевати. Второе же и разсужденіе обрѣтающесея во главѣ вашей воспящастъ ны, яко отъ сихъ обою извѣстенъ семя, иже во благообразнозъ смиренномудрїи и любви Божественной соестественнѣ ко всеѣмъ являетъ, и сидевимъ смиренїемъ послушствующїя мудрости благородїи вашего, человека вождя аки магнїтъ къ себѣ привлекаетъ. Мене же паче всеѣхъ окалннаго и дадече сущаго и страннаго твоею милостїю одолжилъ еси памятовати... о семъ во истинну благодарю Господа Бога моего, яко у такового въ людъ бомудрїи величайшаго учителя сподобихся словесъ наказанїя полезныхъ слушати, и знаемъ быти въ любовъ преосвященства вашего, о чемъ хочай въ нуждѣ моей и въ гоненїи, но зѣло услаждаюся, и ваше непреложное и стрезде бывшое въ Петербурху ко мнѣ окалннаму, и окованному нищетою и желѣзами, милосердіе твое благо незабвенно и на памяти есть, за что по премногу благодарствую... Да аще Богъ изволятъ, радъ былъ я отъ всея души и отъ всего поминденїя моего само и постасно преосвященство ваше видѣти...“* Въ доношенїи св. Синоду, отъ 4-го сентября 1734 г., преосвященный Рафаилъ, донося Синоду о полученїи на его имя письма отъ Епифанїя, отъ 30-ю марта того же года, какъ равно и духовникомъ каведры Кїевософїйской, іеромонахомъ Іаковомъ, категорически отрицалъ, бодѣ раннюю переписку съ собой Епифанїя. Именно св. Синоду архїев. Рафаилъ писалъ: *„Да оны же старецъ Епифанїй въ писанїи своемъ, на имя мое писанномъ, изобравиль же многократно будто до мене о своихъ нуждахъ писалъ, то оны, Епифанїй, должно на мене выжайшого тое въ писанїи своемъ написалъ...“*, ничево не говоря о другихъ намекахъ Епифанїева письма на счетъ близкихъ отношенїй между ними. Возможно, конечно, что при томъ

данихъ исудобствахъ для сношеній съ частными лицами, письма Епифанія не были получены преосвящ. Рафаиломъ; но врядъ-ли возможно заподозривать искренность Епифанія въ данномъ случаѣ. Вообще это былъ человѣкъ повидимому простодушный, безхитростный.

По словамъ преосвященнаго Рафаила, первое извѣстіе о томъ, что Епифаній оказался въ старообрядческомъ притонѣ— на Вѣткѣ, онъ получилъ 12-го іюля 1734 г. отъ Добрянскаго расколника— слобожанина, Игнатія Кузьмина, называемаго въ документахъ въ другихъ случаяхъ и Иваномъ Кузьминымъ, бывшаго на Вѣткѣ по своимъ дѣламъ и рассказывавшаго по возвращеніи оттуда о встрѣчѣ тамъ съ Епифаніемъ и о томъ, что служить онъ тамъ въ монастырѣ обѣдни въ саккосѣ и омофорѣ. Такъ Кузьминъ показывалъ въ Кіевской духовной консисторіи «сказкою со свидѣтельствомъ». А 27-го августа того же года и самъ Епифаній объявилъ о мѣстѣ своего пребыванія вышеприведеннымъ письмомъ къ Кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому, написаннымъ имъ на Вѣткѣ еще 30-го марта. Сущность этого письма сводилась къ просьбѣ о ходатайствѣ со стороны Кіевского архіепископа, своего «благодѣтеля», предъ св. Синодомъ о свободномъ пребываніи его по прежнему «въ каедрѣ Свято-Софійской», какъ формулировалъ эту просьбу преосвящ. Рафаилъ въ своемъ доношеніи св. Синоду, по поводу вышеприведеннаго письма Епифанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Епифаній рассказывалъ, что на Вѣтку попалъ не своею волею, а «насиліемъ» взятъ Вѣтковскими старцами изъ какой-то полѣсской расколической пустыни, куда онъ былъ завезенъ разбойниками, отбившими его отъ караульныхъ солдатъ въ Коломинскомъ лѣсу, видимо съ согласія того человѣка, который изъ Москвы ѣхалъ за Епифаніемъ «путемъ» и огласилъ его «персону» разбойникамъ, переставшимъ тогда, по его словамъ, «мя быти и мучити». По поводу доношенія Кіевского архіепископа Рафаила о письмѣ и мѣстопребываніи Епифанія на Вѣткѣ, св. Синодъ, указомъ отъ 28-го октября, предписывалъ преосвящ. Рафаилу: «вышеозначеннаго бѣглеца, нынѣ въ Полской области, въ подданствѣ Халецкаго, въ селѣ Вѣткѣ въ монастырѣ обрѣтающагося, чернца Епифанія призвать въ Кіевъ, какимъ наилучше самымъ секретнымъ образомъ, съ пристойнымъ благосклоннаго къ нему снисхожденія обнадеживаніемъ, или какъ его преосвященство въ ономъ призывѣ его заблагоразсудитъ, токмо бѣ на Вѣткѣ въ монастырѣ, въ которомъ онъ нынѣ жительство имѣеть, обрѣ-

тающіеся черницы и другіе Халецкаго подданные о томъ его призваніи никакъ извѣстны быть не могли; да и онъ бы, Епифаній, никому тамо не разглашалъ, и оттолѣ, какъ возможно, чтобъ выѣхалъ въ Кіевъ къ его преосвященству тайнымъ же образомъ, безъ всякаго опасенія и сумнительства. Когда же, по тому призыву, оной чернецъ, оттолѣ въ Кіевъ къ его преосвященству прибывъ, явится, тогда, обобравъ у него всякія письма (ежели какія явятся) и прочей скарбъ и, описавъ и запечатавъ, а его, Епифанія, заковавъ въ пошныя крѣпкія кандалы (чтобъ онъ, Епифаній, какъ и напередъ сего чинивалъ, утечки съ дороги учинить не могъ), прислать со всѣмъ скарбомъ, подъ добрымъ и крѣпкоосторожнымъ конвоемъ, въ свят. правит. Синодъ». Получивъ этотъ синодскій указъ, архіепископъ Рафаилъ затруднился исполненіемъ его, въ особенности потому, что не зналъ, какъ назвать Епифанія. Назвать архіереемъ онъ находилъ неприличнымъ и опаснымъ: «ибо можетъ быть, что онъ, отъ своихъ суевѣрцевъ въ сумнительствѣ обрѣтаясь о поставленіи во епископа, по великой своей хитрости и коварству, единого требуетъ того, чтобъ ему, получивъ письмо, съ написаніемъ титула архіерейской, свидѣтельствовать себѣ быти архіерея и тѣмъ похваляться, что и въ Кіевъ его призываютъ,—а не написать въ письмѣ къ нему титула архіерейской,—онъ придетъ въ сумнительство о своей надеждѣ и посланному къ нему изъ Кіева можетъ сдѣлать своимъ коварствомъ какую нибудь бѣду».

Изъ дѣла св. Синода 1734 г. «о поимкѣ въ селѣ Вѣткѣ, чрезъ посредство возвращающихся изъ Данцига войсковыхъ командъ, чернеца Епифанія, посланнаго подъ началъ въ Соловецкій монастырь за присвоеніе себѣ обманомъ епископскаго сана», видно, что Кіевскій архіепископъ Рафаилъ Заборовскій, получивъ первое извѣстіе отъ добрянца Игнатія Кузьмина о мѣстопробываніи Епифанія на Вѣткѣ, обратился къ Кіевскому генераль-губернатору графу фонъ-Вейбаху съ требованіемъ, «дабы отъ его сіятельства указомъ было предложено, кому надлежитъ, чтобъ помянутой старецъ Епифаній былъ присланъ въ Кіевъ, для отсылки въ св. прав. Синодъ. И противу де писанія его преосвященства въ отвѣтъ отъ его сіятельства генераль-губернатора, какое получилъ писаніе при томъ доношеніи его преосвященству, копія сообщена, въ которой объявлено: о присылкѣ де въ Кіевъ къ его преосвященству, для отсылки въ св. Синодъ, обрѣтающагося въ селѣ Вѣткѣ, бѣжавшаго изъ подъ караула, по-

сланнаго въ подначальство въ Соловецкой монастырь, черница Епифанія, указа ему, генералу-аншефту послать не къ кому, понеже та Вѣтка от-
туду въ дальномъ разстояніи отстоитъ. Чего де ради писано отъ него,
генерала-аншефта, въ Государственную Военную Коллегію, объявляя выше-
писанные резоны: не повелить-ли она Коллегія, по возвращеніи шныѣ
обрѣтающагося при Гданскѣ корпуса въ Россію, маршируя по способно-
сти, помянутаго старца Епифанія во означенномъ селѣ Вѣткѣ взять, и
въ св. правит. Синодъ привести»¹⁾. Въ томъ же смыслѣ высказался и
св. Синодъ. Послѣдній, не имѣя возможности своими средствами уничто-
жить во всякомъ случаѣ вредную для православной церкви попытку ста-
рообрядцевъ—образовать у себя іерархическое устройство съ епископомъ
во главѣ, въ лицѣ извѣстнаго уже намъ Епифанія Ревуцкаго, природнаго
малороссіянина, торжественно принятаго на Вѣткѣ и опредѣленнаго „на
архіерейское дѣйство“, обратился къ Военной Коллегіи съ такимъ же
предложеніемъ, какъ и графъ Вейсбахъ: «не повелить-ли она обрѣтаю-
щемуся при Гданскѣ корпусу, при возвращеніи его въ Россію, маршируя
по способности, помянутаго старца Епифанія въ означенномъ селѣ Вѣткѣ
взять и въ св. Синодъ привести». Въ свою очередь Военная Коллегія
сообщила просьбу Синода Кабинету, который и отвѣтилъ, что Вѣтка на-
ходится въ дальнемъ разстояніи отъ пути слѣдованія корпуса, а потому
большую команду послать туда трудно, малую же опасно; «ибо тамошніе
жители могутъ за того старца стоять и командѣ весьма противиться»²⁾.
Такъ отвѣчалъ Кабинетъ на предложеніе св. Синода Военной Коллегіи,
не упоминая ни однимъ словомъ о правительственныхъ мѣрахъ, уже
выработанныхъ и Высочайше апробованныхъ противъ зарубежныхъ бѣгле-
цовъ и раскольниковъ. Именно, 31-го іюля 1734 г. былъ Высочайше
апробованъ министерскій докладъ объ общихъ мѣрахъ силою возвратитъ
русскихъ бѣглецовъ въ отечество изъ-за польскаго рубежа, въ томъ
числѣ и съ Вѣтки. Еще раньше того ко всѣмъ отправленнымъ въ то
время въ Польшу командирамъ русскихъ войскъ посланы были указы,
чтобы они всячески подъ рукою навѣдывались о российскихъ бѣглецахъ,

¹⁾ Полн. соб. постан. и расп. по вѣдом. правосл. испов. Росс. имп.
Т. VIII. Спб. 1898 г., № 2827, стр. 269—270.

²⁾ Опис. док. и д., хранящ. въ арх. св. Синода, т. IV, стр. 595.

гдѣ и въ какихъ именно мѣстахъ они живутъ, и при томъ давалось знать, что если послѣдніе по опубликованнымъ всемілостивѣйшимъ манифестамъ не возвратятся, то, чтобы при выходѣ русскихъ войскъ изъ Польши, они были выгнаны силою и выведены въ Россію. Теперь, согласно министерскому докладу, снова было подтверждено особыми указами тѣмъ же командирамъ, чтобы они о тѣхъ бѣглецахъ всячески старались доподлинно развѣдать, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ и у кого больше они обрѣтаются, и въ томъ развѣдываніи съ крайнею осторожностью поступали, чтобы бѣглецы о томъ не могли дознаться и разойтись въ разные мѣста внутрь Польши и къ Турецкой границѣ. По намѣченному плану дѣйствій предполагалось всѣхъ русскихъ бѣглецовъ, находящихся въ Польшѣ и Литвѣ, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ ихъ имуществомъ вывести одновременно, при возвращеніи русскихъ войскъ изъ предѣловъ Польши. Въ то время въ Польшѣ находились два корпуса русскихъ войскъ: одинъ изъ нихъ стоялъ въ Литвѣ, другой на Волыни; первый долженъ былъ выводить бѣглецовъ къ Ригѣ и Смоленску, второй—къ Киеву и другимъ тамошнимъ мѣстамъ по способности. Волынскому русскому корпусу поручалось захватить тѣхъ русскихъ бѣглецовъ, которые поселились въ Волынскомъ Полѣсьи, а равно и тѣхъ, которые жили между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Относительно собственно Вѣтковскихъ раскольниковъ предполагались иныя мѣры. На Вѣтку и въ другія не далеко отъ нея находившіяся русскія расколичныя слободы проектировалось отправить особую команду, независимо отъ находившихся въ Польшѣ русскихъ войскъ, отъ Кіевского генераль-губернатора Вейсбаха: „иначе другія войска отъ нихъ обрѣтаются въ дальнемъ разстояніи“. Эта послѣдняя команда должна была открыть свои дѣйствія нѣсколько раньше выхода изъ Польши російскихъ войскъ, въ виду близости къ русской границѣ Вѣтковскихъ слободъ. По собраннымъ въ то время Сенатомъ свѣдѣніямъ, общее количество русскихъ поселенцевъ-раскольниковъ на Вѣткѣ и въ другихъ близъ ея находившихся слободахъ опредѣлялось въ нѣсколько тысячъ дворовъ. Прежде открытія дѣйствій противъ Вѣтковскихъ раскольниковъ, Кіевскому генераль-губернатору поручалось «подъ рукою въ томъ надлежащее учрежденіе и предуготовленіе учинить, и къ тѣмъ мѣстамъ подъ другими претексты полкамъ приближаться такимъ образомъ, чтобъ оныя всѣ мѣста, въ которыхъ тѣ бѣглецы жилища имѣ-

ють, вдругь войсками окружены и они забраны и выведены были въ Россійскую сторону». Въствѣ съ тѣмъ дѣйствующей командѣ поручалось, прежде вывода съ Вѣтки раскольниковъ, совершенно разорить ихъ заграничныя жилища, чтобы имъ впредь приближица къ поселенію не было. А бѣглецовъ предписывалось забирать „съ женами ихъ и съ дѣтьми и со всеми пожитками, и со скотомъ и съ хлѣбомъ, сколько на ихъ лошадахъ поднять будетъ можно“, и по приведеніи въ русскіе города ихъ переписать, „чьихъ они вотчинъ и которыхъ уѣздовъ и сколь давно бѣжали“ (Ш. С. З. № 6609).

Въ началѣ 1735 г. было приступлено къ фактическому осуществленію Высочайше апробованныхъ мѣръ къ возвращенію въ отечество русскихъ бѣглецовъ изъ-за Польскаго рубежа, въ томъ числѣ и съ Вѣтки. Въ то время Польша была такъ слаба, что ближайшіе ея сосѣди, Австрія и Россія, не считали нужнымъ въ подобныхъ случаяхъ съ нею церемониться и входить въ какія-либо дипломатическія сношенія. Въ самомъ началѣ 1735 г., по распоряженію Кіевскаго генераль-губернатора графа фонъ-Вейсбаха, организованъ былъ особый военный отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ: драгунскаго Азовскаго полка, двухъ козацкихъ и двухъ тысячныхъ: Стародубскаго и Черниговскаго. Цѣль дѣйствій этого отряда состояла въ томъ, чтобы «очистить Вѣтку» и сосѣднія съ нею слободы, населенныя великороссійскими бѣглыми людьми, преимущественно раскольниками. Начальство надъ этимъ военнымъ отрядомъ было поручено полковнику Азовскаго драгунскаго полка Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ полкомъ въ Стародубѣ. Съ конца февраля полковникъ Сынтинъ приступилъ къ выполнению возложеннаго на него порученія относительно выгонки Вѣтковскихъ раскольниковъ, и перешелъ Польскую границу. Полки Сытина со всѣхъ окружныхъ мѣстъ двинулись къ Вѣткѣ и другимъ близъ ея находящимся раскольническимъ слободамъ, положеніе которыхъ было хорошо извѣстно Сытину, по собраннмъ о нихъ напередъ свѣдѣніямъ. Чтобы замаскировать настоящую цѣль похода, внезапно и разомъ захватить всѣхъ слобожанъ безъ изъятія, былъ нарочно невѣрно объявленъ солдатамъ походъ въ Бѣлую Церковь, чтобы они раньше времени не разболтали настоящей цѣли похода. Хитрость удалась; Вѣтковскіе слобожане даже и не догадывались, что опасность для нихъ близка и неизбежна. Вѣтка дѣйствительна была окружена внезапно, а слобожане

не, захваченные въ располхъ, не оказали и не могли оказать никакого сопротивления; къ церкви Вѣтковскаго Покровскаго монастыря былъ приставленъ немедленно военный караулъ, какъ и къ кельямъ Вѣтковскихъ старцевъ. По словамъ Юны Курносого, только одному Епифанію предоставлена была нѣкоторая свобода, и съ нимъ будто бы обращались на первыхъ порахъ какъ съ дѣйствительнымъ епископомъ; мало того, по тому же свидѣтельству, при первой встрѣчѣ даже якобы самъ полковникъ Сытинъ подошелъ къ Епифанію подъ благословеніе и ободрилъ пораженнаго внезапностію событія старообрядческаго епископа милостію русской императрицы. Простодушный Епифаній повѣрилъ словамъ полковника, перекрестился и сказалъ съ низкимъ поклономъ Сытину: „Слава Богу! Благодарю вашу всемилостивѣйшую государыню и въ вѣкъ долженъ за нее Бога молить.“ Это было рано утромъ 1-го марта 1735 г. Вскорѣ послѣ того Епифанія подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ Азовскихъ драгунъ, подъ командой поручика, отправили въ Кіевъ. Дорогой обращались съ нимъ хорошо; поручикъ и солдаты называли его не иначе какъ иеросвященнымъ. Добродушный Епифаній искренно полюбилъ поручика, и дорогой откровенно разговаривалъ съ нимъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у раскольниковъ, со слезами благодарилъ императрицу за то, что приказала она его выручить, по его выраженію, изъ того вертепа, въ которомъ онъ былъ два года, яко Даниилъ во рвѣ львиномъ. Вѣдникъ былъ и въ самомъ дѣлѣ увѣренъ, что войска приходили въ Вѣтковскія слободы единственно „для его выручки“. Въ первыхъ числахъ марта привезъ его поручикъ въ Кіевъ. Здѣсь Епифанія посадили въ крѣпость, „въ желѣзахъ“. Тутъ только увидалъ онъ, что не жить ему „свободно“ при софійской кафедрѣ, на что онъ такъ сильно надѣялся. Такое разочарованіе до того потрясло большаго старика, что онъ слегъ въ постель и уже не вставалъ. Марта 31-го написалъ онъ послѣднее письмо къ архіепископу Рафану. Испрашивая разрѣшеніе на принятіе св. таинствъ, Епифаній писалъ: „хотя онъ жилъ на Вѣткѣ по пуждѣ и всегда за карауломъ, однако вѣру, преданную отъ Христа апостоламъ...и синодомъ утвержденную, содержалъ и нехулил; съ Вѣтковцами вмѣстѣ не ѣдалъ.“ Послѣднее желаніе Епифанія было удовлетворено архіепископомъ. Послѣ исповѣди, причащенія и маслосвѣщенія Епифаній умеръ 1-го апрѣля, и погребенъ при церкви св. Θεодосія въ кіевопечерской крѣпости

«простолюдиннымъ погребеніемъ, по выраженію монаха Виталія. Такъ окончилась многмятежная жизнь Епифанія, исходившаго русскую землю отъ Дуная до Бѣлаго моря и пересидѣвшаго въ десяти тюрьмахъ, не считая пустыньки и Вѣтки. по замѣчанію П. И. Мельникова.¹⁾

Долго и послѣ смерти Епифанія св. Синодъ производилъ разслѣдованіе о его «архіерейскомъ дѣйствѣ» на Вѣткѣ. Въ какомъ направленіи происходило это разслѣдованіе, показываетъ Синодскій указъ, отъ 21 іюля 1735 г., архіепископу Рафаилу Кіевскому и Галицкому. Особенно интересовали св. синодъ два вопроса, а именно: 1, «въ каковомъ именно дѣйствіи онъ, Епифаній, будучи на Вѣткѣ, обрѣтался? 2, и кто имени, по каковому чиноположенію рукоположены пять діаконскій и священническій чинъ?»²⁾ Въ 1736 г. воѣ болѣе видиме изъ захваченныхъ на Вѣткѣ во время «первой выгонки» расколоучителей, плѣтѣ съ захваченнымъ вѣтковскимъ мѣромъ, книгами, иконами, церковной утварью, были высланы въ

1) Ист. оц. попомп. 1, 187. Мельниковъ и Журавлевъ относятъ смерть Епифанія къ 1-му іюня, а разгромъ Вѣтки къ 1-му апрѣля. На самомъ дѣлѣ Вѣтка захвачена русскими войсками 1-го марта, а Епифаній умеръ 1-го апрѣля. Инокъ Виталій, согласно съ ходомъ дѣла выселенія съ Вѣтки раскольниковъ, говоритъ, что 1 марта «чернецъ Епифаній на Вѣткѣ пойманъ, и марта въ первыхъ числахъ привезенъ въ кіевопечерскую крѣпость, гдѣ и содержится подъ карауломъ въ желѣзахъ», что вскорѣ по привозѣ въ Кіевъ онъ «занемогъ и по просьбѣ его чрезъ опредѣленнаго отъ его преосвященства духовника марта 31 дня исповѣданъ и св. таинъ приобщенъ и масломъ освященъ», а 1-го апрѣля умеръ, какъ и доносилъ въ св. синодъ кіевскій архіепископъ. Стр. 86 об. Также подтверждается и официальными документами. 10 апрѣля 1735 г. архіепископъ Рафаилъ доносилъ св. Синоду, что «самозванецъ, еп. Епифаній», пойманный на Вѣткѣ полковникомъ Сятянскимъ, въ первыхъ числахъ марта привезенъ въ кіевопечерскую крѣпость, въ которой и умеръ 1-го апрѣля, напутствованный таинствами елеосвященія, покаянія и причащенія, и «простолюдинскимъ погребеніемъ» при церкви препод. Θεодосія въ кіевопечерской крѣпости погребенъ. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синод. IV. 495.

2) Журавлевъ, А. И. Полн. изв. о раск. ч. III, стр. 192. Мош. Виталій, л. 91 об.

ев. синодъ. По большей части это были тѣ Вѣтковскіе иноки, которые принимали самое дѣятельное участіе въ пріемѣ Елифанія на Вѣткѣ какъ старообрядческаго епископа, и надѣялись, что отъ него у нихъ на Вѣткѣ «корень епископства возрастетъ». Осенью 1736 г. Вѣтковскій казначей Павелъ, сидѣвшій за синодальнымъ карауломъ вмѣстѣ съ Высокопестровскимъ архимандритомъ Аввакумомъ Львовымъ, Торопецкимъ Невинскимъ архим. Аврааміемъ и Ниловскимъ игуменомъ Аврааміемъ же, горько жаловался своимъ духовно-чиновнымъ сотоварищамъ по несчастью на своего бывшаго Вѣтковскаго епископа Елифанія. Все у нихъ было мирно и спокойно за рубежомъ, пока не пришелъ этотъ бѣглецъ Елифаній, чуть ли не обливанецъ. «Прицали его—нажили бѣды: нашли русскіе офицеры и солдаты, все забрали и церковь сожгли. Елифаній уже умеръ, да и насъ погубилъ¹⁾».

Таковы официальные данныя о пребываніи Елифанія на Вѣткѣ въ качествѣ старообрядческаго епископа и послѣдующей его судьбѣ.

Обратимъ теперь къ старообрядческимъ извѣстіямъ о пребываніи Елифанія на Вѣткѣ и отношеніи къ нему Вѣтковскихъ иноковъ и мирянъ.

На первыхъ порахъ на Вѣткѣ были рады случайно попавшемуся къ нимъ дѣйствительному епископу, хотя и обманнымъ образомъ получившему Вѣтковскій игуменъ Власій и всѣ тамошніе священноиноки и рядовые старцы сочувственно относились къ водворенію у нихъ Елифанія, такъ какъ надѣялись черезъ него тѣснѣе скрѣпить съ Вѣткою какъ мѣстныхъ старообрядцевъ, такъ и старообрядцевъ внутреннихъ русскихъ областей, особенно московскихъ и поволожскихъ. Происходившіе въ то время на Вѣткѣ такъ называемые «Діаконовскіе споры», о которыхъ у насъ рѣчь была въ VI главѣ нашего изслѣдованія (стр. 405—458), значительно пошатнули духовный авторитетъ Вѣтковскихъ отцовъ. Діаконовщина въ это именно время значительно усилилась на счетъ Вѣтковскаго толка какъ на самой Вѣткѣ и сосѣднихъ съ нею слободахъ, такъ и въ

¹⁾ Х. И. А. № 20556. Дѣло о высылкѣ Вѣтковскихъ расколоучителей въ С.-Петербургъ. Опис. акт. арх. Маршенича, №№ 15 и 16. *Чистовичъ, В.* Овофанъ Прокоповичъ и его время. Сборн. статей, чит. въ отд. рус. яз. и слов. И. Ак. П. т. IV, стр. 663. Здѣсь Елифаній ошибочно названъ архимандритомъ, которымъ онъ никогда не былъ.

Стародубѣ. Были и другія возжелѣнія у Вѣтковцевъ болѣе цѣлостнаго характера: одни, какъ игумень Власій, Варлаамъ Казанскій, казначей Павелъ рассчитывали на то, что при своемъ Вѣтковскомъ епископѣ они непремѣнно будутъ поставлены въ старообрядческіе епископы, «да корень епископства возрастетъ»; другіе мечтали о священствѣ и соединенномъ съ нимъ вліятельномъ положеніи среди слобожанъ; наконецъ третьи были довольны и тѣмъ, что при архіереѣ монастырь ихъ больше прославится и разбогатѣетъ отъ приношеній какъ изъ внутренней Россіи, такъ и отъ зарубежныхъ раскольниковъ. Но были и недовольные водвореніемъ Епифанія на Вѣткѣ, особенно среди тамошнихъ вліятельныхъ мирянъ. Многіе изъ нихъ боялись, дѣйствительно-ли онъ епископъ и не обливанецъ ли. По свидѣтельству позднѣйшаго старообрядческаго *«Сказанія о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священной іерархіи»*..., написаннаго за границей, въ пресловутой Бѣлой Криницѣ, въ 1861 г., недовольство Епифаніемъ возникло на Вѣткѣ при самомъ его появленіи, такъ что многіе не хотѣли признавать Епифанія за епископа, за что ихъ мучили и подъ колокольную сажали.¹⁾ Какъ бы то ни было, первый вопросъ—о епископствѣ Епифанія—рѣшался легко: для этого довольно было навести справки въ Кіевѣ и Яссахъ, что въ короткое время и сдѣлали посланные туда съ Вѣтки «вѣрные люди». Не такъ легко рѣшался второй вопросъ, относительно котораго Вѣтковцы такъ и не могли узнать ничего положительнаго, кромѣ личнаго удостовѣренія самаго Епифанія, что онъ не обливанецъ. По словамъ Іоны Курноскаго, Епифаній еще въ Москвѣ наученъ былъ такъ отвѣчать о формѣ его крещенія. «Когда будутъ тебя вопрошать: како крещенъ, обливанъ-ли или погруженъ, то скажи: „погруженъ“; а вопросятъ: ты какъ вѣдаешь? Скажи: малыя дѣти, на улицѣ играя, „утопленникомъ“ дразнили, и отецъ и мать сызмаленька дразнили „утопленникомъ“¹⁾.

¹⁾ Субботинъ, Н. И.: Происхожденіе Вѣлокриницкой іерархіи, стр. 23, примѣчаніе.

¹⁾ Ист. оч. поповц. ч. I, стр. 120. Вопросъ о томъ, обливанъ-ли Епифаній, или въ три погруженія крещенъ, былъ самымъ важнымъ для старообрядцевъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ его слѣдовало вновь крестить по практикѣ старообрядческой; вновь же крестившійся, по правиламъ вселенскихъ соборовъ, хиротонія не сохраняется.

Вопросъ о времени приѣма Епифанія на Вѣткѣ рѣшается нашими историками раскола обыкновенно согласно свидѣтельству Ивана Алексѣева, по словамъ котораго онъ былъ торжественно принятъ на Вѣткѣ въ старообрядчество 6-го августа, въ день Преображенія Господня, 1734 г. Иванъ Алексѣевъ въ данномъ случаѣ дѣло представляетъ такъ, что Епифаній послѣ того какъ былъ отбитъ раскольниками въ Коломинскомъ дѣсу, до приѣма пробылъ десять недѣль „въ нѣкихъ пустынькахъ“, т. е. приблизительно значить время съ конца мая по 6-е августа. Но онъ ошибается ровно на одинъ годъ, такъ какъ Епифаній по вполне удостовѣреннымъ даннымъ былъ отбитъ не въ 1734 г., а въ 1733 г. Изъ свѣдѣній же, доставленныхъ 12-го іюля 1734 г. архіепископу Киевскому Рафану Заборовскому о пребываніи Епифанія на Вѣткѣ, оказывается, что Епифаній раньше іюля 1734 года уже служилъ по архіерейски на Вѣткѣ въ саккоѣ и омофорѣ, что очевидно было невозможно раньше его «исправы» и приѣма въ старообрядство. На этомъ основаніи можно съ большою вѣроятностью утверждать, что онъ былъ принятъ 6-го августа 1733 г., а не 1734 г., какъ до сихъ поръ единогласно увѣряли насъ наши историки раскола, и что слѣдовательно онъ епископствовалъ на Вѣткѣ слишкомъ полтора года, а не нѣсколько только мѣсяцевъ, какъ до сихъ поръ полагали. Съ этимъ утвержденіемъ вполне согласуется и то указаніе Ивана Алексѣева, автора известной «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ», что Епифаній на Вѣткѣ *„безъ великаго испытанія на архіерейское дѣйство былъ опредѣленъ.“* Мнѣніе же П. И. Мельникова, что «исправки» о личности Епифанія собирались «обѣе года», основанное только на невѣрномъ утвержденіи Ивана Алексѣева, что Епифаній былъ принятъ на Вѣткѣ 6-го августа 1734 г., совершенно не мирится съ указанными данными и является вполне голословнымъ.¹⁾

При появленіи Епифанія на Вѣткѣ былъ созванъ соборъ въ тамошнемъ Покровскомъ монастырѣ подъ предсѣдательствомъ игумена Владисія, не имѣвшаго священнаго сана. На соборѣ засѣдали священники и

¹⁾ Лѣтоп. рус. литерат. и древности, издав. П. С. Тихомировымъ, т. IV, отд. III, Ист. о бѣгств. свящ. Ив. Алексѣева (†1755 г.), стр. 65. Ист. оч. поповц. 1, 121—123. Ивановскій, П. И. Руковод. по ист. и облич. старообр. раскола. Ч. I, стр. 144—146.

рядовые старцы съ нѣкоторыми изъ наиболѣе вѣятельныхъ и сочувствующихъ дѣлу мірянъ. Изъ священниковъ и иноковъ въ то время наиболѣе выдававшимися были: черныи попъ Іовъ, одинъ изъ самыхъ главныхъ расколоучителей и проповѣдниковъ старообрядства на Вѣткѣ, старшее тамъ духовное лицо, Макарій Артемьевъ, сынъ Поповъ, Варсонофій, Варлаамъ Казанскій, монахъ Серапіонъ, жившій въ пустынѣ, черныи дяконъ Герасимъ, пономари—Исаія и Савва, казначей Павелъ и уставщикъ Зосима. На Вѣтковскомъ соборѣ рассуждали главнымъ образомъ о томъ, какъ и какимъ чиномъ принять Епифанія, и рѣшили: принявъ Епифанія, по исправѣ и проклятій вѣхъ ересей, требовать, чтобы онъ рукоположилъ другаго епископа, „да корень епископства возрастетъ“. Торжественное припятіе Епифанія было назначено на 6-е августа. Въ самый Преображеневъ день черныи попъ Іовъ Тимофеевъ, 80 л., привелъ передъ литургіей Епифанія къ «исправѣ». Самое „дѣйство“ исправы происходило такъ: послѣ обычнаго старообрядческаго „начала“ (семь поклоновъ), Іовъ поставилъ Епифанія предъ церковію, „откровенну главу плуца“, и повелѣлъ ему „исповѣдаться явѣ и отрицатися, и укоряти, и проклинати богомерзскую вѣру, въ ней же былъ, и вся законы ихъ и обычаи, въ нихъ же совратишася и осквернишася“. По тогдашней старообрядческой формулѣ „исправы“, которую читали въ XVIII в. принимаемые въ расколъ бѣглецы отъ великороссійской церкви попы, Епифаній, въ присутствіи всего Вѣтковского духовенства и огромномъ стеченіи народа, проклиналъ „отрекшихся Ісуса и почитающихъ его равноухимъ, вѣрующихъ во Ісуса и св. аллилюю тройственну четверицехъ“. Точно также проклиналъ, творящихъ развратно св. крещеніе, аще и во имя Отца и Сына и св. Духа глаголють, но обаче крещаютъ водою во едино погруженіе, а трижды не погружаютъ, иніи же только обливаютъ водою, и почитающихъ всякое омываніе крещеніемъ, а въ трехпогрузительномъ нужды нѣсть“. Проклиналъ не крестящихся „въ два перста, якоже и Христось“, и творящихъ „нѣкое благословеніе пятію персты, а Христось преданное двуперстное почитающихъ отъ нѣкогого черта изданнымъ“. Проклиналъ и „богоненавидимую и блуднаго образа прелесть, сже остригати браду, но и всегда поощряющихъ остригати брады своя, и усы притпнати постригалы и бритвами“. Въ заключеніе исправы принимавшій епископъ прочелъ символъ вѣры „весь до конца трижды, Гос-

поди помишуи сто^а, покаялся и прилагаясь благочестивому преданію св. отецъ. Затѣмъ Епифаній введенъ былъ въ олтарь Покровской церкви игуменомъ Власіемъ и инокомъ Варлаамомъ Казанскимъ, и, не выходя изъ церкви, соборнѣ отслужилъ какъ епископъ первую литургію по старопечатнымъ книгамъ¹⁾.

По словамъ инока Виталія, Епифаній, «получа паству Вѣтковцевъ, часто въ Покровской церкви литургисалъ, и поставилъ ихъ въ то время 12 иереевъ, всѣхъ черныхъ, по числу двенадцати апостоловъ Христовыхъ, по вкусу бо ихъ: монашеству любить...; и нѣсколько дѣяконовъ, также четцовъ и пѣвцовъ, и весь причестъ церковный, по ряду завелъ. Тамо бывшій Епифаній, за неизгнѣимъ игра, для повокрещенныхъ новосварилъ (л. 87). На Вѣткѣ всѣ духовныя лица радовались и много гордились тѣмъ, что имѣютъ наконецъ своего святителя и архипастыря. „Нельзя теперь про пастъ сказать, что церковь наша хрома: всѣ три чина имѣемъ: и честное дѣяконовство и боголюбивыхъ іереевъ и самого преосвященнаго епископа“, говорили они. Вѣтковцы уже мечтали о томъ, что имъ удастся сдѣлать Епифанія архипастыремъ всего старообрядства, объединить черезъ него «все христіанство древяго благочестія», какъ открывенно писали они въ Москву, на Керженецъ, въ Тверь, Торжокъ, Казань и другія мѣста. Однако начавшіяся сношенія по этому поводу между Вѣткою и старообрядцами внутренней Россіи привели еще къ большому ихъ раздѣленію между собою. Керженскіе, поволжскіе и уральскіе старообрядцы прежде другихъ отказались признать Епифанія за епископа

¹⁾ Формула исправы, которую въ XVIII в. читали принимаемые въ расколъ бѣглецы отъ великороссійской церкви поны и въ 1733 г. Епифаній, нерѣдко приводится въ старообрядческихъ сборникахъ. Приведена она дѣльникомъ и въ неразъ уже цитованномъ сочиненіи П. И. Мельникова изъ рукоп. Сборника конца XVIII в., писаннаго на Ирязѣ. Въ концѣ XVIII или началѣ XIX в. на Ирязѣ составлена была новая испрва, значительно отличающаяся отъ прежней Вѣтковской. Объ ирязской исправѣ см. Рус. Вѣст. 1866 г., № 5, стр. 15—16. Ср. Дѣло департамента общихъ дѣлъ минист. внут. дѣлъ 1838 г., № 96, лл. 4—9. Срав. также въ Сборн. для ист. старообрядчества, изд. Н. Поповымъ, т. 1, ст. 6, *Чимъ отличенія оходцимъ въ «Православную вѣру.»*

старообрядства и писали Вѣтковцамъ, что они „къ совѣту ихъ приста-ти, яко Богу неугоду, не токмо не спасительну, но и народодушену губну отказашась не соизволивше“, подозрѣвая Епифанія въ обливательствѣ (Иона Курносый). Сомнѣнія и разногласія относительно Епифанія были и въ другихъ раскольничьихъ общинахъ; только Тверскіе и Тульскіе старообрядцы оказались безусловно согласными съ Вѣткой въ пріемѣ Епифанія. Убѣдить Московскихъ старообрядцевъ въ правильности архіерейства Епифаніева и такимъ образомъ подчинить Вѣткѣ вліятельную и богатую Московскую раскольничью общину было послано съ Вѣтки извѣстный уже намъ инокъ Варлаамъ Казанскій, бывшій и теперешній кандидатъ на епископство, имѣвшій большой пѣсъ у Московскихъ и подмосковныхъ старообрядцевъ. Въ Москвѣ и около Москвы Варлаама знали и уважали какъ священника строгой, подвижнической жизни, какъ человѣка горячо преданнаго старымъ обрядамъ и «древнему благочестію», вдобавокъ еще учительнаго, „преизящно философією и мудростію христіанскою украшеннаго“. Въ Москвѣ Варлаамъ водилъ съ собою попа Епифаніева поставленія, служилъ съ нимъ всенощныя и молебны по домамъ старообрядцевъ, всегда поминалъ на сктеніяхъ епископа Епифанія и горячо порицалъ, даже проклиналъ тѣхъ, кто выражалъ сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства и поставленныхъ имъ поповъ. Все это однако мало помогало дѣлу. И въ Москвѣ, и въ Гуслицяхъ явились сумнящіеся и зазирающіе Вѣтковцевъ; начали толковать даже о томъ, сохранилось—ли уже на Вѣткѣ «древнее благочестіе, не пошли-ли старообрядцы за рубежомъ широкимъ путемъ никоніанства»? Главнымъ противникомъ Епифанія въ Москвѣ и въ Гуслицяхъ (приблизительно въ 80 в. отъ Москвы) явился извѣстный уже намъ Вѣтковскій инокъ— старецъ Аванасій, жившій тамъ съ первыхъ лѣтъ существованія Вѣтки въ качествѣ уставщика. Онъ прежде другихъ «возсвидѣтельствовалъ» и находилъ, что Епифаній „новыхъ догматовъ человѣкъ“, нарушитель „уставной службы“ въ Вѣтковской Покровской церкви и т. п. Появившись въ Москвѣ и Гуслицяхъ, Аванасій рассказывалъ о „злочиніи церковномъ“ на Вѣткѣ, называлъ Епифанія „вѣдомымъ обливальцемъ“, а поповъ его поставленія прямо называлъ «волками». Еще большій соблазнъ произвело то обстоятельство, что пылкій Варлаамъ Казанскій, недовольный разсказами престарѣлаго Вѣтковаго уставщика про Епифанія и его дѣйства

на Вѣткѣ, разъ почти публично въ Гуслицахъ избилъ его палкой за то, что онъ осмѣлился учить его духовныхъ дѣтей неходить къ понамъ Епифаніевымъ и называть ихъ волками, какъ и самого Епифанія. Скоро молва о томъ распространилась по Москвѣ и по всей Гуслицкой волости, какъ и по другимъ мѣстамъ, и всадѣ поселяла еще большее сомнѣніе въ правильности Епифаніева архіерейства¹⁾.

Что касается самой Вѣтки, то тамъ на первыхъ порахъ Епифаній пользовался повидимому нѣкоторымъ вліяніемъ. По словамъ инока Виталія, вскорѣ послѣ своего торжественнаго вступленія на Вѣтковскую паству, „Епифаній началъ было поступать съ Вѣтковцами должнымъ началу порядкомъ; но какъ старообрядцы мужики больше имѣютъ привычку властвовать надъ духовенствомъ своимъ, нежели покартиса, то и песносно имъ показалось». Далѣе тотъ же Виталій рассказываетъ, что уставщика Зосиму «Епифаній за венерскую страсть плетью наказалъ, а другимъ за пїянство и прочіе пороки строгость оказывалъ, чрезъ что отъ свиростныхъ самовольцевъ тѣхъ не малую злобу и негодованіе навлекъ на себя». Въ числѣ этихъ «самовольцевъ», особенно злобно и ненавистно относившихся къ Епифанію, Виталій навываетъ казначея Павла и вышеупомянутаго уставщика Зосиму, въ особенности первого, которые «отъ того времени искали случая, какъ бы то пастьрю своему несчастіе учинить, что и сотворили не въ долгомъ времени²⁾.

1) Гуслицкій промышленный районъ обнимаетъ мѣстность, лежащую по рр. Гуслицѣ, Нерской и ихъ впадокамъ, въ Богородскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Москов. губ. и въ сосѣднихъ съ ними: Егорьевскомъ у. Рязан. губ. и Покровскомъ у. Владим. губ. и заключаетъ въ себѣ пространство въ 20 слишкомъ квадратныхъ верстѣ. Жителей въ этомъ районѣ болѣе 20 т., изъ нихъ половина раскольниковъ. Главное средоточіе гуслицкаго раскола составляютъ приходы Крестовоздвиженскій и Запоторскій. Здѣсь раскольники составляютъ почти сплошное населеніе, тогда какъ прочіе гуслицкіе приходы состоятъ на половину изъ православныхъ и раскольниковъ. Расколъ здѣсь поддерживаютъ и распространяютъ не столько раскольническіе поны, сколько богатые фабриканты, въ особенности богачи Морозовы...

2) Въ вышеуказанномъ прошеніи Константинопольскому патріарху Паясію II монахъ Зосима подписался: «*еклезіархъ монахъ Зосима*».

Интриганы, хорошо зная поведѣніе своего епископа, рѣшились иску- сить его и уличить въ неисполненіи положенныхъ правилъ принятаго имъ старообрядчества. Виталій такъ рассказываетъ объ этой интригѣ. „Елифаній имѣлъ у себя въ ногѣ жестокую болѣзнь, которую ничѣмъ не могъ излечить. Тогда келлейники его выдумали къ поги- бели ему способъ такой: они обдарили лекѣра, который, жидовинъ будучи, его лечилъ, чтобъ тотъ присовѣтовалъ Елифанію, по причинѣ неисцѣльной болѣзни, постную пицу ему оставить и употреблять ско- ромную, что и дѣлаютъ иногда по медицинскимъ примѣчаніямъ. Почему Елифаній, не зная такова подлога, а при томъ ни мало угождалъ ста- ринцемъ своимъ, на то согласился. Тогда предатели, изготова больному вареную курицу, на обѣдъ подали, а за келію нѣсколько пусторевни- телей—стариковъ собрали, чтобъ тѣми преступленіе Елифаніево открылъ и удобнѣе его сана и чести лишить. Елифаній какъ только принялся за кушаніе, а подозрители оные, вшедше въ келію, безчестно въ томъ его обличили, и за то отъ должности ему отказали» (гл. 87—88). Нѣсколько иначе рассказываетъ о томъ же самомъ казусѣ Іона Курно- сый. Въ его разсказѣ, во первыхъ, вовсе не фигурируетъ лекарь—жи- довинъ, при помощи котораго по Виталію соблазненъ былъ Елифаній, а только келлейникъ—бѣлецъ, взявшійся какъ бы про себя принасти „жа- реную курочку“, а не вареную. Во—вторыхъ, по разсказу Іоны Кур- носаго, когда вошли «пусторевнителі», казначей Павелъ съ другими старцами, по знаку келлейника—искусителя, въ келію Елифанія, занятаго запретнымъ лакомымъ блюдомъ, то только посмотрѣли на трапезу епископа, и ничего не сказавъ вышли, будто за надобностію какою приходили, да не во время. А Елифаній, по словамъ Іоны Курноссаго, какъ скоро они ушли, такъ пенялъ келлейнику.

— Что бы тебѣ дверь—то запереть, а ты не заперъ.

А келлейникъ его, какъ малаго ребенка, успокоиваетъ:

— Ничего, владыко святый. Ты вѣдь больше ихъ,—они тебѣ не указъ.

По словамъ Іоны Курноссаго, казначей Павелъ съ прочими свидѣ- телями соблазнительной трапезы Вѣтковскаго епископа не пустили дѣла въ огласку, продолжая далѣе слѣдить за нимъ, на сколько онъ привер- женъ къ старообрядству. Черезъ того же келлейника—соблазнителя, во- шедшаго въ довѣріе Елифанія, попало въ ихъ руки письмо послѣдняго

къ кіевскимъ его родственникамъ, въ которомъ онъ писалъ, „какъ раскольники его обольстили, и какъ разбоужь на пути отнять, и какъ въ Польшу его пречпроводали, и привезли до своихъ *еретическихъ вертеповъ*, гдѣ церковь ихъ и раскольническій монастырь и слобода жителей раскольниковъ. Учинили меня раскольники епископомъ, и поставилъ имъ по ихъ просьбѣ двѣнадцать поповъ и шесть дьяконовъ, чего душа моя раскольниковъ изъ младенчества ненавидила. Они же меня и возненавидѣли и держатъ подь карауломъ. И не иное что помышляю себѣ отъ нихъ, токмо какъ смерти¹⁾». Такъ Вѣтковцы узнали, что Епифаній и перешелъ къ нимъ не по убѣжденію, и въ качествѣ старообрядческаго епископа считасть ихъ раскольниками и еретиками.

Чѣмъ дальше жилъ Епифаній на Вѣткѣ, тѣмъ больше увеличивалось число его противниковъ. И не мудрено: онъ былъ совершенно чуждъ раскольниковъ, не могъ освоиться съ ихъ воззрѣніями, образомъ жизни и привычками, совершенно разъединявшими его съ новой его паствой. Онъ не только не обнаружилъ приверженности къ старообрядству, не только не хотѣлъ свыкаться съ уставами старообрядцевъ и ихъ понятіями («ни мало угождалъ старинцемъ своимъ», по словомъ Виталія), но тяготился и длинными церковными службами, строгимъ соблюденіемъ постовъ, старообрядческою моралью и внѣшнимъ только соблюденіемъ обрядности. По разсказу Іоны Курносого особенно вооружались Вѣтковцы на Епифанія за то, что онъ позволялъ себѣ называть обливательное крещеніе «благочестивымъ». Дѣло было такъ; два уніата, жившіе по сосѣдству съ Вѣткой, перешли въ расколъ, и, какъ обливанцы, по старообрядческой практикѣ, перекрещены были старообрядческимъ попомъ въ три погруженія. По этому поводу Епифаній высказался передъ перекрещенными: «Благочестивое крещеніе отложили, раскольничьимъ крестились во второе. А первое то вамъ развѣ не крещеніе было»? Въ виду этого толки о обливанствѣ Епифанія усматривались и на Вѣткѣ и скоро сдѣлались всеобщимъ убѣжденіемъ.

Не менѣе соблазнило Вѣтковцевъ и старообрядцевъ другихъ фракцій и то, что Епифаній, по словамъ Виталія, «на вопросы безпоповцевъ и Вѣтковцевъ о Россійской церкви, и о триперстномъ сложеніи, о ново-

¹⁾ Истор. оч. поповц. 133—138.

печатныхъ книгахъ и проч., публично отвѣщали: «все свято и все православно» (л. 93).

Убѣдившись, что Епифаній «новыхъ догматовъ чловѣкъ», Вѣтковцы, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, «чувство пріавше, за Епископа его не поттоша и отъ ставленныхъ имъ грамоты начаша отбирати. Увѣдавъ же то прочіе попы, отбѣгоша съ грамотами въ разная мѣста, и домышл въ великой чести священная дѣйствуютъ» (ibid. стр. 65). Противники Епифанія стали называть его сущимъ еретикомъ, волкомъ, зашедшимъ въ овчарню Христову. Главнымъ противникомъ Епифанія среди Вѣтковскихъ слобожанъ былъ нѣкто Заверткинъ, недавній выходецъ съ Уральскихъ заводовъ, ревнитель „древняго благочестія“ и почитатель уставщика Аванасія. Онъ не стѣснялся всенародно съ своими сторонниками порицать Епифанія и Вѣтковскихъ отцовъ, державшихся еще принятаго ими епископа. Были и такіе слобожане, которые были преданы Епифанію. «И бысть, говоритъ Иона Курносый, мятежь и молва на Вѣткѣ не мала: сталося раздѣленіе между собою у нихъ даже до драки». Были и случаи увѣчья и даже смертоубійства между сторонниками и противниками Епифанія на Вѣткѣ. Дѣло дошло до того, что Заверткинъ и его сообщники грозили убить Епифанія, если онъ станетъ служить въ старообрядческой Покровской церкви: «за волосы его, пса, вытащу изъ св. алтара, убью до смерти, только събѣй онъ служить», кричалъ на улицахъ Заверткинъ. Увидѣли и Вѣтковскіе отцы, что они не дѣло сдѣлали, добывъ себѣ съ такими хлопотами и большими издержками не хорошаго епископа, и въ концѣ концовъ «отлучили его отъ церковнаго священнодѣйствія до общаго всѣхъ отецъ соборнаго разбирательства.....»¹⁾

¹⁾ Между прочимъ въ «Мирномъ соборномъ положеніи» (п. 1) Епифановцевъ съ Вѣтковцами 13-го іюля 1780 г. сказано такъ: «ради примиренія и истиннаго любви Христовой дружъ ко другу, бывшаго покойнаго еп. Епифанія, пріятаго на Вѣткѣ всѣмъ обществомъ и рукоположенныхъ имъ, Епифаніемъ, священниковъ, положили мы въ правосудіе Божіе; *позже отцами на Вѣткѣ, егда ево, Епифанія и рукоположенныхъ имъ священниковъ, отъ церковнаго священнодѣйствія отлучили до общаго всѣхъ отецъ соборнаго разбирательства, тогда вскорѣ здѣлалася выгонка, и до днесь тако осталось безъ разбирательства...* А о бывша-

Не только на Вѣткѣ между слобожанани были сторонники Епифанія, но и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ, населенныхъ раскольниками, напр. въ м. Гомелѣ. Это мѣстечко, нынѣ уѣздный и довольно большой городъ Могилевской губерніи, въ 30 в. отъ Вѣтки, тогда было уже довольно значительно населено великороссійскими раскольниками. Гомельскіе раскольники и численностію и богатствомъ даже превосходили собственно Вѣтковскихъ. Но Вѣтка до того времени преимуществовала и передъ Гомельской раскольниковою общиною и передъ другими, ей подобными, своею церковію, и была по тому какъ бы метрополіей всего русскаго поповщинскаго старообрядства. Когда на Вѣткѣ появился свой старообрядческій епископъ, богатые Гомельскіе раскольники, по его благословенію, устроили и у себя церковь во имя Преображенія Господня, во всемъ подобную Вѣтковской, и даже мечтали о томъ, чтобы сдѣлать свой Гомель резиденціей старообрядческаго епископа. Душою этой послѣдней мысли повидимому былъ извѣстный уже намъ Варлаамъ Казанскій, пользовавшійся въ Гомелѣ большимъ вліяніемъ и авторитетомъ: онъ жилъ въ Спасовой слободѣ, предмѣстьѣ Гомеля. Когда Вѣтковцы стали чуждаться поповъ и дьяконовъ Епифаніева рукоположенія, Гомельскіе раскольники приняли ихъ и усиленно звали самого Епифанія къ себѣ, предлагая за него Вѣтковцамъ значительную потому времени сумму денегъ. «Не надо намъ никакихъ тысячъ», говорили Вѣтковцы, «а Епифанія—обливанца не отдадимъ, грѣха на себя не примемъ; соблазна въ васъ не усилимъ, сказано бо въ свящ. писаніи: «горе тому человѣку, имъ же соблазнъ въ міръ придетъ; уиѣ тому человѣку да обѣсится камень жерновый о выю его и вверзится въ море.» И подъ такую клятву самого Господа І. Х. быть мы не хотимъ и обливанца еретика вамъ въ пастыри не отдадимъ». Видимо Вѣтковцамъ не хотѣлось разстаться съ давно дѣлѣнною ими мыслию—подчинить все русское и зарубежное старообрядство своему духовному вліянію и власти. Вражда по этому поводу между

го онаго Епифанія дѣлахъ, ехами произносимыя омышленію подлежащихъ, чрезъ которыя многолѣтно происходили между нами свары съ обохъ сторонъ, вслѣдъ защищая свою сторону, дѣлалось о немъ препираніе, нынѣ мы вмѣняли быть за бесполезное и христіанству вредное...»
Лѣт. Вѣтк. церкви Я. Ст. Бѣляева, рки. нашей бѣбл., л. 94 об.

Вѣтковскими и Гомельскими старообрядцами доходила нерѣдко до того, что сопровождалась и серьезными драками между ними, и Вѣтковцы держали злосчастнаго Епифанія въ кельѣ, какъ въ тюрьмѣ, боясь, чтобы онъ не ушелъ въ Гомель. Въ началѣ 1735 г. отношенія между соперниками были таковы, что Гомельскіе старообрядцы рѣшились вооруженною рукою захватить Епифанія на Вѣткѣ и привести въ Гомель, чтобы онъ въ наступающей великій четвертокъ (3-ю апрѣля 1735 г.) спарилъ въ ихъ церкви юро, какъ слѣдовало по уставу. 30-го марта, въ вербное воскресенье, собрались Гомельцы большой толпой и пошли на Вѣтку, чтобы вырвать Епифанія оттуда силою; но натолкнувшись какъ разъ на полки Сытина, только что начавшіе приводить въ исполненіе Высочайше апробованный еще въ 1734 г. Министерскій докладъ о мѣрахъ къ возвращенію изъ за польскаго рубежа русскихъ бѣгавцовъ, въ томъ числѣ съ Вѣтки и Гомели. По словамъ Іоны Курносого, въ это время Гомельская старообрядческая церковь, освященная по всей вѣроятности Варлаамомъ Казанскимъ и названная Преображенской, была будто бы перевезена въ Стародубье по р. Сожу и поставлена въ 2 в. отъ слободы Клинцовъ; при ней, съ устройствомъ другой церкви во имя Николая Чудотворца, образовался Николонустынский старообрядческій монастырь, долгое время бывший вмѣстѣ съ слободой Клинцами центромъ Епифановскаго толка въ Стародубьѣ. Эта—то перевезенная изъ Гомеля Преображенская церковь и была будто бы первою старообрядческою церковію въ стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ, если придавать вѣру разсказу указаннаго старообрядческаго историка конца XVIII в. О перевозкѣ ея изъ Гомеля и о поставленіи около слободы Клинцовъ тотъ же Іона Курносій разсказываетъ такъ: Ону церковь сломаше, по совѣту неправильныхъ поповъ своихъ (т. е., по мысли историка, рукоположенныхъ Епифаніемъ), Іоакима (въ другомъ мѣстѣ называетъ его бѣлымъ попомъ) и священноинюка Матвѣя, склавше плотами, по той же рѣцѣ (Сожу) приплавивше къ слободѣ, поставиша, какъ и на мѣстѣ стояла. И припѣвшу времени священія, Іоакимъ попъ повелъ свящати сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собравъ соборъ отъ обливанцевъ Епифаніева согласія, какъ и онъ, Матвѣй, и съ ними оную церковь освятилъ и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершать». Оба указанные попа, бѣлой и черной, вышли вмѣстѣ съ церковію изъ Гомеля и были рукопо-

ложены Епифаніемъ на Вѣткѣ. Никольская церковь была устроена рядомъ съ Преображенскою; но въ какомъ именно году—точно неизвѣстно. Лѣтописецъ Вѣтковской церкви Бѣляевъ подѣ 1782 г. замѣчаетъ, что «октября 4-го освящена церковь въ Клинцахъ, называемая въ Пустынькахъ, во имя преображенія Господня» (л. 183 об.), и только. Въ связи съ сказаннымъ о ней Юной Курносомъ эти извѣстія лѣтописца надо понимать повидимому такъ, что на мѣсто сгорѣвшей старой Гомельской церкви была выстроена новая и освящена 4-го октября 1782 г. Протоіерей Журавлевъ также довольно неопредѣленно говорить, что въ Никольскомъ-Пустынскомъ настырѣ было двѣ церкви—Преображенская и Никольская (стр. 280), и не дѣлаетъ никакихъ указаній о времени ихъ основанія. Преображенская церковь въ концѣ XVIII в. и началѣ XIX в. была красивой пятиглавой церковью, съ хорошенькой колокольней, щеголявшей боевыми часами. Строителемъ Никольской церкви былъ игуменъ Никола, родившійся въ 1700 г. и умершій въ 1809 г., какъ гласитъ надпись на одномъ изъ памятниковъ на кладбищѣ Никольскаго монастыря. «Въ 1809 году умеръ игуменъ Никола, бывшій Никита Игнатъевъ (Матвѣевъ?), донской козакъ, родившійся въ 1700 г.; жилъ 109 лѣтъ, а игуменомъ былъ 65 лѣтъ.» Впрочемъ хронологическія указанія надгробнаго памятника значительно разногласятъ съ показаніями Ревизкой Сказки 1795 г., находящейся въ Клинцовой Рагушѣ, гдѣ о игуменѣ Преображенской пустыни Николѣ замѣчено: «Никола, въ бѣличествѣ Никита Матвѣевъ Поляковъ, 78 лѣтъ»¹⁾. Последнимъ попомъ Епифаніева поставленія въ

¹⁾ Преображенская церковь сгорѣла въ 1835 г., а Никольская въ 1880 г.; послѣ въ трапезной устроена другая, также въ честь Никола, по старообрядческому именованію святителя. Въ 1850 г. обозрѣвавшій Старообрядскіе старообрядческіе монастыри извѣстный ученый статистикъ *К. И. Арсеньевъ* писалъ о Николо-Пустынскомъ монастырѣ: «Монастырь Никольскій, въ 2-хъ верстахъ отъ Клинцовъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей; въ немъ живетъ 6 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ, отъ 60 до 90 лѣтъ, одинъ только поокъ 46 лѣтъ и обличенъ въ блудной жизни и прижитія дѣтей; другой, казначей монастыря, обманываетъ убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство въ посадѣ Клинцахъ. Монас-

Клинцахъ былъ попъ Яковъ, дожившій здѣсь до глубокой старости, именно до 1780 г., а не до 1790 г., какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Мельниковъ (ст. 149). Онъ пользовался значительнымъ духовнымъ вліяніемъ не только среди мѣстныхъ слободскихъ Епифановцевъ, но и среди зарубежныхъ почитателей злосчастнаго перваго старообрядческаго епископа, и даже большимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ Епифаній епископъ «древляго благочестія», какъ замѣчается въ одномъ мѣстѣ Вѣтковской лѣтописи. Извѣстно, что поны, Епифаніева поставленія во второй половинѣ XVIII в. пѣвали по немъ панихиды и считали даже его мученикомъ, крѣпко стоявшимъ за старую вѣру. Извѣстно и то, что еще въ концѣ XVIII в. Калужскіе купцы Епифаніева толка присылали въ Клиницы милостыню, а въ бытность свою въ Клиницахъ служили здѣсь панихиды по Епифанію и Якову, и даже болѣе по послѣднемъ, чѣмъ по первомъ. По словамъ лѣтописца Я. Бѣляева, Епифановскій попъ Яковъ пользовался среди Епифановцевъ такимъ же положеніемъ, какъ слободскіе попы Вѣтковского согласія—Яковъ Климовскій и болѣе извѣстный Михаилъ Калмыкъ, которые были въ слободахъ «за великихъ архіереевъ», и «весьма имъ фортуна служила: по доброй тысящи въ годъ приходило». По его же словамъ, «какъ въ слободахъ, такъ и за границею монастыри и скиты были болѣе Епифанова сенту, также и въ городахъ—въ Калугѣ, въ Бѣлевѣ и въ прочихъ мѣстахъ тысящъ до 10,000 находилось»...

Почитавшіе память Епифанія, принимавшіе поповъ его рукоположенія и представлявшіе Епифанія великомъ святителемъ, положившимъ

тырь этотъ походить болѣе на богадѣльню, чѣмъ на обитель яноковъ». Историч. оч. поповщины. 1, 149—150. Срав. отзывъ о немъ же протоіерея Т. А. Верховскаго: Стародубье. 1, 148—149. Въ бытность въ монастырѣ тѣтомъ 1889 г. мы нашли тамъ иг. Харлампія, простаго добродушнѣйшаго старичка, и трехъ монаховъ; служеніе полное и довольно чинное. Настоятель выбирается выборными попечителями, которыхъ тамъ 8; обыкновенно выбирается въ игумены родственникъ кого либо изъ попечителей. По внѣшнему виду монастырь видимо находится въ сильномъ упадкѣ. Нѣтъ въ монастырѣ ни собранія книгъ или рукописей, ни замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи иконъ и тому подобныхъ предметовъ.

душу свою за овцы своя, мученикомъ, страдальцемъ за «древнее благочестіе и за старыи обрядъ», были извѣстны подъ именемъ *Епифановцевъ* или *Епифановщины*.¹⁾ Противники Епифанія, напротивъ, приравнивали его къ Арію еретикъ, и общенія съ епифановцами не имѣли. Еще сильнѣе были укору со стороны безоповщинскихъ раскольниковъ, напр. Ивана Алексѣева, стародубскаго старообрядческаго историка, автора первой «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ». Многие, самыя горячіе приверженцы Епифанія и поставленныхъ отъ него поповъ, стыдились чрезъ нѣкоторое время сознаваться, что они принадлежали къ согласію Епифановщины. Въ извѣстномъ раскольническомъ сатирическомъ произведеніи конца XVIII в.: «*Альфа и Омега въ седмишоловомъ Апокалипсисъ прореченная, отъ него же ничто на исправленіе прорекъ сущимъ во Асіи Малороссійской*», написанномъ въ восьмидесятихъ годахъ XVIII в., заключается между прочимъ слѣдующій укоръ Вѣткѣ. «Ангелу Вѣтковскія церкви напиши: вѣжъ твой дѣла, яко ни студентъ еси, ни теплъ, сего ради изблевати ты имать, зане егда держался еси благочестія лавры Кіева и догматовъ Аввакумовыхъ, то стяжалъ еси себѣ епископа и владыку, и пожалъ еси, идѣже не сѣялъ. Но егда вознесся еси паче Капернаума, то и низвалъ еси, яко же блудница оная Вавилонская, отъ вина же ея любодѣянія упишася Никониане и языцы мнози. Но и ты исполнилъ еси мѣру ихъ, чего ради отнята бысть благодать твоя и переселена бысть во обитель Климовскую (намекъ не на перенесеніе первой раскольнической Вѣтковской Покровской церкви 1735 г. въ

¹⁾ Ист. оч. поповц. 1, 149—150. Въ нѣкоторыхъ старообрядческихъ синодикахъ попадаетъ имя Епифанія записаннымъ рядомъ съ именемъ еп. Павла Коломенскаго и др. Лѣтоп. Вѣт. церкви—рпк. нашей библ. лл. 85, 94—98, 138 и др. О послѣднихъ полахъ Епифаніева поставленія въ Клищахъ—*Іаковъ* и *Бористъ*—лѣтописецъ замѣчаетъ: «наконецъ къ смерти Іаковъ и Бористъ священники спилсъ весьма»: Послѣдній, какъ и Іаковъ, до смерти прожялъ въ Клищахъ, и передъ смертью «постригся и посихимлся и наречено ему имя Боголѣпъ». Постригся въ Покровскомъ монастырѣ и погребенъ тамъ у праваго клироса со священника, а былъ «сынъ духовный о. Іакова» См. «Вѣролатное слышаніе о Клищахъ»—Лѣт. Вѣтк. церкви, л. 138.

стародубскую слободу Климову, какъ полагаетъ Мельниковъ, стр. 153, а второй, послѣ выгонки раскольниковъ при Екатеринѣ II), иже есть новый Иерусалимъ. И ты убо притецы и припади къ сосуду моему избранному, Михайлу блаженному (попу Михайлу Калмыку, жившему въ Климовскомъ Покровскомъ монастырѣ), да спасешия отъ недуга своего и исцѣлѣши. Ияѣий уши слышати, да слышитъ“¹⁾. Не менѣе рѣзко отзывался о Епифаніи и повахъ епифановскихъ Іона Курносый въ концѣ XVIII в. „Нынѣшніе епифаняне поихъ и послѣдующіе имъ, и поныѣшъ изчезнувшу Епифанію въ отступленіи, вѣру къ нему мертвому душою и тѣломъ, яко аріане Арію, въ приходѣ пораженну, главу въ норты забиту, вѣру храниху, сице епифаняне къ Епифанію. А понеже отцы наши (т. е. Керженскіе) до приѣху Епифаніева Вѣтковскихъ поновъ согласія отказашеся, и причастія ихъ служенія пріимати отрекошася, и во время требованія совѣта къ пріятію Епифанія отказашася, и общиимъ совѣтомъ положиша вѣдѣющимъ въ Москву къ понамъ Московскимъ подѣ руку ко благословенію не ходити и во время служенія ихъ за службу молитися не ходити, ни съ дѣтьми ихъ духовными ни ясти, ни пити, ни молитися. якоже и было, и быти неотложно сему узаконенію держану твердо быти. Но понеже, яко же пишется, пастыремъ о овцахъ небреженіе и людское ко священникомъ непокорства належаіе, зане вси по своей волѣ ходятъ, особливо здѣшній народъ, не хочетъ время плачевное признавати—время опасное, сѣтовное. Пользувахомся священствомъ, священниками, священноиноками, и иноками честными и инокинями,

¹⁾ Мельниковъ, *ibid.*, стр. 152—153. См. *Алфу и Омегу* въ рукоп. Кіев. дух. Акад. Высокопреосвѣщ. Макарія (о. 4^о. 93) въ приложеніи къ *Синаксарю Богоспасаемаго монастыря Покровскаго Климовскаго, нареченнаго въ преселеніи Вавилонскомъ, сирѣчь изъ Вѣтки, новопечерскимъ кіевскимъ, о страдальческихъ подвигахъ православныхъ христіанъ* (лл. 19—21). У Мельникова относительно Вѣтковской церкви мѣсто изъ *Алфы и Омеги* приведено съ неяснаго списка, отъ чего встрѣчаются неясности, напр. «посѣялъ еси, идѣже не сѣялъ» вм. «пожалъ еси, идѣже не сѣялъ». Синаксарь вмѣстѣ съ *Альфой* и *Омегой* напечатанъ В. Кельсиевымъ въ 2 вып. его «Сборн. правит. свѣдѣній о раскольникахъ». Ловдоть. 1861 г., стр. 221—244.

глубокою старостию и сѣдинами и разумомъ духовнымъ украшенными, егда быша священноинокъ Никифоръ, священноіерей Іоаннъ ..., но много разнства видится отъ тогда бывшихъ священниковъ и отъ сущихъ нынѣ. Тѣ сами не хотяще своя души погубити, знавшіе премѣну благочестія, оставляюще приходы, приходяще ко священноинокомъ, священникомъ и инокомъ, хотяще токмо при нихъ спасти свои души, а не паствити, учитися, а не учити; и по усмотрѣнію отецъ умоляеміи, народныя ради пользы и принуждаеміи нужды ради спасительная исправлять и не хотяще; а нынѣшнихъ посылаютъ искати, яко на положенное и принашенное. Ссыскавъ умоляемъ: «поѣдемъ, речемъ имъ: видно скудное житіе твое, у насъ и тысящи важитъ можешь». И привезши соборумъ: како исправимъ. И аще мы во глубокой старости ищемъ ихъ по подобію, яко по чужимъ житницамъ не зерны, но охоботіе и паздеріе собираемъ, а младыя дѣти гдѣ получать будутъ и ссыскивати, что не отъ обливанцевъ? Всѣ говоримъ: «невозможно безъ попа быти; Господь не умираетъ и священство его не престаеетъ». Подлинно у епифановщины не престанетъ. Почему престать? Вся вселенная полна поповъ, не токмо поповъ, но и большаго чина всякаго полна вселенная, церковнаго причта»¹⁾.

¹⁾ Ibidem, стр. 153—155. Инокъ Виталій въ указанномъ его трудѣ «о достоинствѣ Епифаніева ажеименованія» говоритъ слѣдующее: 1) «былъ сей Епифаній природы малороссійской и въ самомъ Кіевѣ рожденъ; 2) бѣжалъ онъ изъ Кіева по причинѣ похищенныхъ денегъ и монастырскаго имѣнія отъ законнаго за то взыскаица; 3) явной былъ прелюбодѣй; 4) епископство обманомъ получилъ, и не для старообрядцевъ; 5) получа оное, искалъ убѣжища латынскаго исповѣданія отъ епископовъ уиѣятскихъ; 6) поиманъ и законно священства и монашества лишень и тѣлесно наказанъ; 7) такового ростригу старообрядцы на пути украли, и бывши простолюдина мужики на Вѣткѣ принудили архіерействовать; 8) сіе Вѣтковцы сдѣлали безъ согласія, а онъ и не былъ отнюдь къ тому расположенъ, зная себя, что лишень законно и до послѣдняго чина; 9) онъ, живучи на Вѣткѣ, искалъ въ Кіевъ возвратитися, о чемъ тайно и преосвященному писалъ; 10) на вопросы безпоповцевъ и вѣтковцевъ о Россійской церкви и о триперстномъ сложеніи, о новопечатныхъ чынтахъ и пр., онъ отвѣчалъ: «все свято и все православно». Вотъ святитель былъ и свѣтъ старообрядцемъ! Еще же

Между тѣмъ въ австрійско—буковинской старообрядческой литературѣ второй половины XIX в., или такъ назыв. Бѣлокриницкой, Епифанія представляютъ великимъ святителемъ, мученикомъ и страдальцемъ за «древасе благочестіе» и старый обрядъ, ни мало не соблазняясь его обливанствомъ, такъ много слушающимъ старообрядцевъ XVIII в. Авторъ «*Сказанія вкратцѣ о первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей въ нашей древнеправославной церкви священноиерархїи и утврєнія въ дѣйствительности оной сомнѣвающимся*», написаннаго въ 1861 г., сторонникъ Бѣлокриницкой или австрійской старообрядческой иерархїи (съ 1846 г.), такъ рассказываетъ о Епифаніи какъ старообрядческомъ епископѣ. «Рукоположенный въ Молдовахїи Яскимъ митрополитомъ Антоніемъ въ 1724 г., епископъ Епифаній обратился въ нашу православную вѣру, и по общему всѣхъ Вѣтковскихъ христіанъ согласію, принять былъ въ Покровскомъ монастырѣ, что на Вѣткѣ, священникомъ ювомъ, въ лѣто 7232. И по принятїи, еп. Епифаній совершилъ божественную литургію и отправлялъ святительскую должность: онъ рукоположилъ до 14 человекъ въ священнослужители, то-есть въ попы и дьяконы. Но какъ только разнесся объ этомъ слухъ, то вдругъ на сего православнаго епископа наведено было со стороны правительства строжайшее преслѣдованіе, онъ былъ взятъ и послъ разныхъ изнурительныхъ послѣдствій скончался въ Кіевѣ. Рукоположенные же имъ священники дѣйствовали даже до конца жизни» (Ibidem, стр. 151—152).

Таковы официальные и старообрядческія извѣстія о первомъ Вѣтковскомъ старообрядческомъ епископѣ XVIII в., Епифаніи Ревуцкомъ.

Соблазнительная для старообрядцевъ исторія Епифаніева архіерейства не остановила ихъ стремленія устроить свою старообрядческую церковь и иерархїю такъ, чтобы она являлась дѣйствительною митрополіею для всѣхъ ревнителей русской церковной старины, чтобы она сдѣлалась истинною церковію съ трехчинною иерархїей, съ самостоятельнымъ епископомъ во главѣ, который бы совершалъ у нихъ всѣ «архіерейскія дѣйства».

Епифаній былъ болѣе согласенъ къ папешемъ и унѣятомъ, нежели къ старообрядцемъ. Видно имъ такой и нада, абы поповъ болѣе наставилъ, и нынѣ у нихъ есть пословица: «хотя чертъ, дабы попь». Правда священномученикъ Кипріянь пишетъ: «не возмѣтаеть вѣтръ пшеницы, но плевелы». Стр. 92 об.—93 об.

3596

М. Дилеевъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РАСКОЛА НА ВѢТКѢ

И ВЪ СТАРОДУБЬѢ

ХVII—XVIII вв.

ВЫПУСКЪ II.

(Продолженіе). >

НѢЖИНЪ.
Типо-литогр. М. В. Глезера.
1902.

Печатаю по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института, Ф. Гельке.

Въ сороковыхъ годахъ XVIII в. это, стремленіе, вмѣсто Вѣтки, тогда еще не оправившейся послѣ перваго ея жестокаго разгрома, стало проявляться съ особенною силою у Стародубскихъ и Гомельскихъ раскольниковъ, преимущественно у послѣдователей такъ назыв. Діаконовскаго согласія. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, мысль о недостаточности старообрядческой іерархіи тревожила иногда знаменитаго и сугубо авторитетнаго среди Стародубской и зарубежной Діаконовщины попа Патрікія, переселившагося въ слободу Зыбку еще въ 1739 г. Онъ, какъ и другіе представители этого толка, совершенно справедливо рассуждалъ, что только та церковь свята и истинна, въ которой сохраняются всѣ три чина духовной іерархіи; но впрочемъ ни откуда не видно, чтобы онъ принималъ какія-либо практическія мѣры для осуществленія этой мысли. Изъ Діаконовскихъ же общинъ Стародубья въ началѣ 1745 г. раздался сильный и убѣдительный голосъ о томъ, чтобы имѣть «тщаніе о лучшемъ, си есть, елико сила *ходатайствовати святительство, источникъ священства*»... Неизвѣстный авторъ этого Діаконовскаго письма, сохраненнаго о. Журавлевымъ въ его «Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ» и адресованнаго къ нѣкому о. Тихону, въ то время жившему гдѣ-то внѣ Стародубья, убѣждалъ послѣдняго взять на себя инициативу въ этомъ великомъ дѣлѣ, и только его, Тихона, считалъ единственнымъ способнымъ положить твердое начало тому. Въ епископствѣ авторъ письма видѣлъ лучшее и единственное средство собрать „во едино стадо расточенное, многоразличными язвами обожженное, междуусобными бранями изнуренное“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и найти «сокровище девяностилѣтнимъ пеломъ загребенное». Онъ же повидимому хорошо представлялъ и понималъ и всѣ трудности проектируемаго имъ дѣла, какъ и его важность и необходимость. Главнѣйшее препятствіе въ достиженіи цѣли онъ видѣлъ въ самыхъ старообрядцахъ, въ ихъ косности и закоренѣлости, въ ихъ невѣжествѣ и крайнемъ небреженіи о церкви и своемъ спасеніи. «Ищемъ святую православную церковь», говоритъ онъ, „но посреди свѣта слѣпотствуемъ. Непогодствуетъ наша страна, отче, видится бо дѣйствомъ познати,—о намѣренномъ тщательми и о помощи рачительми. Аще убо вамъ возможно, вы о лучшемъ потщитесь, и якоже васъ Богъ вразумитъ, церкви полезное стройте. У насъ бо имѣвшіи тщаніе, таковы же пребыша, а имѣвшіи нѣщны, еже имѣша, отложиша, не

во мнозѣхъ людехъ содержится, но ими мно, аще безъ васъ, ничтоже совершится: въ Божѣ и въ васъ надежду полагаемъ, начало и конецъ дѣла вамъ поручаемъ; въ презрѣніи бо дѣло отъ многихъ обрѣтаемъ; источникъ священства едва не всіми пренебрегаемъ... Не разумѣша цѣнити народъ нашъ седмь таинствъ и святительство паче торговъ и земледѣльства; неразумѣша цѣнити духовнаго паче тѣлеснаго и Божія паче человѣча... Каково было то время, въ неже невозможно быше христіаномъ ни пици купити, ни воды почерпати, ни на стогны града изыти; обаче и тогда аще и въ сокровеніи, но множество епископовъ быше и жертвовашеся. Нынѣ же откуду намъ (свободствующимъ многими житейскими строеньми) не имѣти святительства и жертвы богопреданныя службы? О окаменосердечія мно и крайняго небреженія, еже не вмѣнати за нужду то, еже Богъ законоположи! Но не вкусившіи сладости не разумѣютъ, не внимающіи не познаютъ... Спасительно начало, донелѣже еси въ жизни сей; не мно бо строитися дѣлу, тебѣ отшедшу. Сотворивъ же дѣло всѣмъ полезно, знаменито и велико, отыдеши отсюда, приѣмля въ родѣ и родѣ память, яко нынѣшнихъ временъ инъ никтоже. Аще въ началѣ нѣщии и не примутъ, но хотящіи добротъ духовныхъ съ радостію и благодарити тя имутъ. По времени же негли и прекословящіе купности въздуть⁴. Такъ рассуждалъ авторъ этого Діаконовскаго письма о святительствѣ, источникѣ священства, и въ заключеніе просилъ Тихона хотя бы и «съ малыми людьми потщаніе сотворити» о епископѣ, предлагая и свою сильную помощь для дальнѣйшаго устроенія дѣла. Письмо это датировано январемъ 1745 г. и видимо не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій¹).

То, что не осуществлялось по собственному почину Діаконовцевъ, едѣлалось фактомъ благодаря интригѣ другаго старообрядческаго авантюриста XVIII в., самозваннаго раскольническаго епископа *Авниговна* или *Мурк*, бывшаго іеродіакона Новоіерусалимскаго Воскресенскаго монастыря Амвросія. Судьба свела его съ знаменитымъ и вліятельнымъ въ Стародубѣ полкомъ Патрикіемъ въ 1749 г. въ слободѣ Зыбкой, когда проходимецъ задумалъ объявить себя епископомъ, и явился сюда, чтобы при-

¹) Мельниковъ: Ист. оч. поповщины. 1, 159, 161; Журавлевъ: Ист. жив. о раскольникахъ, IV, 18—23. Изд. 1890 г., стр. 225—227.

влекъ на свою сторону авторитетнаго среди Дяконовцевъ Патрікія и сдѣлать его участникомъ своихъ замысловъ. Цѣль эта скоро была достигнута. Ловкій и сановитый монахъ, обладавшій притомъ нѣкоторою ученостію, краснорѣчіемъ и знаніемъ церковнаго устава, такъ поправилъ попу Патрікію, называвшемуся даже иногда современниками въ Стародубѣ „патріархомъ“, за свой бойкій умъ и обширныя свѣдѣнія, а главнымъ образомъ за свою показную набожность и напускное подвижничество, что Патрікія полюбилъ его какъ сына и въ простотѣ душевной говорилъ и писалъ, что «его самъ Богъ ровню съ небесъ послалъ къ намъ». Добродушный старикъ прочилъ Авиногена себѣ въ преемники. Немудрено, что при такихъ условіяхъ проходимецъ — пришлецъ приобрѣлъ себѣ большую извѣстность среди какъ стародубскихъ, такъ и зарубѣжныхъ слобжанъ-раскольниковъ; рекомендація Патрікія сдѣлала то, что всѣ заграничныя старообрядцы принимали его съ большимъ почетомъ. Поселившись въ зарубѣжной въ то время Борской слободѣ и освятивъ построенную тамъ церковь на принесенномъ имъ же антиминосѣ, Авиногенъ привлекъ къ себѣ особенное вниманіе и уваженіе всѣхъ жителей побужскихъ слободъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ церкви. Положеніе старообрядческаго священноинока, которымъ онъ назывался въ Стародубѣ, уже неудовлетворяло честолюбиваго монаха: онъ объявилъ себя самозваннымъ епископомъ Лукой, сочинивъ при этомъ цѣлую легенду о хиротоніи отъ Сибирскаго митрополита Антонія и о своемъ пребываніи „при нѣкомъ великоважномъ темничникѣ“ (ex-императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ). Скоро молва о новопоявившемся старообрядческомъ епископѣ распространилась по всѣмъ зарубѣжнымъ раскольниковымъ общинамъ, не говоря уже о Стародубскихъ, какъ и среди раскольниковъ соседней съ Побужьемъ Молдавіи, куда самозванный епископъ скоро и перебрался по вову тамошнихъ старообрядцевъ, страстно желавшихъ имѣть у себя епископа. Въ Яссахъ удалось ему убѣдить господаря и митрополита, что онъ дѣйствительно русскій епископъ; мало того, господарь, для свободнаго проѣзда въ польскія владѣнія и обратно въ Молдавію, далъ ему особую грамоту. Авиногенъ сдѣлался героемъ дня среди зарубѣжныхъ старообрядцевъ — поповцевъ; изъ Волоцины и Польши пріѣзжали къ нему для поставленія поповъ, испрошенія мѣра и антиминовъ. Слава и богатство его росли не по днямъ, а по часамъ. Скоро однако изъ Стародубья пошли другіе слухи, невыгод-

ные для Аениогена, что онъ не Аениогенъ и не Лука, не епископъ, даже не попъ, а иеродиаконъ Амвросій, ех-ключарь новоіерусалимскаго монастыря, притомъ еще проворовавшійся. Такія свѣдѣнія собрали о немъ Зыбковскій попъ Патрикій. Это было въ 1753 г. Положеніе авантюриста сразу сдѣлалось критическимъ и весьма опаснымъ: прескніе сторонники и покровители рѣшительно отшатнулись отъ лжеепископа, а ревностѣйшіе ревнители стараго обряда стали не двусмысленно высказываться въ томъ смыслѣ, что самозванца слѣдуетъ убить за произведенный имъ соблазнъ среди ревнителей древяго благочестія, или же схватить и выдать русскому правительству. При такихъ условіяхъ Аениогенъ поступилъ рѣшительно: „услыша многое на него отъ раскольниковъ ронтаніе, изъ Волочины въ польскій пограничный городъ Камень-Подольскій бѣжалъ, и, оставя тамъ епископскій чинъ, принявъ католицкій расколъ и записался въ томъ городѣ въ гарнизонъ жолнеромъ, а нынѣ находится капитаномъ и посланъ оттуда въ Краковъ, гдѣ и до сего времени жительство имѣетъ съ женою и дѣтьми“. (Донесеніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ св. Синоду, отъ 27-го мая 1757 г.)¹⁾. Такова соблазнительная исторія втораго старообрядческаго епископа.

Аениогенъ былъ выдвинутъ въ качествѣ старообрядческаго епископа послѣдователями такъ назыв. Діаконовщины, и дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ зарубезныхъ общинахъ этого поповщинскаго толка. Нѣтъ никакихъ указаній въ тогочасной раскольниковѣй литературѣ, чтобы этотъ самозванный епископъ находился въ какихъ либо отношеніяхъ къ послѣдователямъ Вѣтковскаго согласія и съ восстановленнымъ на Вѣткѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ Покровскимъ монастыремъ; не видно даже, чтобы на первыхъ порахъ онъ и старался войти въ связь съ Вѣтковцами, какъ въ Стародубѣ, такъ и за рубежомъ. Сохранившіеся посланія вліятельнаго въ Стародубѣ и за рубежомъ среди Діаконовцевъ попа Патрикія ясно говорятъ намъ, что Аениогенъ былъ рекомендованъ послѣднимъ только діаконовскимъ общинамъ и скитамъ, разсыпаннымъ

¹⁾ Подробности см. въ «Историч. изв. о раск.» Журавлева, ч. IV, стр. 23—46; Мельниковъ, «Историч. оч. поповщ. 1, гл. V. Субботинъ, Н. И.: «Ист. такъ назыв. Австрійскаго или Бѣлокриницкаго священства. В. I. М. 1886 г. стр. 24—25.

за тогдашнюю польскую границу въ разныхъ мѣстахъ, главнымъ же образомъ въ Побужьи, а не вообще поповщинскимъ или вѣтковскимъ. Послѣднія во всякомъ случаѣ были многочисленнѣе первыхъ. Тѣмъ не менѣе протоіерей Журавлевъ свидѣтельствуетъ, что Аѳиногенъ въ Волощинѣ „хитрымъ образомъ приманивалъ къ себѣ всѣхъ согласіевъ поповщину, уговаривая, чтобы они представляли ему достойныхъ людей для постановленія во священники, діаконы и пр. Онъ же, на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ, увѣряетъ, что «слава объ Аѳиногенѣ по всей Волощинѣ проходила великая», и что „онъ съ своей стороны во всѣ мѣста и по всѣмъ согласіямъ потасноно разсылалъ отъ себя лестныя письма, въ которыхъ хитро давалъ знать о себѣ нѣчто великое.“ Тотъ же о. Журавлевъ въ другомъ мѣстѣ и прямо говоритъ, что отъ Вѣтковцевъ въ Борскую и Волощину прѣзжали къ Аѳиногену «со ставленниками въ попы и діаконы, которыхъ онъ и посвящалъ; но при посвященіи въ угодность Вѣтковцамъ началъ было кадить по вѣтковки троекратно, за что въ народѣ сдѣлался мятежь», причемъ «досталось было и лжеепископу». Это свидѣтельство о связи Аѳиногена съ послѣдователями Вѣтковского толка необходимо предполагаетъ и то, что онъ имѣлъ приверженцевъ, увѣренныхъ въ правильности его архіерейства и среди послѣдователей послѣдняго толка, а между тѣмъ на Вѣткѣ, въ только что тогда возстановленномъ Покровскомъ монастырѣ, Аѳиногенъ по всѣмъ имѣющимся даннымъ никогда не бывалъ, ограничившись только посѣщеніемъ сосѣдняго съ Вѣткой Пахоміева монастыря Діаконовскаго согласія, находившагося въ 8 в. отъ Вѣтковской слободы. Извѣстно, что оба эти толка, Вѣтковскій и Діаконовскій, начиная съ двадцатыхъ годовъ XVIII в., когда Діаконовцы отдѣлились отъ Вѣтковцевъ, нерѣдко не имѣли между собою общенія ни въ яствѣ, ни въ питъѣ, какъ и въ моленіи, и только во второй половинѣ XVIII в. появились попытки примиренія между ними.

Съ Аѳиногеномъ связывается судьба другаго старообрядческаго самозваннаго епископа, называвшагося впоследствии «архіепископомъ Кубанскимъ и Хотинскія Раи» и «всего православія». Это былъ *Аноимъ*, родомъ съ Дону, бывшій іеромонахъ Кременскаго монастыря—нынѣ Донской епархіи, откуда и бѣжалъ къ старообрядцамъ, два раза былъ пойманъ и бѣжалъ снова—въ послѣдній разъ съ одной богатой вдовой и двумя ея воспитанницами прямо на Вѣтку, гдѣ и объявилъ Вѣтковскимъ

отцамъ, что онъ въ предѣлахъ великороссійскихъ получилъ священный санъ архіерейства и просилъ отцовъ принять въ общеніе съ собою по древлецерковному благочестію. Это было въ 1750-мъ году. Вѣтковцамъ въ то время была еще весьма памятна исторія съ Епифаніемъ, научившая ихъ быть крайне осторожными и разборчивыми въ этомъ отношеніи. На предложеніе Анеима принять его какъ епископа древлецерковнаго благочестія Вѣтковцы отвѣчали, что въ скоромъ времени сдѣлать этого не могутъ и что предварительно должны навести справки, въ какомъ онъ городѣ былъ епископомъ и къмъ рукоположенъ. Такое недовѣріе со стороны Вѣтковцевъ не понравилось Анеиму, и, обругавъ за то Вѣтковцевъ, онъ переселился въ мѣстечко Боровицы, владѣнія князя Чарторыйскаго, за шесть миль отъ Вѣтки, и тамъ на средства московской барыни устроилъ два скита, мужской и женскій, и рѣшился во что бы то ни стало сдѣлаться архіеремъ. Въ это время между зарубежными старообрядцами проживалъ самозванный епископъ Аеиногенъ подъ именемъ Луки. Въ этому-то «нарицающемуся епископу Аеиногену» за хиротоніей и обратился Анеимъ. Получивъ за значительную сумму денегъ отъ Аеиногена архимандритство, Анеимъ уже не стѣснялся въ своихъ правахъ: ставилъ поповъ и разсылалъ ихъ по старообрядческимъ общинамъ. Но такъ какъ подобныхъ поповъ многіе старообрядцы не принимали, и изъ Руслицъ прислали ему даже замѣчаніе: «почто ты, о. архимандритъ Анеймъ, поповъ поставляешь?» то Анеимъ снова обратился съ письмомъ къ Аеиногену, прося архіерейской хиротоніи. Рѣшено было совершить эту хиротонію заочно, по бывшему въ древности единственному примѣру заочной хиротоніи, совершенной епископомъ Федимомъ, надъ св. Григоріемъ Неокесарійскимъ.¹⁾ По словамъ Мельникова дѣло происходило такъ: «Благословитъ св. Духа, писалъ Анеимъ Аеиногену, всегда немощная врачу-

¹⁾ Фактъ заочнаго возведенія въ архимандрита былъ и въ русской церковной практикѣ при п. Адрианѣ. 1-го іюля 1699 г. кзъ подъ Азова Петръ прислалъ указъ патриарху о возведенія иг. Иоасафа, бывшаго подъ Азовымъ, во архимандрита заочно и о присылкѣ ему архимандритской шапки. Патриархъ исполнялъ распоряженіе царя, хотя это видимо ему и не нравилось. *Шляпкина*, *Ив. Ал. Св. Димитрій Ростовскій и его время*. Спб., 1891 г., стр. 271.

щая и неоскудѣвающая, не стѣсняется предѣлами земными, но вездѣ и присво дѣйствуетъ. Служки божественную литургію въ предстоящій великій четвертокъ въ своей церкви и въ положенное время читай молитвы святой хиротоніи; азъ же смиренный въ тотъ самый часъ буду возлагать на себя одежды архіерейскія“. При посланіи приложено было золото. Аенингенъ согласился. Увѣдомилъ онъ Анеима, чтобы готовился къ хиротоніи и возлагалъ бы на себя священныя одежды архіерейскаго сана въ великій четвертокъ 11 апрѣля 1753 г. Наступилъ этотъ день. Анеимъ началъ въ Боровицкой церкви служить литургію соборнѣ съ своими попами какъ архимандритъ. Послѣ малаго входа съ евангеліемъ вошелъ онъ въ алтарь и сталъ на колѣни предъ престоломъ, наклонивъ голову. Въ церкви было молчаніе. Знали, что въ эти минуты тамъ, далеко за Днѣстромъ, въ иномъ (турецкомъ) государствѣ, епископъ Аенингенъ, положивъ руку на разгнутое евангеліе, возглашалъ молитву хиротоніи... Анеимъ всталъ, священники подали ему омофоръ, егкодій, митру, и онъ надѣвалъ ихъ при пѣніи клира *аксіосъ*. Тогда же Анеимъ посвятилъ попа и діакона». Въ законности посвященія не сомнѣвались. Послѣ того многіе на Анеима стали смотрѣть какъ на архіерея и на Вѣткѣ, гдѣ сначала, какъ мы видѣли, равнодушно и совсѣмъ не любезно къ нему отнеслись; теперь явились и тамъ толки, не слѣдуетъ ли теперь сего «страдальца за древлее благочестіе» признать дѣйствительнымъ епископомъ старообрядства. Скоро однако разнеслась другая молва, что «въ тое мнимое Анфимово поставленіе уже Аенингенъ не епископомъ, но у нѣкоего попа капитаномъ сотворися»... и «нарицающійся епископъ» не только въ указанное время не сослужилъ Анеиму, но и перевернулся изъ самозваннаго старообрядческаго епископа и древле православнаго человѣка въ бритаго католика и польскаго жолнера въ щегольскомъ кунтушѣ. Когда вскрылась и огласилась исторія этого мнимаго архіерейства, Анеимъ, «вида себе обличена», говоритъ авторъ «Сказанія о архимандритѣ Анеимѣ», бывшій его постриженникъ, «остави свой монастырь и церковь (въ Боровицахъ) и воѣхъ старцовъ.. и убѣжа на Донъ, и до днесь тамо. Мы уже, убогшіе, пострижены отъ него, остались и пришли на Вѣтку, и судили намъ, что не дѣйствительно быти постриженіе его; мы же и сняли съ себя и стали простыми и до днесь, а иные и донныѣ въ томъ пребываютъ». Позже Вѣтковскіе отцы разошлись

посланіе, въ которомъ они увѣряли своихъ единовѣрцевъ, что Анеимъ сущій обманщикъ и никогда въ архіереи законнымъ образомъ посвященъ не былъ, что онъ даже и въ іеромонахи то никогда посвященъ не былъ и казался священникомъ ложно. Это посланіе сильно подорвало вѣру въ Анеимово архіерейство и у зарубежныхъ раскольниковъ. Тѣмъ не менѣе Анеимъ не хотѣлъ разстаться съ предвосхищеннымъ имъ епископскимъ саномъ, и старался выдавать себя зарубежомъ то за епископа, посвященнаго отъ русскаго синода, то за епископа, посвященнаго Лукою (вымышленное имя Аеиногена), до его еще перехода въ католичество. Последнее онъ подтверждалъ потомъ на исповѣди жившему на покой въ Буковинѣ, въ монастырѣ Драгомириѣ, православному митрополиту Мисаилу, бывшему прежде Радауцкому, высказывая смущеніе совѣсти по поводу заочнаго поставленія. Тоже говорилъ онъ и браиловскому м. Даниилу, и просилъ его довершить хиротонію. Дѣйствительно, Даниилъ во время служенія литургіи въ хотинскомъ соборѣ «возложилъ на Анеима руку и прочиталъ молитву благословенія»; но самъ Анеимъ и послѣ этого не отказывался, что онъ посвященъ Лукою или Аеиногеномъ, а м. Даниилъ только благословилъ его съ руковожденіемъ. Получивъ это публичное благословеніе, Анеимъ нѣкоторое время былъ принимаемъ на Кубани¹⁾ и у Некрасовцевъ; но нашелъ себѣ и тамъ сильныхъ обличителей за сожительство съ двумя дѣвицами, которыхъ онъ увезъ изъ Москвы,—воспитанницами покровительствовавшей ему московской барыни. Не даромъ его противники, въ особенности попы не его поставленія, насмѣхаясь говорили: «вотъ Анеимъ ужъ впрямь архіерей по чину Мельхиседекову. У него, что у турка—двѣ жены, коли не завелъ третію». Не укрѣпило положеніе Анеима среди старообрядцевъ и его письменное обращеніе къ митрополитамъ Браиловскому и Яскому и даже самому Константинопольскому патріарху, при помощи которыхъ онъ хотѣлъ заставить тамошнихъ старообрядцевъ признавать его своимъ духовнымъ главою. Они еще болѣе его возненавидѣли и объявили еретикомъ.

¹⁾ На Кубани будто бы Анеимъ посвящалъ двухъ епископовъ, которыхъ даже и имена неизвѣстны, не говоря уже о ихъ дѣятельности. Существованіе ихъ болѣе чѣмъ сомнительно.

Не укрылась дѣятельность этого старообрядческаго епископа среди зарубежныхъ раскольниковъ и отъ центрального русскаго правительства. Въ ноябрѣ 1756 г. канцлеръ графъ А. П. Веструевъ-Рюминъ получилъ отъ русскаго резидента въ Турціи донесеніе, что „живущіе на Кубани и въ Волощинѣ російскіе люди, раскольники, имѣли стараніе о посвященіи къ нимъ епископа: во первыхъ у живущаго въ Крыму митрополита да у волоскаго архіерея, живущаго въ монастырѣ, называемомъ Гушахъ, но ими не посвященъ; напослѣдокъ живущимъ надъ Дунаемъ, въ турецкомъ владѣніи, въ монастырѣ, называемомъ Рени, греческимъ митрополитомъ Даниломъ желемый тѣми раскольниками епископъ посвященъ, коему имя Автиногенъ, и жителство имѣеть въ близости Хотина, въ монастырѣ Вѣтранка, гдѣ тѣхъ раскольниковъ въ жителствѣ много имѣется, а на Кубани учреждена тѣмъ раскольниковымъ епископомъ архимандрія и поставленъ отъ него архимандритъ, и по слободамъ многое число поповъ, и даны имъ отъ него универсалы, и имѣють они по своимъ обрядамъ церковное служеніе, и что для того съ Дону крымскою областію на Кубань, и отъ Смоленска Польшею, уходя къ тому епископу, приходятъ и поселяются на житье, по близости того монастыря, гдѣ тотъ епископъ находится“. Коллегіей иностранныхъ дѣлъ развѣдываніе о этомъ заднѣстровскомъ раскольниковомъ архіерей поручено было кievскому губернскому начальству. Извѣстный кievскій вице-губернаторъ, тайный совѣтникъ Костюринъ, согласно указу коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отправилъ немедленно надежныхъ агентовъ на развѣдки въ Могилевъ на Днѣстрѣ, Хотинъ и Яссы. Послѣдніе узнали, что Автиногена у раскольниковъ уже нѣтъ, а есть Анѣимъ, и что этого послѣдняго старообрядца архіереемъ уже не признають, и что живетъ онъ въ Вѣтранкѣ и въ церкви этой слободы служить по архіерейски, окруженный десяткомъ поповъ и дяконовъ, поставляетъ поповъ для старообрядцевъ и пр. Въ свою очередь Ясскій митрополитъ Іаквъ выдалъ агентамъ Костюрина переписку Анѣима съ нимъ и грамоту послѣдняго 1755 г., которою онъ объявлялъ себя „архіепископомъ всего православія» въ слободѣ Славѣ. По доведеніи всего этого дѣла до свѣдѣнія св. Синода, послѣдній въ 1757 г. поручилъ Кievскому митрополиту Тимошею Щербачкову войти въ непосредственныя сношенія съ молдавскимъ митрополитомъ и отъ него самымъ энергическимъ образомъ

требовать, чтобы онъ прекратилъ возникшее въ его епархіи незаконное и ложное старообрядческое архіерейство. Результатъ этихъ сношеній неизвѣстенъ; извѣстно только то, что самъ виновникъ всей этой исторіи вскорѣ погибъ трагически отъ руки Некрасовцевъ: именно былъ посаженъ въ куль, брошенъ съ моста въ Днѣстръ и утопленъ въ рѣкѣ, какъ Фараонъ, говорить Іона Курносый¹⁾.

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Аноимѣ представлены Мельниковымъ въ «Оч. попов.», гл. VI, стр. 188—250. Глава эта составлена имъ на основаніи слѣд. источниковъ: а, Дѣла св. синода о раскол. архіереѣ Аноимѣ 1757 г.; б, исторія о бѣгствующемъ священствѣ Ив. Алексѣева; в, исторія о бѣств. свящ. Іоны Курносаго; г, Историч. изв. о раскольникахъ протоіерея Журавлева. Въ книгѣ проф. Н. И. Субботина: «Ист. такъ назыв. Австрійскаго или Вѣлוקриницкаго священства (В. І. М. 1886 г.)» указанъ еще старообрядческій сборникъ, содержащій въ себѣ три *Сказанія* о раскольниковскихъ лжеепископахъ — Епифаніи, Аеиногенѣ и Анеимѣ, не имѣющія впрочемъ особый исторической важности для характеристика этихъ лицъ и ихъ дѣятельности, такъ какъ свѣдѣнія, излагаемые въ этихъ сказаніяхъ, въ общемъ согласны съ тѣмъ, какія извѣстны изъ оффіціальныя и другихъ того—временныя источники. Это: 1) *Сказаніе о епископѣ вѣтковскомъ Епифаніи Реуцкомъ, гдѣ родися и отъ коего рода*; 2) *о епископѣ Амвросимѣ (Аеиногенѣ), иже бысть на Волынѣ*; 3) *о архимандритѣ Амвросимѣ*. Всѣ эти *Сказанія* напечатаны проф. Субботинымъ въ приложеніяхъ къ I т. его «Исторіи Вѣлукриницкой іерархіи» (М. 1874). Авторъ сказаній былъ современникомъ вышеупомянутыхъ раскольниковскихъ епископовъ; Амвросимъ же зналъ лично, былъ его постриженникомъ, и писалъ еще при жизни послѣдняго въ Москвѣ, перешедши изъ поповщины въ беспоповщину, какъ предполагаетъ проф. Субботинъ, на основаніи его рѣзкихъ отзывовъ о старообрядческихъ архіереяхъ и раскольниковскихъ полахъ, а равно о Вѣтковской и иныхъ поповщинскихъ церквахъ; «ибо, говоритъ онъ, на какомъ онѣ (церкви) основанія уфундованы, о семъ мы убозія, самовидѣвшія и при таковомъ дѣлѣ трудившіяся свидѣтели есмь въ правду». Въ первомъ *Сказаніи* о еп. Епифаніи довольно впрочемъ подробно и повидимому близко къ истинѣ рассказывается о лицахъ, участвовавшихъ въ похищеніи Епифанія въ 1733 года у караульныхъ солдатъ и первоначальномъ обученіи его старо-

Мысль объ отысканіи себѣ епископа въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ XVIII в. не оставялась и другими поповщинскими общинами, какъ въ Стародубѣ, такъ и запольскимъ рубежомъ. Извѣстно, что въ концѣ сороковыхъ годовъ старались о томъ Гомельскіе и стародубскіе раскольники Вѣтковскаго согласія. Старанія эти не прошли незамѣченными ни для св. Синода, ни для мѣстной гражданской власти. Изъ указа св. Синода Черниговскому и Новгородсѣверскому епископу Амвросію Дубневичу, отъ 16-го декабря 1748 г., видно, что еще въ первой половинѣ 1747 г. началось въ стародубской полковой канцеляріи довольно сложное дѣло о злынковскомъ раскольникѣ Михаилѣ Марковѣ и раскольническомъ попѣ Семенѣ Каливинѣ,—дѣло, въ которомъ видное мѣсто занималъ вопросъ о поставленіи Гомельскими и стародубскими раскольниками—поповцами себѣ епископа. Дѣло это началось по инициативѣ богатаго и вліятельнаго слобожанина, заводчика скипидарныхъ дѣлъ, Никиты Андре-

обрядчеству. Именно здѣсь говорится: „Тогда согласяся Ѳеодоръ Козминъ да Герасимъ Козминъ Калужане, и москвичи Потапъ Матѣевъ и Власть старецъ и съ прочими Москвичи, того Епифанія на дорогѣ у караульныхъ отбили, и Егоръ иконникъ привезъ его Епифанія за границу къ Ивану Иванову, прозванъемъ Работяиченку, а отъ него взявъ себѣ *Лаврентій* въ пустыню и въ келіи училъ его благочестію... Далѣе въ *Сказаніи* говорится, что Лаврентій христіаниномъ нарекъ его, и потомъ на Вѣтку представилъ о немъ Павлу казначею и всему народу, и по нѣкоемъ времени повелѣша ему на Вѣткѣ въ церкви служить и всѣ дѣйства правити; онъ же Епифаній нача вся правити, и поповъ поставляти и вся дѣйствовати“. Относительно пустытника *Лаврентія* срав. сдѣланныя нами замѣчанія въ первомъ выпускѣ о времени основанія Лаврентьева монастыря и личности его основателя, стр. 367--370. Зато относительно мѣста рожденія Епифанія и его родителей, вопреки вполне удостовѣреннымъ даннымъ, авторъ представляетъ видимо измышленный въ раскольничьей средѣ рассказъ. „Рожденіе его бѣ близъ мѣстечка Полонова, въ Польшѣ, а отъ рода жидовска и отъ жены нѣкія нечистыя жидовки, худшии и послѣдняго рода и нищенскаго житія. И по шести лѣтѣхъ рожденія своего изъ Польши вышелъ и близъ Чернигова города жительство имѣвъ, и ту обливаниемъ крещень, и потомъ приде въ Киевъ“.

ева Коренева, въ началѣ сороковыхъ годовъ обратившагося въ православіе. Этотъ-то слободской заводчикъ, игравшій въ то время роль правительственного слободскаго агента, доносившаго о дѣлахъ раскольниковъ въ полковую и министерскую канцеляріи и даже прямо въ св. Синодъ, въ началѣ 1747 г. сдѣлалъ большой важности доносъ стародубскому полковнику Федору Максимовичу. Въ своемъ доносѣ, какъ онъ формулируется въ синодскомъ указѣ, онъ писалъ «о поставленной въ Польшѣ близъ рубежа въ Гомельской слободкѣ Спасовой раскольниками церкви расколической, о препровожденіи въ слободы поповъ тайно и творящихъ по расколически исправленія церковная, о прибавленіи еще вновь церковей раскольниками, описныхъ стародубовскихъ слободъ жители, и о сысканныхъ антиинсахъ, и о поставленіи себѣ епископа, и о живущихъ въ тѣхъ расколическихъ слободахъ, публичныхъ часовняхъ и при нихъ колоколахъ, и отправленіи вечерней, утреней и часовъ и погребеніи мертвыхъ, о живущихъ въ тѣхъ слободахъ прикровенно попахъ, изъ которыхъ одинъ по показанію Семенъ Калининъ и пойманъ, и о другихъ въ тѣхъ слободахъ живущихъ расколическихъ же, кои-де желаютъ себѣ православныхъ іереевъ изъ Россіи съ нѣкакими резонами и хотящихъ соединитися св. церкви». Все это дѣло по доношенію Коренева изъ стародубской полковой канцеляріи было передано въ министерскую малороссійскую канцелярію, потомъ въ московскую синодальную контору, а изъ послѣдней перешло въ канцелярію тайныхъ разыскныхъ дѣлъ. По донесеніи о томъ московской синодальной конторы св. Синоду, послѣдній опредѣлилъ все дѣло о расколическѣ Михаилѣ Марковѣ и попѣ Семенѣ Калининѣ направить для надлежащаго слѣдствія и разсмотрѣнія, какъ и самихъ Маркова и Калинина, равно и все представленія Коренева, «какія отъ него, Коренева, о расколическихъ и церквахъ отъ нихъ построенныхъ, такожъ о епископѣ и попахъ въ помянутой министерской канцеляріи представлены были и что по тѣмъ представленіямъ учинено», къ мѣстному Черниговскому и Новгородсѣверскому епископу Амвросію Дубневичу. Результатъ слѣдствія и разсмотрѣнія неизвѣстенъ¹⁾.

¹⁾ Указъ св. Синода отъ 16 декабря 1748 г. напечатанъ въ «Ист. стат. опис. Черняг. еп.» кн. VII, стр. 218—231. Тамъ же см. о Кореневѣ и Марковѣ, кн. 1, стр. 137—138.

По свидѣтельству старообрядческаго безпоповщинскаго историка Ивана Алексѣева, Гомельскіе, Вѣтковскіе и Стародубскіе раскольники и въ пятидесятыхъ годахъ XVIII в. по прежнему собирались на совѣщанія и толковали о необходимости имѣть своего епископа «древляго благочестія». Между прочимъ, по тому же свидѣтельству, въ это время была даже сдѣлана попытка приобрести такового «отъ великороссійскихъ архипастырей». Именно Иванъ Алексѣевъ рассказываетъ, что въ 1755 г. «Гомельскіе и Вѣтковскіе по заграничю жители, къ нимъ же приложинася послѣ и въ Малороссіи обрѣтающійся въ слободахъ, написаша бо ти челобитныя просяще, да отъ великороссійскихъ архипастырей поставится во епископа нѣкъ человекъ, на совершенства антиминаса, муро и на произведеіе поповъ, при томъ же и да благословятъ возградити сугубыя обители» (Лѣт. рус. литер. III, стр. 66). Къ кому именно изъ великороссійскихъ архипастырей были обращены эти челобитныя о законномъ дарованіи самостоятельнаго епископа, поповъ и обителей, и что отвѣчали на эти челобитныя—неизвѣстно было старообрядческому историку; онъ только замѣчаетъ по этому поводу: «по сей челобитной еще извѣстнаго нѣсть». Незвѣстно это и изъ другихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ едвали можно сомнѣваться въ самомъ фактѣ, передаваемомъ Ив. Алексѣевымъ, такъ какъ его «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» отличается рѣдкой у раскольничьихъ писателей правдивостью въ изложеніи событій. Да и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у нѣкоторыхъ Вѣтковскихъ, Гомельскихъ и Стародубскихъ раскольниковъ—поповцевъ, послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ отыскать себѣ епископа при помощи Востока, явилась наконецъ мысль о томъ, чтобы великороссійскіе архипастыри рукоположили выборнаго отъ нихъ человека, который, какъ настоящій ихъ пастырь, и поставлялъ бы для нихъ потомъ поповъ, освящалъ муро, антимины и совершалъ прочія свойственныя епископу дѣйства». Какъ разъ именно въ это время у нѣкоторыхъ послѣдователей поповщины въ Стародубѣ (Суслонщина) выработалось какъ твердое положеніе то, чтобы отыскиваемый или архіерей былъ непременно по происхожденію великороссійскаго рода, обязательно крещенный въ три погруженія и хиротонисованный архіерсеями—великороссіянами по восходящей линіи до временъ патріарха Іосифа, безъ всякаго посредства архіереевъ—малороссіявъ, давно уже заподозрѣнныхъ въ обливанствѣ и

склонности къ Риму. Подобной же незавидной репутаціей давно пользовались у раскольниковъ и греки. По всей вѣроятности вышеуказанная мысль была, конечно, далеко не общимъ достоинствомъ всего мѣстнаго старообрядства, а дѣломъ только извѣстной части старообрядческаго духовенства-монаховъ, поповъ и изъ ближайшихъ сторонниковъ, такъ или иначе заинтересованныхъ правильнымъ устройствомъ раскола старообрядства въ церковномъ и іерархическомъ отношеніяхъ, и притомъ части старообрядческаго духовенства болѣе сравнительно выдающейся по пониманію своего церковнаго положенія; міряне, если и не были во все въ сторонѣ въ этомъ дѣлѣ, то во всякомъ случаѣ принимали только сравнительно незначительное участіе въ немъ. Такъ это было и на Вѣткѣ въ моментъ водворенія тамъ Епифанія, какъ потомъ и въ Стародубѣ при Никодимѣ и послѣ него, въ послѣдней четверта XVIII в. Такъ это было по всей вѣроятности и въ 1755 г.

Стремленіемъ Стародубскихъ и Вѣтковскихъ старообрядцевъ имѣть у себя архіерея, какъ видно изъ нѣкоторыхъ данныхъ, въ пятидесятихъ годахъ XVIII в. воспользовалась и политическая интрига. Въ этомъ отношеніи интересно дѣло тобольскаго посадскаго человѣка Ивана Зубарева, содержащагося въ началѣ пятидесятихъ годовъ въ Сысскомъ приказѣ, потомъ бѣжавшаго оттуда и жившаго за границей, а по возвращеніи изъ за границы схваченнаго въ стародубской раскольничьей слободѣ Лужкахъ. Зубаревъ показалъ въ тайной канцеляріи, что послѣ бѣгства изъ Сысского приказа онъ жилъ у раскольниковъ въ слободѣ Вѣткѣ, откуда въ 1755 году, послѣ праздника Богоявленія, поѣхалъ извозчикомъ въ Кенигсбергъ съ товарами русскихъ зарубежныхъ раскольниковъ. Здѣсь прусскіе офицеры, по обычаю, начала вербовать его въ солдаты, въ прусскую гвардію, и когда онъ согласился, то его отвезли въ Потсдамъ. Черезъ посредство Манштейна, бывшаго адъютантомъ у Миниха, и, по воцареніи Елизаветы Петровны, перешедшаго въ Прусскую службу, Зубареву было будто бы предложено ѣхать къ раскольникамъ и возмущать ихъ въ пользу ех-императора Ивана Антоновича. «Послужи за отечество свое», говорилъ Манштейнъ Зубареву, «сѣзди въ раскольничьи слободы и уговори раскольниковъ, чтобъ они сами склонились къ намъ и помогли вступить на престолъ Ивану Антоновичу, а мы, по ихъ желанію, будемъ писать къ патриарху, чтобъ имъ по-

святить епископа. У насъ былъ ихъ одинъ погъ, да обманулъ насъ и уѣхалъ. А какъ посвятимъ епископа, такъ онъ отъ себя своихъ поповъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть раскольники, разошлетъ, и они сдѣлаютъ бунтъ. Ты подай только вѣсть Ивану Антоновичу, а мы въ будущемъ 1756 году весною пошлемъ туда къ Архангельску корабли подъ видомъ купечества, чтобъ выкрасть Ивана Антоновича. А какъ мы его выкрадемъ, то чрезъ епископовъ и старцевъ сдѣлаемъ бунтъ, чтобъ возвестъ Ивана Антоновича на престолъ. А Иванъ Антоновичъ старую вѣру любить. Когда сдѣлается бунтъ, то и мы придемъ съ нашимъ войскомъ къ русской границѣ. А Донскіе козаки къ намъ совсѣмъ склонны, и у насъ они есть, которые бывали со мною въ походахъ, и мнѣ они надежны. Когда будешь въ Польшѣ, займай въ раскольниковыя слободы опять и объяви тамошнимъ наставникамъ, чтобъ они безъ всякой боязни къ намъ были склонны¹⁾».

Зубаревъ согласился принять оба порученія—ѣхать къ слободскимъ варужбымъ раскольникамъ и, согласясь съ ними, ѣхать въ Холмогоры и дать знать Ивану Антоновичу, что за нимъ будетъ присланъ корабль изъ Пруссіи. Онъ же показалъ, что былъ даже представленъ самому Фридриху II и получилъ тысячу червонныхъ и двѣ медали, по которымъ принцъ Антонъ долженъ былъ ему повѣрить; письменнаго же удостовѣренія, что именно онъ, Зубаревъ, исполнитель вѣренной ему важной миссіи, не хотѣли ему дать. Появившись въ

1) Между прочимъ Манштейнъ говорилъ будто бы Зубареву: «Вотъ де мы какъ тебя отсюда отправимъ, такъ-де пошлетъ королевское величество въ Варшаву къ своему резиденту письмо, что какъ кто отъ раскольниковъ въ епископа выбранъ будетъ, тогда бъ де онъ его, ни мало не мѣшкая, отправилъ въ Потсдамы; а чтобъ де отъ Россіи не было причинено гѣмъ раскольникамъ въ выборѣ епископа помѣшательства, такъ де мы будемъ писать къ князю Чарторижскому, чтобъ онъ ихъ защищалъ». Чарторыйскій былъ въ то время владѣльцемъ Гомеля и всѣхъ сосѣднихъ съ Вѣткою раскольниковыхъ слободъ и скитовъ и пр. Въ вѣрности исполненія возложеннаго на Зубарева порученія, Манштейнъ, въ присутствіи короля, «снявъ съ окошка образъ Богородицынъ, заставилъ его присягнуть, что тотъ и сдѣлалъ».

раскольничьихъ слободахъ, Зубаревъ началъ исполнять свое порученіе. Вѣтковскаго монастыря попу Ивану Зубаревъ говорилъ: «Быль-де я у самого Прусскаго короля, и его — де величество приказалъ васъ, святыхъ отцовъ, спросить, что желаете ль вы, чтобъ былъ на престолъ возведенъ по прежнему Иванъ Антоновичъ? И онъ пошъ на то сказалъ: «я-де о томъ подумаю». И онъ, Зубаревъ, сказалъ, что де его величество приказалъ вамъ сказать всѣмъ, чтобъ вы выбрали въ епископы и прислали къ нему въ Потсдамъ; а его-де величество пошлетъ отъ себя къ патриарху о поставленіи того епископа просить для того, что какъ-де будетъ епископъ, то-де вашу вѣру гонить такъ, какъ нынѣ есть, не стануть; его величество по Ивана Антоновича послалъ къ городу Архангельскому кораблю... А когда-де Ивана Антоновича и отца его оттуда увезуть, то тогда его величество начнетъ съ Россією войну, а вы чтобъ тогда ему помогли и сдѣлали бунтъ и для его арміи могли заготовить провіантъ и прочее... А когда-де уже у васъ хотя и до того времени будетъ епископъ, такъ онъ можетъ во всѣ мѣста, гдѣ оной нашей старой вѣры люди въ Россіи есть, дать знать, что будетъ на царствѣ Иванъ Антоновичъ и вѣра ваша гонима тогда не будетъ»... Пошъ Иванъ на всѣ разглагольствованіи Зубарева отвѣчалъ одно: «добро-де, я подумаю».

Болѣе сочувственно къ миссіи Зубарева отнеслись въ другихъ раскольничьихъ монастыряхъ около Вѣтки: Лаврентьевъ и Спасскомъ. Игуменъ Лаврентьева монастыря Досіеѣй (Евстиеѣй), выслушавъ Зубарева, сказалъ: «Да какъ же вы Ивана Антоновича посадите на царство?— «Также посадимъ, какъ и государыня съла: на хабомъ!» отвѣчалъ Зубаревъ. Относительно епископа игуменъ говорилъ: «Лучше бы было, еслибъ его величество изволилъ прислать сюда епископа греческаго, чтобъ онъ здѣсь, кого мы выберемъ, посвятитъ; а то-де туда ѣхать весьма далеко». Въ томъ же смыслѣ высказался и Спасскій игуменъ Варлаамъ, а равно и Спасскаго монастыря пошъ Семень. По возвращеніи Зубарева въ Лаврентьевъ монастырь, онъ, Зубаревъ, говорилъ съ Лаврентьевскимъ игуменомъ о своихъ разговорахъ въ Варлаамомъ при живущихъ въ монастырѣ старцахъ Макаріи и Стефанѣ, и жилъ въ монастырѣ дней съ пять¹⁾. Наконецъ игуменъ сталъ говорить ему: «Пора

¹⁾ По показанію Василія Ларионова на Злынковскомъ форпостѣ въ

тебѣ Иванъ Васильевичъ ѣхать, выручать Ивана Антоновича; а какъ Богъ васъ вынесетъ, то мы стоять готовы». При отбытіи Зубарева изъ монастыря «для скраденія принца», игумень Доспоей и старцы Макаріи и Стефанъ пѣли молебень Богородицѣ. Но Зубаревъ вмѣсто Холмогоръ скоро попалъ въ Петербургъ въ Тайную канцелярію. Показанія его имѣли слѣдствіемъ то, что Ивана Антоновича перевезли тайкомъ изъ Холмогоръ въ Шлюссельбургъ¹⁾.

Невольно вспоминаются при показаніи Зубарева тѣ загадочные разговоры, которые велъ въ слободѣ Зымбой въ 1749—1750 г. молодой чернецъ Авиногенъ. Онъ говорилъ пону Патрикію, что у него въ Петербургѣ есть сильные враги, власть имѣющіе, которые никомъ образомъ не простятъ ему того, что онъ позналъ «древнее благочестіе» и ушелъ странствовать, опасаясь, чтобы онъ, Авиногенъ, не рассказалъ кое-чего ему извѣстнаго, отчего-де по государству пойдетъ великая крамола, и многіиъ сильнымъ людямъ не сносить тогда головы. Говорилъ онъ и о томъ, какъ, при бывшихъ недавно перемятахъ въ правленіи, многія высокія по положенію лица падали и ссылались на вѣчное житіе въ Сибирь, что даже самъ бывший императоръ Иванъ Антоновичъ и мать его, бывшая правительница государства, томятся гдѣ-то въ тѣсномъ заключеніи. А если бы,—тайственно передавалъ онъ,—Анна Карловна (такъ звали въ народѣ Анну Леопольдовну) съ Божіею помощію возвра-

юль 1755 г., игумень Евстафій далъ тому Ивану балахолъ да рубашку, такожь и другимъ, не знамо чѣмъ, дарилъ его.

¹⁾ Дѣло о Зубаревѣ напечатано въ «Историч. бумагахъ» К. И. Арсеньева, изданныхъ Пекарскимъ. Сб. отд. Рус. яз. и слов. И. А. Н. т. IX, стр. 375—408. Иванъ Антоновичъ въ Шлюссельбургъ переведенъ былъ 23 Января 1756 г.; указъ о томъ на имя начальника караула Вындомскаго былъ писанъ рукою начальника тайной канцеляріи графа Александра Шувалова и подписанъ Елизаветою Петровною; 22 января 1756 г. былъ послѣдній допросъ Зубареву. Кромѣ того устроена была западня для пруссаковъ, въ случаѣ пріѣзда ихъ въ Архангельскъ. См. также: Дополнительныя извѣстія касательно показаній Ивана Зубарева. Стр. 445. Доспоей былъ игуменомъ Лаврентьевой пустыни и въ 1760 г. еще. А. М. К. при Х. У. № 6643.

тилась, и сѣлъ бы на престолѣ царь Иванъ Антоновичъ, процвѣло бы тогда «древлее благочестіе» также какъ и при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, потому что и Анна Карловна и царь Иванъ Антоновичъ, въ несчастіи находясь, истинную вѣру познали¹⁾. Все это очень смахиваетъ на разсказъ Зубарева.

¹⁾ Мельниковъ, П. И. Оч. поповщ. стр. 161—162, 169—171. По словамъ Мельникова «въ 1744 г. было покушеніе похитить трехлѣтняго Ивана Антоновича и увести за границу. Покушеніе это сдѣлалъ какой-то монахъ. Его и Ивана Антоновича поймали въ Смоленскѣ. Что сдѣлалось съ монахомъ—неизвѣстно, а несчастнаго ребенка переименовали въ Григорія и увезли въ Шлюссельбургъ. (Ср. Бейдемейера Обз. главнѣйшихъ происшествій въ Россіи. Спб. 1835, т. III, стр. 96)». Официальными данными говорятъ слѣдующее о пересылкѣ семейства этого принца изъ одного города въ другой въ царствованіе Елисаветы. По инструкціи 28 ноября 1741 г., подписанной императрицей и данной генералъ-адъютанту Салтыкову, Анна Леопольдовна съ семействомъ препровождалась «черезъ Нарву, Дерптъ и Ригу за границу Россійской Имперіи даже до Митавы». 13 декабря 1742 г. семейство заключенныхъ перевезено изъ Риги въ Дюнамюндъ—шанецъ. 9 января 1744 г. Салтыкову объявлено, что оно должно быть перевезено въ Ораніенбургъ, причемъ сына правительницы Ивана Антоновича велѣно вести въ отдѣльномъ возкѣ. 14 января 1744 г. Салтыкову вмѣнено въ обязанность выѣхать черезъ Псковъ, Смоленскъ, Вязму, Калугу, Тулу, Скопня въ Ораніенбургъ 21 января; при этомъ принцъ Іоаннъ окончательно отдѣленъ отъ отца и матери. 27 июля 1744 г. новое распоряженіе—вести все семейство къ Архангельску. Сначала было предположено поселить его въ Соловецкомъ монастырѣ; но 5 декабря 1744 г. велѣно семейство оставить до весны въ Холмогорахъ, а 29 марта 1745 г. окончательно оно поселено въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, гдѣ Иванъ Антоновичъ и пребывалъ до вышеупомянутаго указа 23 января 1756 г. Вындомскому. Сб. отд. рус. яз. и слов. Им. Ак. Н. Т. IX, стр. 404—405. Ср. Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ, изд. IV. Спб. 1890 стр. 657—659 и д. Есть извѣстіе, что въ 1749 г. во время серьезной болѣзни Елисаветы Петровны въ Москвѣ явилась мысль провозгласить императоромъ Іоанна Антоновича. Васильчиковъ А. А. Сем. Рауумовскихъ т. I, стр. 103. Попытки возстановленія Ивана Антоновича на престолѣ были и раньше

По поводу показаний въ Тайной канцеляріи посадскаго Зубарева была тамъ составлена записка слѣдующаго содержанія. «Въ тайной канцеляріи чрезъ нѣкоторое обстоятельство извѣстно, что живущіе въ польской области раскольники желаютъ, чтобъ имъ поставленъ былъ патриархомъ цареградскимъ епископъ и о постановленіи того епископа послано отъ нихъ было къ прусскому королю, на что прусской король чрезъ посланнаго отъ себя бѣлаго изъ Россіи человѣка раскольникамъ слѣдующее велѣлъ представить: 1) что онъ о поставленіи епископа стараться будетъ и для того велѣлъ къ себѣ прислать раскольниковскаго попа. 2) Если поставленъ будетъ епископъ, то бѣ тѣ раскольники поповъ своихъ въ російскія границы къ таковымъ же раскольникамъ послали для разглашенія, чтобъ возвести на престолъ принца Иваца съ тѣмъ, что оный принцъ вѣры ихъ раскольниковской гонить не будетъ, а во всемъ можетъ дана имъ быть вольность¹⁾. 4) Для возведенія жъ онаго прусской король намѣренъ привести къ границамъ свое войско, чтобъ въ провіантѣ и въ прочемъ раскольники дали вспоможеніе. 5) Означенный бѣглый російскій человѣкъ всѣ вышеобъявленныя отъ прусскаго короля предпріятія объявлялъ въ Вѣткѣ раскольниковскимъ старцамъ, которые, слыша оное объявленіе, почти отъ того всего не отрекались и нѣсколько явились къ тому склонны.....²⁾

1744 г., напр. въ 1742 г. Производилось дѣло о камеръ-лакеѣ Турчаниновѣ, прапорщикѣ Преображ. полка Петрѣ Ивашкинѣ, сержантѣ Имамаловскаго полка, составившихъ заговоръ захватить и умертвить Елисавету и племянника ея и возвести на престолъ свергнутаго Ивана Антоновича; они говорили, что Елисавета и сестра ея Анна прижита внѣ брака и потому не законныя дочери Петра Вели. Соловьевъ, XXI, 199—200. Поповъ, Н. Придворные проповѣдники въ ц. Елис. Петр. Лѣтоп. Рус. Лѣт. 1859, стр. 25. Ср. также дѣло подполковника Ив. Степ. Лопухина 1773, *ibidem*, 286—291, 300.

¹⁾ Пунктъ 3-й не помѣщенъ г. Пекарскимъ почему-то и въ «Дополнительныхъ извѣстіяхъ касательно показаній Ивана Зубарева».

²⁾ Историч. бумаги К. И. Арсеньева. Стр. 406—407. Въ той же запискѣ интересно и слѣд.: «А послѣ онаго по другому слѣдующемуся дѣлу открылось: «Московской Рогожской Ямской слободы ямщикъ Василій Коржавинъ показалъ: въ бытность де его, Василья, въ Россійскихъ

Все это Зубаревское дѣло,—быть можетъ одно изъ звеньевъ интриги, которую Австрія старалась привлечь на свою сторону императрицу Елизавету, чтобы вовлечь ее въ борьбу съ Пруссіей,—имѣло послѣдствіемъ усиленіе ненависти императрицы къ Фридриху II. Вотъ что король писалъ по этому предмету въ своихъ Запискахъ: «Австрійцы, избавившись отъ стѣснительнаго для нихъ присутствія прусскаго посланника въ Петербургѣ, принялись интриговать: не стыдясь распускали ложные слухи и самую отвратительную клевету, лишь бы только возстановить императрицу Елизавету противъ короля. Они ее увѣрили, что прусскій король замышляетъ лишить ее жизни и возвести на престолъ Ивана Антоновича. Императрица повѣрила имъ на слово и возненавидѣла короля¹⁾».

Хлопоты объ отъисканіи епископа еще болѣе усилились у раскольниковъ—поповцевъ въ царствованіе Екатерины II, когда наконецъ пор-

городахъ отъ слободскихъ раскольниковъ слыхаль, и въ 1745 году будучи въ польскомъ мѣстечкѣ Гомлѣ и... въ слободѣ Вѣткѣ, отъ Россійскихъ людей, бѣжавшихъ изъ Россіи и живущихъ тамо довольноаго числа видѣлъ всеусердное желаніе паки выѣхать въ Россію только съ тѣмъ, ежели высочайшая ея импер. величества будетъ до нихъ милость, чтобъ въ религіи ихъ имъ дать на волю и священниковъ откуда похотять, чтобъ также дать на волю и ежели они похотять на свой коштъ, чтобъ церковь построить, то бѣ дозволить; и чтобъ ихъ на прежнія жилища не отсылать, и по прежнему помѣщикамъ и прочимъ командамъ не вѣдать, и отвели бѣ имъ мѣсто въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ они похотять, и вѣдомствомъ быть купцами или крестьянами е. и. в. и чтобъ промыслы и торги имѣть и заводы заводить имъ было вольно, а отъ солдатскаго набору, также какъ и въ Стародубскихъ и Чернигов. раскольниковскихъ слободахъ уволены, ихъ уволить. И ежели учинено будетъ съ ними въ силу е. имп. в. милость, то по крайней мѣрѣ до ста тысячъ въ скоромъ времени выѣдутъ... А поселяться имъ, по его, Коржавина, мнѣнію, весьма простояно ниже пороговъ по Днѣпру и при томъ мѣстѣ портовой городъ учредить; а другой выше пороговъ также не въ дальномъ разстояніи. Отъ того воспослѣдуетъ не малая казенная прибыль, а и люди оные пропавшіе будутъ государственные, отъ которыхъ нынѣ плода въ Россіи нѣтъ. Ibidem.

¹⁾ Mémoires de Frédéric II, p. 38.

валась плотно облеганная расколъ цѣль репрессалій, и раскольникамъ, какъ религиозной общинѣ, предоставлена относительная свобода въ гражданскомъ, общественномъ и религиозномъ положеніи. До 60-хъ годовъ XVIII в. мысль объ отысканіи себѣ епископа болѣе занимала раскольниковъ зарубѣжныхъ и окраинныхъ; со время же Екатерины II эта мысль сдѣлалась почти общимъ достояніемъ русскихъ раскольниковыхъ общинъ. Объ отысканіи епископа стали теперь заботиться раскольники Московскіе, Петербургскіе, Стародубскіе, Тверскіе, Торжковскіе и др., конечно, въ болѣе развитой и понимающей свое церковное положеніе части, а не въ своей болѣе инертной и устойчивой въ старообрядствѣ массѣ. Лѣтописецъ Вѣляевъ рассказываетъ, что и въ Москвѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, когда тамъ «полномочнымъ изъ священниковъ» былъ *Іаковъ*, впоследствии Климовскій, на всѣ толки объ архіерействѣ онъ одно твердилъ: „не надо намъ архіерея,—бѣда будетъ!“ Точно также, когда будто бы *Димитрій Свѣиловъ*, митрополитъ Новгородскій, обѣщался поставить Московскимъ раскольникамъ „архіерея по старопечатнымъ книгамъ и рукою мощей Филиппа митрополита, онъ же не согласился, и отъ того и въ дѣло, не произведено: потому что онъ въ тѣ поры былъ полномочнымъ изъ священниковъ“ (Лѣтоп. стр. 46). Къ первымъ же годамъ царствованія Екатерины II относится замѣчательное совѣщаніе о старообрядческомъ архіерействѣ, происходившее также въ Москвѣ, по нѣкоторымъ указаніямъ въ 1765 г., въ которомъ участвовали не только поповцы Московскіе и Стародубскіе, но и представители главнѣйшихъ безпоповщинскихъ согласій—Поморскаго и Фодосѣвскаго. Представители поповщинскаго согласія, Діаконовской фракціи, съ молодымъ инокомъ Никодимомъ во главѣ, въ виду общей снисходительности тогдашняго русскаго правительства къ раскольникамъ, предлагали обратиться къ православнымъ великороссійскимъ архипастырямъ для поставленія въ старообрядческіе епископы избраннаго общимъ совѣтомъ кандидата; но на такую мѣру, очевидно, не могли согласиться безпоповцы, признававшіе незаконнымъ даже принятіе бѣгствующихъ отъ православной церкви священниковъ,—и имъ-то, по всей вѣроятности, принадлежала высказанная на этомъ совѣщаніи мысль, чтобы «нужды ради сдѣлать премѣненіе закону». „Цѣлое миновало столѣтіе“, говорили послѣдніе, «какъ православная церковь постепеннаго священства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и

безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и оставался Павелъ епископъ, за древнее благочестіе изгнание претерпѣвшій, но преемниковъ по себѣ никого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древніе священники, но и тѣ воѣ, Богу такъ опредѣлившу, прешли въ вѣчныя крѣвы. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковоложенія и освященія къ служенію въ Божіей церкви таинствъ ни одинъ изъ насъ ничего не имѣеть. И потому мы въ крайней нуждѣ и настоящемъ расточеніи находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнить не обязапа, но свободна»... Явилась мысль обойтись безъ посредства іерархіи въ дѣлѣ поставленія себѣ епископа, почему и стали искать церковныхъ правилъ, которыя могли бы оправдать такую постановку вопроса, и, конечно, не нашли. Нѣчто ободряющее наконецъ было найдено: въ практикѣ древней отечественной церкви. Въ 1147 г. великій князь Ізяславъ по своимъ соображеніямъ предложилъ русскимъ епископамъ поставить въ Кіевскіе митрополиты Климента Смоленскаго безъ сношенія съ Константинопольскимъ патріархомъ. Русскіе епископы въ большинствѣ находили невозможнымъ такое поставленіе. Тогда Черниговскій епископъ Онуфрій указалъ на такой выходъ: «есть у насъ глава св. Климента, якоже ставятъ греки рукою св. Івана», что и было осуществлено. Представители старообрядческаго совѣщанія ухватились за этотъ фактъ, и рѣшили воспользоваться главою Іоанна Златаустаго, находившеюся въ Успенскомъ соборѣ. Нашлись однакоже и на старообрядческомъ совѣщаніи люди, указывавшіе на вѣкторую несообразность предпринимаемаго дѣла. Именно говорили: «произведеніе Климентово было не по закону, а по волѣ великаго князя Ізяслава, и при томъ какъ сія тайна назыв. хиротонія, т. е. руковоложеніе, то лучше рукою св. Іоны митрополита или другаго нѣкаго свитателя сіе учинить, подвѣди къ мощамъ ставленника, и отъ мощей руку на главу его возложи, и читавши принадлежація молитвы, облачить новопоставленнаго во вся архіерейская». Предложеніе было принято всѣми. Увѣренность въ возможности осуществленія этого предложенія была такъ велика, что начали даже готовить архіерейское облаченіе, какъ будто архіерей уже былъ на лицо, и мечтать, что при существованіи старообрядческаго архіерея прекратится распадѣніе раскола

на толки и скитающийся и разсыпанный мѣстами и мыслями народъ соберется во едино стадо, подѣ властію одного архипастыря. Скоро однако послѣ того возникли новыя и еще болѣе серьезныя недоумѣнія. Если рукоположеніе и возможно совершить, читая молитвы и возлагая облаченія, то тотъ святитель, чья рука будетъ возложена, безъ сомнѣнія будетъ молчать, а это молчаніе способно привести въ сомнѣніе, согласенъ ли онъ на все то, что мы дѣлаемъ? Во вторыхъ, кто изъ насъ станетъ при этомъ «руководзлагательныя молитвы» читать, которыя не могутъ и не должны быть читаны никѣмъ, кромѣ архіерея? Всѣхъ поразило это возраженіе, и замыселъ о чрезвычайномъ поставленіи епископа былъ оставленъ; всѣ сознались, что такое поставленіе было бы несогласно ни съ словомъ Божиимъ, ни съ правилами св. отецъ¹⁾.

Со времени послѣдней попытки 1765 г. совмѣстныя усилія поповцевъ съ безпоповцами къ учрежденію старообрядческой іерархіи прекратились; замыселъ о соединеніи старообрядческихъ церквей во едино подѣ верховнымъ руководствомъ старообрядческаго епископа былъ оставленъ, какъ неосуществимый. Извѣстно, что одинъ изъ безпоповщинскихъ представителей Московскаго совѣщанія 1765 г. Иванъ Васильевъ, впоследствии монахъ Венедиктъ Чугуевскій, сильно вооружался потомъ противъ представителей поповщины, главнымъ образомъ противъ Вѣтковскихъ поповцевъ признававшихъ «вѣчную хиротонію», преемственную отъ св. апостолъ, и желавшихъ заимствовать себѣ архіерејство отъ православной іерархіи, по примѣру бѣгствующихъ священниковъ. Кромѣ извѣстнаго своего «Извѣщенія разглагольствія Тарасія съ Трифиліемъ» 1768 г., онъ написалъ еще два сочиненія противъ поповцевъ, именно: 15 вопросовъ къ старообрядцамъ поповщинскаго толка «О ихъ суевѣрномъ заблужденіи по предметамъ хиротоніи и крещенія Россійской церкви» и «Показаніе въ двухъ столбцахъ разности древней

¹⁾ Подробности о совѣщаніи 1765 г. даютъ: Виталий о церкви в раск., Макарьевская рукоп. К. Д. Ак., гл. 16, л. 75 об. и 105—108. Журавлевъ: Историч. изв. о раскол. М. 1890 г. ч. II, стр. 155—158. ч. IV, стр. 287—288. Мельниковъ: Оч. поповц. гл. VII, стр. 257—265. Субботинъ, Н. И. Ист. такъ назыв. Австрійскаго или Бѣлорукіяцкаго свещ. М. 1886 стр. 29—32. Макарій: Ист. раск. стр. 386—389.

и новой церкви». Общій тонъ этихъ его произведеній — отрицательное отношеніе какъ къ представителямъ православной іерархіи, такъ и ко всему ихъ ученію. Въ представителяхъ іерархіи онъ не видѣлъ подражателей Христова смиренія и преемниковъ его божественнаго ученія ни по ихъ житію, ни по ихъ дѣйствіямъ и богословскому ученію¹⁾.

¹⁾ О сочиненіяхъ Ив. Васильева подробности см. въ Опис. рукоп. А. И. Хлудова, составл. А. Поповымъ. М. 1872. № 288, стр. 556—558. Чт. Общ. Ист. и древ. Росс. 1873 г., кн. 1, стр. 37. Между прочимъ Иванъ Васильевъ въ первомъ сочиненіи рассказываетъ о своихъ *разговорахъ* въ 1767 г. съ нѣкоторыми православ. школярами. «Въ разговорахъ тѣхъ... была у насъ рѣчь о церковныхъ преданіяхъ и о другихъ случаяхъ бывшихъ въ древнія времена въ католической церкви, которое бытіе доказывалъ я отъ правилъ апостольскихъ и соборныхъ, отъ чести мнѣй и отъ прологовъ... На тѣ мои предложенія и доводы отвѣтствовали мнѣ они слѣд. образомъ: много де такихъ пустошей и бездѣлицъ напечатано есть въ церковныхъ книгахъ; да и въ самыхъ апостольскихъ и соборныхъ правилахъ не мало пустыхъ бредней находится, и мы де все то, кромѣ свящ. Библии, почитаемъ за выдумки и человѣческая преданія, и ежели бы пожелалъ ты съ нами болѣе разговаривать, то бѣ показали мы тебѣ и въ самой свящ. Библии много такихъ мѣстъ, недостойныхъ пріятія; ибо и тамъ есть такіе апокрифы, которые отнюдь не принадлежатъ до богодухновеннаго писанія. Однимъ словомъ сказать: я почти все то же самое нашелъ въ нихъ, что и въ лютерокальвинскихъ списаніяхъ имѣется: не признаютъ они никакихъ мытарствъ воздушныхъ, ни рѣкъ огненныхъ, ни езеръ, ни тартара студенаго... А о воскресеніи мертвыхъ и о будущемъ судѣ и о безконечномъ царствіи чуть ли не тоже мудрствуютъ, что и Оригенъ проклятый въ книгахъ своихъ баснословить». Сказавъ о современныхъ ему философахъ и богословахъ, что они думаютъ, авторъ переходитъ далѣе къ разсказу о томъ, что они дѣлаютъ. „Самые престоловъ апостольскихъ намѣстники и Христова смиренія подражатели и ученія его божественнаго преемники, когда изволятъ путешествовать до храма Божіе къ священнослуженію, тутъ доказываютъ они себя людьми духовными...: ѣдетъ онъ въ преогромной каретѣ въ самомъ тучномъ видѣ, въ сіяющемъ благолѣпіи, отъ персей его сыплются блистательные искры, ибо достоинства его знакъ носи осипанъ есть брилліантами. Къ колесницѣ прираженъ

Со все́ми иными мысли о православной церкви и православной іерархіи стали проводить съ тѣхъ поръ поповцы, въ особенности же инокъ Никодимъ, одинъ изъ представителей сначала московской поповщинской общины, а потомъ съ 1773 г. житель Стародубскаго посада Злыньки, гдѣ онъ устроилъ Троицкую пустынь, болѣе известную подъ именемъ Никодимовой. Они ясно теперь сознавали, что правильное устройство церкви заключается въ трехчинной іерархіи, что раздѣленіе раскола на толки и согласія произошло по причинѣ ихъ церковнаго неустройства, и что только правильнымъ устройствомъ церковной іерархіи и возможно возстановить разсыпанную хранину. Въ этихъ видахъ послѣ московскаго совѣщанія опять начались у поповцевъ усиленные «происки» о приобрутеніи отъ православной церкви епископа. Известно, что вскорѣ послѣ совѣщанія 1765 г. московскіе поповцы отправили инокъ Никодима съ купцомъ Иваномъ Андреевымъ Кузнецовымъ и монахомъ Іоакимомъ въ Гру-

шестероконный цугъ великаго удивленія; передъ нимъ то верхники скачутъ, то жезлопосцы предваряютъ, то кучеръ кричитъ. Когда онъ войдетъ въ храмъ Господень, какая тугъ ему бываетъ преужасная стрѣча: не успѣетъ онъ еще переступить ногою за прагъ церковный, то учрежденный на то хоръ пѣтговъ вдругъ какъ вослякнуть великими голосами, то кажется что и мѣсто тое отъ своихъ основаній восколеблется. И такой то шумъ празднующихъ чрезъ всю церковную саужбу совершается... Здѣсь то сердце сокрушенное, здѣсь то духъ умиленія по Бозѣ! церковная пѣнія во устахъ, а увеселительная табака въ ноздряхъ... Для вящаго у нихъ благоговѣнія къ Богу епископы и попове, и діакони подстригаютъ у себя усы; поддіакони и діакы и попомаря вычищаютъ бороды. Великие люди, кто что любить, иной въ парикѣ, иной въ пугрѣ, и въ разномъ видѣ одеждъ съ нѣмецкихъ манеровъ, женщины откровенными глазами и обнаженною грудью, купцы, подъячье и адвокаты тому же слѣдучъ, пересыпавши свою волосы мукою, и съ подбритою бородою, туды же снѣшатъ и тащатся (л. 83). На семь мѣствъ подобало бы еще глаголати мнѣ о богомерзскихъ ихъ играхъ и забавахъ, и сатанинскихъ сборищихъ, идѣже совершаются у нихъ блудныя маскарады, театральныя мечты, и мужеженскія фракомасоновъ ложы; но сего глаголати и писати отнюдь невозможно...: срамно есть цѣломудренному слуху слышати». (Л. 84).

вію, надѣясь, что таможній католикосъ Антоній, совершенно независимый отъ Россійской церкви, рукоположить имъ самостоятельнаго епископа. На Грузію указали имъ Грузинскій же митрополитъ Аванасій, жившій въ то время въ Москвѣ и служившій при Архангельскомъ Кремлевскомъ соборѣ, котораго они предварительно просили о томъ же, и который, состоя подъ вѣдѣніемъ св. Синода, не считъ возможнымъ удовлетворить ихъ желанію, какъ не имѣвшій самостоятельной кафедры. Посольство отправилось на Кавказъ въ 1768 г.; но отъ предгорій Кавказа должно было повернуться назадъ, такъ какъ тамъ, въ виду первой турецкой войны, стояла уже русская армія подъ командою генерала де-Медема, не пропускавшая никого. Извѣстно также, что жившіе за Днѣпромъ поповцы около этого же времени отправляли отъ себя пословъ къ Крымскому митрополиту, прося его поставить имъ епископа, но и этотъ митрополитъ не согласился исполнить ихъ просьбу безъ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха. Есть также извѣстіе, что около того же времени поповцы обращались и къ нѣкоторымъ великороссійскимъ архіереямъ, жившимъ на покоѣ, въ томъ числѣ къ святителю Тихону Воронежскому и др., съ приглашеніемъ; погостить къ нимъ. Само собою понятно, что все эти предложенія не могли имѣть успѣха. Говорятъ, что святитель Тихонъ на сдѣланное ему предложеніе отвѣтилъ: «къ чему же я приступлю? Пока вы сами еще пусты!».

Къ началу 80-хъ годовъ XVIII в. принадлежатъ еще двѣ попытки къ отысканію на востокъ и при помощи востока старообрядческаго архіерея, въ которыхъ дѣятельное участіе принималъ стародубскій инокъ Никодимъ, пришедшій тогда же къ мысли о болѣе правильномъ устройствѣ старообрядческаго раскола другимъ путемъ—открытою просьбою у русскаго духовнаго и гражданскаго правительства о законномъ священствѣ отъ великороссійской церкви съ епископомъ во главѣ. Время первой попытки относится къ 1780 г., второй—къ 1781 г.

Относительно той и другой попытки болѣе подробныя свѣдѣнія сообщаются лѣтописцемъ Яковомъ Вѣляевымъ. По его словамъ, 7 августа 1780 г., съ согласія чернаго попа Михаила Калмыка, Никодима, Московскаго купца Ивана Андреева Кузнецова и инока Герасима, „тайно отъ слобожанъ“, сугубо не долюблявавшихъ тѣхъ, кто заботился о приобрѣтеніи старообрядческаго архіерея, отправленъ былъ на Востокъ го-

ловщикъ лѣваго крылоса Климовскаго Покровскаго монастыря Іоасафъ вмѣстѣ съ монахомъ Рафаиломъ, не разъ уже бывавшимъ въ Іерусалимѣ. Въ этой попыткѣ принимали участіе и Елисаветградскіе старообрядцы, въ особенности «первостатейный» между ними купецъ Иванъ Ивановъ Масленниковъ. Цѣлю путешествія Іоасафа и Рафаила было отысканіе на Востока «стариннаго архіерея». Предполагалось, что Покровскіе монахи стумѣютъ кого либо изъ восточныхъ іерарховъ склонить, если не къ поставленію для старообрядцевъ особаго епископа, то по крайней мѣрѣ къ переходу въ старообрядчество и переселенію въ Россію. Такимъ образомъ это попытка очень напоминаетъ попытку сороковыхъ годовъ XIX в., окончившуюся приобрѣтеніемъ такъ называемой Австрійской или Блѣкраницкой старообрядческой іерархіи. По словамъ другаго современника, инока Виталія, обратившагося потомъ въ единовѣріе и написавшаго уже извѣстное намъ сочиненіе «О церкви и старообрядцахъ», попытка эта была двоедушна. Если Калмыку и Никодѣму, какъ и другимъ искреннимъ сторонникамъ этой затѣи, было желательно найти на Востока «стариннаго архіерея», то, съ другой стороны, головщику Іоасафу улыбалась возможность самому тамъ сдѣлаться архіереемъ, такъ какъ отъ Калмыка и Кузнецова, по словамъ Виталія, онъ былъ снабженъ «не одного тысящею золотыхъ». Въ Константинополѣ Іоасафу не удалось ничего добиться; за то посчастливилось на Аѳонѣ, гдѣ онъ 20-го мая 1781 г. былъ рукоположенъ во іеромонаха Герасимомъ, епископомъ Героевскимъ и святогорскимъ Аѳонской горы, въ обители Симона Петра; но въ дальнѣйшихъ степеняхъ ему было отказано безъ согласія на то патріарха. Еще благоприятѣе оказались сношенія Іоасафа съ антиохійскимъ патріархомъ Даниломъ, отъ котораго онъ получилъ самъ архимандрита и посланъ былъ съ грамотою обратно для испрошенія милостиннаго подаванія. Грамота эти впоследствии черезъ князя Потемкина въ 1790 г. предъявлена были Новородскому и С.-Петербургскому митрополиту Гавріилу, а послѣднимъ свят. синоду, въ переводѣ съ греческаго, и была издана потомъ Н. И. Григоровичемъ въ Рус. Архивѣ 1869 г., кн. X, стр. 1607—1609. Между прочимъ здѣсь патріархъ писалъ: «Да будетъ вѣдомо всѣмъ, что предъявляющей сію грамоту іеромонахъ Іоасафъ, уроженецъ области Лехискія, посвященъ рукоположеніемъ св. Горы о св. Духѣ брата и сослужителя, боголюбивѣйшаго епископа св. Горы

господина Герасима во іеродіакона и пресвитера, какъ явствуетъ изъ даннаго ему отъ того же епископа свидѣтельства. И пришедъ на поклоненіе св. Гроба, былъ и у насъ въ Дамаскѣ и, видя негосподныя подати, кои съ насъ взимаваютъ, крайнюю скудость и лишеніе наше враговъ—пакостителей, кои озлобляютъ насъ ежедневно, недостатокъ и малое число людей сего престола, побуждаемъ будучи милосердіемъ и являя христіанскую ревность къ православію, самопроизвольно восхотѣлъ нарѣциса чловѣкомъ нашего апостольскаго престола и совершивъ обыкновенный обѣтъ возвратиться во свои предѣлы ради милостины и помощи сему во упадокъ приходящему престолу. Въ разсужденіи сего, согласясь на сго произволеніе и возлюбивъ божественное его намѣреніе, почтили и мы его, производи архимандритомъ нашего апостольскаго престола ради его честности. Итакъ, когда онъ возвратится во свои предѣлы, просимъ, чтобы, принявъ его съ радостнымъ и веселымъ лицомъ, споспѣшествовали помощію и милосердіемъ сему первоначальному апостольскому престолу, и чтобы каждый изъ васъ по произволенію подавали милостыню и помощь помянутому архимандриту Іоасафу, съ добрымъ намѣреніемъ и радостію»..... 1782 г., апрѣля 20. По словамъ лѣтописца Бѣляева и инока Виталія, Іоасафу былъ обѣщанъ и епископскій санъ, если онъ привезетъ 3 тысячи рублей или тысячу червонцевъ «на искупленіе плѣнныхъ». Такія рѣчи распускалъ самъ Іоасафъ въ Волощинѣ и въ Стародубьѣ. А обратно «ѣхалъ Іоасафъ Волощеною, на которыя слободы и посвятить его обѣщались», прибавляетъ при этомъ лѣтописецъ. Такова внутренняя подкладка Асафова архіерейства.

21-го ноября 1782 г. Іоасафъ возвратился съ востока «тайкомъ» въ слободской Покровскій монастырь, и нашелъ, что большинство его прежнихъ сторонниковъ, въ томъ числѣ инокъ Никодимъ, находились уже подъ другимъ вліяніемъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ съ жаромъ ухватились за будущее его архіерейство; но большинство стояло на сторонѣ того же инока Никодима, какъ разъ пришедшаго въ то время къ мысли, просить священство отъ той церкви, отъ которой прежде старообрядцы отлучились, а потому, чтобы быть сынами Россійской церкви, и находили дѣло Іоасафа «законопротивнымъ» и «нетвердымъ» по фундаменту. Видя неудачу въ Стародубьѣ, Іоасафъ съ Кузнецовымъ скорѣй отправился въ Москву «ради совѣту съ Московскими купцами и съ про-

чими и о собраніи вышереченныхъ денегъ», надѣясь тамъ привлечь къ своему дѣлу болѣе сочувствующихъ. Надежда его не обманула; сочувствующіе явились, какъ частію и деньги. Скоро до Стародубья стали доходить вѣсти, что „со многихъ странъ хотѣли съѣхаться ко Асафу, чтобы посылать его при свидѣтельствѣ въ тѣ мѣста, гдѣ онъ нашелъ благочестіе, поставить во архіепископа“. При такихъ условіяхъ сторонники «Никодимова предиріятія благословеннаго священства» начали всеми зависящими отъ нихъ средствами противоудѣствовать дѣлу Іоасафа и ускорять свое собственное дѣло. На одномъ изъ многочисленныхъ собраній сторонниковъ Никодима въ Покровскомъ монастырѣ въ мартѣ 1783 г. рѣшено было «Асафову ложь публично обличить и, сочиня о немъ исторію, послать въ знатныя мѣста придерживающимся старообрядчества; понеже всѣ црельстились повсюду фальшею его, что онъ вездѣ разславилъ, якобы нашелъ христіанскихъ архіереевъ, отъ которыхъ и посвятился во архимандриты, и при томъ собиралъ деньги якобы ради проѣзду въ такія мѣста и ради произведенія во архипастыря, а самымъ дѣломъ, какъ Рафаилъ доказывалъ, чтобы собрать собственныя въ такихъ проѣздахъ исхарченныя деньги свои сотъ до пяти»... Исторію сочинилъ Никодимъ съ Яковымъ Бѣляевымъ и Герасимомъ и представилъ въ скорости въ Покровскій монастырь на свидѣтельство. 16-го марта на такомъ же собраніи сторонниковъ Никодима было порѣшено: „Исторію яко достовѣрную подписавши соборно обнародовать; Никодимово дѣло, ни мало не упукая времени, яко все-нужное представить св. Синоду; ѣхать въ С.-Петербургъ: Никодиму, о. Евдокиму, Якову Бѣляеву и Ивану Григорьеву... Да на томъ же собраніи приказано: Никодиму къ графу Румянцову съездить спроситься и помощи въ предпріятіи дѣлѣ попросить«. Когда вскорѣ возвратился Іоасафъ изъ Москвы, то уже не посмѣлъ самъ явиться въ Покровскій монастырь, удалившись въ польскія раскольническія слободы, а только прислалъ своего казначей—Кузнецова, скоро перешедшаго на сторону Никодима и собранными для Іоасафа деньгами помогавшаго потомъ предпріятію Никодима.

Относительно второй стародубской старообрядческой попытки 1781 г. добыть себѣ епископа имѣются слѣд. данныя. 13-го Января 1781 г. Никодимъ получалъ извѣстіе отъ діаконовцевъ слободы Борской, что въ

Могилевъ Подольскомъ проживаесть греческій м. *Евсей*, съ которымъ и вошли въ сношеніе Борскіе діаконовцы о поставленіи старообрядческаго архіерея. Ознакомившись сначала черезъ толмача, а потомъ и письменно съ вѣрою старообрядцевъ, Евсей будто бы увѣрился, что ересей они никакихъ не содержатъ, а потому и рѣшился посвятить имъ изъ ихъ же среды епископа, и даже далъ о томъ за своего рукою письмо. Съ этимъ благопріятнымъ извѣстіемъ и явились депутаты Борскихъ діаконовцевъ 13-го января къ Никодиму, чтобы посовѣтоваться съ нимъ и съ Покровскою обителью о такомъ важномъ для старообрядства дѣлѣ. Когда Никодимъ съ посланными изъ Борской депутатами и иноками Рождественскаго діаконовскаго монастыря явился въ Покровскую обитель и объявилъ о цѣли ихъ пріѣзда, строитель послѣдней Калмыкъ собралъ въ своей часовнѣ «для совѣта» иноковъ совмѣстно съ прибывшими. На этомъ собраніи прежде всего уставщикъ Рождественскаго монастыря Авраамій торжественно заявилъ что «они всѣ (иноки монастыря) соборнѣ согласны поставить архіерея, и что съ ними согласна слобода Злынка и Зыбковскіе нашего согласія и прочихъ слободъ діаконовцы». Иныя рѣчи слышались отъ иноковъ и бѣльцевъ Покровской обители; хотя нѣкоторые и изъ нихъ выражали желаніе имѣть своего архіерея, но и тѣ желали добыть его, во-первыхъ, «согласно съ законами», во-вторыхъ желали «испытать» о митрополитѣ, «не подозрительный ли онъ» и «не состоитъ-ли подъ какою-либо виною». По словамъ лѣтописца, «цѣлая половина иноковъ-простаковъ» была не на сторонѣ новой затѣи; если бы „самъ ап. Петръ, спешши съ небесъ, рукоположилъ имъ архіерея, то они не повѣрили бы и по привычкѣ своей сказали бы: намъ лучше безъ архіерея! Иной сказываетъ: со архіереемъ гоненіе будетъ, а иной боится страха, въ чемъ страха нѣтъ, и раздору не было бы». Когда явилась рѣчь о кандидатахъ на архіерейство, то какъ Вѣткотцы, такъ и Діаконовцы старались выдвинуть своего кандидата; послѣдніе боялись, чтобы Вѣтковскій кандидатъ «не притѣснилъ ихъ каждаго» и не поворотилъ все дѣло старообрядства по своему. Съ своей стороны Вѣтковцы не хотѣли уступить своего «первенства» Діаконовцамъ. Въ видахъ примиренія интересовъ тѣхъ и другихъ Никодимъ предложилъ послать по кандидату въ архіереи изъ трехъ монастырей—Покровскаго, Рождественскаго и Успенскаго, и чтобы самъ митрополитъ потомъ выбралъ любого

изъ нихъ по жеребью. И это предложеніе не прошло, такъ какъ ни та ни другая сторона не соглашалась поступиться своими правами при выборѣ кандидата во архіерея, и «Никодимъ болѣе на дяконову сторону тянулъ, того ради умышленно и опровергалъ, якобы тотъ недостойнъ и оной тоже». Вдобавокъ тутъ столкнулись и личные честолюбивыя настрѣнія со стороны Никодима и Калмыка. О Никодимѣ лѣтописецъ Бѣляевъ рассказываетъ, что ему самому «посвятиться хотѣлось» и что «хотя онъ на то и достоинъ, только на него не соглашались съ нашей стороны, что много простымъ людямъ стало нима его горько и вси изъ него сомнѣвались». Не прочь былъ архіерействовать и Калмыкъ; «отцы и говорили о Михайла послать», но боялись, что «за природу (калмыцкую) не посвятить митрополитъ». Такъ и на этотъ разъ у Вѣтковцевъ съ Діаконовцами расклеилось совмѣстное искательство архіерея. Дѣло продолжали одни Діаконовцы, и 1-го февраля 1781 г. повезли въ Могилевъ избраннаго ими кандидатомъ во архіерея священника Іосифа Островскаго, «а на подставу о. Тихона; поѣхалъ же съ ними и казначей инокъ Герасимъ, да двое съ разныхъ слободъ вѣры достойные люди, ради свидѣтельства, со общаго ихъ между собою совѣта, какъ иночествующихъ, такъ и мірскихъ. А денегъ съ собою повезла слишкомъ пятьсотъ; Никодимъ при миѣ», рассказываетъ лѣтописецъ, «далъ сто рублей на Каменкѣ о. Іосифу въ руки, да своихъ взяли монастырскихъ; иные тожъ богатые въ помощь давали»¹⁾.

Почти одновременно съ отправленіемъ Іосифа въ Могилевъ отправленъ былъ Никодимомъ слобожанинъ Артамонъ Макаровъ съ товарищемъ въ Нѣжинъ, Киевъ и другія мѣста для собиранія свидѣній о самомъ м. Евсеѣи. Въ Нѣжинѣ Макаровъ нашелъ какого-то «серебряника, помугрека», жившаго будто бы у Евсеѣя въ Могилевѣ и сообщившаго развѣдчикамъ что «Евсеѣй лѣты не старъ, развѣ есть 40 лѣтъ»; что онъ

¹⁾ Іосифа Островскаго—діаконовскаго кандидата во архіерея—инокъ Виталий такъ характеризуетъ: «Іосифъ мужъ старъ лѣты, сѣдинами украшенъ, самой простой повятуры и ума коловратнаго, въ разговорахъ неучливъ и запинателенъ, къ тому же и малограмотенъ, прятворное воедержаніе имѣлъ, да часто обѣдни литургисалъ, за то много народъ пріверженъ къ нему имѣлъ». гл. XIV, стр. 109—110.

роду богатого, икаріакъ; что мать его прежнему султану турецкому мамкой была; что, пользуясь покровительствомъ своего молочнаго брата, Евсевій получилъ званіе митрополита или экзарха „Инетскаго, еже сказуется Сербскаго“, и что по смерти этого султана онъ безъ вины былъ патриархомъ отставленъ отъ митрополіи и бѣжалъ въ Яссы, а оттуда въ Варшаву, Кіевъ и потомъ Могилевъ. Изъ Кіева развѣдчики писали Никодиму 10-го марта, что они развѣдывали о появившемся въ Подоліи митрополитѣ греческомъ въ Софійскомъ монастырѣ и узнали, что онъ «не запрещенъ и неизверженный», что подъ нимъ было 10 епископовъ, что жилъ онъ въ Кіевѣ «безъ опредѣленія» въ Никольскомъ и Кирилловскомъ монастыряхъ, и, не захотѣвъ жить подъ началомъ, удалился изъ Кіева въ Польшу. Въ Кіевѣ же развѣдчики узнали, что въ Польшѣ король далъ Евсевію грамоту „устроить церковь“, что на него была жалоба Кіевскому митрополиту отъ Переяславскаго епископа за незаконное вмѣшательство Евсевія въ дѣла его епархіи, въ составъ которой входили и всѣ православныя церкви въ Подоліи, что по опредѣленію св. Синода указано было ему жить въ Андроніевомъ монастырѣ съ жалованьемъ въ 300 руб. Послѣдующихъ писемъ Макарова съ товарищемъ дѣлописецъ не приводитъ.

Свѣдѣнія, добытыя Макаровымъ о Евсевіи, отчасти совпадаютъ съ официальными о немъ свѣдѣніями, указанными въ статьѣ протоіерея П. Орловскаго: «Странствующій архіерей (1777—1778 гг.)» (Кіев. Стар. 1896 г., кн. 1, стр. 78—100), за исключеніемъ сказки о молочномъ родствѣ съ султаномъ, о чемъ не говорилъ самъ Евсевій протоіереемъ Бѣливскому, собиравшему о немъ свѣдѣнія по порученію м—та Гавриила въ 1778 г., какъ и дѣйствительности его архіерейства. Статья главнымъ образомъ основана на дѣлѣ Кіевской духовной консисторіи 1778 г., № 13, на 53 л., «о приѣздѣ съ заграницы м. Приарезскаго Евсевія, временномъ его здѣсь прожитіи и неизвѣстности выѣзда его съ города» и свѣдѣніяхъ о Евсевіи, собранныхъ покойнымъ М. О. Коаловичемъ въ синодальномъ архивѣ и помѣщенныхъ имъ въ книгѣ — «Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ». Спб. 1873. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что Евсевій былъ весьма сомнительнымъ митрополитомъ. Таковыя нерѣдко появлялись въ православныхъ предѣлахъ Польши XVIII в. Евсевій въ Кіевѣ не представилъ митрополиту своей архіерейской гра-

моты и тѣхъ открытыхъ патріаршихъ грамотъ, которыми яко-бы ему разрѣшалось вездѣ священнослуженіе. О сомнительности его архіерейства говорить и его буйный нравъ и разныя скандальныя похожденія, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ бытность его въ Подольской губерніи.

По словамъ лѣтописца Бѣляева, старообрядцамъ не удалось Іосифа въ архіереи поставить потому, что не застали м. Евсевія въ Могилевѣ: онъ «отлучился по требованію отъ своего патріарха грамотою увѣщательною, обещающею ему паки престолъ свой держать». По словамъ тогдашняго намѣстника Немировской протопопіи Василія Саржицкаго, Евсеій поѣхалъ въ Варшаву съ жалобой на униатовъ, съ которыми у него въ то время сильно обострились отношенія и дошли даже до вооруженной борьбы. Изъ Варшавы ему не удалось снова пробраться въ Подолію; въ маѣ 1781 г. видѣли его уже въ Сочавѣ. Въ сентябрѣ того-же года о предпріятіи Іосифа узналъ и Сенатъ и предписывалъ графу Румянцову, какъ намѣстнику Малоросіи, а послѣдній Кіевской губернской канцеляріи, «о такомъ раскольниковъ впредь въ православной церкви предпріятіи имѣть примѣчаніе» (Лѣт., стр. 279').

¹⁾ О появленіи и дѣятельности *Евсевія* въ предѣлахъ Россіи имѣются слѣд. свѣдѣнія. Первоначально онъ встрѣтился въ Молдавіи съ фельдмаршаломъ гр. Румянцовымъ, называлъ себя Призремскимъ м-томъ, спасающимъ бѣгствомъ свою жизнь отъ смертной казни, къ которой былъ приговоренъ за Черногорское возмущеніе Портой, и былъ на нѣкоторое время оставленъ при арміи въ качествѣ проводника, хорошо знакомаго съ придунайскими мѣстностями. Еще до выхода отсюда русской арміи, около половины 1777 г., съ разрѣшенія гр. Румянцова, онъ отправился въ предѣлы нынѣшней Подол. губ. и до 28 маѣ 1778 г. проживалъ сперва въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, а потомъ въ Немировѣ. Здѣсь, какъ признанный въ архіерейскомъ санѣ русскимъ фельдмаршаломъ, онъ безпрепятственно священнодѣйствовалъ и посвящалъ въ священники всѣхъ желающихъ. Появленіе въ Подоліи православа. архіерея было крайне не по душѣ тамошней униатской іерархіи, значительно усилившейся послѣ усмиренія Коліивщины и Гайдамацкаго бунта въ Чигиринщинѣ, Смѣлящинѣ и Уманьщинѣ, такъ какъ разстраивало планы послѣдней о полномъ истребленіи православія въ краѣ. Смущало оно и высшую русскую іерархію. Въ слѣд. секретнаго предписанія Петер-

Всѣ эти неудачи и преслѣствія къ отысканію старообрядче-

бургской коллегіи ин. дѣлъ, основаннаго на ходатайствѣ св. Синода, обеспокоеннаго появленіемъ среди православнаго населенія Подоліи сомнительнаго архіерея, гр. Румянцовъ приказалъ генераль-маіору Ржевскому переселить Евсевія изъ Могилева въ Немировъ, а потомъ въ Кіевъ, куда онъ и прибылъ 29 мая 1778 г. Здѣсь онъ былъ сперва помѣщенъ и продовольствованъ въ Пустынно—Никольскомъ монастырѣ въ теченіи 436 дней, потомъ, вслѣдствіе его жалобы на недостаточность своего продовольствія и содержанія, былъ переведенъ въ Киряловскій, откуда тайкомъ скоро и убѣжалъ въ Польшу (14 окт. 1779 г.). Въ началѣ 1780 г. Евсей былъ уже въ Варшавѣ, получилъ отъ короля Станислава Понятовскаго какую-то грамоту, дозволявшую ему архіерействовать надъ православными въ Подоліи и Брацлавщинѣ, съ которою и явился вскорѣ въ Могилевъ на Днѣстрѣ. Здѣсь онъ приобрѣлъ домъ, служилъ въ греческой церкви и рукополагалъ ставленниковъ; но, тѣснымъ уніатскимъ оффиціаломъ Любинскимъ, въ октябрѣ 1780 г. переселился въ Немировъ, гдѣ было не мало грековъ, сербовъ и волоховъ, которымъ покровительствовалъ гр. Викентій Потоцкій, въ видахъ развитія торговли и промышленности. Тутъ у Евсевія явилась мысль устроить свою Консисторію, а также разослать правосл. священникамъ приказъ явиться къ нему и представить обстоятельные репорты объ обихахъ, наносимыхъ православнымъ отъ помѣщиковъ, посессоровъ и уніатскихъ поповъ. Явившимся священникамъ онъ объявилъ, что «онъ—митрополитъ, отъ е. в. короля польскаго имѣетъ у себя грамоту о бытіи ему тамъ и защищеніи православныхъ отъ уніатовъ». Кромѣ Немировской протопопіи онъ литургисалъ и рукополагалъ и въ Брацлавской. И въ Немировѣ враждебное отношеніе уніатовъ къ Евсею и православнымъ не прекращалось и наконецъ выразилось въ открытомъ столкновеніи между ними. Вышеупомянутый Любинскій съ 60-ю уніатскими попами и дьячками поѣхалъ въ с. Войтовцы, приходъ намѣстника протопопіи Саржинскаго, «отбилъ приходскую его православную церковь..., жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ». Защищать намѣстника и православныхъ въ Войтовцахъ явился самъ Евсей, имѣя при себѣ около 10 немировскихъ грековъ, вооруженныхъ саблями и пистолетами, и велѣлъ народу бить уніатовъ за гвалтовныя нападенія на православныя церкви. Послѣ того, по возвращеніи въ Неми-

скаго архіерейства не ослабляли энергіи Никодима, а скорѣе богѣ

ровъ, Евсеій отправился въ Варшаву съ жалобой на дѣйствія униатовъ Польскому королю. Такъ доносилъ потомъ еп. Переясловскому Иларіону о. Саржинскій. Въ слѣдъ за доношеніемъ намѣстника, еп. Переяславскій вошелъ въ св. Синодъ съ жалобой на Евсеіа на незаконное вмѣшательство въ дѣла его епархіа, въ составъ которой входили и всѣ православ. церкви въ Подоліа и Брацлавщинѣ. Вслѣдствіе переписки св. Синода съ иностр. коллегіею, русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсеіа изъ Польши, и домогательство это имѣло рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Почти одновременно съ жалобой переяслав. епископа и Славенскій и Херсонскій архіеп. Никифоръ Θεотоки прислалъ въ св. Синодъ доношеніе Елисаветградскаго протоіерея Дмитрія Смолодовича: «Слухомъ мнѣ извѣстно учинилось, что нѣякой волоскій архіерей, кой назыв. себя роднымъ братомъ волоскаго жъ господаря, казеннаго Турками, проживая нынѣ въ Польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, нѣскольکو человекъ произвелъ во священство. Раскольники Стародуб. слободъ, прослыхавъ о такомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа и, будучи онъ разными образы улакавъ отъ раскольниковъ, обѣщался просьбу ихъ исполнить, а раскольники таковымъ его обладеживаніемъ будучи обрадованы, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ 1781 г. повезли къ нему для посвященія во епископа іером. Іосифа изъ діаконскаго раскольническаго скита, чему очевидніи у насъ суть свидѣтели. Но поеліку оный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отѣхалъ въ Варшаву къ Польскому королю съ жалобой на духовную униатскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ с. Борскомъ его прибытія». (М. О. Кояловичъ. Ист. воссоедин. униатовъ, стр. 178). Объ этой попыткѣ упоминаетъ и о. Журалевлевъ въ своемъ «Поли. историч. изв. о раск.» (М. 1890 г. ч. IV, стр. 288), вѣроятно на основаніи синодскаго дѣла о томъ. Сомнѣвались въ архіерействѣ Евсеіа въ Кіевѣ во время его тамошняго пребыванія, какъ потому, что онъ велъ себя не такъ, какъ подобало архіерею (неумѣренное пьянство и буйный, особенно во хмѣлю, нравъ), такъ и вслѣдъ непредставленія м. Гавріилу архіерейской грамоты и патріаршихъ грамотъ на разрѣшеніе священнослуженія. Самозванство Евсеіа признано было потомъ и св. Синодомъ, именно въ 1794 г., предъ воссоединеніемъ украинскихъ униатовъ съ православною церквю.

и болѣе ее усиливали и выдвигали къ осуществленію давнюю его мысль, что церковь безъ епископа не есть истинная церковь, что правильное устройство раскола возможно только при посредствѣ епископа и законнаго священства. Обстоятельства благопріятствовали и практическому ея осуществленію. Вскорѣ послѣ извѣстнаго Московскаго перемазанскаго собора 1779—1780 г.,—по вопросу о чинопріятіи бѣгствующихъ отъ Россійской церкви іереевъ, на которомъ Никодимъ весьма убѣдительно раскрылъ несостоятельность защищаемаго Рогожскимъ Кладбищемъ обычая подвергать миропомазанію священниковъ, принимаемыхъ отъ церкви «въ сущемъ ихъ санѣ». вслѣдствіе чего Діаконовцы вмѣстѣ съ Михаиломъ Калмыкомъ отдѣлились отъ Рогожскаго Кладбища и составили меньшинство въ тогдашней поповщинѣ,—Славенскій и Херсонскій архіепископъ Никифоръ Θεотоки разрешилъ раскольникамъ устроить храмъ съ правомъ служить по старопечатнымъ книгамъ. Это разрѣшеніе было дано 14-го февраля 1780 г., а въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года, когда церковь была устроена, самъ освятилъ ее въ с. Знаменскѣ, Александрійскаго уѣзда, нынѣшней Херсонской губерніи, и такимъ образомъ грекъ—архіепископъ сталъ въ данномъ

30-го іюня преосв. Викторъ Садковскій, выдавая одобренную св. Синодомъ инструкцію игуменамъ и протоіереямъ, на которыхъ былъ возложенъ трудъ воссоединенія Украинскихъ уніатовъ, въ § 10 ея такъ писалъ: „въ случаѣ недостатка и необходимой надобности въ священникахъ, для снабженія оными новоприсоединенныхъ прихожанъ и церквей, назначить до дальшаго времени и священниковъ, рукоположенныхъ волоскими православными архіереями, кромѣ извѣстнаго сумнительнаго митрополита Евсевія, буде, при разсмотрѣніи о священствѣ ихъ документовъ и др. письменныхъ видовъ, въ запрещеніи священнослуженія и подобныхъ тому важныхъ сумнѣніяхъ не окажутся“... Далѣе, не только сомнѣвался въ архіерействѣ Евсевія Черногорскій м-тъ Савва Петровичъ, но положительно не признавалъ его архіереемъ. Евсевій странствовалъ по Черногоріи въ концѣ 1774 г. Въ журналѣ „Магацинъ Сербско-Далматинскій“ за 1872 г. напечатана грамота, выданная Евсевіемъ 12 января 1775 г. о производствѣ имъ въ санъ протоіерея сербскаго священника Илія Поповича. Такого производства не признавалъ дѣйствительнымъ Черногорскій м-тъ и предписалъ Поповичу свою протоіерейскую грамоту выслать ему въ Станевичскій монастырь, такъ какъ „она выдана Евсевіемъ не архіереемъ“...

случаѣ на ту дорогу, которая въ XVII в., при образованіи раскола, была засорена греками же. Вѣсть о Знаменской церкви быстро распространилась между старообрядцами, и въ особенности въ Стародубѣ произвела довольно сильное движеніе въ кружкѣ Никодима и его ближайшихъ сторонниковъ. Уже въ концѣ 1780 г. близкій человѣкъ къ Никодиму, Яковъ Бѣляевъ, лѣтописецъ, знакомый съ современными условіями и теченіями старообрядческой тогдашней жизни, писалъ въ своемъ «Нѣкоторомъ Предувѣдѣніи»: Я думаю надо быть архіерею у насъ въ недалгомъ времени или отъ Царяградской стороны, или отъ Россійской. А если Всевышняго судьба опредѣлила не быть архипастыремъ, то будутъ священники у насъ подъ титуломъ архипастырства Россійскаго изъ нашихъ поставлены достойные, съ вѣдома синодальнаго. на нашихъ воляхъ, въ старообрядчествѣ, *на подобіе Знаменской церкви*... И какъ только «остановится отъ государей» такая церковь, мечтаетъ лѣтописецъ, «милость увидить, и станеть расти отъ силы въ силу, и будетъ всѣхъ исправити за тѣмъ, что сильные учителя будутъ у этой церкви святой и совершенно обличать всѣ несогласующіяся съ собою секты, какъ то безпоповскія и ерженскія и прочихъ, и побѣдять ихъ не могутъ... Скажу, что въ свѣтѣ чистѣйшей той церкви сыскать не надѣюсь, за тѣмъ, что зъ древнѣйшею церемоніею чистѣйшее священство... И стануть всѣ эти лѣта двадцать за простоту считать—ни правыхъ, ни виноватыхъ. но судьбы-де Божіи такъ произвели, и за то скорбѣть не стануть»... (Лѣт., стр. 202—203). Самъ Никодимъ въ бесѣдахъ среди своихъ сторонниковъ въ Покровскомъ и своемъ монастырѣ, частію записанныхъ лѣтописцемъ, «предуготовляя нѣкоторыхъ мысли, облегалъ Россію, и всѣ тѣ дѣйствы, которыя нашими представлялись за великія ереси, тѣ онъ подъ политикою хитро выводилъ, что это церкви дано и суть церемоніи, и церковь власна переменять», что «архіерейство въ Россіи безпорочное, хотя де и есть нѣкоторые недостатки. однако можетъ благодать дѣйствовать» (Лѣт., стр. 191 и др). Въ началѣ 1781 г. Никодимъ заводитъ уже сношенія чрезъ своего старца Арсенія, бывшаго за милостыней въ С.-Петербургѣ, съ Новгородскимъ и С.-Петербургомъ архіепископомъ Гаврииломъ о возможности соединенія старообрядцевъ съ православною Россійскою церковію. (Лѣт., стр. 225). На возможность такого соединенія съ церковію въ концѣ іюля тогоже года обратилъ вниманіе Никодима и намѣстникъ

Малороссіи, графъ П. А. Румянцовъ, когда онъ былъ у графа въ Вишенкахъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Михаиломъ Калмыкомъ и инокомъ Діаконова монастыря Аврааміемъ, по дѣлу «о свободѣ окладныхъ денегъ на иконовъ и рекруцкаго набора». Въ разговорѣ графъ при случаѣ сказалъ имъ, что „пора вамъ присоединиться ко св. церкви; вамъ дано будетъ на всѣхъ старообрядчествахъ, только будьте съ церковью согласны. Я бы о васъ постарался». По пріѣздѣ отъ графа, рассказываетъ лѣтописецъ, «Никодимъ явно открылся при всѣхъ, что я согласенъ Россійское священство приглашать публично, только бы допущено было съ нашимъ старообрядчествомъ» (Лѣт., стр. 254). Еще раньше того Никодимъ поручилъ отправлявшемуся въ Москву и Петербургъ иноку Герасиму Князеву обратиться къ членомъ Синода и просить у нихъ наставленія, какъ имъ, старообрядцамъ, приступить къ исполненію своего предпріятія. Въ Москвѣ Герасимъ былъ у архіепископа Платона, въ Петербургѣ—у архіепископовъ Гавріила, Иннокентія, членовъ Синода, и князя Г. А. Потемкина, и вездѣ къ мысли Никодима будто бы относились сочувственно и совѣтовали подать прошеніе о томъ въ св. Синодъ. Въ сношеніяхъ Герасима съ синодальными членами и княземъ Потемкинымъ принималъ участіе и Зыбковскій житель Григорій Федоровъ Ворона. въ 1780 г. присоединившійся изъ раскола въ С.-Петербургъ къ церкви и имѣвшій „не малую милость у генерала Потемкина“. По пріѣздѣ изъ Петербурга въ слободской Покровскій монастырь 20-го августа, этотъ Ворона «по краткихъ словесахъ началъ раздавать книжицы новопечатныя Іоанна Златоустаго, изъ бесѣдъ выбранныя, о почтеніи священническаго сана и о церкви, да еще тетрадку Кипріана священномученика изъ книги о архіерействѣ, и роздалъ ихъ до десятка». Пріѣхавшій же вмѣстѣ съ нимъ Герасимъ рассказывалъ, „какъ онъ былъ въ Синодѣ и у всѣхъ членовъ синодальныхъ, какъ просилъ священства у Гавріила, Иннокентія и Платона архіереевъ, также у Потемкина, которые безпримѣрную милость обѣщались показать, самымъ дѣломъ дать хоть архіерея, если большое число будетъ согласныхъ, а малому священниковъ, которыхъ посвящать изъ нашихъ и на всѣхъ нашихъ старообрядчествахъ быть, какъ по старопечатнымъ книгамъ служить, такъ и въ два перста молиться... и клятву на насъ бывшую отъ вселенскихъ патріарховъ разрѣшить..., и раскольниками не называть», требуя, съ своей стороны, чтобы старообрядцы молились только за св. Си-

нодь и Благовѣрную Государыню. Мало того, Потемкинъ общалъ даже будто бы выпросить для старообрядцевъ у Государыни 20т. на церковь и прочія милости (Лѣт., стр. 259—260). Вѣсти, привезенныя изъ Петербурга Герасимомъ и Вороной, дали основаніе Никодиму въ сентябрѣ 1781 г. войти въ письменныя сношенія съ архіеп. Гаврииломъ и княземъ Потемкинымъ по вопросу о соединеніи старообрядцевъ съ православною Россійскою церковію. Переписка эта давно извѣстна изъ книги протоіерея Т. Верховскаго: „Исканіе старообрядцами въ XVIII в. законнаго архіерейства“. Сиб. 1868. Вошла она и въ издаваемую нами „Лѣтопись“ Якова Бѣляева. Велась она черезъ вышеупомянутаго Ворону. Сущность этой переписки сводится къ тому, что нѣкоторые старообрядцы съ Никодимомъ во главѣ желаютъ войти въ условное соединеніе съ церковію, или, какъ выражается самъ Никодимъ въ письмахъ къ архіеп. Гавриилу и кн. Потемкину, желаютъ „быть подъ паствою архимастыря съ тѣмъ, дабы у насъ неотложно быть древлегрекороссійскія церкви чиносодержанію по старопечатнымъ книгамъ, со отложеніемъ пореченіевъ и клятвъ на то чиносодержаніе, о чемъ въ новоизданныхъ книгахъ напечатанныхъ явственно показуется“. Эти „пореченія“ и „клятвы“ издавна смущали совѣсть старообрядцевъ; смущали онѣ и Никодима и его сторонниковъ. Что отвѣчали на просьбу Никодима архіеп. Гавриилъ и кн. Потемкинъ—неизвѣстно; извѣстно только то, что со времени извѣстнаго намъ сообщенія Герасима и отправленія Никодимомъ вышеупомянутыхъ писемъ происходили у Никодима и его сторонниковъ частыя совѣщанія, по большей части тайныя, такъ какъ и среди стародубскихъ иноковъ было большинство не на сторонѣ Никодима, не говоря же о массѣ старообрядческой, видѣвшей тутъ какую-то „новую вѣру“. На этихъ совѣщаніяхъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ замѣчаній лѣтописца, рѣчь шла главнымъ образомъ о разныхъ «сумнительствахъ о великороссійской церкви». «Еще же», говоритъ Бѣляевъ въ письмѣ къ Воронѣ отъ 10-го сентября, „отцамъ искомо было службу отправлять по старопечатнымъ книгамъ и въ нашихъ собственныхъ старообрядчествыхъ; второе: если-де они (православные) поливательное крещеніе съ погружательнымъ считаютъ за равносильное, и то-де намъ сомнительно; третіе: подалибъ де намъ вмѣсто клятвы благословеніе; четвертое: отвели бы наше сомнѣніе въ нѣкоторыхъ новопечатныхъ книгахъ написанное, какъ въ

Розыскъ о равноухомъ, во Обличеніи отъ нѣкогого горнаго черта двошерстное сложеніе, а во иныхъ арменскимъ порицается, которое какъ къ приступу путь преградило—сказать нельзя». (Лѣт., стр. 268). Всѣ эти «сумнительства» и рѣшился изложить Никодимъ въ извѣстныхъ «Вопросахъ Никодимовыхъ», называемыхъ лѣтописцемъ „Предложеніями“ или просто «Предложеніемъ». Не всѣ однако же сторонники Никодима одобряли это его намѣреніе, напр. Герасимъ Князевъ, боявшійся, чтобы не оскорбить тѣмъ «начальныхъ властей», а равно и не отдалить пріятіе Россійскаго священства, вскорѣ затѣмъ и непосредственно присоединившійся къ православной церкви; другіе, какъ Яковъ Бѣляевъ, настаивали по написаніи этихъ «Вопросовъ» или «Предложеній».

О времени написанія «Предложеній» лѣтописецъ сообщаетъ весьма обстоятельныя данныя. Онъ прямо говоритъ, что вопросы о своихъ сумнительствахъ задумалъ Никодимъ писать въ 1781 г, послѣ возвращенія въ слободы Арсенія и Герасима изъ Петербурга, а началъ самымъ дѣломъ писать съ 1-го ноября 1781 г. сначала въ сообществѣ Герасима, Арсенія и Бѣляева, а потомъ исключительно самъ. Въ томъ же ноябрѣ съ 1-го по 27, по словамъ лѣтописца, было „отправлено 27 статей: 1-я о воплощеніи Бога Слова; 2-я о прародительскомъ грѣсѣ; 3-я о имени Ісусовѣ; 4-я о крещеніи Христа Спасителя; 5-я о крещеніи обливательномъ; 6-я о благословеніи Христовѣ; 7-я о глаголѣ крещенія; 8-я о сложеніи трехъ перстовъ; 9-я о сложеніи двухъ перстовъ; 10-я о внесеніи двушерстнаго сложенія въ печатныя книги; 11-я о благословеніи Мелетіевоу; 12-я о Θεодоритѣ; 13-я о Максимѣ грекѣ; 14-я о Константинѣ Панагіотѣ; 15-я о аллилуіи; 16-я о крестѣ; 17-я о иконахъ; 18-я о книгахъ старопечатныхъ; 19-я о великомъ входѣ; 20-я о пресуществленіи; 21 о просфорахъ; 22 о откровеніи главъ на „примите и ядите“; 23 о звонѣ на словеса Христова; 24 о жезлѣ; 25 о душахъ святыхъ; 26 о зачатіи человѣчествѣ; 27 о благихъ дѣлахъ.“ Впослѣдствіи нѣкоторыя изъ этихъ статей были соединены вмѣстѣ или со всѣмъ уничтожены, а на мѣсто ихъ внесены другія (Лѣт., стр. 278—279). Въ письмѣ къ Воронѣ отъ 2-го ноября 1782 г. Бѣляевъ писалъ, что «Никодимъ мученически трудится» надъ книгой, и извиняетъ ея нескорое написаніе во первыхъ тѣмъ, что онъ «сочиняетъ одинъ»; во вторыхъ, что «библіотека у насъ нужная, а иную книгу едва ли найти можно»; въ

третьихъ тѣмъ, что онъ «обязанъ много начальства» и другими хлопотами; но что «къ декабрю мѣсяцу книга къ окончанію придетъ». «А книга будетъ въ тридцати показаніяхъ, а при томъ и формальное доношеніе въ дванадцати пунктахъ нашихъ желаній». Книга была дѣйствительно и окончена 4-го декабря „совѣтъ и съ исправкою“. Затѣмъ началось ея переписываніе инокомъ Нифонтомъ; сначала Никодимъ предполагалъ только одинъ экземпляръ поднести преосв. Гавриилу, а потомъ «разсудилось» написать второй экземпляръ для преосв. Платона, а третій «покинуть у себя съ тѣмъ», говорилъ о Никодимъ, «что если возвращусь, то выдать на свѣтъ, а если удовольствуютъ насъ, то ни подъ какимъ видомъ обнародована не будетъ». Переписка эта затянулась до Пасхи 1783 г., тѣмъ болѣе, что Нифонтъ тайно отъ Никодима писалъ «скорописью» еще экземпляръ для себя. Такимъ образомъ несомнѣннымъ является, что Никодимъ началъ писать свои «Предложенія» въ то время, когда уже вошелъ въ сношенія съ преосв. Гаврииломъ и княземъ Потемкинымъ по вопросу о дарованіи благословеннаго священства, а раньше этого времени, какъ нѣкоторые предполагали. Отсюда становится понятнымъ и то, почему Никодимъ, высказывая въ своихъ «Предложеніяхъ», положенія, не особенно пріятныя для православія, выражается однако же при этомъ всегда почтительно и благовидно, употребляетъ выраженія, необычныя для раскольника и прямо свидѣтельствующія о томъ, что авторъ, сильно рагуя за старыя отряды и обычаи въ церкви, къ которымъ издавна привыкъ, въ тоже время съ уваженіемъ относится и къ церкви и ея представителямъ, въ лицѣ архіея. Гавриила. И въ предисловіи, и въ концѣ книги есть не мало выражений, которыя не могли быть высказаны настоящимъ раскольниковъ, а только человѣкомъ, рѣшившимся на союзъ съ православною церковію. Мало того, имъ выражается даже мысль, что книга написана съ цѣлью показать «вины» своего отлученія и неприсоединенія, къ Грекороссійской церкви и прямо указывается на особенное, составленное авторомъ, прошеніе, въ которомъ онъ проситъ не только о вниманіи, но и о милосердіи. На одномъ изъ собраній сторонниковъ Никодима въ декабрь 1782 г. было высказано, что «всѣ тридцать показанійъ зазору за Россійскою церковію, показанныя Никодимомъ, не могутъ поколебать столпа соборныя церкви; а иные сказывали, что они суть вещи среднія и вносили побочно и таинства нарушить и благодати

св. Духа обнажать не могут»..., что „различіе обрядовъ свободѣ церковной подлежитъ“... (Лѣт., стр. 225, 262, 278)¹⁾. Въ частности лѣтописецъ Вѣляевъ, свидѣтельствовавшій книгу Никодима, высказывается о ней такъ: «по благосклонному благоволенію сочинителя сея книги, глаголемой *Предложенія*, о. Никодима, допущенъ былъ я до свидѣтельства, которую (книгу) не безъ прилежанія и читалъ, и вызналъ, что сіе сочиненіе вѣчною пользою послужить можетъ въ доказательство истинны и во обличеніе неправды, во утвержденіе ся любителей и въ нѣкоторое противленіе соборной и апостольской церкви, въ показаніе строгаго ученія и во уваженіе смириющимся. Есть бо въ ней съ нашей стороны явны всѣ сомнѣнія, которыхъ мы опасаящися трепещемъ

1) Подробности о «Предложеніяхъ» или «Вопросахъ Никодима» см. въ кн. архим. Павла: «Замѣчанія на книгу известную подъ именемъ «Вопросовъ Никодима». М. 1887. Отдѣльный оттискъ изъ №№ 14—20 1886 г. и изъ №№ 1—2 1887 г. журнала «Брат. Слово». По словамъ о. Павла правильнѣе было бы назвать книгу «Омышленіемъ о нововведенныхъ книгахъ», такъ какъ въ ней рѣчь идетъ главнымъ образомъ о книгахъ, изданныхъ съ 1656 г., Скрижали, Соборномъ свиткѣ, Жезлѣ, Увѣтѣ, Розыскѣ, Пращаѣ, Обличеніи и пр. Въ своихъ «Предложеніяхъ» Никодимъ во многомъ почти рабски слѣдовалъ пов. Поморскимъ отвѣтамъ, довѣряя имъ почти безъ всякаго съ своей стороны изслѣдованія. Такъ, вслѣдъ за Поморскими отвѣтами, онъ съ полнымъ довѣріемъ ссылается на рукопись Никона Черногорца, хранящуюся въ Чудовѣ монаст. и якобы содержащую свидѣтельство о двуперстн, котораго тамъ вовсе нѣтъ, также на свидѣтельство о двуперстномъ перстосложеніи отъ такихъ иконъ, на которыхъ находится перстосложеніе именованное, напр. на икону Курсунскую Петра и Павла въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, на иконы Московскихъ соборовъ—Успенскаго и Благовѣщенскаго. См. «Статьи, или показанія Никодима и соотвѣтствующія имъ статьи Поморскихъ отвѣтовъ» въ кн. архим. Павла, стр. 6—8. Срав. соображенія о времени написанія Никодимовыхъ «Предложеній» или «Вопросовъ» Н. И. Субботина въ предисловіи къ книгѣ архим. Павла, также въ ст. Н. И. Петрова: «Расколъ и единовѣрніе» (Тр. Кіев. Дух. Ак. за 1881 г., авг., стр. 373) и покойнаго проф. И. О. Нильскаго въ его лекціяхъ.

приступать къ великороссійской церкви. И скажу: путь есть и дверь разумѣвающимъ входа во едину соборную и апостольскую церковь; мало-разумнымъ же не безъ соблазна и претыканія... И при испрошеніи удовлетворенія въ наше желаніе, взявъ всю эссенцію сея книги, изъ чего у насъ вылилось формальное доношеніе, а изъ формальнаго доношенія надобно быть кондиціи, по которой бы могъ отвориться пходъ въ единую соборную и апостольскую церковь»... (Лѣт., стр. 299—300). Таково было общее умонастроеніе лучшихъ слободскихъ старообрядцевъ по отношенію къ православной церкви въ то время.

Въ началѣ слѣдующаго 1783 г., именно въ январѣ и февралѣ, было составлено и такъ назыв. лѣтописцемъ «формальное доношеніе», т. е. извѣстное прошеніе Никодима съ 12 пунктами о соединеніи старообрядцевъ съ православною Россійскою церковію. Въ первой редакціи, которую и приводитъ лѣтописецъ, было только 10 пунктовъ; потомъ на одномъ изъ совѣщаній прибавлено было еще 3 пункта, именно, чтобъ бродь не брить и нѣмецкаго платья не носить, хотя и въ судіяхъ; второй: освященные церкви оставить освященными; третій: чтобъ дозволено было каждому, подавши въ канцысторію, присоединиться къ сему нами пріятому священству». Въ позднѣйшую редакцію, состоящую изъ 12 пунктовъ, два послѣдніе пункта во все не вошли и замѣнены н.п. 11 и 12 при чемъ въ 11-мъ говорится: «Дозволить впредь желающимъ соблюдать старообрядчество церковное состоять подъ паствою имѣемаго быть при старообрядествѣ епископа», а 12 выраженъ такъ: «Какъ здѣшнихъ, такъ и въ прочихъ Великороссійскихъ городахъ, купцовъ и мѣщанъ имѣемыхъ состоять подъ паствою того епископа, къ бритію бородъ и ношенію нѣмецкаго платья не принуждать». Интересно, что Никодимъ, по свидѣтельству Бѣляева, былъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ, именно двухъ — «о возбраненіи входа на молитву бродобривцевъ» и самостоятельнаго старообрядческаго епископа, находя, что «на малое число народа стыдно его просить» и даже считалъ то «дѣломъ невозможнымъ», и потоку желалъ «заимствовать» отъ православной церкви только священниковъ. Введеніе этихъ пунктовъ въ формальное доношеніе Бѣляевъ приписываетъ своему настоянію. Пунктъ о «возбраненіи входа на молитву бродобривцевъ» въ первой редакціи выраженъ такъ (п. 9): «отъ окрестныхъ, поелику мы въ Малой Россіи жительство имѣемъ, какъ духовныхъ, въ разсужденіи соблазняющихся о

обливательномъ крещеніи, такъ и свѣцкихъ, ради бритія, ради сообщенія въ молитвенныхъ храмахъ, насъ свободными предписать“ (п. 8 2-й ред.). Относительно епископа въ первой редакціи нѣтъ ни слова о хоре, епископѣ, сельскомъ или слободскомъ, какъ во второй редакціи (п. 3), а прямо сказано: прислать при указѣ Е. И. В. (изъ) св. правит. синода поставленнаго епископа великороссійской природы“... (п. 1). Пункты 2—4, касающіеся обязанностей епископа—освящать церкви, посвящать во іеродіаконы, іеромонахи, священники и діаконы и пр., соответствуютъ 4—6 второй редакціи. Далѣе п. 5 о мурѣ отъ св. Синода для освященія церквей и крещенія младенцевъ соответствуетъ 7, пунктъ 8, соответствующій 9-му второй редакціи, выраженъ нѣсколько сокращеннѣе: „іеромонаховъ, священниковъ и іеродіаконовъ прежде всего въ разсужденіи соблюденія старообрядчества отлучившихся отъ грекороссійской церкви, которые по справкѣ явятся, что правельному запрещенію не подлежатъ, таковыхъ изъ подъ наименованія, по состоящемуся въ 1776 г. указу св. Синода, свѣтскихъ исключить и позволить имъ отправлять всякое по ихъ званію священнодѣйствіе церковное, постриженныхъ же при старообрядчествѣ священниковъ и монаховъ не перестригать“¹⁾ П. 10, касающійся освобожденія отъ подушныхъ окладовъ и рекрутскаго набора монашествующихъ въ старообрядческихъ монастыряхъ и пр. въ обѣихъ редакціяхъ выраженъ одинаково. Пп. 1 и 2 второй редакціи, касающіеся клятвъ и пореченій на двоярственное сложеніе и пр., какъ и положенныхъ въ 1720 г. и во Увѣщаніи 1765 г. приѣмовъ отложившимся грекороссійской церкви,—последнія старообрядцы просили отложить, а первыя разрѣшить сношеніемъ съ восточными патріархами,—соответствуютъ 6 и 7 пунктамъ первой редакціи²⁾. Такимъ образомъ Никодимъ и его сторонники предлагали такіа условія соединенія съ церковію: 1) чтобы

¹⁾ Указъ св. Синода отъ 23 января и 22 іюня, о непризнанія въ духовномъ чинѣ священниковъ бѣжавшихъ къ раскольникамъ и исправлявшихъ у нихъ богослуженіе, а равно и о непризнанія построянныхъ раскольниками церквей за храмы Божіи.

²⁾ Пункты второй редакціи напечатаны въ Чт. общ. ист. и древ. Росс. М. 1860. кн. IV. Смѣсь стр. 287—292.

изреченныя соборами клятвы и пореченія на двоперстное сложеніе и прочее чиносодержаніе древней грекороссійской церкви были разрѣшены чрезъ сношеніе съ восточными патріархами; 2) чтобы положенныя 1720 и во Увѣщаніи 1765 г. приемы отлучившимся отъ грекороссійскія церкви отложить; 3) дать старообрядцамъ особаго епископа съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ никакого отношенія къ мѣстному епархіальному епископу, а былъ былъ непосредственно подчиненъ св. Синоду; 4) дать ему право освящать церкви, благословлять устроеніе ихъ. совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, изданнымъ при п. Іосифѣ, оставлять іеромонаховъ и іеродіаконовъ, священниковъ и діаконовъ и для другихъ старообрядческихъ общинъ, кромѣ живущихъ въ Малой Россіи; св. муромъ пользоваться отъ св. Синода; бѣглыхъ священниковъ, бывшихъ въ Стародубѣ, исключить изъ свѣтскаго званія, т. е. признать за ними санъ священства, вопреки Синодскому указу 1776 г.; въ старообрядческіе монастыри никого посторонняго не присылать подъ началъ, какъ и старообрядствующую братію не разсылать по другимъ монастырямъ. Еще рѣзче намѣревались старообрядцы обособиться отъ мѣстной малороссійской церкви и ея исповѣдниковъ, въ особенности по первой редакціи формальнаго доношенія, по которой мы выше привели этотъ пунктъ. Таково былъ планъ у Никодима и его сторонниковъ, на основаніи котораго они сами хотѣли войти въ общеніе съ церковію и ввести другихъ. Изготовивши „формальное доношеніе“, сторонники Никодима 16-го марта 1783 г. рѣшили обратиться съ просьбой о помощи „въ предпріятіи дѣлѣ“ къ графу Румянцову, что и было сдѣлано Никодимомъ 6 апрѣля. По словамъ лѣтописца, отъ графа Румянцова Никодимъ „великую милость получилъ; графъ за собственною рукою и отъ своего лица далъ Никодиму на двухъ монаховъ пашпортъ до св. Синода и обѣщался о нашемъ дѣлѣ стараться и синодальнымъ членамъ письмами писать“. У сторонниковъ Никодима раньше поѣздки къ гр. Румянцову было рѣшено, чтобы ѣхать въ св. Синодъ безъ письменнаго списка желающихъ присоеди- ниться къ церкви, „потому что народъ“, по словамъ лѣтописца, „хотя предпріятіе дѣло добромъ считалъ, однако дважды сумнителенъ былъ: первое—неямовѣрили, что недадутъ; второе: мы уже открывались явно, что быть одной церкви и присоединиться къ соборной церкви; третіе: всехъ тверже была во всякомъ привычка, которая никого смѣло всту-

вить не допускала⁴. Въ этихъ видахъ сторонники Никодима и рѣшили только заявить св. Синоду ихъ желаніе просоединиться къ церкви на вышеуказанныхъ условіяхъ, и еслибы согласились на нихъ, «то бы подписали или имяннымъ повелѣніемъ, или свят. Синодомъ, и тогда бы за руками ѣхать, къ чему бы и смѣлѣе прикладоваться». Графъ смотрѣлъ на это дѣло иначе, и велѣлъ «руки» собирать: «я, говоритъ, за руками прямо въ Кабинетъ представляю»... Съ пасхи и начали собирать эти руки по инициативѣ графа (Лѣт., стр. 312—313).

27-го апрѣля Никодимъ видѣлся въ Добрянкѣ въ первый разъ съ княземъ Потемкинымъ и подалъ ему извѣстное доношеніе въ 12 пунктахъ. Сказка, пущенная Мельниковымъ и о. Верховскимъ, что Никодимъ въ началѣ 1782 г. былъ въ Петербургѣ, видѣлся съ Потемкинымъ и архіеп. Гаврииломъ, былъ даже представленъ первымъ Екатеринѣ и горячо ее молилъ не допускать болѣе милліона своихъ подданныхъ до несчастія жить безъ церкви и іерархіи и пропадать для Бога и будущей жизни изъ за одного различія обрядовъ, отвергнутыхъ церковію, не имѣетъ за собой ровно никакихъ фактическихъ основаній. Достоверно извѣстно, что въ началѣ 1782 г. Никодимъ былъ только въ Москвѣ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, возвратившись въ Стародубье на первой недѣлѣ великаго поста, и велъ тамъ тѣже бесѣды, какъ и въ Покровскомъ монастырѣ, о воздательной благодати или о ключахъ, что бѣгствующіе отъ Россійской церкви священники воздательную благодать приемаютъ отъ вѣанкороссійскихъ архипастырей, и что кромѣ архипастырскихъ рукъ она не входитъ въ священство и пр. (Лѣт., стр. 286—87).

Въ Добрянкѣ же Потемкинъ говорилъ Никодиму, что ему давно слѣдовало бѣть въ С.-Петербургѣ, а для дальнѣйшихъ переговоровъ предложилъ ему побывать у него въ Кременчугѣ, куда Никодимъ и выѣхалъ 18-го мая съ Яковомъ Бѣляевымъ и нѣкимъ Иваномъ Григорьевымъ, монастырскимъ жителемъ. Никодимъ нашелъ князя въ Херсонѣ и дѣйствовалъ здѣсь главнымъ образомъ черезъ Торжковского купца Ивана Евстратьева Свѣшникова, имѣвшаго къ князю «безвозбранной входъ» и бывшаго въ великомъ фаворѣ у него за то, что, по словамъ протоіеря Верховскаго, самоучкою выучился словеснымъ наукамъ и зналъ многіе языки (Ibidem, стр. 314; Иск. старообр. въ XVIII в. законнаго архіер., стр. 21). По словамъ Бѣляева, «князь сперва думалъ, что мы якобы архіерея просимъ

изъ своимъ посвятить, того ради не очень охотно склонялся къ ходатайству архипастыря. А притомъ помышлялъ князь, что мы хотимъ, взявши архіерея, и отстать единства соборныя церкви; но мы увѣряли такъ, что не менѣе сіе почитаемъ священства, чтобы быть въ единствѣ съ соборною апостольскою церковію по таинству вѣры, и доказывали, что и просьба наша въ томъ состоитъ, чтобы прислать готовопоставленнаго и котораго за благо дастъ св. прав. синодъ, и намъ приступить чистосердечно подъ такое духовное правленіе. И то князь понявши, началъ наклоняться на слѣдствіе нашей просьбы, да и Иванъ Евстратьевъ весьма старался. Да почти у князя его весь разумъ былъ въ этомъ дѣлѣ, потому что Ив. Евстратьевъ нашего секта бывалъ, и вѣдасть наши поведеніи» (Лѣт., стр. 318). Монахъ Герасимъ Картамышевъ въ письмѣ изъ Кременчуга, отъ 3-го августа, къ монахамъ слободскаго Покровскаго монастыря со словъ Бѣляева писалъ о томъ же дѣлѣ, что князь Потемкинъ «объясненіе Никодима, поданное ему, послалъ прямо къ Милостивой Государынѣ и св. Синода членамъ, пресвящ. архіереямъ Гавриилу и Иннокентію и Вяземскому (генераль—прокурору) съ прошеніемъ, дабы о томъ по поданному отъ него, Никодима, формальному ирешенію было сдѣлано удовольствіе, и приказалъ ему собрать къ вѣрющему приговору рукъ тысячь до трехъ, а по крайней мѣрѣ тысячу, съ чѣмъ бы явиться къ просьбѣ и съ тѣмъ вхатъ въ Петербургъ», куда и самъ обѣщалъ прибыть къ сентябрѣ.

Повѣдка къ кн. Потемкину въ Кременчугъ и Херсонъ сопровождалась и тѣмъ, что тамъ среди тамошнихъ старообрядцевъ Бѣляеву удалось собрать 1200 лицъ, выразившихъ подписью своимъ рукъ согласіе на соединеніе съ православною церковію. Гораздо хуже съ подпискою рукъ шло дѣло въ Стародубѣ; здѣсь не только мало собиралось этихъ «рукъ», но еще собирались сходки противъ просимаго Никодимомъ архіерея и даже писались доношенія въ этомъ смыслѣ графу Руминцову (Зыбка); подписавшихся брали въ ратуши, какъ въ Злынкѣ, «порицали пьяницами и къ новизнѣ сходными, налоги чинали, часовни отлучали» и пр. Никодима за собраніе рукъ въ Добринкѣ ругали діаволомъ, антихристомъ, еретикомъ, прелестникомъ и пр. Въ Покровскомъ монастырѣ, «столицѣ старовѣрства», подписавшихся всего было три инока. Все это дѣйствовало на Никодима охлаждающимъ образомъ и онъ впалъ въ великое уныніе,

по словамъ лѣтописца. Не смотря на всѣ старанія, подписей подѣ до-
вѣренностью, данной Никодиму для ходатайства, было собрано всего
только 1400. Извѣщая графа Румянцова 20 октября 1783 г. о числѣ
лицъ, подписавшихся подѣ довѣренностію, присоединивъ и формальное
доношеніе изъ 12 пунктовъ, Никодимъ просилъ у графа содѣйствія
своему предпріятію, вслѣдствіе чего и явились отъ 26 октября пред-
ставленія графа въ св. Синодъ и Сенатъ по прошенію Никодима „о
присоединеніи старообрядцевъ при ихъ старообрядчествѣ къ Грекороссій-
ской церкви чрезъ посредство прописанныхъ въ ономъ пунктовъ“. Въ
довѣренности указана сущность просьбы старообрядцевъ и условія ихъ
соединенія съ церковію, при чемъ въ концѣ прибавлено, что если бы
какой либо изъ условныхъ пунктовъ потребовалъ измѣненія, то самъ
Никодимъ, безъ вѣдома довѣрителей, неимѣлъ права этого сдѣлать.

13-го ноября Никодимъ выѣхалъ изъ Покровскаго монастыря въ
Москву и Петербургъ. Въ Москвѣ присоединился къ нему раньше от-
правившійся туда лѣтописецъ Яковъ Бѣляевъ и др. Въ Москвѣ прежде
всего Никодимъ «посылалъ письма на кладбище къ старостѣ Дмитрію
Федорову и богатому мужику Никитѣ Павлову, прося у нихъ отвѣта
на вопросы: а) надо ль намъ архіепископа? б) за нужное-ль то самое
почестъ можно? в) прочетши пункты наши, въ просьбу сочиненные, до-
вольны ли вы ими или недовольны и чѣмъ недовольны?»... На всѣ эти
вопросы Никодимъ не получилъ отвѣтовъ; „а примѣчательно или изъ
нихъ пересказываютъ, въ тѣхъ мысляхъ остались“, говоритъ Бѣляевъ,
«мы-де готоваго посмотримъ, что выдетъ, и тогда-де можно приступить
на дѣло глядя.. А просьбу подписывали или стараніе имѣли самые охот-
ники, или сказать болѣе просвѣщенные“. Такъ относились къ дѣлу по
большей части и въ слободахъ. Велись также въ Москвѣ бесѣды и „съ
перекрещиванцами“, т. е. съ безполовцами (Лѣт., стр. 329).

9-го декабря Никодимъ съ Бѣляевымъ, старцемъ Евдокимомъ и Васи-
ліемъ Федоровымъ были у архіепископа *Платона*. Лѣтописецъ въ данномъ
случаѣ сообщаетъ любопытныя подробности. «Мы сперва уговорились, гово-
рить онъ, добросовѣстно къ благословенію идти; но, какъ пришли, онъ
за столикомъ сидѣлъ на коношѣ; мы поклонились въ землю, и онъ при-
вставши поклонился же; тогда мы его не поспѣли, а онъ насъ, и такъ
лишились благословенія. Немедленно о. Никодимъ въ руки подалъ ему

докладъ, которой онъ немедленно сталъ читать, и какъ дошелъ до 3-го пункта о севастопольскомъ архіереѣ, и сталъ говорить: «Вы и сами не знаете, что просите» (поже у насъ прошеніе, чтобъ быть ему подъ вѣдѣніемъ св. Синода, а не подъ епархіальнымъ архіереемъ). Того ради онъ сталъ говорить, что въ греческой церкви были такіе прежде, только они всегда подлежали епархіальному архіерею или той страны митрополиту. Итакъ сталъ читать до конца и по прочтеніи якобы со гнѣвомъ по столу кинуть: «это, говорить, какъ Россійскій Дворъ съ Султаномъ Турецкимъ уговоръ дѣлаеть, такъ вы съ церковію. Позабыли бы вы такія доношенія подавать прежде сего лѣтъ за 20-ть; а нынѣ ваша воля, отъ чего вы и испортились». Тутъ сталъ о. Никодимъ послѣ робости отвѣчать: «Ваше Преосвященство, что усилъ прежняя строгость? Только вредомъ послужила Россійскому государству». Преосвященный: «Та строгость была немѣрная, а нынѣ ослаба немѣрная лѣтъ». Итакъ стали очень довольно говорить, такъ какъ часа три всего разговору было о разныхъ винахъ, которыя и только оглаваю. Никодимъ: „В. П., мы въ вѣрѣ и во всемъ съ 7 вселен. и 9 помѣстными соборами со вселенскою церковію не разглашаемся“. Преосв.: «Нѣтъ, другъ мой, я въ томъ-то и вѣру-то мою полагаю, что и оказываю себя чрезъ видимыя дѣла вѣрнаго всей церкви христіанина; а внутреннимъ жонимъ невидимымъ духомъ отчетъ я дамъ одинъ о себѣ невидимому моему Богу». Итакъ далѣе говорено было о открытіи церкви, что не можно того сдѣлать: «наши все къ вамъ обратятся. Вотъ у меня, въ моей епархіи, 14 тысячъ записныхъ, вдвое того потаенныхъ, итого составляетъ 42 тыс., да еще въ которомъ времени къ вамъ, по открытіи церкви на старинныхъ обрядахъ, отойдутъ». Я (дѣтисеицъ) сказалъ ему: „Ваше Преосвященство, извольте вы къ намъ“. И онъ усмѣхнулся и сказалъ: „Примете—ль меня“? Мы отвѣщали: «Такъ, какъ самаго Христа». Итакъ я и о. Никодимъ даже до устанку говорили о церкви, о просьбѣ, о сложеніи церстовъ, о Мартинѣ еретикѣ, о нашихъ сектахъ, о кладбищѣ и кладбищенскомъ мурованіи, о условіи—можно-ли дать къ старообрядчеству архипастыря, и о всемъ толкованіи производили, и такъ окончали. Наконецъ наволилъ сказать: «Слушайте же! Если коснется до меня сіе дѣло, да и думаю, что св. Синодъ спросится насъ, то я знаю, что отвѣчать. А одинъ я сего дѣла сдѣлать не могу». Итакъ, веселымъ духомъ проводи насъ, распрощались (Лѣт., стр. 340—341).

Сохранилось письмо въ свой монастырь и самаго Никодима, въ которомъ онъ рассказываетъ о своей бесѣдѣ съ преосвящ. Платономъ. Платонъ повидимому отнесся къ предпріятію Никодима если не съ подозрительностію, то съ большою осторожностію, особенно на первыхъ порахъ. «Былъ я у Платона, пишетъ Никодимъ, и нашелъ его весьма неприступна». Затѣмъ, когда Никодимомъ были представлены нѣкоторыя доказательства, говоряція въ пользу его дѣла, «онъ явилъ себя весьма благосклонна и говорилъ: просьба ваша, быть можетъ, будетъ исполнена, но съ условіями: 1) если св. Синодъ дастъ вамъ архіерея, дадите ли вы подписку, что всѣ обряды православной церкви признаете правильными и православными?; 2) если бы я или другой архіерей пріѣхалъ къ вамъ въ монастырь, гдѣ будетъ жить вашъ архіерей, и вздумалъ бы служить съ нимъ вмѣстѣ по своему обряду (вашъ архіерей пусть служить по своему), согласны-ли вы на это? и 3) дадите-ли подписку не принимать въ старообрядчество никого изъ православныхъ, кромѣ записныхъ раскольниковъ?» По словамъ самаго Никодима, онъ на первый вопросъ отвѣчалъ утвердительно, на второй весьма уклончиво или скорѣе отрицательно: «служеніе ваше было бы несовѣстное нашему простому народу»; а на третій отвѣтилъ, что если будетъ предложено требованіе, то согласное. Въ томъ же письмѣ Никодимъ высказалъ и то впечатлѣніе, которое произвелъ на него архіепископъ еще Платонъ: «о Московскомъ святителѣ негуне идетъ слава по всей Россіи; на сколько я успѣлъ замѣтить—это политичный кавалеръ». ¹⁾

Любопытныя подробности дѣтописецъ передаетъ и о пребываніи Никодима въ С.-Петербургѣ и его переговорахъ съ кн. Потемкинымъ и м. Гаврииломъ по занимающему его дѣлу. Титулъ архіепископа Гавриилъ носилъ до 22 октября 1783 г. Къ князю Потемкину онъ явился 2-го января 1784 г., и на другой же день они условились быть въ Невскомъ монастырѣ у м. Гавриила вмѣстѣ съ остальными стародубскими депутатами или ходатаями по дѣлу о соединеніи съ церковію. Князь пріѣхалъ къ митрополиту „уже къ вечеру, и сперва взошелъ къ Преосвященному въ комнату одна, и былъ съ часъ, а потомъ кликнули Ни-

¹⁾ О м. Платонѣ и отношеніи его къ старообрядцамъ см. наше Опис. ркл. Черниг. духовной семинаріи, стр. 164, 166.

кодима, и были трое часа съ два. А по провозженіи князя пресвященный къ намъ вышелъ, и мы были у благословенія, а благословилъ онъ насъ по своему. Итакъ разошлася. А Никодиму князь приказалъ ни къ кому не ходить, ни къ генераламъ, ни къ пресвященнымъ; а почему онъ такъ поступалъ, намъ не сказано, только примѣчаемъ, что князь отличною охотою о нашемъ дѣлѣ старался, и много (разъ) самъ говаривалъ: «Такъ вотъ я самъ ихъ поугворю». Итакъ съ этихъ поръ Никодимъ никуда, кромѣ князя, не ходилъ; а къ князю каждой день дважды явиться надо, пополудни и по полуночи: онъ болѣе тутъ бываетъ свободенъ. Итакъ Никодима возлюбилъ, что печально котораго бы другаго такъ любилъ, что каждой день одинъ на одинъ пополудни часу 2 и 3 съ княземъ говоритъ, и о всемъ спрашиваетъ... Князю всѣ наши поведенія и обычаи изъяснены подробно, и князь, повторяю, всемѣрно старался наше желаніе выполнить, котораго словеси никто, кромѣ великаго князя и императрицы, въ противность говорить не смѣлъ; онъ сказывалъ, что и великаго князя уговорилъ быть согласну. И однимъ словомъ сказать, что о своемъ дѣлѣ такъ бы стараться не сталъ» (Лѣт., стр. 343). Дѣло дошло до того, что даже былъ нареченъ вышеозначеннымъ старообрядцамъ епископъ, котораго 29-го января и просилъ Никодимъ князя дозволить позвать къ себѣ. Это былъ *Веніаминъ*, архимандритъ Новгородскаго Антоніева монастыря и ректоръ Новгородской школы. „Князь, призвавши его къ себѣ, просилъ такимъ словомъ: „Прошу васъ, о Веніаминъ, посѣтить сихъ старичковъ. А потомъ и отъ Гавріила дозволенія просилъ, и я 30-го на парѣ звать въ Невской монастырь ѣздилъ, и привезъ къ *Ив. Ив. Милову* на имянины, С.-Петербургскому купцу, гдѣ онъ, Веніаминъ, обращался съ нами веселымъ лицомъ. Также и наши пріятныя сердцемъ его чествовали. А опослѣ обѣда къ *Кирилъ Филиппу Попову*, первой гильдіи С.-Петербургскому купцу, ѣдили чаю пить, и всѣ наши, которые отъ роду не были подъ благословеніемъ, тѣ ходили, хотя онъ ихъ по ихъ вкусу благословлялъ. И, по пріѣздѣ онъ въ свой монастырь, былъ у Пресвященнаго, который его спрашивалъ, какъ онъ у насъ былъ. У Кирила Филиппа казали ему крестовую, которая знатною рукою была убрана, и книгъ довольно казали старопечатныхъ, которыя онъ похвалялъ“ (Лѣт., стр. 346).

26-го февраля кн. Потемкинъ потребовалъ, чтобы ему слова были поданы известныя 12 пунктовъ, такъ какъ поданныя ему въ Херсонѣ въ прошломъ году у него «затерялись». Пункты были поданы на этотъ разъ съ слѣдующимъ известнымъ надписаніемъ: «Но какъ Монархия наша водима духомъ евангельской кротости позволяетъ непрепятственною разныхъ вѣръ въ Россіи обитающихъ, то коими наче мы надѣемся великодушнаго воззрѣнія, гдѣ много тысящъ народа, находясь теперь внѣ соединенія св. церкви, почувствуютъ такое снисхожденіе, готовыми будутъ отдать себя навсегда со всеглубочайшею преданностію подъ паству святѣйшихъ архіереевъ вселенской церкви, имени же раскола и дѣйствія онаго, другъ отъ друга отвращенія ниже слѣда да воспоминается. Сие послужитъ къ пользѣ отечества привлеченіемъ въ Россію разсыпанныхъ внѣ государства ся сыновъ, къ безсмертной славѣ Великой Императрицы и матери нашей; ибо таковъ будетъ плодъ ея кротости. Мы же, при безконечной вѣрности и благодареніи соединенія вѣры и причастія св. Духа испросивше, сами себе другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ. 26 февраля 1784 г. Вашей свѣтлости всенижайшій слуга убогіи Никодимъ». И это надписаніе или доношеніе, какъ выражается Бѣляевъ, было представлено княземъ въ кабинетъ самой императрицы, «по которому и судили, и слышно было, что главные сенаторы согласны были. А со стороны Синода Гаврииль митрополитъ согласенъ же, а Иннокентій и Платовъ не были согласными, по той причинѣ, боялись, что вся Россія при открытіи ихъ церковей придетъ въ замѣшательство. Того ради мы пунктъ открытія церковей въ Россійской имперіи уступили, затѣмъ, что изъ Россіи къ просьбѣ и рукъ не было, а при томъ и сами думали, чтобы за однимъ пунктомъ и всего не лишиться. А князь совѣтовалъ такъ, что онъ, т. е. архипастырь, будетъ именоваться *Херсонской и Слобоцкой*, гдѣ будутъ и церкви открыты, понеже во удаленіи и между по большей части Малороссійцовъ, отъ которыхъ не можеть ни одинъ человѣкъ намъ послѣдовать и отстать отъ соборной церкви. (Лѣт. стр. 344). Между прочимъ, на экземплярѣ 12 пунктовъ, представленномъ кн. Потемкину 26 февраля 1784 г., и сдѣланы были известныя замѣтки князя, напечатанныя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древн.» за 1860 г., № 4, вмѣстѣ съ прошеніемъ или «формальнымъ доношеніемъ» Никодима. Противъ 3 пункта, въ

которомъ излагается просьба о хорепископѣ или сельскомъ епископѣ, сдѣла- по здѣсь княземъ слѣдующее замѣчаніе: „Епископы сельскіе, сирѣчь хоръ— епископы, отмѣнены соборами“. Противъ 6 пункта, въ которомъ излагаются обязанности означеннаго епископа, заключавшіяся въ томъ, чтобы онъ имѣлъ духовное попеченіе и управленіе надъ всѣми старообрядцами, жи- вущими какъ въ Малой, такъ и въ Великой Россіи, — замѣчено: «сего дозволить не можно, потому что такой архіерей будетъ какъ патріархъ вселенскій».

Сохранились письма Никодима въ свой монастырь и о его пребы- ваніи и сношеніяхъ по дѣлу съ сильными міра въ Петербургѣ. Въ пер- вомъ январскомъ письмѣ онъ говоритъ, что его проектъ о дарованіи старообрядцамъ епископа встрѣтилъ «отеческое раченіе» со стороны кня- зя, что онъ «согласуетъ испросить епископа» и даже назначаетъ одного „изъ смиренныхъ и боящихся Бога“, что „послѣ 6-го января хотѣлъ въ докладъ Милостивѣйшей Государынѣ представить“. Дѣло повидимому принимало благоприятный оборотъ. Февральское письмо того же Никодима имѣетъ уже иной тонъ. Оно сообщаетъ, что „въ предиріятѣ нашѣмъ дѣлѣ многоразличныя, какъ отъ свѣтскихъ, такъ и отъ духовныхъ, про- исходятъ разсужденія“; что князь отпросился въ отпускъ, и „безъ него дѣло наше происхожденіе имѣть не можетъ“, а потому „и намъ дѣлать нечего“ до мая, когда онъ снова возвратится въ Петербургъ. Особенно какъ бы подчеркиваетъ Никодимъ мысль, что безъ князя „намъ и въ прошеніе входить было невозможно“ по сенату и синоду. Со стороны духовныхъ властей все дѣло повидимому ограничилось только одними разсужденіями. Письма Никодима напечатаны о. Верховскимъ (стр. 27—28).

3-го февраля выѣхалъ м-тъ Гавріилъ въ Новгородъ, а 12-го марта и князь Потемкинъ вмѣстѣ съ Никодимомъ до Москвы «на почтѣ», того ради, по словамъ лѣтописца, «и во все наше дѣло стало». Таковъ ре- зультатъ поѣздки Никодима съ товарищи въ С.-Петербургъ. Между тѣмъ 11-го марта послѣдовало Высочайшее повелѣніе о дарованіи старообряд- цамъ священниковъ для служенія по древнему обряду, впрямь до дальнѣй- шаго распоряженія по представленнымъ отъ Бѣлорусскихъ, Малороссій- скихъ и Екатеринославскихъ старообрядцевъ просьбамъ, т. е. по поста- новленію имъ особаго епископа и пр. Это Высочайшее повелѣніе, данное на имя Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита Гавріила, несом-

нѣнно имѣеть связь съ просьбою Никодима, такъ какъ въ немъ прямо сказано: «Вслѣдствіе прошенія, поданнаго отъ имени жителействующихъ въ Бѣлорусскихъ, Малороссійскихъ и Екатеринославскихъ намѣстничествахъ старообрядцевъ, мы желаемъ, чтобъ ваше преосвященство сообщили преосвященнымъ архіепнокопамъ Могилевскому и Славянскому о дачѣ священниковъ старообрядцамъ по ихъ прошеніямъ, и о дозволеніи имъ службу Божию отправлять по ихъ обрядамъ, давъ знать симъ архіереямъ, что таково есть наше соизволеніе, покуда общее, по представленнымъ отъ означенныхъ старообрядцевъ просьбамъ, послѣдуетъ дальнее распоряженіе». Такъ, высочайшею волею дано было для старообрядцевъ—поповцевъ бѣлорусскаго, малороссійскаго и екатеринославскаго намѣстничества, и для новороссійскаго края по настоянію кп. Потемкина, а не въ качествѣ общаго закона для старообрядцевъ всей имперіи, новое, серьезное право—право на общественное богослуженіе, впервые тогда высказанное властію. Для всей имперіи это былъ законъ сепаратный, не общій. Дальнѣйшее расширеніе это право получило въ замѣчательномъ прошеніи московскихъ старообрядцевъ 1799 г. и извѣстныхъ по поводу его 16 пунктахъ м. Платона 1800 г., составляющихъ основу такъ назыв. *единовѣрія* или *условнаго единенія* съ православною церковію, подъ условіемъ содержанія старыхъ обрядовъ и книгъ. Въ нихъ высказался взглядъ церковной власти на общество согласниковъ, получившихъ съ этого времени названіе *единовѣрцевъ*. Такъ мало по малу установились правила для дальнѣйшаго существованія и утвержденія единовѣрія, признавшаго церковною и гражданскою властію. Такимъ образомъ вмѣсто просимаго старообрядцами хоре—епископа имъ позволили имѣть только священниковъ, и это сдѣлала сама императрица собственною своего монаршею властію, повидимому безъ сношенія съ св. Синодомъ, находя невозможнымъ вполне удовлетворить старообрядцевъ въ ихъ просьбѣ.

Какъ смотрѣла Екатерина на вопросъ о старообрядческомъ архіереѣ, показываетъ обнародованная въ Сборникѣ Историческаго общества недатированная ея записка къ князю Г. А. Потемкину на докладъ его по этому вопросу, очевидно относящійся къ началу 1784 г. Въ ней она писала: «Я разсуждаю, что, подтвердивъ сей докладъ, подамъ поводъ ко многимъ подобнымъ отъ раскольниковъ проше-

ніямъ, изъ чего родиться можетъ церкви нашей неприятно; иногда раскольникамъ родъ привилегій таковой, что раскольники, всегда избѣгая мѣстныхъ архіереевъ установленной власти, захотятъ быть у избранныхъ ими архіереевъ, чего тогда избѣгнуть и иначе не можно будетъ, какъ развѣ подчинивъ всѣхъ раскольниковъ въ Россіи единому архіерею, чрезъ что войти могутъ въ состояніе прочихъ въ Россіи христіанскихъ исповѣданій, кои не нашей вѣры. Сей пунктъ повинѣ всегда избѣгаемъ былъ съ ними, и по сию пору о семъ никто, а наипаче духовный чинъ, слышать не хотѣлъ, и для того совѣтую безо всякой огласки и безъ формальнаго установленія, чтобы посредствомъ вашихъ архіереевъ Херсонскаго и Московскаго (Могилевскаго) между собою сдѣлали такъ, чтобъ овцы были цѣлы, а водки сыты. О дѣлахъ же церкви едва ли и прилично устанавливать что-либо, минуя Синодъ» (т. XII, стр. 399).

Итакъ, на основаніи вышеуказанныхъ давнихъ, можно считать за несомнѣнное, что князь Потемкинъ обѣщаль старообрядцамъ, вступающимъ въ соединеніе съ церковію, отдѣльнаго епископа, и нѣкоторыя лица, близкія къ Потемкину и вѣсть заинтересованныя дѣломъ „соединенія“, какъ напр. Свѣшниковъ, рассуждали, что дарованіе согласившимся на соединеніе съ церковію отдѣльнаго епископа и *«не опасно, поелику они не собою, но св. Синодомъ избраннаго требуютъ, и полезно для приведенія и примиренія тѣхъ, которые теперь еще о томъ и не думаютъ»*. (Письмо П. Е. Свѣшникова, Лвт. стр. 356—358). Какъ относилась къ дѣлу Никодима высшая духовная власть и давала ли какинъ-либо положительныя обѣщанія по этому предмету—невидно, потому что она ни однимъ словомъ не отозвалась на прошенія Никодима, поданныя имъ м. Гаврилу, а потомъ въ началѣ января 1784 г. и прямо въ св. Синодъ. По крайней мѣрѣ, на основаніи послѣдующаго хода событій, можно думать, что власть духовная не находила удобнымъ давать старообрядцамъ отдѣльнаго епископа. Въ 1787 г., черезъ три года послѣ смерти Никодима, по ходу обстоятельствъ, согласники, въ письмѣ своемъ къ м. Гаврилу, говорили между прочимъ слѣдующее: «мы просили на старинные обряды архипастыря, но вы не соблаговолили», и въ томъ же письмѣ уже высказывали желаніе молить Бога за Синодъ и за *«архіерейскаго архіерея»* и быть подъ властію архіерейскою, ежели получить священ-

ство. Митрополитъ Платонъ позже такъ рассуждалъ по данному вопросу въ письмѣ къ архіепископу Амвросію 1799 г., когда позволено было имѣть священниковъ и Московскимъ старообрядцамъ: „Сіе дѣло (дарованіе священниковъ для старообрядцовъ) весьма важное: чрезъ 160 лѣтъ церковь противу сего стояла; потребенъ совѣтъ обще всѣхъ пастырей Россійскія церкви, и общее положеніе; и при томъ соблюсти честь церкви, что она не напрасно столько противу подвизалася и осуждала толикими опредѣленіями, толикими провозглашеніями, толикими изданными сочиненіями, толикимъ установленіемъ присоединенія ихъ къ церкви; дабы не остаться намъ въ стыдѣ и противники не возгласили бы прежде: *но-бѣдахомъ*, да уже и кричатъ. Не они старообрядцы, а мы: они же новообрядцы; а ежели ихъ *не называютъ раскольниками*, по крайней мѣрѣ новообрядцами... Какія изъ сего слѣдствія произойдутъ, время откроетъ; а только думаю, что скоро я, но и вы облегчены будете. *Ибо изъ намѣреніе точное, чтобъ учинивъ сей первый шагъ, и въ немъ получивъ удачу, далѣе идти, а именно имѣть своихъ раскольническихъ епископовъ*“ (53 и 54 письмо м. Платона къ архіепископу Амвросію. Прав. обзор. 1869 г., авг., стр. 41). Отсюда ясно, что и м. Платонъ совсѣмъ не сочувственно относился къ учрежденію раскольнической іерархіи. Да и самъ Потемкинъ, обѣщавшій повидимому старообрядцамъ отдѣльнаго архіерея, смотрѣлъ ли серьезно на эти обѣщанія, и надѣялся ли на ихъ осуществленіе, не обѣщавъ ли онъ на словахъ того, что считалъ дѣломъ необычнымъ и противвѣщавшимъ канонамъ церкви? На эту мысль наводятъ вышеприведенныя его замѣтки на извѣстномъ прошеніи Никодима съ 12 пунктами. Правда, и тутъ Потемкинъ не говоритъ прямо, что онъ не согласенъ дать старообрядцамъ отдѣльнаго архіерея; но высказавшись, съ одной стороны, противъ сельскаго епископа или хере-епископа, а съ другой, отрицая тѣ права, какихъ просили для него старообрядцы, онъ тѣмъ самымъ говорить не въ пользу ихъ. Вообще трудно представить, какое понятіе имѣлъ Потемкинъ о старообрядческомъ епископѣ, если онъ дѣйствительно думалъ объ этомъ серьезно, и въ какія условія онъ хотѣлъ поставить его. Изъ недатированной вышеуказанной записки самой Екатерины къ Потемкину и замѣтки лѣтописца относительно Потемкина о Херсонскомъ и Слободскомъ архипастырѣ можно заключать, что онъ представлялъ себѣ повидимому дѣло такъ, что

бы одинъ или два православныхъ архіепископа приняли въ свое завѣданіе старообрядцевъ, согласившихся войти въ соединеніе съ церковію, и посвящали имъ священниковъ на старинные обряды въ предѣлахъ его генераль-губернаторства, гдѣ и церкви будутъ открыты. При такомъ взглядѣ на дѣло, по замѣчанію Екатерины, и «овцы были цѣлы и волки сыты».

Такимъ образомъ предпріятіе Никодима завершилось такъ назыв. *единовѣріемъ* или *благословеннымъ священствомъ*. Св. Синодъ намѣлъ возможнымъ допустить, чтобы тѣмъ изъ старообрядцевъ, которые изъявили желаніе присоединиться къ церкви, при сохраненіи въ тоже время такъ назыв. старыхъ обрядовъ, даваемыхъ были епархіальными архіереями священники, которымъ разрѣшалось совершать для ихъ прихожанъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, т. е. изданнымъ до и. Никона. Со времени учрежденія единовѣрія «происковъ» архіерейства въ старообрядствѣ уже не было довольно сравнительно долгое время: наиболѣе искренніе искатели првильно устроенной іерархіи нашли себѣ удовлетвореніе въ единовѣрїи; большинство же поповцевъ примирилось съ бѣгствующимъ священствомъ. Вслѣдствіе предоставленной старообрядцамъ свободы въ царствованіи Екатерины II, какъ потомъ и въ царствованіи Александра I, при помощи своихъ матеріальныхъ средствъ, старообрядцы не имѣли недостатка въ бѣгствующихъ священникахъ, и мысль о приобрѣтеніи своего собственнаго епископа были ими оставлена на время. Эта мысль снова возникла у старообрядцевъ тогда, когда строгія мѣры правительства положили конецъ свободному доступу къ нимъ бѣгствующихъ отъ церкви священниковъ, и завершилась въ концѣ концовъ такъ назыв. Бѣлкриницкой старообрядческой іерархіей или австрійской. Изъ конца XVIII в. намъ извѣстно только одно прошеніе русскихъ старообрядцевъ на Дунай къ Константинопольскому патріарху о поставленіи имъ епископа (на языкѣ славянскомъ съ точнымъ греческимъ переводомъ) и переписка съ патріархіей по этому поводу отъ 1793 г. Это прошеніе и переписка хранятся теперь въ русскомъ Афонскомъ монастырѣ св. Пантелеймона или просто—Русскихъ (Христ. Чт. 1889 г. Сент.—Окт., прилож., стр. 204). Когда же въ 1846 г. явилась незаконная австрійская старообрядческая іерархія, вопросъ о старообрядческомъ епископѣ, какъ извѣстно, приобрѣлъ право на

вниманіе и со стороны нашей церковной власти. По крайней мѣрѣ въ Собраніи мѣній и отзывовъ Московскаго м. Филарета неоднократно встрѣчается сужденіе по поводу этого вопроса. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, Московскій святитель, въ протинодѣйствиіе австріискон іерархіи, неоднократно предлагалъ св. Синоду дать ему въ Москву второго викарія, который совершалъ бы богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, жилъ при единовѣрческомъ приходѣ и при случаѣ рукополагалъ бы священниковъ и діаконовъ, и не для Московской только епархіи. Если это считалось возможнымъ въ половинѣ ХІХ в., то тѣмъ болѣе было возможно въ концѣ ХVІІІ в.

ГЛАВА IX.

Очеркъ миссіонерскихъ мѣръ по обращенію въ православіе Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ въ ХУШ в.

Противораскольническое миссіонерство среди Стародубскихъ раскольниковъ началось очень рано. Есть основаніе полагать, что миссіонерская дѣятельность, со стороны мѣстнаго православнаго духовенства, началась почти одновременно съ поселеніемъ раскольниковъ въ Стародубѣ. Извѣстно, что еще архіепископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ въ 1676 - 1677 г. посылалъ изъ Новгородѣверска «къ русскимъ людямъ слободки Демянкувской», т. е. къ раскольникамъ, нѣкоего «честнаго отца Сіомашка», который при этомъ забралъ у нихъ старопечатныя книги и „положилъ въ церквѣ Рождества Пресвятыя Богородицы стародубовской“. Въ іюлѣ 1677 г. эти книги были возвращены снова раскольникамъ по принадлежности чрезъ стародубскаго священника Якова Халчинскаго, бывшаго до священства архіепископскимъ конюшимъ. По всей вѣроятности о. Сіомашко былъ посланъ не затѣмъ только, чтобы забрать раскольничьи старопечатныя книги, и не затѣмъ, чтобы ознакомиться съ раскольниками, ихъ вѣроученіемъ и практикой церковной. Пресвященный Лазарь Барановичъ, самъ бывший въ числѣ членовъ собора 1666—1667 гг., хорошо зналъ сущность великороссійскаго раскола и его главные положенія; былъ отчасти знакомъ и съ возникавшей въ то время прогивораскольнической литературой. По возвращеніи изъ Москвы, онъ писалъ къ кievскимъ игуменамъ о составленномъ въ то время противъ раскольниковъ „Жезлѣ Правленія“ Симеона Ситіановича Полоцкаго, первомъ противораскольническомъ опытѣ книжнаго уѣщанія: „Мнѣ, по милости отцевъ собора, данъ одинъ... (кій), который я храню для потребнаго слу-

чая, по обитованію: господствуй среди враговъ твоихъ. Онъ, какъ палка, стоитъ у меня въ углу, на сторожѣ, чтобы иногда не одождилась ересь Никитина и Лазарева, на которую и грозятъ этимъ кіемъ“¹⁾). Вотъ почему не представляется намъ невѣроятнымъ, что фактъ забранія старопечатныхъ книгъ былъ результатомъ предварительныхъ миссіонерскихъ собсѣдованій о. Сиомашки съ Демянковскими раскольниками, основывавшими, какъ и всѣ раскольники, свое старообрядчество на старопечатныхъ книгахъ.

Другихъ фактовъ противораскольническаго миссіонерства изъ конца XVII и начала XVIII в. мы не знаемъ; по всей вѣроятности ихъ и не было до времени Черниговскаго епископа Продіона Жураковскаго, когда миссіонерство среди стародубскихъ раскольниковъ было возложено Св. Синодомъ на извѣстнаго іеромонаха-миссіонера Іосифа Рѣшилова. Далѣе извѣстно, что какъ Лазарь Барановичъ и его ближайшіе по архіерейству преемники, такъ и православные малороссійскіе монастыри, въ томъ числѣ и Черниговскій Троицко-Ильинскій, находившіеся въ прямой зависимости отъ Черниговскаго архіерея, смотрѣли на раскольниковъ не столько какъ на разномыслящихъ въ дѣлахъ вѣры, сколько какъ на удобныхъ и полезныхъ поселенцевъ на свободныхъ и обширныхъ монастырскихъ земляхъ. Изъ царскаго указа, отъ 5-го октября 1720 года, открывается другой любопытный фактъ, что Черниговская Троицко-Ильинская типографія печатала «учебныя часословы по желанію раскольническому, которые явились чрезъ розыскъ калужаниномъ Ерастомъ Кадминимъ, что онъ такіе часословы въ прошлыхъ годахъ подражалъ печатать проискомъ своимъ и

¹⁾ Письма Преосв. Лазаря Барановича. Изд. 11. Черниговъ. 1865. Стр. 43. Въ томъ же письмѣ преосв. Лазарь Барановичъ писалъ: «годичнымъ пѣшеходъ соборный за подписомъ всѣхъ архіереевъ остался тамъ, въ хранилищѣ государственномъ. Думаю, что изданъ будетъ въ свѣтъ, потому что освѣщенъ столь многими свѣтлами. Я разумѣю Жезлъ:»..... Ср. также письмо его же къ о. архимандриту Почерскому, стр. 46—47. Жезлъ Правленія былъ напеч. въ Москвѣ въ 1666 г. и разосланъ по церквамъ отъ имени п. Іоасафа. Библиографич. замѣтки о книгѣ въ Христ. Чт. 1860 г., 11, 482.

продавалъ ихъ на ярманкахъ»¹⁾. Въ отвѣтахъ на вопросные пункты,

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. I. № 197, ст. 249. Въ Черниг. Губ. Вѣдом. за 1850 г., № 37, стр. 349—351, напечатанъ другой указъ Петра Великаго, отъ 22 декабря того же года, по которому Черниговская типографія отдана въ разсужденіи «смотрѣнія и надзира- нія» мѣстному архіепископу. Здѣсь снова указывается «на учебные час- сословы», напечатанные по желанію раскольническому, а также и на книгу «Богомысліе», напечатанную въ 1710 г., въ которой «являлась мно- гая лютеравская противность». Интересно, что этотъ царскій указъ, хранищійся въ ризницѣ Черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря, не вошелъ въ каталогъ грамотъ царей и патріарховъ, составленный вѣроятно въ томъ же монастырѣ въ началѣ прошлаго или въ концѣ даже XVIII в. вѣка и писанный стариннымъ языкомъ. Типографщикомъ Се- мономъ Являскимъ еще при Лазарѣ Барановичѣ тайно печатались тысячи экземпляровъ грамматикъ, часослововъ, элементарей и пр. Пис. Лаз. Барановича, 152. Интересно и то, что дѣло Калужанина Ераста Ка- дмина, обвинявшагося въ распространеніи раскольническихъ книгъ и въ противности къ св. восточной церкви, производилось въ сенатѣ, даже безъ всякаго сношенія съ духовными властями. Сенатъ самъ призывалъ Кадмина предъ себя, увѣщевалъ его принесть повинную въ своихъ противностяхъ, на что Кадминъ отвѣчалъ, «что де онъ противности не имѣеть, а утверждается на старопечатныхъ книгахъ. А о сложеніи перстовъ ко изображенію креста показалъ противность въ томъ: правою рукою сложеніе по старопечатнымъ книгамъ, а лѣвою по новоисправ- нымъ. И о томъ спрашиваяъ же, для чего онъ такъ противно церкви и новоисправнымъ книгамъ чинить, на что онъ сказалъ: правою рукою такое сложеніе перстовъ имѣеть для того, что де старое, а лѣвою для того, что но- вое». Сенатъ 1719 г., 7-го апрѣля, приказалъ: «ево, Кадмина, за тое его противность, покаместъ онъ исправитца, какъ св. церковь приимлетъ, послать на каторгу; а онъ въ той противности себя признаетъ и принесетъ повинную, о томъ доложить въ сенатѣ и о томъ въ Адмиральтейскую Коллегію (завѣ- дывавшую каторжниками) послать его великаго государя указъ». Ист. Рос. Соловьева, т. XVI, стр. 24—25, 336—353; П. С. З. № 3663, 2602, 3400; А. М. Ю. кн. ¹/₁, л. 299—302; кн. ¹¹/₁₀₈, л. 3; кн. ⁴/₁₅₆, л. 287; кн. ⁸/₇₈, л. 1039—1042; кн. ²⁰/₂₆, л. 1735; кн. ⁴⁰/₈₀, л. 472—479; кн. ⁹/₁₂₆, л. 168—176. О внимательствѣ Сената въ дѣла вѣры и нравствен- ности подробности см. въ историко—юридическомъ изслѣдованіи г. С.

по указу Св. Синода отъ 16 мая 1723 г., предложенные Златоустовскому архимандриту Автонію по дѣлу о забраніи въ Москвѣ со Спасскаго моста разныхъ запрещенныхъ книгъ и тетрадей, онъ, между прочимъ, писалъ, что „у московскихъ книгопродавцевъ явились подозрительныя книги, а именно книга печатная Псалтырь, которая печаталась въ Черниговѣ воровски съ могилевской печати, также и могилевскихъ старопечатныхъ книгъ и тетрадей, на которыхъ утверждаются раскольники, явилось не малое число. въ которыхъ и разные смѣхотворныя и сквернословныя“¹⁾. Да если бы и предпринимались въ указанное время какія либо миссіонерскія мѣры противъ раскольниковъ со стороны мѣстной духовной власти, то врядъ ли онѣ могли принести какую либо дѣйствительную пользу, или даже просто произвести благоприятное впечатлѣніе на раскольниковъ. Извѣстно, какъ раскольники относились къ малороссійскимъ священникамъ и монахамъ. „Прѣзжіе нехан“, т. е. малороссы, прѣхавшіе въ Москву малороссійскіе ученые монахи, «свели съ ума Никола и его справщиковъ», говоритъ первый раскольническій челобитчикъ Савватій²⁾. О Лазарѣ Барановичѣ раскольники еще въ 80-хъ годахъ XVII в. говорили, что, благодаря ему, «въ Москвѣ въ церквахъ стала Польша, поютъ будто въ гудки и въ волюнки и въ шаламайки и въ органы играютъ, и стали де церкви костелами», и что эти шаламайки тоненькія и басы присланы были первоначально Лазаремъ Барановичемъ въ Москву патриарху изъ Новгорода сѣверскаго³⁾. Въ первой половинѣ

Петровскаго: *о Сенатѣ въ царствов. Петра Вел.* М. 1876 г. стр. 318—326. (Описаніе документовъ и бумагъ, хранящ. въ Москов. архивѣ Мнѣист. Юстиціи Кн. 3. М. 1876 г.).

¹⁾ Опис. док. и д. сян. арх. т. 1, 169, № 173—163; 111, № 311, стр. 296—297.

²⁾ Три челобитныя, изд. Кожалычкова, стр. 27.

³⁾ Доп. къ А. И., т. XII, № 17, стр. 149. М. А. М. Ин. Д. Дон. Д. Св. XVII, 1688, № 5 (очная ставка Павла Чекунова съ попомъ Самойлой и повинная казака-раскольника, есаула Ивашки Рабынина). См. Дружининъ, В. Г.: Расколъ на Дону въ концѣ XVII в. Стр. 123, 303 и 315.

XVIII в. у раскольниковъ выработалось даже положеніе, что правильные попы и архіереи должны быть непременно великороссійскаго происхожденія, а не малороссійскаго, и притомъ такіе, которые бы рукоположеніе имѣли по восходящей линіи постоянно отъ „архіереевъ-великороссовъ“, несомнѣнно въ три погруженія, а не обливательно крещенныхъ, до времени патріарха Іосифа, безъ всякаго участія архіереевъ-малороссіянь, поголовно подозрѣваемыхъ въ обливанствѣ. Такой взглядъ на малороссійскихъ архіереевъ и іереевъ вышелъ первоначально изъ малороссійскихъ раскольническихъ слободъ и сдѣлался потомъ общимъ достояніемъ великороссійскаго старообрядчества, поповщанскаго толка по преимуществу. Естественно, что при указанныхъ условіяхъ противораскольническое миссіонерство малороссійскихъ архіереевъ и іереевъ не могло имѣть благопріятныхъ послѣдствій у стародубскихъ раскольниковъ, если бы среди ихъ и нашлись дѣтели, пригодные для этой тернистой нивы. Не легко было и опытнымъ миссіонерамъ «съ невѣздами и неучами» упражняться въ «нерегулярныхъ диспутахъ и въ упорныхъ ихъ невѣзескихъ словопреніяхъ»¹⁾.

Позднѣйшая исторія миссіонерства среди стародубскихъ раскольниковъ связывается съ общими миссіонерскими мѣрами противъ раскольниковъ, начавшимися со времени царствованія Петра I, когда сдѣлалось возможнымъ болѣе или менѣе правильное противораскольническое миссіонерство. Первоначальникомъ на поприщѣ этого миссіонерства былъ основатель Саровской пустыни іеросхимонахъ Іоаннъ, въ монастырѣ Исаакій. Во время путешествій для собственнаго назиданія по разнымъ приволжскимъ монастырямъ еще въ концѣ XVII в., онъ, между прочимъ, сталкивался съ людьми, зараженными расколомъ, вступалъ съ ними въ разговоры, вслѣдствіе чего у него и явилась потребность узнать какъ раскольническое ученіе, такъ и опроверженія его по ученію св. православной церкви. Собственно ареной миссіонерской его дѣятельности были заволжскіе раскольничьи скиты на Керженцѣ. Повѣствованіе его о „разглагольствіяхъ о вѣрѣ“ съ раскольниками, обращеніе ихъ и повѣдки о¹⁾ Исаакія въ заволжскіе скиты составляютъ содержаніе извѣстнаго его «Скаванія о обращеніи раскольниковъ заволжскихъ», обнимающаго собою

¹⁾ П. с. п. п. р. по вѣд. пр. исп. 1, № 162, ст. 207.

періодъ времени съ 1700 г. по 1705 г.¹⁾ И потомъ, когда прекратяль о. Исаакій свои путешествія въ раскольничьи скиты и селенія, раскольники сами приходили къ нему для собесѣдованій и нерѣдко обращались и оставались съ нимъ иночествовать, какъ показываетъ царская грамота отъ 28 марта 1711 г., которою предоставлялась ему власть надъ раскольниками такая же, какая дана потомъ Питуриму грамотою отъ 20 августа 1711 г. Именно въ царской грамотѣ, данной о. Исаакію, въ заключеніе говорилось: «и какъ къ тебѣ сія наша, Великаго Государя, грамота придетъ, а также раскольники и самовольники монахи впредь въ тѣхъ нашихъ сторонахъ буде явятся..., и тебѣ въ обращеніи ихъ чинить разговоръ съ ними съ прилежаніемъ... А на ослушниковъ и противниковъ писать тебѣ къ намъ, Великому Государю..., и упрямыхъ присылать за провожатыми къ Москвѣ для подлиннаго свидѣтельства и наказанія». И самъ Питуриимъ, поставившій завѣтнымъ желаніемъ и душевнымъ стремленіемъ своимъ «о обращеніи заблудшихъ душъ человеческихъ попеченіе имѣти», величаемый за свою противораскольническую дѣятельность «равноапостольнымъ», введенъ былъ на поприще своего равноапостольнаго подвига о. Исаакіемъ въ 1705—1706 г., когда онъ просилъ Питуриима, въ то время еще скромнаго строителя Переславляскаго Николаевскаго монастыря, что на болотѣ, вмѣсто него ѣхать къ раскольникамъ за Волгу—«учить и ко обращенію ихъ приводить». Со времени первой поѣздки Питуриима на Керженецъ, не позже мая 1706 г.,

¹⁾ «Сказаніе» напечатано въ 3 кн. «Братскаго Слова» за 1875 г. и отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: «Іеросхимонаха Іоанна, основателя Саровской пустыни, сказаніе о обращеніи раскольниковъ заволжскихъ. 1700—1705 г.г.» (М. 1875. т. 8). Критическій обзоръ этого «Сказанія» см. въ Христ. Чтеніи за 1875 г., кн. XII. Кромѣ того въ приложеніи къ «Тамбов. епарх. Вѣд.» за 1878 г. напечатана «Похвала на обращеніе заволжскихъ раскольниковъ и увѣщаніе ко обращающимся», трудъ того же іеросхимонаха. «Похвала» вышла и отдѣльною брошюрой. О масс. дѣятельности іеросхимонаха Іоанна Саровскаго см. ст. въ Правосл. Обзор. Н. А. Сахарова за 1874 г., кн. XI и XII, и критическую замѣтку іеромонаха Порфирія за 1887 г., кн. XII, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ объ Іоаннѣ Саровскомъ какъ дѣятель противъ раскола», стр. 800—804.

начинается его миссионерская деятельность среди раскольниковъ, сблизившая его съ Петромъ Великимъ и оставившая свой слѣдъ на законодательствѣ Петра I противъ раскольниковъ, действовавшемъ потомъ почти цѣлое столѣтіе въ Россіи, вплоть до Петра III и Екатерины II.

Съ учрежденіемъ Св. Синода обращено было болѣе серьезное вниманіе и на раскольниковъ. Для обращенія и прииренія ихъ съ церковію были приняты разнаго рода мѣры, положительныя и отрицательныя. Прежде всего имѣлось въ виду остановить дальнѣйшее распространеніе и усиленіе раскола, ослабить вліяніе всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя питали расколъ. Въ этихъ видахъ въ 1721 г. состоялось синодальное опредѣленіе о томъ, чтобы забираемы были въ приказъ церковныхъ дѣлъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ продаваемые листы разныхъ священныхъ изображеній, службы, каноны и молитвы, письменныя и не свидѣтельствованныя, старопечатныя и харатейныя книги, покупаемыя раскольниками, «противныя церкви святой и не безъ порицанія». Тогда же состоялось опредѣленіе объ изыятіи изъ церковей иконъ раскольническихъ и книгъ старопечатныхъ до—иосифовскихъ; при нахожденіи иконъ и книгъ въ мирскихъ домахъ предписывалось—жителей по желанію записывать въ расколъ и брать двойной окладъ, или же при сопротивленіи передавать свѣтской власти, а раскольниковъ вещи и мнимыя таинства, какъ нецѣлебныя, ниспровергать въ воду или огонь и сосуды забирать въ приказъ¹⁾. Въ 1722 г. Св. Синодъ издалъ печатное объявленіе, которымъ расколочители приглашались въ Синодъ для свободнаго собесѣдованія по разнымъ вопросамъ вѣры; мало того, имъ самимъ даже предоставлялось право назначать мѣсто и время для этихъ разглагольствованій о вѣрѣ. Этимъ путемъ имѣлось въ виду скорѣе примирить ихъ съ церковію, чѣмъ практиковавшимся дотогѣ путемъ прямиаго ихъ преслѣдованія, согласно извѣстнымъ статьямъ царевны Софьи Алексѣевны 1685 г., когда раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, повелѣвалось разыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами. Но и эта мѣра, видимо радикально измѣнявшая отношеніе церковной власти къ раскольникамъ, не сопровождалась успѣхомъ и не измѣнила ихъ отношеній къ

¹⁾ Опис. докл. и д., хран. въ арх. Св. Синод. т. 1, №№ 170—163 и 180—252. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1367, стр. 207.

церкви: расколучители въ Синодъ не являлись и даже совершенно игнорировали это приглашеніе. Въ тѣхъ же видахъ обращенія и примиренія съ церковію рѣшено было испробовать еще одну мѣру воздѣйствія на раскольниковъ, именно—послать въ главные пункты раскольниковыхъ поселеній особыхъ духовныхъ миссіонеровъ для собесѣдованій съ ними о вѣрѣ, обличенія ихъ заблужденій и увѣщанія къ примиренію ихъ съ церковію¹⁾.

Тонъ противораскольническому миссіонерству въ то время задавалъ Нижегородскій еп. Питиримъ. Онъ былъ самымъ дѣятельнымъ и ревностнѣйшимъ борцомъ противъ раскола, посвятившимъ на это дѣло всю свою жизнь. Считаая раскольниковъ противниками церкви и государства, видя ихъ размноженіе и усиленіе, онъ хорошо понималъ, что прежде всего необходимо «размноженіе остановить, чтобы нигдѣ они не учили. А гдѣ стануть раскольники учить, и тѣхъ хватать и наказывать, а не худо и учителей неяснымъ образомъ смирять». Особенный вредъ видѣлъ справедливо онъ въ размноженіи по лѣсамъ раскольническихъ скитовъ, мужскихъ и женскихъ, бывшихъ дѣйствительно сильнымъ орудіемъ распространенія раскола, почему и рекомендовалъ узаконить, чтобы старцы и старцы жили только въ извѣстныхъ градскихъ и пустынныхъ монастыряхъ, а «въ лѣсахъ, и въ поляхъ, и въ погостахъ, и въ мірскихъ домахъ никому жить не велѣтъ подѣ смертною казнію», развѣ только съ позволенія мѣстнаго архіерея. Онъ же находилъ, что «подѣ тѣсноту штрафовъ и окладовъ удобнѣе къ церкви присоединять». Не довольствуясь однако внѣшними мѣрами противъ раскола, онъ хотѣлъ дать и болѣе твердыя и положительныя начала противораскольнической миссіонерской дѣятельности. Лучшимъ средствомъ въ этомъ отношеніи было заведеніе училищъ и распространеніе образованія. Заботы Питирима объ образованіи извѣстны. Въ 1721 году, въ слѣдъ за обнародованіемъ духовнаго регламента, онъ открылъ въ Нижнемъ Новгородѣ «двѣ граматическія школы, еллинореческую и славянороссійскую»; въ 1730 г. открылъ въ

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. 11, №№ 377, 380, 385, 450, т. IV, № 1436, стр. 296—298.—Поли. Соб. З. Р. Имп. т. VI, №№ 3891, 3925. Принимались въ то время и мѣры литературнаго воздѣйствія на раскольниковъ. П. с. п. и р. по в. прав. исп. 111, № 1089, стр. 131; IV, № 1246, стр. 104—105.

Юрьевцѣ-Поволжскою «славянороссійскую школу»; а въ 1738 г., преобразовавъ прежде основанныя школы, присоединилъ къ нимъ высшую славяно-латинскую. Кромѣ того извѣстенъ еще его проектъ объ открытіи 13 школъ, осуществленный уже послѣ его смерти въ 1739 году. Въ тѣхъ же видахъ прочнаго утвержденія православія, онъ преобразовалъ и устроилъ нѣсколько монастырей, преимущественно въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ, и образовалъ при себѣ специальныхъ противораскольническихъ миссіонеровъ. Это были: Филаретъ, обращенный изъ раскола еще Исаакіемъ, Неофитъ, Андроникъ, Іосифъ Рѣшиловъ и др. Этими усердными помощниками Питирима и воспользовался Св. Синодъ, когда рѣшилъ послать въ главные пункты раскольническихъ поселеній особыхъ миссіонеровъ «для увѣщанія и обращенія раскольниковъ къ церкви». Между ними и распределены были для миссіонерства главные центры раскола: Поморье досталось на долю Неофита, Поволжье Филарету, а Стародубскіе раскольничьи слободы выпали на долю Іосифа Рѣшилова¹⁾ Одновременно съ ними дѣйствовалъ въ Курляндіи и Лифляндіи еще Маркеллъ Родышевскій, хотя и вышедшій изъ другой школы, но ни мало не отличавшійся по характеру своихъ миссіонерскихъ дѣйствій отъ учениковъ Питирима. Онъ хвалился предъ Св. Синодомъ тѣмъ, что «прилежнымъ тщаніемъ вездѣ здѣсь крившійся бородастыхъ раскольниковъ въ бородахъ ихъ гнѣздившійся пекельный змій съ онымъ гнѣдомъ своимъ, еже есть бородами, истребленъ и всегда истребляется, и суевѣріе всякое отъ среды ихъ изъемлется». Рижскихъ раскольниковъ и неисповѣдывавшихся въ четыредесятницу, съ помощію нѣмецкихъ солдатъ, «загонялъ онъ какъ овецъ въ цидодѣлю» и приказывалъ имъ «говѣть нѣсколько дней и веѣхъ сподобить св. таянъ Христовыхъ» попу Рижскаго русскаго рынка¹⁾.

¹⁾ Чт. въ общ. ист. и древн. Росс. 1860 г. IV, смѣсь, стр. 281. Доношеніе Питирима о раскольникахъ.—П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. I, № 150 (131), стр. 207—208; т. II, № 410, стр. 60. Ср. Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Сын. 1, № 65—28, стр. 46. Христ. Чт. 1874 г. т. III. 295, 298. Страникъ 1881 г. Сент. Ст. Н. Сахарова: Дѣятельность Питирима Нижегородскаго противъ раскола, стр. 116—118.

¹⁾ Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Сын. III, ст. 445—446. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1361, стр. 204—205.

Иосифъ Рѣшиловъ, по его собственному показанію, былъ родомъ изъ г. Бѣлева и происходилъ изъ раскольникѣй семьи. Отецъ его, въ качествѣ крѣпостнаго человѣка мѣстнаго Преображенскаго монастыря, отправлялъ обязанности дворника на монастырскомъ подворьѣ. По всей вѣроятности подъ вліяніемъ монастыря Рѣшиловъ выучился грамотѣ и приобрѣлъ нѣкоторое церковное образованіе, а потомъ, какъ человѣкъ грамотный, начитанный, способный, въ особенности же какъ жаркій ревнитель древняго благочестія, онъ скоро успѣлъ завоевать и выдающееся положеніе среди мѣстныхъ раскольниковъ, приобрѣсть ихъ любовь и уваженіе. Къе будучи молодымъ человѣкомъ, онъ сдѣлался раскольникѣй наставникомъ и отправлялъ обязанности раскольникѣяго поха: «обоего пола людей, крещенныхъ въ православное исповѣданіе, по раскольникѣему мудрованію перекрещивалъ, и младенцевъ крестилъ, и исповѣдывалъ, и приобщалъ полученными яко бы божественными дарами отъ раскольникѣческаго учителя игумена Юва, и въ монахи и въ монахини постригалъ, и мертвыхъ погребалъ, и родильницамъ молитвы читалъ, а литургію по раскольникѣческому мудрованію никакъ не служивалъ¹⁾. Быстрый успѣхъ среди мѣстныхъ раскольниковъ вскружилъ молодую и честолюбивую голову Рѣшилова; онъ сталъ заботиться о расширеніи поля своей дѣятельности. Сдѣлавшись пропагандистомъ раскола, онъ скоро нашелъ себѣ обширный кругъ послѣдователей и учениковъ «въ разныхъ епархіяхъ и мѣстахъ», какъ онъ самъ высказывался о себѣ. Вместе съ тѣмъ онъ побывалъ и во всѣхъ тогдашнихъ главнѣйшихъ центрахъ раскола, въ томъ числѣ въ Стародубьѣ, на Вѣткѣ и въ другихъ заграничныхъ мѣстахъ, гдѣ жили раскольники. Изъ слѣдственнаго дѣла о тверскомъ архіепископѣ Теофилактѣ Лопатинскомъ и о соприсношенныхъ къ нему лицахъ 1734—1739 гг., именно изъ показаній архимандрита Юасафа Масвскаго видно, что Рѣшиловъ, будучи раскольникѣомъ, былъ съ учениками своими раскольникѣческими въ Венграхъ, на

¹⁾ Чистовичъ. Рѣшиловское дѣло. Сиб. 1861, стр. 25.—Раскольникѣй учитель игумень Юва (†1680 г.) пользовался особеннымъ уваженіемъ среди Бѣлевскихъ раскольниковъ, такъ какъ среди ихъ болѣе 20 л. насаждалъ расколъ одинъ изъ его учениковъ—чернецъ Никодимъ.

Подолѣ и на Волынѣ, жилъ подѣ протекціею князя Любомірскаго, не далеко отъ мѣстечка Полоннаго¹⁾.

Въ 1719 г. мы встрѣчаемся съ Рѣшиловымъ на Керженцѣ. Въ то время какъ прибыло сюда начальство для переписи раскольниковъ въ двойной окладъ, со стороны Рѣшилова и его учениковъ—монаха Діонисія и монахини Аполліяриі—послѣдовало заявленіе, что „въ двойной окладъ они записываться не хотятъ, а пусть де насъ отправятъ къ преосвященному Питириму для разговоровъ изъ писанія“ (Рѣшиловское дѣло, стр. 30). Желаніе ихъ было исполнено. Разговоры и увѣщанія преосвященнаго Питирима произвели то, что Рѣшиловъ съ учениками перешелъ изъ раскола въ православіе, принялъ монашество и рѣшился доказать искренность своего обращенія въ миссіонерской борьбѣ съ ревнителями старой вѣры.

Обращеніе Рѣшилова съ учениками къ православной церкви считалось важнымъ миссіонерскимъ приобрѣтеніемъ еп. Питирима. Недаромъ его называли «всѣхъ толковъ расколическихъ учителемъ».

Съ 1720 г. начинается уже собственно православная миссіонерская дѣятельность монаха Іосифа Рѣшилова. Она началась при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ присланъ былъ въ Москву преосвященнымъ Питиримомъ вмѣстѣ съ Діонисіемъ для обращенія въ православіе тѣхъ, которыхъ раньше привлекъ «къ расколической прелести» въ Бѣлевскомъ, Глуховскомъ и въ другихъ мѣстахъ, по его собственному вызову на это дѣло. Въ московскомъ приказѣ церковныхъ дѣлъ захотѣли

²⁾ Извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о тверскомъ архіепископѣ Теофилактѣ Лопатинскомъ и о прикосновенныхъ къ нему лицахъ, въ особенности о іеромонахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ и архим. Іоасафѣ Маевскомъ, 1733—1735. Сообщ. архим. Макарій, 8^о, брош. Было напечатано первоначально въ Чт. общ. ист. и древн. Росс. при Моск. унив. 1863 г., кн. IV, отд. V, стр. 56. Срав. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 106, стр. 496 г. Пис. кабинетъ—министровъ, отъ 8 окт. 1733 г., къ гр. Салтыкову, о посылкѣ двухъ оберъ-офицеровъ въ Твер. епархію въ Покровской Раковѣ и въ Успенскій Старицкій, да въ Смолен. еп. въ Бляюковъ монастыря для слѣдствія объ ономъ Рѣшиловѣ и отысканія писемъ его. Есиповъ, Г. Раск. дѣла XVIII в. т. 1. Спб. 1861 г. стр. 41—43.

правде всего воспользоваться бывшимъ „всѣхъ толковъ учителемъ“ для собесѣдованія съ мѣстными раскольниками, для чего и вызваны были въ приказъ нѣкоторые изъ записныхъ раскольниковъ Хамовой слободы, а именно: Иванъ Дубовскій, Панкратъ Анисимовъ, Иванъ Степановъ Мыльниковъ, петербургскій житель, и раскольниковскій дьячекъ Алексѣй Никитинъ. Собесѣдованіе было назначено на 8 декабря 1720 г. Раскольники въ приказъ явились, но при этомъ заявили, что съ Рѣшиловымъ безъ иминнаго царскаго указа разговоровъ о вѣрѣ имѣть не будутъ, и что ихъ „въ раскольниковской вѣрѣ уволилъ быть царское Ведичество, о чемъ опубликовано было и указами по гранкиамъ вратамъ“. Такъ и не состоялось миссіонерское собесѣдованіе Рѣшилова въ Москвѣ. Оказались почти безрезультатными его и послѣдующія миссіонерскія попытки здѣсь¹⁾.

Сравнительно большимъ успѣхомъ сопровождалась миссіонерская дѣятельность Рѣшилова въ Бѣлевѣ, на мѣстѣ его родины. Поданный

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. 1, № 252 (257). Тамъ же т. II, № 475; III, № 1086, стр. 126—127. Опис. док. и д. арх. св. син. т. 1, № 180—252, стр. 179—180. Извѣстно только обращеніе раскольника дьяконова согласія, жителя Московской Таганной слободы Ив. Елис. Бѣляева. Онъ былъ «сговоренъ» въ расколъ въ 1705 г. учителемъ Дяконова согласія въ Москвѣ Фѣдоромъ Мясниковымъ, въ 1709 г. увезенъ въ Польшу и до 1721 г. жилъ въ разныхъ мѣстахъ. Увидя въ раскольниковскихъ толкахъ многія несогласія, распри, раздоры, ереси и противности св. церкви, пришелъ въ Москву и въ мартѣ 1721 г. обратился «къ раскольниковскому обращателю» Іосифу Рѣшилову, который, по разглагольствію отъ св. писанія, увѣрялъ и увѣщевалъ его, потомъ объявилъ о немъ въ Москов. Цѣунской Палатѣ архим. Антонію, и послѣ допроса онъ съ письмомъ былъ отправленъ на Варварскій Крестецъ къ наказному поцу Трифону Агафонову, гдѣ раскольниковскую ересь «отъ всего желанія своего» проклялъ и къ св. церкви присовокупленъ. Съ августа 1724 г. онъ сдѣлался келейникомъ іеромонаха І. Рѣшилова; 4 іюня 1725 г. Рѣшиловъ выѣхалъ изъ Александроневскаго монастыря къ Тверскому архіерею, отославъ келейника. Бѣляевъ въ томъ же іюнѣ по прошенію отосланъ въ Александроневскій монастырь. Опис. д. и д. хран. въ арх. св. Син. т. V, ст. 343—344.

имъ Крутицкому митрополиту Игнатію. во время пребыванія въ Москвѣ, реестръ о Бѣлевскихъ раскольникахъ и личныя указація на мѣстѣ повели къ обнаруженію здѣсь широко распространенной «раскольнической прелести», которою были заражены почти сплошь не только Бѣлевскіе посадскіе люди и крестьяне, но и окрестныя помѣщики и даже священники. Въ Бѣлевѣ были посланы: самъ Рѣшиловъ, приказный монахъ Крутицкаго архіерейскаго дома Бѣляевъ и подъячій Иванъ Кондратьевъ; самое разслѣдованіе о мѣстныхъ раскольникахъ по реестру Рѣшилова поручалось произвести архимандриту Бѣлевскаго Преображенскаго монастыря Павлу. «И оныя Бѣляевъ и архимандритъ по оной росписи слѣдовали и по ихъ слѣдованію показанные раскольники скрылись, а иные чинились противны и носыльныхъ били смертно»... Въ числѣ скрывшихся были—мать, сестра и другіе сродники Рѣшилова, а бывшими слѣдователей были Бѣлевскіе помѣщики Воейковы, у которыхъ въ домахъ жили многіе раскольники, чернецы черницы и бѣльцы, и которые и сами и люди и крестьяне жили въ расколѣ. Завязатымъ раскольникомъ оказался и другой Бѣлевскій помѣщикъ, вмѣстѣ съ семействомъ, дворовыми людьми и крестьянами, именно Василій Кондратьевъ Павловъ, петровскій генераль-рекетмейстеръ, какъ и другіе мѣстные помѣщики. Въ числѣ захваченныхъ слѣдователями раскольниковъ былъ чернецъ Никодимъ, издавна распространявшій здѣсь расколъ и бывший ученикомъ знаменитаго въ исторіи цюповщинскаго раскола игумена Іова Тимофеева, извѣстнаго съятеля раскола какъ въ средней Россіи, такъ и на Дону († 1680)¹⁾.

¹⁾ Подробности объ Іовѣ см. въ изслѣдованіи *В. Г. Дружинина*: Расколъ на Дону въ концѣ XVII в. Спб. 1889. П. с. п. в р. по вѣд. прав. исп. т. II, № 939; т. III, № 1036.—Показанія Никодима имѣютъ историческій интересъ, почему мы ихъ и приведемъ здѣсь. По его показанію онъ былъ постриженъ въ монашество въ пустынь, что на Льговѣ, между Рыльскомъ и Курскомъ, и жилъ въ той пустынь лѣтъ съ шесть, и что въ той пустынь литургію служили на 7 просфорахъ, а на нихъ знаменіе—крестъ съ подножіемъ и Адамовою главою. Далѣе онъ показывалъ, что изъ пустыни съ Іовомъ и съ начальнымъ отцемъ монахомъ Нифонтомъ и прочими монахами, всего 130 человекъ, вышли они на Донъ въ лѣсъ, построили тамъ церковь во имя Покрова Пре-

Съ 1721 года монахъ Рѣшиловъ, какъ противораскольнической миссіонеръ, становится извѣстнымъ и св. Синоду. Дѣло было такъ. Въ то время въ московскомъ Приказѣ церковныхъ дѣлъ были сильно заняты вопросомъ объ искорененіи обнаружившейся въ Калугѣ „раскольнической прелести“ и искали послать туда „изъ архимандритовъ или изъ игуменовъ или іеромонаха, добраго и учительнаго человѣка“, который бы могъ своимъ ученіемъ обращать раскольниковъ къ православной церкви. Подходящаго человѣка въ Москвѣ не оказалось: потому что, доносилъ св. Синоду Златоустовскій архимандритъ Антоній, судія приказа церковныхъ дѣлъ, хотя „которые отъ книгъ Божественнаго писанія и весьма довольство имѣютъ, но токмо ихъ раскольническихъ паденіевъ въ точность познать и съ ними разговоровъ вдаль имѣть не могутъ“. Въ качествѣ вполне подготовленнаго къ такой дѣятельности человѣка архим. Антоній рекомендовалъ св. Синоду Рѣшилова, находя, что онъ «раскольническіе падежи всѣ знаетъ и нести оное дѣло можетъ безъ нужды,— понеже онъ доволенъ чтенія книгъ и другихъ языковъ» (sic), и про-

святія Богородицы. Съ Дона чрезъ три года Никодимъ ушелъ въ Карачевскіе лѣса, въ пустынь Малѣву, и жилъ въ ней лѣтъ съ 7 съ строителемъ іеромонахомъ Досіеѣемъ, а изъ той пустыни вышелъ въ Бѣлевскій уѣздъ, въ д. Маршикову, къ помѣщику Алексію Гаврилову Кошелеву. У послѣдняго онъ пробылъ съ полгода и взятъ былъ въ с. Яхонтово, лѣтъ 20 назадъ, по его словамъ, помѣщикомъ Аѳ. Дм. Воейковымъ, устроившимъ ему съ братіей въ саду особыя келья, въ которыхъ онъ отправлялъ по старопечатнымъ книгамъ вечерни и утрени, часы и правила. Для моленія, кромѣ домашнихъ Воейкова и его крестьянъ, пріѣзжали сюда и Бѣлевскіе посадскіе люди, которымъ онъ давалъ за причастіе освященную Досіеѣемъ «св. великую воду», ѣздилъ и самъ въ Бѣлевъ. «А крестится онъ, Никодимъ, двѣма персты, и въ церковь де онъ никогда для новыя службы не хаживалъ, и ходить, и слушать, и исповѣдываться, и св. таинъ причащаться, и благословія архіерейскаго воспріять не хочетъ и до кончины жизни своей, для того, что де онъ самъ себѣ церковь». Такъ Никодимъ и умеръ безъ покаянія подъ карауломъ въ Бѣлевскомъ Преображенскомъ монастырѣ. Подробности о расколствѣ генераль-рекетмейстера В. К. Павлова въ Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сив. т. II, ч. 2, ст. 473—497.

силъ его послать для обращенія раскольниковъ въ Калугу и другіе города—въ Вязники, во Ржеву Володимірову, въ Тверь, Торжокъ и прочія тамошнія мѣста. Св. Синодъ согласился съ соображеніями архим. Автонія и 29 сентября 1721 г. постановилъ, что «если Птириму въ монахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ нужды нѣтъ, и во обращеніи раскольниковъ ко св. церкви исправляться безъ него возможно, то отправить его, Рѣшилова, для лучшаго въ такомъ же обращеніи раскольниковъ вспоможенія, въ Москву, къ Златоустовскому архимандриту, не отложно». Въ январѣ 1722 г. Рѣшиловъ уже былъ въ Москвѣ и состоялъ въ распоряженіи Златоустовскаго архимандрита.¹⁾ Скоро однако вмѣсто Калуги и другихъ сосѣдственныхъ съ нею мѣстъ, по его собственному вызову, ему назначено было другое мѣсто для миссіонерства—Стародубье, гдѣ и самъ онъ прежде нѣкоторое время жилъ, находясь въ расколѣ.

5-го марта 1722 г. Рѣшиловъ подалъ въ св. Синодъ доношеніе, по поводу будущей своей миссіонерской дѣятельности, изъ котораго видно, что онъ хорошо зналъ условія жизни мѣстныхъ раскольниковъ и препятствія на пути своего миссіонерства среди ихъ. Онъ писалъ, что по своему прежнему пребыванію въ этой мѣстности онъ знаетъ, что отсюда «многочисленное число народа», великороссійскаго и малороссійскаго, бѣгутъ за польскую границу, въ Вѣтковскіе скиты и далѣе. Перечисливъ мѣста, черезъ которыя проходятъ бѣглецы, именно—Любечь, Радуль, Лоевскій перевозъ, Добрянку, Злынку, Тимошкинъ перевозъ и др., Рѣшиловъ просилъ, чтобы по указаннымъ трактамъ повелѣно было поставить крѣпкія заставы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы св. Синодъ, для сбора положенныхъ съ раскольниковъ штрафовъ, „придалъ ему изъ отставныхъ офицеровъ или отъ гражданства человека добраго“, а для обращенія и утвержденія обращающихся къ церкви раскольниковъ указывалъ на необходимость построить церковь въ слободѣ Зыбкой, тогдашнемъ центрѣ мѣстнаго раскольниковьяго управленія, по примѣру пресвященнаго Птириима, устроившаго церковь въ 1721 г. въ Чернораменскихъ

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. 1. №№ 45 (334), стр. 56—59; 252 (257), стр. 308; 332; ср. 386; т. III, № 1112, стр. 415—417. Ср. № 473. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. 1, стр. 180—332—334, 572—573. Ср. Приложение XXV.

и Керженскихъ дѣсахъ, въ Балахонскомъ уѣздѣ¹⁾. О назначеніи офицера, „такъ какъ и Питириму, св. Нижегородскому, опредѣленъ г. Ржевскій, какъ къ сборамъ денежнымъ, такъ и къ разыскнымъ дѣламъ, просилъ Рѣшиловъ потому почти во всѣхъ своихъ доношеніяхъ. Объ этомъ онъ, между прочимъ, просилъ частнымъ письмомъ отъ 2 ноября 1722 г. члена св. Синода, Чудовскаго архим. Теофилакта. О необходимости «офицера», подобнаго Ржевскому, Синодъ нѣсколько разъ писалъ безуспѣшно и въ сенатъ²⁾.

Предусматривая возможныя случайности своего будущаго положенія и зная по опыту образъ дѣйствій раскольниковъ, Рѣшиловъ при доношеніи приложилъ 11 пунктовъ и требовалъ отъ св. Синода надлежащихъ революцій. Пункты эти слѣдующіе.

1. Обрѣтающихся въ Стародубѣ раскольниковъ вновь переписать надлежитъ ли и кому у той переписи быть, неужже съ записныхъ раскольниковъ со всѣхъ слободъ годовой окладъ 1200 р., а нигдѣ въ тѣхъ слободахъ подѣ вышписаннымъ обрѣтаются незаписные таящіеся раскольники?

2. Ежели изъ оныхъ раскольниковъ, отъ дерзости ихъ нерзкой, похулять или въ словахъ предерзостно, подѣ какими либо алохитроственными видами, упоминаеть будугъ Его Императорское Величество, что съ такими чинить?

3. Ежели запорубежные раскольники умыслоеть, чрезъ подрядчивоеть,

¹⁾ Ц. с. п. и р. по в. пр. исп. т. II, № 406. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. сян. т. I, ст. 573. Здѣсь такъ перечислены мѣста, черезъ которыя проходятъ бѣглецы: «на Дибѣрѣ р., на Любецкомъ перевозѣ лѣтомъ, а зимою въ городѣ, обоя мѣста не далеко, въ верстѣ; на Радулѣ, слободѣ расколынической, отъ города Любеча 15 в.; на Лоевскомъ перевозѣ на р. Дибѣрѣ, а городъ Ловье (Лоевъ)—польской, а по другой сторонѣ рѣки земля Государева; на перевозѣ Ериловичахъ г. Мена на р. Сожѣ; на Добрянкѣ, слободѣ расколынической, г. Березна; на Злынкѣ, слободѣ расколынической, г. Стародубъ; на Доброшѣ г. Черняговъ; на Тимошкинѣ перевозѣ, раскол. слободѣ, г. Стародубъ; на Бобовичахъ застава Поченская городова». См. примѣчаніе.

²⁾ Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Сян. т. I, 580 Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. въ Росс. Имп. т. IV, № 1323, стр. 151.

налороссійскихъ людей, учнуть провозить всякіе запасы, таковыхъ возбранять-ли?

4. Знатныхъ раскольниковыхъ учителей къ записнымъ раскольникамъ, которые обрѣтаются въ Стародубѣ, жить попускать-ли или подь началъ отдавать?

5. Посылаемымъ изъ Стародуба за дѣлами въ разныя мѣста пашпорты чтобы давать отъ духовныхъ персонъ, понеже де торговые зарубежные люди пролыгаются стародубцами и тако прѣзикають.

6. Учениковъ его, Рѣшилова, которые обрѣтаются въ разныхъ спархіяхъ въ расколѣ и непокорными себя объявляютъ, и тѣхъ подь началъ ссылатъ-ли и пожитки ихъ на Императорское Величество описывать-ли?

7. Ежели кто изъ раскольниковъ обратится отъ раскола, тѣмъ войтами надь слободами быть-ли?

8. О опредѣленіи указовъ, егда случится въ подводахъ нужда, о послушаніи по городамъ и селамъ синодальнымъ и свѣтскимъ командамъ и о довольствованіи въ нужнѣйшихъ мѣстахъ нищю къ кому надлежитъ послать указы?

9. Которые обращающіеся раскольники изъ-за рубежа не могутъ выйти въ Россію, по оныхъ изъ казаковъ для выводу ихъ послать-ли?

10. Обращающихся отъ раскола ко св. церкви, какъ монашескаго чина, такъ и безженныхъ, гдѣ ихъ опредѣлять и нищю и одждюю откуда ихъ довольствовать?

11. Ради перваго случая дабы дано было ему, Рѣшилову, казаковъ колико, по дѣлу смотря потребно будетъ, которые возьмутся на Вѣтку за рубежъ для перевыву обращающихся въ Россію.

Видѣвъ съ тѣмъ, въ томъ же доношеніи, Рѣшиловъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ священника съ запасными дарами для обращающихся изъ раскола.

Собственно докладные пункты Рѣшилова были оставлены св. Синодомъ по существу безъ разсмотрѣнія, вѣроятно потому, что они не могли быть разрѣшены безъ сношенія съ сенатомъ; только на представленіе о священникѣ св. Синодъ 15 марта постановилъ: произвестъ самаго Рѣшилова въ іеромонахи, что и было поручено исполнить Фиваидскому архіерею.

3-го мая 1722 г. назначенъ былъ въ Черниговъ новый архіерей, Продіонъ Жураковскій, Въ виду этого обстоятельства, въ другомъ своемъ доношеніи, отъ 28-го мая, Рѣшиловъ ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ, чтобъ ему быть въ паствѣ у Продіона, епископа Черниговскаго, отъ него получать дневную пищу и жалованье и его стараніемъ построить церковь въ слободѣ Зыбкой, и чтобъ ему, Рѣшилову, быть въ стародубскихъ слободахъ у проповѣди слова Божія въ такомъ же положеніи, какъ и у Питирима въ Керженскихъ дѣсахъ «опредѣленные іеромонахи живутъ и надлежащее по волѣ его отправляютъ, и сборы собирая съ раскольниковъ, ему, епископу, отдають, и всякое расколическое беззаконіе усматривають и по винамъ ихъ наказываютъ». 8 іюня Св. Синодъ утвердилъ это послѣднее представленіе іеромонаха Рѣшилова, поручивъ озаботиться построеніемъ церкви въ Зыбкой новоназначенному Черниговскому епископу, а 13 іюля назначилъ жалованье Рѣшилову «противъ дачи іеромонаха Неофита», по 60 руб. въ годъ, изъ суммъ предполагаемаго съ раскольниковъ сбора. Съ своей стороны и еп. Продіонъ, повидимому вполнѣ солидарный съ Рѣшиловымъ въ предположенныхъ имъ мѣрахъ по обращенію стародубскихъ раскольниковъ, подалъ въ Св. Синодъ отъ 6 іюля доношеніе, въ которомъ просилъ, чтобы были посланы послушные указы кievскому губернатору и малороссійскому гетману „объ охраненіи и о заставахъ въ пограничьяхъ..., дабы въ соединеніи св. вѣры стародубскихъ раскольниковъ пресѣченія не было, также бѣ и Кіевскому губернатору надъ раскольниками чтобы ни въ чемъ, кромѣ его архіерейства, власти не имѣть“. Такимъ образомъ, не ограничиваясь мѣрами духовнаго воздѣйствія на раскольниковъ и заботами о соединеніи ихъ съ церковію, Черниговскимъ противорасколическимъ миссіонерамъ хотѣлось, чтобы раскольники были въ полномъ ихъ распоряженіи не только въ церковномъ отношеніи, но и гражданскомъ. Св. Синодъ, по доношенію еп. Продіона, 9-го іюля постановилъ: послать указы къ Кіевскому губернатору и въ малороссійскую коллегію, а къ гетману Скоропадскому—грамоту, „о охраненіи и о заставахъ, дабы ни откуда въ сыску и во увѣщаніи онымъ Рѣшиловымъ пресѣченія не было“, и для вспоможенія въ розыскахъ раскольниковъ требовать отъ Сената назначить изъ офицеровъ „человѣка добраго“, по пригѣру назначенныхъ въ Нижній-Новгородъ и другія мѣста.

Предъ отправленіемъ въ Стародубье Рѣшиловъ былъ снабженъ Св. Синодомъ, по его собственнымъ указаніямъ, рукописными и старопечатными книгами, пользовавшимся у старообрядцевъ особымъ уваженіемъ, сочиненіями русскихъ пастырей, для церковнаго служенія рязницей, тѣмъ и другимъ въ счетъ суммъ предполагаемыхъ съ стародубскихъ раскольниковъ сборовъ. Для разглагольствованій съ раскольниками, кромѣ богослужебныхъ книгъ, онъ считалъ необходимыми и слѣд. книги: 1) Библию, Острожской печати, 2) Евангеліе недѣльное, толковое, 3) Апостолъ толковый, письменный, 4) Апостольскія бесѣды съ Дѣяніемъ, кievскія, 5) Псалтырь толковую Еронимову, Кассіодорову и пр., 6) Пророчество толковое, 7) Лексиконъ словенской, кievской печати, 8) Алфавитъ азбучной, письменной, 9) Минея—четыри, 10) Діонисія Арсепакита, 11) Коричую, 12) Требникъ Іосифовскій, печатный, 13) Стоглавъ, 14) Максима Грека, 15) Григорія Амирицкаго, 16) Катихизисъ малый, печатный, П. Могилы, 17) Бвигу о вѣрѣ, Москов. печ., 18) Книгу о вѣрѣ, Острож. печ., 19) Катихизисъ большой Москов. печ., 20) Номоканонъ—кievскій, Петро-Могилинскій, 21) Кирилла Іерусалимскаго, Острож. печ., 22) Сборникъ Московскій, 23) Служебникъ Сергія Радонежскаго, 24) Маргаритъ, 25) Ефрема Сирина, 26) Хронографъ стараго письма, 27) Анастасія Синаита, 28) Лѣтписецъ Кіев., 29) Баронія, 30) Лѣтвичникъ, 31) Іосифа Волоцкаго, 32) Николая Черногорца, 33) Симеона Фессалоникскаго, 34) Грамматику Московскую, 35) Маттеевы правила, 36) Увѣтъ, 37) Працицу, 38) Григорія Назіанзина, 39) Служебникъ І. Волоцкаго, 40) Прологи, 41) Козьмы Дикоплова, 42) Пѣснь пѣсней, толковую, 42) Евангеліе повседневное, 44) Апокалипсисъ толковый, 45) Служебникъ Іовлевскій, 46) Скрижалъ, 47) О блаженствахъ, 48) О брадахъ, 49) О антихристѣ, 50) Благовѣстникъ, 51) Аванасія Алекс., 52) Регламентъ, 53) О соединеніи церкви молебное пѣніе.¹⁾ Уже одно то, что Рѣшиловъ старался

¹⁾ Опис. докум. и д., хран. въ арх. св. Сия. т. 1, ст. 575—576. Ср. тамъ же книги, которыя требовалъ Неофитъ для собесѣдованія съ выгорѣцкими раскольниками, ст. 473 и д. III, 475. 1725 г. августа 17, по приказу св. Синода, изъ Синодальной канцеляріи іером. Іосифу Рѣшилову отдано было изъ книгъ Новгородскаго посадскаго челоуѣка *Михаила Сердюкова*, подозрѣваемаго въ расколѣ, двѣ мшени пѣснечныхъ служебныхъ.

задались такимъ значительнымъ количествомъ старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, по большей части уважасмыхъ и старообрядцами, довольно выгодно характеризуетъ его, какъ миссионера. Есть и другія указанія, свидѣтельствующія, что онъ хорошо понималъ условія мисонерской дѣятельности среди раскольниковъ и старательно готовился къ ней. Недовольствуясь своимъ практическимъ знакомствомъ съ расколомъ и раскольниками, не довольствуясь своимъ знакомствомъ и начитанностью въ старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ церковнаго характера, онъ, какъ человѣкъ богословски не образованный, искалъ содѣйствія и помощи у болѣе его вѣдущихъ и знакомыхъ съ богословіемъ и церковной практикой по существу. Известно, что во время пребыванія своего въ Москвѣ онъ близко сошелся съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, въ то время архимандритомъ Чудова монастыря и синодальнымъ совѣтникомъ, вѣдавшимъ, между прочимъ, раскольниковъ дѣла въ Св. Синодѣ. Теофилактъ былъ для него непрекаемымъ богословскимъ авторитетомъ; къ нему онъ нерѣдко обращался за совѣтомъ и разрѣшеніемъ недоумѣнныхъ для него церковнобогословскихъ вопросовъ. Такъ въ письмѣ отъ 2 ноября 1722 года, уже изъ Стародуба, напоминая Теофилакту, какъ онъ при отъѣздѣ его, Рѣшилова, въ Черниговъ, сказалъ: «я твой стряпчій и ходатай; пиши ко мнѣ о своихъ нуждахъ»,—просилъ у него „отвѣтствованій

февраля да апрѣля мѣсяцевъ, по обрѣзу вызолочены; уставъ церковный, два требника, псалтирь со возслѣдованіемъ; два шестоднева, минея—четыре генваря мѣсяца нисменная въ десть, а псалтирь въ полдесть; итого 10 книгъ. Да присланныхъ изъ Псковской епархіи отъ поручика Зиновьева—соборникъ, да двѣ минеи служебныхъ февраль да апрѣль; всего 13 книгъ. Книги эти были частью старопечатныя, частью рукописныя и всѣ до—Никоновскія. По происхожденію Сердюковъ былъ изъ Мунгальскаго народа, родился при р. Селангѣ; въ 1691 г., 13 л., онъ былъ полоненъ Черкаскаго гетмана дѣтми, Петромъ да Яковомъ Самойловы, нападавшими тогда войною на Мунгальскій народъ. Еписейскій козакъ Иванъ Волосовъ привезъ его въ Еписейскъ и продалъ тамъ за 10 руб. Московскаго гости Остафья Иванова Фялатьева приващнику, Ивану Михайлову Сердюкову, который потомъ окрестилъ, отдалъ учиться словенской грамотѣ и научилъ купечеству. Опис. д. и д., хран. въ арх. Св. Сии. III, 466—475.

противъ презѣбнѣйшихъ раскольниковъ, за що гаждаютъ церковь святую, какъ великороссійскую, такъ и малороссійскую, о св. крещеніи»,—отвѣтъ стованій, которыя какъ «громоздныя трубы» вопіяли бы „противу супостатовъ“¹⁾). Позже онъ пришелъ даже къ мысли поражать раскольниковъ указами на памятники церковной старины. Въ доношеніи Св. Синоду, отъ 23-го іюня 1725 г., онъ просилъ послать указъ Кіевскому архіерею, «чтобы онъ описалъ personally на бумагѣ алтарь Софійской, который мусією изображенъ, слово въ слово, для того, что въ бытность мою въ Кіевѣ сажь видѣлъ у свитителей и Михаила и Гавріила небесныхъ снахъ на жезлахъ крестъ четырехконечный; много такихъ также и руки благословляющія по преданію восходныя церкви: большій перстъ положенъ на перстѣ, что подѣлъ малаго, а малый стоящъ, а средній мало наклоненъ, и то будетъ во обличеніе раскольникахъ, понеже оныя изображенія отъ благовѣрныхъ князей Россійскихъ старинныя». Св. Синодъ согласился съ этимъ представленіемъ и сдѣлалъ постановленіе о томъ, чтобы «помянутой въ Кіевѣ Софійской алтарь срисовать доброму живописцу, и, сверхъ того рисунка, для лучшаго разсужденія, учинить литерамъ обстоятельную тому всему опись“...»²⁾ Къ сожалѣнію, всѣ эти

¹⁾ Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Свн. 1, 587. При раздѣленіи дѣлъ между Синодальными членами въ 1722 г., февраля 28, Синодальному совѣтнику Теофилактору Лопатинскому вмѣстѣ съ ассессоромъ Анастасіемъ Кондоня поручено было вѣдѣніе раскольническихъ дѣлъ, на такихъ же основаніяхъ, какъ Гавріилу Бужинскому вѣдѣніе школъ и типографій съ тѣмъ, чтобы о важныхъ дѣлахъ они предлагали съ своимъ мнѣніемъ на общее разсужденіе Синода, а которыя не важны и разсмотрѣніемъ ихъ рѣшены быть могутъ, рѣшали безъ предложенія Синоду по св. правламъ, государственнымъ правамъ и по содержанію присяжной вѣрности.

²⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. х. V, № 1592. Постановленіемъ, отъ 24 января 1726 г., рѣшено было „присланное сентября 20-го прошлаго 1725 г. преосв. Варлаама, архіепа. Кіевскаго, доношеніе съ описью о настѣнномъ письмѣ св. образовъ и крестовъ въ алтарѣ Кіевскія соборныя церкви, въ которомъ мусією изстари отъ благовѣрныхъ князей Россійскихъ писаны у Святителей и у Михаила и Гавріила архангеловъ на жезлахъ, держимыхъ въ рукахъ, кресты четвероконач-

благія его миссіонерскій намѣренія, какъ увидимъ ниже, не ижили мѣста

ныя, также и руки благословящія по преданію восходныя церкви, чему и рисунокъ приобщенъ для извѣстія ко обращательству раскольниковъ—передать вице-президенту св. Синода Теофилакту, архіепископу Тверскому и Кашинскому, вѣдавшему дѣла по обращенію раскольниковъ. Тамъ же, № 1714. Рисунки и описанія Софійскаго алтаря присланы были архіеп. Варлаамомъ съ такими замѣчаніями: «А гдѣ въ алтарѣ для древности повмпадала мусія, красками простыми иконы не такъ уже давно изображены; въ алтарѣ только въ верху Богоматере большій образъ, ниже же на правой и лѣвой страницахъ Хр. Спасителя и 12 апостолъ, да еще ниже святителей и архидіаконовъ Стефана и Лаврентія иконы мусією суть написаны и нынѣ въ цѣлости обрѣтаются; а по страницамъ правой и лѣвой св. трапезы, отъ самаго низу даже до верху, мусіи уже вѣтъ, и Богъ вѣсть, какъ она и когда пала, только многихъ святыхъ иконы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было прежде изстари мусією писано, простыми красками еще сказываютъ за П. Могилы, м. кievскаго, написаны подводы зѣло не искуснымъ мастерствомъ. Какіе были для обветшалости красокъ, тѣ иконы много постиралися, гдѣ Михаилъ и Гавріиль архангели не мусією, но красками были написаны зъ крестами четвероконечными. Да еще вѣ алтаря на столпѣхъ, гдѣ иконостасъ стоитъ, на фрамугахъ по обоемъ сторонамъ мусією же изстари выписаны суть иконы сорокъ святыхъ, которые въ рукахъ держатъ четвероконечные жъ кресты. Того для по свѣтломъ Воскресеніи сего 1725 г., по приговору всей братіи нашей Софійской, списавши тѣ постиравшіяся мѣстами красками писанныя иконы для памяти на бумагу новыя на тѣхъ мѣстахъ пописали изряднѣйшимъ писаніемъ живописнымъ иконы, прежде полученія сего указа». Опис. д. и д., храм. въ арх. св. Сян. V, ст. 350—351. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. № 1592. Позже, въ началѣ 40-хъ годовъ XVIII в., при разсморѣннй книги Теофилакта Лопатинскаго на Выговскіе раскольническіе вопросоотвѣты, *Арсеній Маіевичъ*, митрополитъ Тобильскій (впослѣдствіи Ростовскій), донесъ Синоду, «что ко исправленію ея требуется съ рукъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ изображеніе, на которыя раскольники ссылались и особенно съ руки преп. Марка гробокопателя необходимо срисовать копію, которая хотя ко исправленію той книги и не нужна, однако къ сочиняемой имъ, въ дополненіе той же книги, къ другой книгѣ жъ весьма

въ его миссіонерской практикѣ, въ которой онъ вѣялъ себѣ за образецъ

нужна и потребна, понеже оный преподобный руку тако прямо стоящую съ треперстнымъ сложеніемъ держать, какъ во Псалтири или Катихизисѣ печатается, и какъ рука св. апостола Андрея Первозваннаго имѣется. Да и я же,—продолжалъ Маціевичъ,—о той чудотворной преп. Марка гробоконателя рукѣ довольно проповѣдувалъ, какъ здѣсь въ Ростовѣ и Ярославѣ, такъ и гдѣ только мнѣ случилось бывать, послѣ отлучки съ Кіевопечерскаго монастыря въ 1729 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ. И въ ту пору въ цѣлости подлинно тая рука обрѣталася, такожь и послѣ того, уже во время бытія моего въ С. Питербурхѣ, было достовѣрное о цѣлости той руки извѣстіе. А нынѣ Кіевопечерскій архим. Тимоеей пишетъ, что у оного де преп. Марка гробоконателя всей правой руки не имѣется, а отъ котораго времени и съ какова случая—неизвѣстно, о чемъ не только мнѣ, но и всякому, надѣюся, правовѣрующему не безъ болѣзни и сожалѣнія. А всеконечно сдѣлался таковъ случай, по моему мнѣнію, проискомъ раскольническимъ, за слабымъ тамошнимъ смотрѣніемъ. Получивъ доношеніе Маціевича, св. Синодъ предписалъ архим. Тимоеею прислать непременно точную копию съ перстосложенія правой руки у преп. Марка гробоконателя, засвидѣтельствованную архимандритомъ и братією. Потомъ архим. Тимоеей донести, что правой руки преп. Марка гробоконателя дѣйствительно не имѣется, а съ какого времени—неизвѣстно, и дознать это онъ не могъ, потому что бывшіе при пещерахъ начальники померли, а нынѣшніе, какъ недавніе, равно и простые старцы не знаютъ. вмѣсто копія съ правой руки изъ Кіева прислана была въ Синодъ копія съ перстосложенія лѣвой руки преп. Марка, засвидѣтельствованная архимандритомъ и блюстителемъ пещеры преп. Антонія. Въ дѣлѣ находится и подлинный рисунокъ лѣвой руки преп. Марка. При доношеніи Кіевопечерскаго архим. прибавлено, что рисунки съ рукъ съ треперстнымъ сложеніемъ преп. Моисея Угрина, Іліи Муромца, Іосифа и Памена многоболѣзненнаго посланы м. Арсенію; „но у другихъ святыхъ руки или къ персямъ согбены прямо, у нихъ простерты къ корпусу прямо жъ, а у иныхъ на рукахъ пальцы разрушены и рисунокъ снять невозможно“. Св. Синодъ отправилъ копию съ рисунка, изображающаго лѣвую руку преп. Марка, къ м. Арсенію, а Кіевопечерскому архим. съ братією предписалъ имѣть неослабное наблюденіе за цѣлостію св.

миссіонерскую дѣятельность своего учителя Питирыма, и считалъ болѣе удобнымъ приводить къ церкви „путемъ штрафовъ и окладовъ“, чѣмъ словомъ убѣжденія и принаровленной къ понятіямъ заблуждающихся проповѣдью. Замѣчательно, что Рѣшилову предъ отправленіемъ въ Стародубье, въ качествѣ противораскольническаго миссіонера, не дано было никакой инструкціи, съ которой бы онъ могъ сообразовать свою противораскольническую дѣятельность въ слободахъ. Впрочемъ вопросъ о инструкціи былъ поднятъ одновременно съ назначеніемъ его какъ миссіонера въ Стародубье; еп. Иродіонъ въ упомянутомъ выше дописаніи Св. Синоду, отъ 6 іюля 1722 года, между прочимъ просилъ дать инструкцію „на пункты іеромонаха Рѣшилова“. Однако эту послѣднюю опредѣлено было дать только въ концѣ 1723 г., по новому представленію еп. Иродіона, чтобы „ему, Рѣшилову, для надлежащаго въ дѣлахъ отправленія, дана была инструкція, какъ и посланному для такого же отправленія іеромонаху Неофиту“. Прислана же она была при указѣ Свят. Синода, отъ 30 іюля 1724 г., т. е. почти въ тотъ самый моментъ, когда уже заканчивалась его миссіонерская дѣятельность въ стародубскихъ слободахъ, и была по общему своему смыслу и содержанію повтореніемъ инструкціи, данной іеромонаху Неофиту. По этой инструкціи, Рѣшилову, какъ и Неофиту, предписывалось производить публичныя разглагольствованія съ раскольниками, въ присутствіи мѣстныхъ властей и обывателей, главнымъ образомъ священниковъ и діаконовъ, и въ разглагольствіяхъ съ расколучителями поступать всегда умѣренно и осмотрительно. При этомъ рекомендовалось пользоваться «такими вопросо-отвѣтами, которые по правому св. церкви содержанію согласны и утвердительны, противному же ихъ раскольническому ученію обличительны, и въ тѣхъ вопросо-отвѣтахъ и во отвѣщаніяхъ утверждаться книгами“, укрѣпляющими истину благочестія и разрушающими и опровергающими раскольническое суетумріе. Относительно вопросовъ трудныхъ, недоумѣнныхъ и сомнительныхъ,

мошей. Опис. док. в д., хран. въ арх. Св. Синода. т. I (1542—1721 г.). Спб. 1868, Дѣло арх. св. Сян. № 403—262 о напечатаніи составленныхъ миссіонеромъ Неофитомъ и дополненныхъ преемвщ. Теофилактомъ Лопатянскимъ вопросоотвѣтовъ и о сочиненіи Арсеніемъ Маціевичемъ дополненія къ труду Лопатянскаго. Ст. 483—485.

рекомендовалось «дерзостно и самовольно не поступать», вопросы-ответы тщательно обдумывать, и даже, в случае надобности, обращаться за разрешением их в Св. Синодъ. И раскольниковъ въ подобныхъ случаяхъ рекомендовалось «къ скорому и неосмотрительному ответу неприступать, но отлагать на время удобное, въ которое возможно бы было имъ о тѣхъ сумнительствахъ справиться съ книгами». Противъ раскольниковъ упорныхъ и св. церкви непокорныхъ предписывалось не употреблять никакой жестокости и свободы ихъ не пресѣкать, и только «для вѣдома» записывать ихъ имена и ихъ разговоры, за исключеніемъ непреклонныхъ къ повиновенію раскольническихъ учителей, которые «токмо по домамъ ходи или укрываясь народъ прельщаюъ и къ своей противности привлекаютъ». Этыхъ послѣднихъ, прельщающихъ и къ своей противности привлекающихъ простой народъ, повелѣвалось подчиненнымъ миссіонеру священникамъ и причетникамъ, «какъ возможно имея», проводить къ нему, «за что имъ, священнослужителямъ, хотащее быть отъ Св. Синода награжденіе обѣщать». «А ежели никакими способами раскольническихъ учителей на разговоры достать будетъ невозможно, то навѣдываться такихъ мѣстъ, гдѣ наименѣе прельщены отъ нихъ, кромѣ собственныхъ ихъ раскольническихъ становъ, обрѣтаются, и навѣдався ѣхать въ тѣ мѣста... и увѣщавать ихъ благоусмотрительно такими увѣщаніями, которыя бы могли пользу принести и отъ заблужденія къ познанію истины обратить»... Вообще по инструкціи во всемъ рекомендовалось поступать «умѣренно и постоянно», чтобы дѣло обращенія и увѣщанія раскольниковъ было «безспорно» и свободно отъ «противныхъ, недостоверныхъ и подозрительныхъ дѣлъ»...¹⁾

Инструкція по общему своему смыслу совершенно ясна; она составлена въ чисто православномъ духѣ: увѣщавать, наставлять, объяснить—вотъ задача, которую она ставитъ православному миссіонеру у

¹⁾ Инструкція цѣликомъ напечатана въ Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. 1, стр. 130—137. Она состоитъ изъ 17 пунктовъ. — Инструкція Неофиту напечатана въ Брат. Словѣ 1889 г., № 14, стр. 443—451; помѣщена она и въ сочиненіи архим. Павла: «Замѣчанія на Поморскіе ответы». Въ рукописномъ видѣ она обыкновенно помѣщается при «Помор. Отв.» .

раскольниковъ. Не видно, чтобы тогдашніе противораскольническіе миссіонеры руководствовались основными ея началами въ своей миссіонерской дѣятельности; какъ Неофитъ, такъ и Рѣшиловъ поступали во всемъ противно основному ея духу. Иеромонахъ Неофитъ, по прибытіи въ Петроаводскъ, началъ съ того, что послалъ Выговцамъ, по примѣру еп. Пятирима, 106 вопросовъ. Выговцы, получивъ вопросы, ревностно принялись за составленіе отвѣтовъ, и долго отклонялись отъ разглагольствія подъ тѣмъ предлогомъ, что отвѣты еще не написаны. Такъ дѣло письменными словопреніями и окончилось. Еще неудачнѣе повелъ дѣло Рѣшиловъ въ Стародубскихъ раскольническихъ слободахъ. Прежде всего онъ сталъ заботиться о томъ, чтобы бородачи и раскольники никакого иного платья не носили, какъ старое, а именно випунъ съ стоячимъ клейнымъ козыремъ и ферези и однорядки съ лезкачимъ ожерельемъ; чтобы, въ случаѣ упорнаго нежеланія отстать отъ своей раскольнической прелести, платили двойной окладъ и пр. Словомъ, въ противность общему смыслу и направленію синодальной инструкціи, онъ, какъ бы намѣренно, употреблялъ всяческія мѣры, чтобы отклонить и отвратить раскольниковъ отъ православія, и вовсе не заботился о тихомъ, кроткомъ и безопасномъ разглагольствіи съ раскольниками, о ихъ несогласіяхъ съ православною церковью, какъ требовалъ 1 пунктъ синодальной инструкціи. Увѣщанія и разговоры съ раскольниками, по предмету ихъ несогласій съ церковью, онъ видимо считалъ дѣломъ второстепеннымъ, если не третъестепеннымъ, по крайней мѣрѣ въ своей стародубской противораскольнической дѣятельности ставилъ ихъ позади другихъ мѣръ воздѣйствія. Денежный штрафъ, тюремное заключеніе, палки—обычныя приемы всей миссіонерской дѣятельности иеромонаха Юсифа Рѣшилова¹⁾. Вообще она отличалась болѣе полицейскимъ, чѣмъ миссіонерскимъ характеромъ, т. е. сборомъ денегъ, розыскомъ раскольниковъ, съ допущеніемъ понудительныхъ и насильственныхъ мѣръ. Епископъ Продіонъ, въ дирекціи котораго состоялъ Рѣшиловъ, былъ, вообще говоря, плохимъ директоромъ, какъ потому, что не зналъ раскола и раскольниковъ, такъ и потому, что повидимому онъ больше всего былъ занятъ расширеніемъ своей архіей-

¹⁾ Опис. докум. и д., хран. въ арх. Св. Синода. II, прилож. XII. II. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1386, 241—242.

ской власти, вмѣшиваясь во все и всюду, чѣмъ о надлежащемъ ей исполненіи. Св. Синоду въ то время приходилось нерѣдко умѣрять разбрасывающуюся въ разныя стороны дѣятельность своихъ миссіонеровъ, и обращать ихъ вниманіе на ихъ прямыя обязанности—«имѣть усердное и нелицемерное попеченіе во обращеніи раскольниковъ увѣщаніями кроткими, а не принужденіями, и до надлежащихъ съ нихъ за тѣ расколы сборовъ не касаться»¹).

Миссіонерская дѣятельность Рѣшилова въ Стародубѣ началась приблизительно съ ноября 1722 г., когда ему еп. Иродіономъ были назначены помощники «для сыска и увѣщанія раскольниковъ», а также и для сбора штрафныхъ денегъ съ несповѣдававшихся по Черниговской епархіи съ 1718 г. Этими помощниками были: намѣстникъ Каташинскаго монастыря Александръ и Стародубскій протопопъ Ѳеодоръ Подгурскій. О послѣднемъ съ особенною похвалою отзывался еп. Иродіонъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Св. Синоду, называя его человѣкомъ „разумнымъ, въ божественномъ писаніи искуснымъ“ и горячимъ поборникомъ православія²). Къ участію въ сыскѣ и обращеніи раскольниковъ были привлечены и другія лица изъ мѣстнаго стародубскаго духовенства: протопопскій намѣстникъ Игнатій Стрѣлковскій, Петропавловскій священникъ Игнатій, а также и сельскіе священники: Стефанъ Сацковскій, Савва Замишевскій, Иванъ Курковичскій и др., наиболѣе соприкасавшіеся съ мѣстными раскольниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Стародубѣ образовался Приказъ или Комиссія духовныхъ дѣлъ, управителями которой были: протопопъ, его намѣстникъ, Петропавловскій священникъ Игнатій; самъ Рѣшиловъ подчиненными ему священниками и другими лицами назывался «конисаромъ Св. Правительствующаго Синода». При комиссіи состояла для письменныхъ дѣлъ и особая контора или канце-

¹) П. с. п. и р. по в. прав. исп. V, № 1789. О преосв. Иродіонѣ прекрасная статья помѣщена въ Ист. опис. черн. еп. 1, стр. 75—89. Это былъ человѣкъ съ рѣзкимъ и неуступчивымъ характеромъ, хотя и любилъ св. церковь ревностно и безкорыстно, по словамъ автора указанной статьи.

²) По другимъ современнымъ свидѣтельствамъ протопопъ Подгурскій плохо понималъ обязанности своего духовнаго званія. См. Журналъ Судіеяки, стр. 106.

лярія, въ которую подъячимъ былъ назначенъ наказнымъ полковникомъ П. Корецкимъ нѣкій Михаилъ Яновскій, состоявшій предъ тѣмъ при стародубскомъ магистратѣ; къ ней же были причислены и особыя лица «для поимки борадачей и раскольниковъ», особый караульщикъ для арестованныхъ и пр.

Противораскольническое миссіонерско Рѣшилова въ Стародубѣ открылось призывомъ въ стародубскій магистратъ представителей слободъ—бурмиистра и войтовъ, и объявленіемъ имъ здѣсь слѣдующихъ указовъ: «первое—о платежѣ за расколъ двойнаго оклада; второе—о образцовомъ старомъ платѣ, которое вслѣно носить раскольникамъ и борадачамъ; третіе—о приходѣ къ опредѣленному по раскольничьимъ дѣламъ іеромонаху Юсифу Рѣшилову на увѣщанія и разговоры». Слободскіе представители указы выслушали, заявили готовность подчиниться имъ, приняли съ нихъ и копии, обьявившись ихъ распубликовать по всѣмъ слободамъ, и въ томъ дали подписку бурмиистръ и войты въ числѣ 17 человекъ. Мало того, слободской бурмиистръ Ерема Карповъ обѣщаль Рѣшилову, что на «разглагольствія» съ нимъ онъ представитъ не только мѣстныхъ учителей и начетчиковъ, но и «учителей вѣтковскиххъ премудрыхъ и смыслъ святаго писанія вѣдущихъ», и говорилъ при этомъ, что если «не послушаютъ меня и не придуть во отвѣтствіе за всѣхъ за насъ, о упованіи нашемъ, то де учинятъ намъ весьма непотребны и ненадобны». Скоро однако раскольники совершенно измѣнили свои отношенія къ Рѣшилову и стали открыто ему противодействовать.

Главнымъ центромъ слободскаго раскольническаго управленія съ 1716 г. т. е. со времени образованія описныхъ государевыхъ раскольническиххъ слободъ, какъ извѣстно, сдѣлалась слобода Зыбкал; въ ней находилась волостная или „судная изба“ и жилъ слободской бурмиистръ Ерема Карповъ. Совершенно понятно, что Рѣшиловъ съ своими сотрудниками главное вниманіе обратилъ на эту слободу, и отъ успѣха въ ней справедливо ожидалъ дальнѣйшихъ благопріятныхъ результатовъ въ своемъ миссіонерскомъ дѣлѣ по другимъ слободамъ. Но здѣсь то именно онъ и натолкнулся прежде всего на препятствія разнаго рода. Когда онъ въ послѣднихъ числахъ ноября того же 1722 г. съ протопопомъ Подгурскимъ и другими лицами прибылъ въ слободу Зыбку

для переписи раскольниковъ, имѣя собственно въ виду только пополнить перепись Ергольскаго и узнать количество новоприбылыхъ съ 1716 г., то сразу же долженъ былъ убѣдиться, что почва для его миссіонерской дѣятельности была неблагоприятна и не обѣщала хорошихъ плодовъ и въ будущемъ. Оказалось, что объявленные въ стародубскомъ магистратѣ раскольникамъ указы не были опубликованы „въ судной ихъ избѣ“ и по слободамъ, и что они вовсе не хотѣли подчиняться этимъ указамъ, ваявно называя ихъ только «списками». Самъ бурмистръ Ерема Карновъ, «презельный злохитрецъ и на вѣру православную гонитель и протчимъ раскольникамъ нечестиваго еретическаго зломудрствованія учитель», какъ аттестовалъ его Рѣшиловъ, скрылся, и никакіе розыски, даже чрезъ посредство мѣстныхъ казаковъ, не могли обнаружить, гдѣ онъ находится. Миссіонеры, опираясь на данныя имъ Св. Синодомъ полномочія, рѣшились прибѣгнуть къ силѣ, чтобы на первыхъ же порахъ сломить упорство раскольниковъ; но и это крайнее средство оказалось недействительнымъ и повело еще къ большому озлобленію слобожанъ противъ нихъ. Имъ удалось только запечатать домъ бурмиистра Карнова, арестовать его сына, еще двухъ человекъ изъ Зыбовскихъ раскольниковъ; до переписи «незаписанныхъ, тайныхъ раскольниковъ», ихъ недопустили собравшіеся во множествѣ мѣстные слобожане; въ толпѣ были раскольники и изъ сосѣднихъ раскольниковыхъ слободъ. Впослѣдствіи Зыбовцы обвиняли Рѣшилова съ товарищами въ разореніи слободы Зыбой «противъ указовъ» и въ грабительствѣ бурмиистра двора¹⁾.

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, стр. 167, ст. 2. Противъ этого раскольничьяго обвиненія въ стародубскій магистратъ подалъ протестъ свящ. Игнатій Петропавловскій, въ которомъ говорилъ, что де въ послѣднихъ числахъ подбры 1722 г., когда Іосифъ Рѣшиловъ и протопопъ съ товарищами были для описи въ слободѣ Зыбой, въ то же время „противъ указовъ“ тамошней слободы разоренія и двору бурмиистрову грабительства не было. 13-го Февраля 1724 г. «отпасной Е. И. В. волости войты—Семень Ягуновъ, Никита Ивановъ, Василей Ивановъ, Яковъ Артемовъ, Ѳедоръ Семеновъ, Ив. Ивановъ, Ив. Ѳедоровъ» писали слѣд. доношеніе Стародубскому полковнику Ив. Леонтьевичу Кокошкину: „Въ прошломъ 721 г., Е. И. В. указъ, каковъ состоялся о перепискѣ

Еще болѣе неудачно и печально окончилась попытка устроить въ слободѣ Зыбкой, съ разрѣшенія Св. Синода, православную церковь, „ради обращенія обращающихся раскольниковъ“. Стародубскіе миссіонеры и въ данномъ случаѣ дѣйствовали быстро и рѣшительно, не соображаясь съ общимъ настроеніемъ мѣстныхъ раскольниковъ: они наняли плотниковъ и отправили ихъ въ слободу, чтобы осмотрѣть прежде всего «мѣсто, гдѣ удобнѣе всего построить церковь». Собравшіеся толпой раскольники не допустили плотниковъ до своей слободы, били ихъ «смертнымъ боемъ» и говорили, «чтобы ихъ въ воду посадить, или до смерти убить». Такъ церковь въ Зыбкой въ то время и не была построена¹⁾.

Но что особенно сильно вооружило слободскихъ раскольниковъ противъ Рѣшилова и сдѣлало его ненавистнымъ среди нихъ, такъ это требованіе двойнаго оклада за расколъ, да при томъ еще съ 1716 г. Если требованіе двойнаго оклада крайне раздражало всѣхъ раскольниковъ, вездѣ вызывало бунты и даже кровавыя столкновенія съ представителями власти, то тѣмъ болѣе оно должно было тяжело отозваться на стародубскихъ раскольникахъ, уже привыкшихъ къ извѣстному привилегированному положенію сравнительно съ другими раскольниками, жившими во внутренней Россіи и сѣверовосточной и юговосточной ея окраинахъ. Не напрасно же по всей вѣроятности въ то время говорилъ умный крестьянинъ Максимъ Медвѣдевъ, что «отъ двойнаго оклада вся

раскольниковъ... и о положеніи двойнова окладу, которые обрѣтаются въ купечествахъ и гражданскихъ жителей, окромѣ пограничныхъ слободъ, которыя Е. И. В. отграничены. А сего 1724 г. іером. Іосифъ Рѣшиловъ, которой присланъ въ Стародубъ для изысканія бѣглыхъ, а нынѣ оной Рѣшиловъ требуетъ переписка во отписныхъ Е. И. В. слободахъ, которые указами Е. И. В. отграничены, а оному Рѣшалову оныя слободы переписывать невалѣбно, а двойной окладъ плотить отъ 717 г. и понинѣ. Того ради просимъ вашего благородія, дабы оному Рѣшилову указомъ Е. И. В. отсрочали до приѣзду бурмистра Еремы Карпова, и чтобы намъ отъ него, Рѣшилова, порознь не разоитися». Ibidem, № 1385, стр. 242.

¹⁾ Тамъ же, IV, 158, 167. Плотники протестовали противъ «смертнаго боя» въ Стародубскомъ магистратѣ: такъ протестомъ дѣло, повидимому, и окончилось.

Россія разрушилась», что многие отъ него ушли изъ російскихъ городовъ въ Польшу и прочія иностранныхъ государствъ мѣста¹⁾. Стародубскіе миссіонеры на первыхъ же порахъ такъ вооружили противъ себя раскольниковъ однимъ этимъ требованіемъ двойнаго оклада, что явилась опасность за личное ихъ существованіе «среди раскольниковъ опаснаго неприяущества». Еп. Иродіонъ уже въ своихъ первыхъ донесеніяхъ Св. Синоду указывалъ на затруднительность положенія миссіонеровъ именно съ этой стороны и настаивалъ на необходимости личной ихъ охраны при посредствѣ солдатъ. Это же требованіе, вмѣстѣ съ другими миссіонерскими мѣрами церковно-гражданскаго характера, ограничивавшими привилегированное положеніе раскольниковъ въ Стародубѣ и власть надъ ними кievско-стародубскаго великороссійскаго начальства, которому слободскіе раскольники были подчинены въ 1716 г. по резолюціи Петра I, вооружило противъ Рѣшилова и его помощниковъ Киевскаго генераль-губернатора и Стародубскаго коменданта. Къ этимъ своимъ прямымъ начальникамъ слобожане теперь и обратились, прося у нихъ себѣ помощи и защиты отъ присланнаго Св. Синодомъ православнаго миссіонера, чтобы избѣжать „находящихъ обидъ“.

Кievскимъ генераль-губернаторомъ въ то время былъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой. Ходатаемъ предъ нимъ отъ лица всѣхъ слобожанъ явился самъ бурмистръ, извѣстный намъ Ерема Карповъ, человекъ умный, хитрый и толковый, умѣвшій ладить съ властными людьми. Онъ обратился къ кн. Трубецкому съ письменнымъ доношеніемъ, въ которомъ просилъ разъяснить, насколько справедливы и законны требованія миссіонера Рѣшилова, обращенныя имъ къ слобожанамъ, относительно двойнаго оклада за расколъ, образцоваго платья и т. д. Обращеніе слобожанъ къ кievскому генераль-губернатору было не напрасно; князь Трубецкой оказалъ имъ большую помощь и самымъ очевиднымъ образомъ сталъ на ихъ сторону. На донесеніе Карпова князь Трубецкой от-

¹⁾ Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Синода, VI, стр. 24. Онъ не считалъ себя раскольниковъ, хотя и крестился двуперстно, полагая, что дѣлаетъ такъ по преданію св. отецъ; что «въ церковь ходить, исповѣдываться и причащаться желаетъ, да попы до того не допускаютъ за истинное крестное знаменіе»...

вѣчалъ письмомъ на его имя; сущность этого письма въ донесеніи Св. Синоду еп. Иродіона изложена такъ: «письмо де ваше, притомъ (копію) съ двухъ указовъ, присланныхъ изъ Синода къ Черниговскому епископу о раскольникахъ, обрѣтающихся въ гражданствѣ и купечествѣ, которые объявилъ вамъ іеромонахъ Рѣшиловъ, и хочетъ въ вашихъ слободахъ людей и всякіе позитки переписывать и съ 716 году двойной окладъ имать, получилъ... Ежели де оной Рѣшиловъ имянно о нихъ (стародубскихъ раскольникахъ) изъ Синода указъ имѣеть, то и спорить не надлежитъ; а ежели онъ такого указу, кромѣ помянутыхъ, не имѣеть, то объявить ему, что по тѣмъ указамъ до васъ не касается; понеже де вы Его Императорскаго Величества указомъ обложены денежнымъ окладомъ съ 716 году,—а по указамъ де, присланнымъ въ Киевскую губернію изъ правительствующаго сената, изображено о раскольникахъ, кромѣ тѣхъ, которые при границахъ обрѣтаются, и о семъ де надлежитъ вамъ объявить, гдѣ надлежитъ»¹⁾. Такимъ образомъ, по толкованію князя Трубецкаго выходило, что тѣ указы, которые объявлены были 1 ноября 1722 г. Рѣшиловымъ представителямъ раскольничьихъ слободъ въ стародубскомъ магистратѣ, до нихъ вовсе и не касались. Такое заявленіе главнаго для слободскихъ раскольниковъ начальника, какъ и естественно, должно было послужить рѣшительнымъ противовѣсомъ дѣйствіямъ Рѣшилова, и окончательно поколебать его миссіонерскіи авторитетъ. Вдобавокъ оно было сдѣлано почти въ самомъ началѣ его миссіонерской дѣятельности въ Стародубѣ. А 22 іюня 1723 г. князь Трубецкой предписывалъ стародубскому коменданту Ильѣ Пашкову: „описныхъ слободъ обывателей отъ находящихся обидъ охранять, и до разоренія и ни до какого убытка и налога не допускать..., и къ помянутому Рѣшилу никого не отсылать, и объявить ему, дабы онъ, Рѣшиловъ, до тѣхъ описныхъ слободъ ни въ чемъ не интересовался, ибо оныя слободы имяннымъ Его Императорскаго Величества указомъ отписаны и въ диспозиціи нашей остаются... А

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, стр. 155, ст. 1. Тамъ же въ справкѣ приведено и извлеченіе имяннаго указа 14 февраля 1716 г. Этимъ указомъ повелѣвалось положить въ двойной окладъ купцовъ и крестьянъ изъ раскольниковъ, кромѣ тѣхъ, которые живутъ близь рубежа. 1-е П. С. З. Р. имп. т. V, № 2991.

ежели помянутой Рѣшила въ тѣ слободы боѣе станетъ вступать, то онаго прикажемъ не честью оттодь выслать вонъ, ибо тѣ слободы къ великороссійскимъ не причествуютъ...¹⁾ Положеніе было таково, что самому директору (еп. Продіону) приходилось останавливать то дѣло, къ которому онъ былъ призванъ виѣстѣ съ іеромонахомъ Рѣшиловымъ вышею духовною властію, или по крайней мѣрѣ умѣрять излишнюю миссіонерскую притязательность своихъ ближайшихъ помощниковъ относительно раскольниковъ. Весьма характеристично въ этомъ отношеніи письмо еп. Продіона къ Рѣшилову, отъ 29-го августа 1723 г. Вотъ что писалъ епископъ—директоръ: „Подъ часъ бытія моего въ Кіевѣ у превосходительнаго господина генерала—губернатора, князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, когда при разговорѣ змінка сталася о честности твоей, дался его превосходительство съ тѣмъ чюти: велѣлъ де и того монаха тамъ въ Стародубѣ выбити, что подкоманднымъ нашимъ великое звѣрство чинить. Чего ради остерегаю честность твою: будь отселѣ опасенъ, дабы ни чести своей и на здоровью ущербу какого не дозналъ, излишество всякое и жестокость оставивши, умѣренно поступаи, дабы къ намѣренію своему противниіи ваши не имѣли откуду причины на честность твою сыскать...²⁾).

Князь Трубецкой, какъ надо полагать, не былъ по существу противникомъ соединенія раскольниковъ съ православною церковію; онъ по-видимому только несочувственно относился къ тѣмъ миссіонерскимъ приемамъ, какіе практиковали при увѣщаніи и обращеніи раскольниковъ Рѣшиловъ и его сотрудники. По всей вѣроятности его обижала и оскорбляла также и излишняя притязательность іеромонаха Рѣшилова и еп. Продіона, которые заботились не только о соединеніи старообрядствующихъ раскольниковъ съ православною церковію, но и претендовали получить надъ ними полную и рѣшительную власть во всѣхъ отношеніяхъ; желали, чтобы слобожане были въ полномъ ихъ распоряженіи не только въ церковномъ, но и гражданскомъ отношеніи. Что князь Трубецкой на первыхъ порахъ не былъ противникомъ Рѣшилова и его противораскольниковскаго миссіонерства, показываетъ его первоначальная пере-

¹⁾ Тамъ же, IV, № 1386, стр. 241, ст. 1—2.

²⁾ Тамъ же, стр. 242, ст. 1.

циска о томъ съ епископомъ Иродіономъ. Письмомъ, отъ 11 октября 1722 г., епископъ—директоръ извѣщалъ Кіевскаго генераль—губернатора о назначеніи Рѣшилова противораскольническимъ миссіонеромъ въ Стародубѣ, о построеніи церкви въ злободѣ Зыбкой и о пресѣченіи доступа раскольникамъ за границу. Въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 13 октября, князь Трубецкой весьма категорично высказался, что съ его стороны затрудненій въ соединенію раскольниковъ съ православною церковію и къ построенію церкви въ слободѣ Зыбкой быть не можетъ и не будетъ, и только относительно пресѣченія доступа раскольникамъ за границу замѣтилъ: «непропускомъ пограничныя заставы запираеть безъ позволеннаго намъ Его Императорскаго Величества указу не надлежитъ.»¹⁾ Въ началѣ 1723 года, подъ вліяніемъ доношеній слободскаго бурмистра Карпова и стародубскаго коменданта Ильи Пашкова, главнаго мѣстнаго начальника слобожанъ-раскольниковъ, кіевскій генераль—губернаторъ совершенно измѣняетъ свое отношеніе къ миссіонеру: онъ повелѣваетъ комендату охранять слободскихъ обывателей «отъ находящихъ обидъ, не допускать ихъ до разоренія и ни до какого убытка и налога», и даже грозить «выбить» миссіонера «не честию» изъ Стародубья за то, «что подкоманднымъ нашимъ великое звѣрство чинить». Съ точки зрѣнія князя Трубецкаго дѣятельность іеромонаха Рѣшилова съ помощниками была противна Высочайше установленному положенію о стародубскихъ раскольникахъ, подчиненныхъ «диспозиціи» кіевскаго генераль—губернатора и положенныхъ по царскому указу въ денежный окладъ, не въ примѣръ прочимъ раскольникамъ, неприрубежнымъ. Между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, миссіонерская дѣятельность Рѣшилова съ помощниками нерѣдко выражалась въ томъ, что миссіонеры «описныхъ слободскихъ обывателей по торгамъ и по дорогамъ ловили и грабили», чинили имъ «не малыя разоренія и обиды, били и мучили» и творили другія «подозрительныя дѣла», забывая, что во всѣхъ своихъ миссіонерскихъ «дѣйствахъ», «яко вину конечную», должны были полагать «славу Божию и спасеніе душъ человеческихъ» (15 п. инструкции). Вотъ почему намъ представляется по меньшей мѣрѣ крайнимъ то мнѣніе, что князь Трубецкой «высоко цѣнилъ интересы раскола» и былъ жалкимъ сыномъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 237, ст. 2; стр. 238, ст. 1-2; стр. 245, ст. 1-2.

истиннаго православія. Прицателямъ князи Трубецкаго замѣтилъ, что онъ высоко цѣнилъ интересы православія и дѣлательно поддерживалъ ихъ, какъ Кіевскій генералъ—губернаторъ, защищая западнорусскихъ православныхъ людей въ предѣлахъ Польши, какъ показываютъ его представленія русскимъ дипломатамъ въ Польшѣ, напр. Ягужинскому¹⁾.

Кромѣ того князь Трубецкой былъ точнымъ, строгимъ и умѣлымъ исполнителемъ воѣхъ распоряженій высшаго начальства какъ гражданскаго, такъ и духовнаго. Такъ не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1724 г. князь Трубецкой доносилъ св. Синоду о томъ: долженъ ли онъ, по силѣ именнаго Его Величества указа 12 августа 1724 г., вновь переписывать раскольниковъ, живущихъ на польскомъ рубежѣ, и слѣдуетъ ли ихъ въ платѣжѣ за содержаніе раскола, денегъ подчинить опредѣленію св. Синода 30 сентября того же года? Въ разрѣшеніе перваго изъ возбужденныхъ княземъ Трубецкимъ вопросовъ св. Синодъ велѣлъ ему вѣдомость съ прежней 1718 г. переписи отослать въ Рованскую Раскольническую дѣл канцелярію, а о второмъ доложить Его Императорскому Величеству; но было-ли послѣднее исполнено—неизвѣстно. По переписи же 1718 г. въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полкахъ раскольниковъ значилось 3112 челов.; всѣ они, кромѣ 1519 р. обшихъ государственныхъ повинностей, за принадлежность къ расколу денегъ не платили²⁾. Въ томъ же 1724 г. князь Трубецкой отправилъ въ правительствующій сенатъ донесеніе о дѣйствіяхъ іеромонаха Іосифа Рѣшидова и стародубскаго Петропавловскаго священника Игнатія по обращенію ими въ православіе Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ. Въслѣдствіе донесенія князя Трубецкаго, что іеромонахъ Рѣшидовъ и подд. Игнатій, находившіеся въ Черниговской епархіи для увѣщаній раскольниковъ, «считать Стародубскихъ слободъ обывателямъ обиды и разореніе и въ мѣстечкахъ того Стародубскаго, также и Черниговскаго полковъ по

¹⁾ Прававл. къ Черниг. епарх. изв., 1884 г., № 22, стр. 914—915. О представленіяхъ князя Трубецкаго Ягужинскому Ист. Рос. Соловьева, т. XIX, 57.

²⁾ Опредѣленіе св. Синода отъ 30 сентября 1724 г. см. въ Полн. соб. пост. и росп. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1378. П. С. З. т. VII, № 4553. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Сил. IV, ст. 131.

торжкамъ и по дорогамъ тѣхъ обывателей грабятъ, правительствующій сенатъ постановилъ: «Слѣдовать по тому доношенію въ Малороссійской коллегіи, понеже въ сообщенномъ изъ св. Синода въ сенатъ іюня 2 дня 1724 г. вѣдѣніи объявленъ Его Величества указъ, что повелѣно челобитчиковъ, которые бьютъ челомъ на духовныхъ, удовольствовать и суду той Малороссійской коллегіи быть тѣмъ духовнымъ послушнымъ». Св. Синодъ съ такимъ опредѣленіемъ сената не согласился, объявилъ, что процитованный сенатомъ указъ «въ Малороссійской коллегіи дѣйство чинить повелѣваетъ объ однихъ токмо тамошнихъ обывателяхъ—Малороссійцахъ, а не о посылаемыхъ изъ св. Синода управителяхъ, о такихъ партикулярныхъ дѣлахъ, какъ дѣло Рѣшилова, по состоявшемуся на докладныхъ синодскихъ пунктахъ 15 марта 1721 г. Е. И. В. собственноручному указу, велѣно челобитчикамъ на духовныхъ нигдѣ не бить челомъ, токмо въ Синодѣ». На этомъ основаніи св. Синодъ 13 января 1725 г. постановилъ: «по вышеозначеннымъ на іеромонаха Рѣшилова и на попа Игнатія доносамъ въ Малороссійской коллегіи слѣдованія не производить, а допросить его, Рѣшилова, о всемъ противъ доносовъ въ Синодальной канцеляріи, обстоятельно, съ полниною очисткою, по пунктамъ (Полн. Собр. постан. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1454). О таковомъ опредѣленіи св. Синодъ сообщилъ Сенату. Какъ принялъ сенатъ синодское вѣдѣніе и былъ ли допрошенъ Рѣшиловъ—изъ дѣла не видно¹⁾.

Само собою понятно, что при указанныхъ условіяхъ никто изъ стародубскихъ раскольниковъ для споровъ и разговоровъ о вѣрѣ къ Рѣшилову не являлся. Не удалось ему вызвать раскольниковъ на разглагольствія о вѣрѣ и во время своихъ поѣздокъ по слободамъ, какъ онъ о томъ ни старался. Оставалось испытать еще одно средство—написать увѣщательное и обличительное посланіе къ раскольниковамъ по поводу ихъ отдѣленія отъ православной церкви. Посланіе было написано и послано по назначенію; но, понятно, не произвело желаемыхъ результатовъ среди стародубскихъ раскольниковъ. Это первое увѣщательно-обли-

¹⁾ Опис. доп. и д., хр. въ арх. св. Сян. т. IV, № 444—214, ст. 456—457. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1223 П. С. З. т. VII, № 4523.

чительное посланіе іеромонаха Рѣшилова, обращенное ко всѣмъ стародубскимъ слобожанамъ и адресованное на имя бурмистра Карпова, не сохранилось и по своему частнѣйшему содержанию не извѣстно. По всей вѣроятности Рѣшиловъ, подобно Неофиту, поставилъ въ немъ нѣсколько вопросовъ и требовалъ отъ раскольниковъ, чтобы они, обсудивъ эти вопросы по существу, съѣхались съ нимъ потомъ для разглагольствованій о вѣрѣ. На такой характеръ посланія указываетъ отчасти и коллективное раскольниковъ письмо отъ 19 мая 1723 года, служащее повидимому отвѣтомъ на посланіе. Въ немъ раскольники писали: «Г. І. Х. С. Б. п. н. а. Отъ многогрѣшныхъ рабовъ Божіихъ, именно отъ Еремѣя Карпова съ товарищи и отъ войтовъ и отъ всѣхъ мірянъ вашей честности господину іеромонаху Іосифу съ товарищи здраствовать на вѣки. Вѣдомо вашей честности буди, получали мы, многогрѣшныя сироты, вашей честности письмо, чтобы мы съѣхались для разглагольствованія ради духовныхъ дѣлъ. И ваша честность, пожалуй, на насъ не гнѣвайтесь: которые у насъ были люди на такое духовное дѣло способные, и тѣ, отъ твоего прежняго страху и угнѣсенія, всѣ разбѣжались безъ вѣсти, и при нихъ разбѣжалось многое число и простыхъ людей. А у насъ теперь съ вашей честностію разглагольствовать въ духовной бесѣдѣ не кому; а, ваша честность, о нашей вѣрѣ съ нашими людьми разглагольствія у милости твоей множество было въ прежнемъ житіи твоемъ, и, ваша честность, нашу вѣру всю въ конецъ самъ знаешь. И теперь мы въ той же вѣрѣ стоимъ и надежду имѣемъ на всемилостиваго Бога: кто ее до конца сохранитъ, молящихъ Господь Богъ не оставитъ; а иной вѣры мы не желаемъ. А ваша честность спасайся, какъ знаешь»¹⁾.

Приведенное отвѣтное письмо слобожанъ на первое посланіе Рѣшилова вызвало съ его стороны другое отвѣтное обличительное посланіе. Въ немъ онъ прежде всего обличалъ раскольниковъ, что у нихъ нѣтъ учителей, способныхъ на духовное дѣло, и писалъ именно: «Господину Еремѣю Карпову съ товарищи вѣдомо буди: письмо ваше заручное всѣхъ войтовъ получилъ мая 21 дня, и, прочетши намъ въ комиссіи, послали

¹⁾ Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода, т. 1, стр. 588 Г—Д.— П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. IV, № 1323, стр. 169, ст. 1; № 1386, стр. 242, ст. 2.

къ епископу въ Черниговъ съ прочими письмами, сообща ваму противность указамъ монаршии... ваши отговорки, что не имѣете мудрыхъ учителей днесь. И то ваше укрывательство и не правда: любий убо не-неправду, ненавидитъ свою душу; потребить Господь вся глаголющая лжу; живыхъ и чародѣйцовъ часть есть въ сзерѣ огненномъ. А жва ваша явна есть: первый принципалъ и учитель вашъ пустопопъ Борисъ, правяше возличное стадо, смѣшавное съ дивными звѣрми, житель Воронковскій или Вавилонскій; второй принципалъ пощиче муликковщина... Дмитрій, житель Лужка. А то де вы правду писали, что я все ваше дѣло знаю,—и попросту рещи, что дворъ, то учитель, а что баба, то типикъ; не соромъ вамъ молчати, коли нечего сказати». Обличивъ заявленіе раскольниковъ, что будто бы у нихъ нѣтъ учителей, Рѣшиловъ далѣе улазываетъ неосновательность и тщету ихъ упованій спастись въ расколъ. «Кую себѣ надежду вы стѣжали прoderеливи и тажко винные»? спрашиваетъ обличитель. «Сами вы вѣсте и вся Украина, что я не свою волю творю, но пославшаго мя Государя. А вы пишете въ письмѣ своемъ, падѣтеся спастися въ своемъ расколѣ, а оное и поважное благочестіе, иже Императоръ нашъ благочестивый содержитъ со всѣмъ осло-віемъ православіемъ, посполито отвергли сими словесы: мы де иной вѣры не желаемъ,—явѣ, что поругнулись спасенію Государеву. Се ли подданство ваше его власти монаршой! Се ли повиновеніе и работѣние!» Сдѣлавъ затѣмъ выводъ, что раскольники являются «богопротивными богоучиненной власти» и «богоборцами», обличитель разсматриваетъ расколъ съ церковно—догматической стороны и приходитъ къ тому же заключенію, что въ расколѣ спастись невозможно, такъ какъ въ немъ нѣтъ всѣхъ седми тайнъ церковныхъ», и что невозможно «быть христіанину безъ епископа и безъ церкви и безъ св. мвра». Интересны для хара́ктеристики современнаго стародубскаго поповщинскаго раскола и тѣ заключительныя мысли обличительнаго посланія Рѣшилова, въ которыхъ онъ весьма мѣтко и обстоятельно обрисовалъ раскольниковъ—поповцевъ, неизмѣнившихся и неизмѣнившихъ свой способъ дѣйствованія и понкнѣ. «Вѣмъ», писалъ миссіонеръ, «черницы, мужики выборные и войты ваши держатъ мѣсто епископское, прельщаютъ нашихъ поповъ православныхъ, невѣдущихъ писанія, и впадаютъ въ мрежи ваши, и заводите ихъ въ лѣсы, и повелѣваете имъ отрицатися своего рукоположившаго епископа.

3596

М. Дилеевъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РАСКОЛА НА ВѢТКѢ

И ВЪ СТАРОДУБЬѢ

XVII—XVIII вв.

ВЫПУСКЪ II.

(Продолженіе). 3

Н Ъ Ж И Н Ъ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1 9 0 4.

Печатано по постановлению Конференции Историко-Филологического Института
Князя Безбородко. Директоръ Института Ф. Гельбке.

Бая на немъ хиротонія останется отъ вашего простонароднаго прощенья, а духовникъ его не имать власти хиротонисати, ниже разрѣшити, по свидѣтельству богоносныхъ отецъ нашихъ. Ей—ей, по истинѣ глаголю, а не отъ вражды: книгъ имѣте множество на прелесть грубѣйшимъ и на тщеславіе народное; а весь законъ вашъ виситъ въ словѣ единомъ: по нуждѣ закону преиъненіе бываетъ... Апостола пишетъ о іерействѣ и о жертвѣ ветхозаконной преиъненіе быти, а отъ новой благодати іерейству и жертвѣ во вѣки быти въ васъ ли отщепенцахъ, но точію въ насъ, въ грекороссійской церкви"... Въ заключеніе миссіонеръ гровитъ раскольникамъ немилостью Государя. „А за противность вашу, что обругали вѣру, коже самъ благочестивый Монархъ содержитъ, вскорѣ ожидайте резолюціи, понеже въ писемъ своемъ за всѣхъ войтовъ руками отверглися; не восхотѣте благословенія, и удалится отъ васъ"...¹⁾.

И это увѣщательно—обличительное посланіе не произвело надлежащаго дѣйствія на раскольниковъ. Они и теперь были глухи и невнимательны къ увѣщаніямъ и обличеніямъ миссіонера; призывъ его къ соединенію съ православною церковію и на этотъ разъ не нашелъ отвѣта въ ихъ сердцахъ. Противъ этого вторичнаго письменнаго увѣщанія раскольники—слобожане ограничились лишь краткимъ письмомъ на имя Рѣшилова. „Вѣдомо вашей честности буди“, писалъ „Еремѣй Карповъ съ товарищи и съ войты и со всѣми міряны“: „получили мы отъ вашей милости письмо сего мая 27 числа, а отписи отъ насъ никакой не ожидай, того ради, что мы къ вашей милости прежде сего писали обо всемъ; при семъ спасайся“²⁾. Такъ неудачно закончилась послѣдняя попытка Рѣшилова вызвать раскольниковъ на разглагольствованія о вѣрѣ. вмѣсто публичныхъ состязаній въ лицѣ его представителей, для него теперь оставался только путь частныхъ бесѣдъ съ отдѣльными личностями, наиболее „прельщенными и прельщающимися“. Согласно инструкціи, этихъ послѣднихъ слѣдовало миссіонерамъ „увѣщавать благоумотрительно такими увѣщаніями, которыя бь могли пользу принести

¹⁾ Тамъ же, IV, № 1323, стр. 169—170, ст. 1—2.

²⁾ Тамъ же, IV, № 1386, стр. 242, ст. 2.

и отъ заблужденія къ познанію истины обратитъ“, избирая притомъ „удобное время и мѣсто, кого когда увѣщавать возмогутъ“.

Для сужденія о томъ, какъ «благоусмотрительно» миссіонерствовали Рѣшиловъ съ своими помощниками среди стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ, нѣкоторый подходящий матеріалъ можетъ быть извлеченъ изъ донесеній въ Кіевскую губернскую канцелярію стародубскаго коменданта Пашкова, показаній нѣкоторыхъ раскольниковъ при слѣдствіяхъ о нихъ и наконецъ изъ показаній самаго Рѣшилова, данныхъ имъ по разнымъ случаямъ Св. Синоду и пр. Изъ донесеній Пашкова оказывается, что Рѣшиловъ и его помощники на первыхъ же порахъ среди стародубскихъ раскольниковъ начали дѣйствовать крайне безтактно и даже жестоко. Уже въ началѣ 1723 г. въ стародубское комендантское управленіе поступило «челобитье отписныхъ слободъ жителей Андрея Стрищева съ товарищами о охраненіи ихъ отъ находящихъ имъ обидъ и о недопущеніи ихъ до разореній и никакого убытка и турбацей». Дѣло началось съ того, что стародубской Іоанно-предтеческой церкви «дьячекъ со школьниками, собрався многолюдствомъ, пришедъ на дворъ тѣхъ же отписныхъ слободъ ко вдовѣ Одинцовой, на которомъ стоялъ войтъ Андрей Стричей, и, втаца онаго во дворъ, били смертнымъ боемъ при свидѣтеляхъ». Въ то же время самъ іеромонахъ Рѣшиловъ попадавшися ему въ руки слободскихъ обывателей заключалъ «въ погребъ», и тѣмъ только возбуждалъ къ своей дѣятельности общее недовѣріе и беспокойство среди раскольниковъ¹⁾. Еще поразительнѣе данныя о обидахъ и разореніяхъ стародубскихъ слобожанъ отъ іеромонаха Рѣшилова и его помощниковъ, собранныя въ доношеніи Севату Кіевской губернской канцеляріей, отъ 23-го іюля 1724 г. Здѣсь говорится, что слободскимъ обывателямъ нельзя разъѣзжать по мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ для покупокъ ради своихъ домашнихъ нуждъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 241, ст. 1—2. Андрей Стричевъ былъ войтомъ слободы Лужковъ, въ которой поселился вмѣстѣ съ братомъ Артеміемъ Никифоровымъ Стричевымъ въ 1694 г. Послѣдній былъ осадчямъ слободы Лужковъ. По мѣсту первоначальнаго жительства они были посадскіе люди г. Бѣлева. М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 118.

потому что Рѣшиловъ разослалъ письма къ подчиненнымъ ему священникамъ и другимъ лицамъ, чтобы «тѣхъ описныхъ обывателей по торгамъ и по дорогамъ ловили и грабили, и присылали бы ихъ къ нему, Рѣшилову, и попу Игнатію», и что указанныя лица пользовались этимъ разрѣшеніемъ въ широкой мѣрѣ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Въ реестрѣ, приложенномъ къ доношенію и состоящемъ изъ 23 пунктовъ, приведены между прочимъ слѣдующіе конкретные случаи, имѣющіе значеніе и какъ характерныя данныя для бытовой жизни стародубскихъ слобожанъ того времени.

1. «Иеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ описной слободы Еленки жителей: Федора Шлаудкина и др., которые ѣздили въ малороссійскіе города, для продажи коноплянаго масла, и оной Рѣшиловъ въ Черниговѣ оныхъ еленскихъ жителей изымавъ, и грабежомъ взялъ 5 лошадей съ телѣги и съ хомуты, 4 пуды коноплянаго масла, и со всякою при нихъ рухлядью.

2. Въ черниговскомъ у., въ с. Черновичахъ, онъ же, Рѣшиловъ, ваѣхавъ описной слободы Еленки жителей: Тита Поддеренку, Андрея Бухтина, Кондратя Носова, Харитона Смольячихина, которые ѣздили въ оное с. Черновичи для ваять закатью своего хлѣба .., изымалъ еленскихъ жителей и пограбилъ 6 лошадей, 6 возовъ разнаго хлѣба, 6 хомутовъ, и со всякою при сихъ рухлядью.

3. «Петропавловской поль Игнатій пограбилъ описной слободы Еленки Андрея Холщевникова, а грабежомъ взялъ 32 чети ржи, которую купилъ онъ, Холщевниковъ, въ Стародубѣ.

6. «Стародубовскаго уѣзда Ропской поль Володимеръ Зыбковскихъ жителей изымалъ по дорогѣ: Ивана Васильева, Павла Степанова, Сергѣя Емельянова, и привелъ въ Стародубовское, во дворъ къ старостѣ Якову Федорову, которые ѣздили въ Конотолскій уѣздъ для ваять закатаго своего хлѣба... И оной поль, со старостою, Зыбковскихъ жителей, забивъ въ колодки, держалъ многое время, а лошадей де и ихъ морилъ голодною смертію недѣли съ двѣ.

8. «Катошинскаго монастыря чернецъ Александръ у описной слободы Шаломовъ у жителей: Ивана Ульянова, Павла Кириллова, Якова Захарова, которые прѣѣзжали по подряду стародубскаго мѣщанина Демьяна Григорьева, для ваять пеньки, и оной чернецъ съ подданными

своими у упомянутых шаломовских жителей отнял 6 берковцев-пеньки.

10. «Стародубовскаго уѣзда, села Понуровки попъ Федоръ Васильевъ описной слободы Воронка жителя Федора Савельева, который ѣздилъ въ помянутое село Понуровку для продажи рыбной съ сыномъ своимъ, — и оной попъ, изымавъ ихъ, билъ дубьемъ смертно и пограбилъ возъ рыбы, да денегъ отбилъ 10 рублей.

11. «Катошинскаго монастыря чернецъ Александръ описной слободы Зыбкой жителей Василья да Ив. Макаровыхъ, которые ѣздили для взятъя долговъ своихъ — денегъ въ с. Катошинъ къ жителю Андрею Скоропадкѣ, и оной чернецъ, изымавъ Макаровыхъ, билъ смертно и держалъ долгое время въ тюрьмѣ, а грабежомъ взялъ 8 рублей.

12. «Стародубовскаго уѣзда, м. Ропска, господина полковника Толстого староста и войтъ, да господарь Евсейей, Черниговскаго уѣзда описной слободы Радульи жителя Ивана Никифорова, которой ѣхалъ съ Москвы, и оной староста, и войтъ, и господарь, изымавъ онаго радульскаго жителя, били смертно и пограбили одну лошадь, 3 тюка китайки, 5 шубъ, крашенины 130 аршинъ, 8 золотниковъ жемчугу, 7 фунтовъ мыла, 3 рубахи, 2 платка шелковыхъ, 1 платокъ бѣлой, вышитъя золотъ, 1 штаны нестрединные, 1 хомутъ, 1 сѣделку, 2 уады ременные, 2 чюлки, 1 рукавицы.

15. «Стародубовскаго жъ уѣзда с. Сняго-Колодезя попъ Павелъ описной слободы Зыбкой жителя Подрябинникова, которой приѣзжалъ въ с. Манюки для взятъя долга своего и для продажи рыбной, и оной попъ, онаго Подрябинникова въ ономъ с. Манюкахъ изымавъ, билъ смертно и грабежомъ взялъ рыбы самины возъ, рукавицъ 200 паръ, соли возъ, мѣшокъ конопель.

17. «Стародубовскаго жъ уѣзду, господина Рагузинскаго слободы Туросны дьячокъ Родіонъ, описной слободы Орденки жителя Михайла Хорохорина, которой приѣзжалъ въ помянутую слободу Туросну для продажи коноплянаго масла, и оной дьячокъ ево, Хорохорина, изымавъ, билъ дручьемъ, масло и деньги пограбилъ.

21. «Того жъ у. м. Ропска г. полковника Толстого староста Осипъ Линевицъ описной слободы Блимовой жителей: Марка Семенова, Сергія Оеотчистова, Ивана Шампула, Якова Голядника, которые ѣздили въ оной

Ропскъ для продажи соли и для покупки на нужды домашнія хлѣба,— и оной староста Линеничъ, изымавъ Климовскихъ жителей, пограбилъ 5 лошадей съ хомутами, 2 сѣдла съ потниками, конопель осмину, безѣнъ соли, 2 четверти ячменю, полторы четверти овса, 2 шубы бараньи, четвертку ржи, топоръ русской, 300 ступокъ соли, кафтанъ бѣлой сермяжной, денегъ 2 руб. 26 алт. 4 деньги, рукавицы, ножикъ“....’).

Правдоподобность взводимыхъ на Рѣшилова Пашковымъ обвиненій, относительно обидъ и разореній слободскихъ раскольниковъ, подтверждается нѣкоторыми безпорными данными, засвидѣтельствованными самимъ миссіонеромъ. Въ данномъ случаѣ представляетъ интересъ показаніе раскольниковскаго старца Александра. Пробыравсь въ началѣ 1724 г. изъ Керженскихъ лѣсовъ, въ сообществѣ съ старцемъ Іоной, черезъ Калугу и Брянскъ, на Вѣтку, онъ былъ задержанъ казаками с. Гарцова, Стародубскаго у., и отданъ іеромонаху Рѣшилову, представившему его (Іона бѣжалъ) въ розыскную раскольниковскихъ дѣлъ канцелярію въ Москвѣ. Здѣсь Александръ разсказалъ, что Рѣшиловъ, сопровождая его изъ Стародуба въ Черниговъ, дорогою захватилъ десять человѣкъ крестьянъ «пограничныхъ слободъ», отнялъ у нихъ 10 возовъ хлѣба и 11 лошадей; что хлѣбъ продалъ въ с. Черногачѣ, а лошадей оставилъ въ Черниговѣ. По поводу этого обвиненія, когда оно было предъявлено Рѣшилову, онъ, не отрицая самаго факта, объяснилъ Св. Синоду: на пути изъ Стародуба въ Черниговъ взялъ онъ «не пограничныхъ слободъ жителей, а Стародубскаго уѣзда слободы Еленки десятникова сына Андрея и съ нимъ другихъ раскольниковъ и борадачей, человѣкъ 7 или 8, и взялъ за то, что помннутый Андрей и другіе той слободы раскольники въ перенискѣ и въ платежѣ за расколъ двойнаго оклада учинились стародубскому Петропавловскому священнику Игнатію противны: въ слободу не пустили, а бывшихъ съ нимъ казаковъ и солдатъ были и изъ ружья ранили, о чемъ въ полковой канцеляріи и дѣло производится. Бывшій при взятыхъ имъ раскольникахъ хлѣбъ, а сколько четвертей

1) Х. Тамъ же, IV, № 1454. Дѣло о несогласіи Св. Синода на опредѣленіе правит. сената о изслѣдованіи въ Малороссійской Коллегіи дѣйствій іеромонаха Рѣшлова и свящ. Игнатія Стрыйковскаго. Стр. 311—315, ст. 1—2.

не упомянуть, онъ отобралъ и продалъ за 8 рублей, которые издержалъ на проѣздъ съ раскольниками въ Москву, а 11 лошадей отдалъ на кормъ въ Черниговскій архіерейскій домъ¹⁾). Такова была миссіонерская «умѣренность», обязательная по синодальной инструкціи для миссіонера.

Были и довольно соблазнительные случаи въ миссіонерской практикѣ іеромонаха Іосифа Рѣшилова, какъ показываетъ дѣло св. Синода о присылкѣ изъ Кіевской губернской канцеляріи въ св. Синодъ двухъ раскольниковъ для изслѣдованія доноса ихъ на іеромонаха Іосифа Рѣшилова (Опис. док. и д., хран. въ архивѣ св. прав. синода, № 351/210, стр. 345—347). Такъ бѣглая крестьянка слободы Верхняго Городца, Болоховскаго уѣзда, Аксиныя Шадурова заявила стародубскому коменданту подполковнику Пашкову: «въ нынѣшнемъ 1724 г., въ февралѣ мѣсяцѣ, бѣжала она съ мужемъ и дѣтьми и старицею керженскихъ дѣсовъ Маремьяною въ стародубскіе посады, но была поймана въ с. Гарцовѣ и отослана въ Стародубъ къ іеромонаху Іосифу Рѣшилову, который отдалъ ее съ мужемъ и двумя сыновьями въ тюрьму, а двухъ дочерей и старицу Маремьяну взялъ къ себѣ въ келью. Черезъ двѣ недѣли одну дочь ея Лукерью прислалъ въ тюрьму, а другую Прасковью, какъ поѣхалъ въ Черниговъ, взялъ съ собою и на дорогѣ, бивши, изнасиловалъ и дѣвство ея растлѣлъ, и жилъ съ нею, какъ съ женою; изъ Чернигова возилъ, ради блуда же въ Москву, и только на возвратномъ пути въ Черниговъ отпустилъ изъ с. Уланова, Глуховскаго у., въ Стародубъ съ письмомъ къ Петропавловскому попу Игнатію, который и отдалъ ее подъ караулъ. Видя такое Рѣшилова ругательство и опасаясь впредь того жъ, она, оставивъ мужа и пожитки, съ сыновьями и дочерьми и старицею Маремьяною изъ подъ караула бѣжала въ канцелярію комендантскаго правленія». Доновъ этотъ Парасковья Шадурова подтвердила на допросѣ

¹⁾ Дѣло по доношенію Московской синодальной канцеляріи о разслѣдованіи введеннаго раскольническимъ старцемъ Александромъ, на бывшаго въ Чернигов. епархіи для изысканія и увѣщанія раскольниковъ іеромонаха І. Рѣшилова, обвиненія въ насильственномъ отнятіи у пойманныхъ около Чернигова раскольниковъ хлѣба и лошадей. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. сн. т. IV, № 470, 1729—1725 г., ст. 476—477.

въ комендантскоя правленіи, пояснивъ при этомъ, «что Рѣшиловъ растлилъ ея дѣвство въ с. Улановѣ противъ праздника Сочествія Св. Духа, отслушка всенощную, и блудилъ съ нею всю ночь, до свѣта». Пашковъ донесъ объ этомъ кievскому губернатору князю Трубецкому, по распоряженію котораго означенныя лица были вновь допрошены въ губернской канцеляріи, причеъ старика Маремьяна съ своей стороны показала, «что Рѣшиловъ блудилъ и съ нею подь праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, послѣ вечерни и до заутрени, также на страстной недѣлѣ въ великую пятницу, и блудя, въ церковь ходилъ и ей велѣлъ ходить, не обмывавшись». Таково это дѣло, видимо скабрзнаго свойства, по показанію потерпѣвшихъ. Между тѣмъ, по объясненію товарища Рѣшилова, Петропавловскаго священника Игнатія, дѣло происходило не такъ, какъ оно описано. 2-го іюня о. Игнатій писалъ Черниговскому еп. Иродіону Жураковскому: «26-го мая прислалъ въ Стародубъ іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ съ Уланова раскольникую черницу и дѣвку, которыя желали сообщитися св. греко-россійской православной церкви; но господицѣ комендантъ Илья Ивановичъ Пашковъ, увѣдомившись о присылкѣ оныхъ, рано 27 числа прислалъ солдатъ своихъ, которые насильно взяли черницу и дѣвку во дворъ его комендантскій, а о полудни комендантскіе жъ посыльные отбили караульню, гдѣ сидятъ колодники, и взяли насильемъ старую расколицу съ дочерью дѣвкою и хлопца малаго, а старика той же бабы и хлопца хвораго покинули, также забрали ихъ расколицей *буторъ* (хламъ, скарбъ, пожитки) съ мѣшками. Видичи таковыя нападки», заключаетъ о. Игнатій, «ужасаемся, и нельзя чего съ раскольниками починити, ибо весьма интересъ государевъ оный, комендантъ, уничтожаетъ». Св. Синодъ, обративъ вниманіе, что Пашковъ и Трубецкой въ данномъ случаѣ дѣйствовали противъ «именного Е. И. В. собственною рукою на докладныхъ синодскихъ пунктахъ 1721 г., марта 15 дня, подписаннаго указа, который изъ прав. сената печатнымъ, генваря 21 дня 724 г., листами во всѣ коллегіи и канцеляріи, въ губерніи и провинціи публикованъ, 13-го января 725 г. постановилъ: «оныхъ расколицъ, для освидѣтельствованія явной въ поруганіе свящ. чину вышепомянутой отъ коменданта Пашкова написанной вины, изъ Кіев. губ. канцеляріи прислать въ св. синодъ немедленно, и о томъ въ Кіевскую губернію послать указъ, въ которомъ

написать, чтобъ въ такія и тѣмъ подобныя духовныя дѣла впредь свѣтскія командиры вступать отнюдь не дерзали, и тѣмъ свящ. чину напраснаго ругательства и въ народѣ соблазна и посмѣянія не чинили“ (П. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. VI, № 1386, стр. 240). На это кн. Трубецкой доношеніемъ 4 января 1727 г. отвѣтилъ: «я здѣсь, въ Кіевѣ, главнымъ командиромъ, и Стародубовскій комендантъ Пашковъ и описныя слободы въ моей диспозиціи остаются. И вѣдал онъ, камендантъ, командира своего, ко мнѣ о томъ репортовалъ, по которому его доношенію, какъ есть моя должность, доносилъ я въ св. синодъ и съ того дѣла конія къ рѣшенію послалъ и требовалъ на это резолюцію, но въ то дѣло не вступалъ и розыска ни какого не дѣлалъ, и того дѣла не вершилъ, и тѣмъ указовъ и регламента не нарушилъ. А не доносить о томъ въ Синодъ отнюдь не возможно; понеже въ печатномъ указѣ 21 января 724 г., съ согласія прав. сената съ св. синодомъ состоявшемся, сказано: дѣламъ вѣдомымъ въ свѣтскомъ судѣ быть о любодѣяннн и о блудномъ насилнн. И потому прошу св. синодъ, дабы впредь не изволялъ на меня безвинно въ презрѣннн указовъ и въ нарушеннн духовныхъ регламентовъ нарекать, чему я и не подлежу, понеже посланное мое по тому дѣлу доношеніе въ св. синодъ къ нарушеннн указовъ и регламента весьма не приличествуетъ». Разсматривалъ-ли св. синодъ настоящій отвѣтъ кн. Трубецкаго—изъ дѣла невидно. Нѣтъ указаннн и о дальвѣйшей судьбѣ Шадуровой и старицы Маремьяны¹⁾.

Изъ дѣла св. Синода 1728 г. по прошенію статскаго совѣтника Василія Никитича Татищева о разводѣ его съ женою, видно, что Іосифъ Рѣшилловъ, въ то время игуменъ Раковского монастыря (въ Старицкомъ у., Тверской губ.), былъ виновникомъ разстройства семейной жизни и знаменитаго историка. Въ прошеннн отъ 1-го мая В. Н. Татищевъ просилъ Синодъ о расторгеннн брака съ своего женою Анною Васильевною Андреевскою, бывшею въ первомъ бракѣ за Реткинннн, за расточительность, прелюбодѣяннн и попытку лишннн его жизни отравленннмъ. Именно, относительно прелюбодѣяннн, Василій Никитичъ писалъ, что жена его, „забывъ Законъ Божій и свое предъ Богомъ обѣщаннн, прелюбодѣй-

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. Росс. Имп. т. IV, № 1459, ст. 318. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син.

ствовала съ игуменомъ Раковскаго монастыря, что въ Старицкомъ уѣздѣ, которому есть такое доказательство, что оной игуменъ, не имѣя никакова съ нами свойства, ниже со мною знакомства, противъ закона монашескаго многократно къ ней, женѣ моей, въ домъ ѣзди шланствовалъ, чрезъ цѣлыя ночи съ нею сживалъ, и въ хоромахъ у нея ночевывалъ; также и она, жена моя, къ нему ѣзди въ келью чрезъ цѣлыя ночи въ уединеніи пребывала, которому могутъ свидѣтельствовать бывшіе при ней служители, а именно: поваръ Коимъ Ивановъ, дворовой человекъ Ларіонъ Никитинъ съ женою Ульяною, да дѣвки Авдотья Иванова, Ульяна Федорова, вдова Дарья Григорьева. Сн же надѣюся, что и большіе доказательства знаютъ, и ежели токмо отъ истины не устранимся»¹⁾.

На основаніи вышеуказаннаго доношенія Кіевской губерніи канцеляріи, отъ 23 іюля 1724 г., Сенатъ 21-го сентября постановилъ: «по тому доношенію изслѣдовать о всемъ подлинно въ Малороссійской Коллегіи, и что по тому слѣдованію явится, о томъ прислать въ Сенатъ выписку съ подлинною очисткою, понеже въ сообщенномъ изъ св. синода въ сенатъ іюня 2-го нынѣшняго 724 г. вѣдѣніи объявленъ Его Величества указъ, что повелѣно челобитчиковъ, которые бьютъ челомъ на духовныхъ, удовольствовать и суду той Малороссійской Коллегіи быть тѣмъ духовнымъ послушнымъ, и св. правит. синоду о томъ вѣдать, а съ присланнаго изъ Кіевской губерніи доношеніи и реестра при семъ сообщается конія, а въ малороссійскую коллегію и для вѣдона Кіевскому губернатору указы изъ Сената посланы». Св. Синодъ не согласился съ постановкой вопроса въ Сенатъ о дѣйствіяхъ Рѣшилова въ качествѣ синодальнаго миссіонера, и 13-го января 1725 г., «разсуждая довольно, согласно приговорили: означеннаго іеромонаха, который шлѣ при С.-Петербургѣ, всемъ противъ показанныхъ доносовъ въ Синодальной канцеляріи допросить обстоятельно, въ сущую правду, съ подлинною о всемъ очисткою, по пунктамъ, и росписавъ приличныя къ тому правила и указы, предложить къ синодальному разсмотрѣнію. А прав. Сенату сообщить

¹⁾ Дѣло арх. св. сн., № 272—438. Опис. док. и д., хран. въ арх. прав. сн. т. VIII (1728 г.). Сиб. 1891 г. ст. 268—272.—С. С. Татищевъ: Родъ Татищевыхъ. 1400—1900. Историко-генеалогич. изслѣд. Сиб. 1900, стр. 84.

вѣдѣніе съ такимъ объявленіемъ, что стародубской командатъ Пашковъ будто о происшедшихъ отъ тѣхъ, іером. І. Рѣшилова и попа Игнатія, стародубскихъ слободъ обывателямъ обидахъ и разореніяхъ, доносить, отбывая показанныхъ на него отъ Рѣшилова прoderзостей, о которыхъ и правит. Сенату изъ св. Синода письменно прешедшаго 724 г., октября 9 и ноября 20 чиселъ сообщено (*ibidem*, №№ 1323 и 1386), чего для оному ево доносу вѣрить не надлежитъ, и слѣдованію о томъ причисляется быть въ духовномъ правительствѣ потому, что сообщенной изъ Синода въ Сенатъ іюня 2 прошлаго 724 г. Е. И. В. указъ, того же 724 г. марта 2 состоявшейся, въ Малороссійской Коллегіи дѣйство чинить повелѣваетъ объ однихъ токмо тамошнихъ обывателяхъ Малороссійцахъ, а не о посылаемыхъ изъ св. Синода управителяхъ (*ibidem*, № 1222), наипаче же что оной Рѣшиловъ посланъ изъ Синода для изысканія раскольниковъ и обращенія ихъ въ православную вѣру, то что оныя жъ раскольники, негодуя на него, можетъ быть и затѣваютъ напрасно. И о такихъ партикулярныхъ дѣлахъ, по состоявшемуся на докладныхъ синодскихъ пунктахъ марта 15 дня 731 г. Е. И. В. собственноручному указу, велѣно челобитчикомъ на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ токмо въ Синодѣ, того ради требовать, дабы по силѣ онаго Е. И. В. указа (1-е пол. собр. закон. рос. им. т. VI, № 3761), по вышеозначеннымъ на іеромонаха Рѣшилова и на попа Игнатія, о обидахъ, доносамъ въ Малороссійской Коллегіи слѣдованія не производить, и во изысканіи раскольническихъ лжеучителей препятія не чинить, и о томъ бы изъ правит. Сената во оную малороссійскую коллегію послать указъ, и что учинено будетъ для извѣстія св. Синоду сообщить письменно, какъ указы повелѣваютъ» (*ibidem*, № 1454, стр. 314—315). На этомъ дѣло и останавливается по данному вопросу.

Того же 13 Января 1725 г. состоялось синодское постановленіе по доношенію іеромонаха Іосифа Рѣшилова, отъ 4 декабря 1724 г., въ которомъ онъ требовалъ отъ прав. сената революціи по вопросу: на какомъ именно разстояніи отъ границы слѣдуетъ считать раскольниковъ за порубежныхъ, которые не подлежатъ, какъ живущіе вблизи рубежа, платежу штрафныхъ за расколъ и пошлинныхъ за вѣчныя памяти денегъ? Синодъ согласился съ основною мыслию доношенія Рѣшилова, и

постановилъ: «о оныхъ раскольникахъ, которые въ платежѣ надлежащихъ съ нихъ за расколъ окладныхъ денегъ и вѣчныхъ пошлинъ чинятся не послушны, называясь порубежными, а отъ польской границы жительство имѣютъ разстояніемъ версты по сту и больши и меньши, какъ съ ними въ сборѣ оныхъ за расколъ окладныхъ денегъ поступать, и въ коликомъ разстояніи отъ границы живущихъ пограничными вмѣнять, требовать резолюціи въ правит. Сенатѣ, и о томъ сообщить вѣдѣніе, въ которомъ написать синодальное мнѣніе: что со оныхъ раскольниковъ окладныя деньги надлежитъ брать, и которые тамо поселились, выбѣжавъ изъ великороссійскихъ городовъ, тѣхъ, учинивъ имъ наказаніе, по силѣ именнаго Е. И. В., въ нивовомъ походѣ о сибирскихъ раскольникахъ 1722 г. октября 15-го состоявшагося указа (Пол. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. рос. имп. т. II, № 882), высылать на прежнія мѣста, и о томъ, что учинено будетъ для извѣстія св. Синоду требовать письменнаго изъ прав. Сената увѣдомленія, а вѣчныя пошлины съ свадебъ ихъ брать по тому жъ какъ и съ прочихъ, купно и съ лазаретными, безъ всякаго упущенія, и оныя на лазареть собираемыя деньги присылать со обстоятельными репортами въ св. Синодъ, какъ указы повелѣваютъ неотложно» (ibidem, № 455).

11-го октября, во время вторичнаго обсужденія того же вопроса, вице-президенты, архіепископы: Новгородскій Теофанъ и Тверской Теофилактъ заявили, что въ 1724 г., когда они въ домѣ И. В. покойному Государю Императору „о мѣсторазстояніи отъ рубежей жительства раскольническаго, требуя изъясненія, упомянули напечатанный Е. И. В. указомъ указъ 716 г., февраля 8 дня, въ которомъ означено, чтобъ раскольниковъ описать, кромѣ живущихъ близь рубежей, тогда Е. И. В. навелъ сказать, что такого повелѣнія, дабы порубежныхъ раскольниковъ выключить, отъ Е. В. никому не бывало, о чемъ тогда же самъ Е. И. В. спрашивалъ сенатскаго оберъ-прокурора Вибинова, что гдѣ такой указъ записанъ, дабы то объявить Е. В., и онъ, оберъ-прокуроръ, обѣщавъ было тогда справиться о томъ въ Сенатѣ,—отчего сумнительство есть, что такого указа, можетъ быть, отъ самого Е. И. В. и не было“. (Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. IV, № 530—299, ст. 541—543). Не видно однакоже, что такое «сумнительство» удалось Синоду установить какъ фактъ, какъ онъ особенно старался это сдѣлать

въ царствованіе Екатерины I (П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. V, №№ 1669—1670, ст. 202—203. № 1674, п. 6, ст. 212—213).

Не церемонились съ миссіонеромъ и его помощниками и слободскіе раскольники. Въ самомъ г. Стародубѣ дѣятельность миссіонеромъ вызвала ожесточенный и дикій протестъ. На пасхѣ 1723 г. сдѣлано было нападеніе на соборную церковь, въ которомъ главная роль принадлежала старообрядствующимъ солдатамъ изъ команды стародубскаго коменданта Ильи Пашкова, «презельнаго раскольниковъ заступника», и сдѣлано было «во время литургіи, подѣ часть самой сѣловации». Въ протестахъ, занесенныхъ въ мѣстныхъ магистратскія книги протопопомъ и его намѣстникомъ, записано, что «солдаты Предтечевской церкви дьячка Ивана за волосы подѣ самыя царскія враты волочили, у которой де церкви былъ наказный полковникъ Петръ Корецкій съ прочими полковыми и магистратовыми особами, и аще бы не оборонили, то бы церковь божественная кровополитіемъ осквернилася». Около того же времени вышеупомянутый дьячекъ, „по древнему обыкновенію, ходилъ съ крестомъ славить Христа по приходскимъ дворамъ, и зашелъ въ Вонесенской приходъ на дворъ новообращеннаго отъ раскола въ православіе Ивана Матѣева, и невѣдомо де какихъ ради причинъ, вышедши изъ комнаты, раскольникъ Андрей Никифоровъ (которой живетъ въ слободѣ Лужкахъ въ страпчихъ) съ слугою своимъ и прочими раскольниками учинили съ дьячкомъ заводу, и изъ поминутыхъ де раскольниковъ одинъ рукою ударилъ по святомъ крестѣ, отчего де мало не весь погнулся и упалъ, а потомъ когда дьячка и всѣхъ съ нимъ причетниковъ били смертью, тогда и крестъ Господень ногами ругательно поширали»... Обстоятельства этого дѣла подтвердилъ потомъ Семень Моисеевъ, бывшій житель Гремяцкій, а въ то время въ Стародубѣ въ школѣ св. Іоанна Предтечи за подъячего правившій.¹⁾ Особенно злы были раскольники на самаго Рѣшилова и его дѣятельнаго помощника о. Игнатія Стрійковскаго: ихъ «бранили сквернобранными словами и забойствомъ похвалялися», т. е. грозили ихъ убить. Самому Рѣшилову не разъ приходилось получать увѣдомленія и

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. IV, № 1323, стр. 166—167, ст. 1—2. Ср. № 1386, стр. 241, ст. 1—2. О школѣ Іоанно-предтечевской упоминается и въ Computaxъ 1723 г., л. 319 об.

предостереженія въ этомъ смыслѣ. Такъ въ письмѣ къ нему отъ нѣкоего Якова Дружины говорится, что, по отъѣздѣ Рѣшилова изъ его усадьбы, ему въ тотъ же день сдѣлалось извѣстно, что Еленскіе раскольники въ числѣ 20 человекъ бѣжали за ними съ бердышами почти по пятамъ, съ цѣлью убить его въ Еленскомъ лѣсу. Священникъ Савва Замышевскій доносилъ въ Стародубскую комиссію раскольническихъ дѣлъ, что житель раскольничьей слободы Городища Константинъ Харлампіевъ Поляковъ говорилъ ему, чтобы онъ, Савва, въ Зыкую слободу не ходилъ: «какъ де Рѣшилова, такъ и тебя убьютъ, понеже де они на то сообщили». О. Стефанъ Сацковскій въ началѣ марта 1724 г., въ своемъ доношеніи въ ту же комиссію, представляетъ раскольниковъ членами какого-то религиозно-вооруженнаго братства, которые только и мечтаютъ о томъ, чтобы убить комисара Рѣшилова. „А комисара Рѣшилова, хотя и всѣ смертію постраждемъ, гдѣ бы напасть, то убить его“. Такъ говорилъ о. Стефану Климовскій раскольникъ Василій Хрущъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ, что „въ каждой слободѣ, въ каждомъ дворѣ, сколько есть человекъ, всякъ коосу, увязавши на правецъ, при себѣ держитъ, копыи таковыя имѣютъ при себѣ обо двухъ концахъ острия, желѣзные бердыши, тако жъ, аки бритва острые жъ, и съ собою возятъ, гдѣ бы слышали на якой слободѣ отца Рѣшилова и съ козаками“, и что для поимки Рѣшилова съ козаками посланы „съ каждой слободы, съ cadaго двора, по человекъ“¹⁾.

Духовная миссіонерская дѣятельность Рѣшилова въ Стародубѣ оказалась почти безплодной и безрезультатной. 3 октября 1724 г., когда уже Рѣшиловъ оставилъ Стародубье, онъ доносилъ въ Св. Синодъ, что „въ прошлыхъ 1722, 1723 и нынѣшнемъ 1724 годѣхъ въ равныхъ мѣсяцѣхъ ѣздилъ двократно въ Стародубскій полкъ и Черниговскій, для увѣщанія и описи раскольниковъ, также посланъ былъ Петропавловской церкви священникъ Игнатій двократно жъ съ солдатами и козаками Малороссійской Коллегіи, для онаго жъ раскольниковъ увѣщанія. И оныя

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1323, стр. 168, ст. 1; 167, ст. 2; № 1386, стр. 240—241, ст. 2—1. Ср. стр. 237. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Снн. т. III, № 441, 20 авг. 1724 г.; № 368, 22 нояб. 1726 г., ст. 453—455.

раскольщики во всемъ явились противны и посланные отъ нихъ раскольщиковъ смертнымъ боемъ биты и граблены, и отъ ихъ раскольническаго звѣрства всемъ православнымъ вспомошествовать стало немощно⁴. Во время своего двухлѣтнаго пребыванія въ Стародубѣ онъ пришелъ къ тому горькому убѣжденію, что „бѣсноватые раскольщики съ своими заблужденіями весьма не хотятъ у православныхъ пастырей въ послушаніи быть“. Изъ доношенія его Св. Синоду, отъ 4 декабря 1724 г., видно, что были раскольничьи слободы и келейные жители, которые рѣшительно отказались слушать Рѣшилова какъ миссіонера, не дали себя описывать и не хотѣли платить «оборочныхъ и повѣнечныхъ поплинъ»; это именно слободы: Елена, Воронокъ, Залужье, Климова, Мятковка, Свяцкая, Зыбкая, Добринка, Злыка, Тимошкинъ Поревозъ. Радулъ и келейные жители въ Холятинѣ дѣсь. «Да сверхъ того есть и прочія непокоряющихся раскольниковъ слободы», говорилось въ доношеніи. Счастливое исключеніе для Рѣшилова представляла слобода Млынка, принадлежавшая къ вотчинамъ свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меньшикова, вмѣстѣ съ другими—раскольниками, поселившимися въ вотчинахъ послѣдняго. Тутъ Рѣшилову удалось сыскать и обратить «къ соединенію греко-російскаго благочестія душъ съ полтретья ста», да записать въ расколъ подъ двойной платежъ 27 дворовъ, «за увѣщаніемъ и вспомошествованіемъ въ Почепской его свѣтлости канцеляріи, безъ всякаго препятствія, отъ управителя тѣхъ вотчинъ Гаврилы Никифоровича Лукина, предобраго рачителя по церкви святой»¹). Въ прошеніи, поданномъ имъ Св. Синоду 4 января 1726 г., въ которомъ онъ просилъ «уволить его отъ миссіонерскаго послушанія», объ успѣхахъ своей миссіонерской дѣятельности въ Стародубѣ онъ между прочимъ писалъ, что въ теченіи около двухлѣтнаго пребыванія въ Черниговской епархіи, «къ святой апостольской церкви сообщилъ человекъ съ 800», а съ упорныхъ раскольниковъ и не исповѣдавшихся собралъ «съ 1700 руб.»²).

¹) П. с. и. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1386, стр. 237, 239; № 1455, стр. 315—316, ст. 1—2.

²) Опис. докум. и д., хран. въ арх. св. Синода т. I, стр. 588, примѣч. Въ прошеніи на свое мѣсто къ увѣщанію раскольниковъ онъ

Къ положительнымъ результатамъ миссіонерской дѣятельности Рѣшилова въ Стародубѣхъ можно отнести и слѣдующее. Изъ письма его къ наказному гетману П. Л. Полуботку, отъ 21 мая 1723 г., видно, что, благодаря его настоянію, въ раскольниковской слободѣ Радулѣ была устроена Полуботкомъ православная церковь, именно онъ писалъ Полуботку: «за ревность же по церкви святѣй грекороссійской, яко благо-разсужденіемъ своимъ ктиторство воспріяли, *своимъ же иждивеніемъ въ слободѣ Радулѣ церковь Божественную построити*, за что отъ всемогущаго Творца сторицею въ спасеніе пріймете издодозданіе, монаршую милость, Святѣйшаго Правительствующаго Синода благословеніе, а отъ насъ ничто иное, только мое съ благодареніемъ принимающее поклоненіе вельможности вашей»¹⁾. Весьма вѣроятно, что этому обстоятельству слѣдуетъ приписать значительный успѣхъ у Радулцевъ позднѣйшаго миссіонера, протоіерея Журавлева, когда изъ Радулцевъ весьма многіе согласились принять законное священство, какъ и пресвященнаго Черниговскаго Михаила Десницкаго (1813—1818 г.г.), который, во время своего здѣсь пребыванія, силою своихъ вразумительныхъ поученій, многихъ слобожанъ примирилъ съ церковію²⁾.

Во время своей Стародубской миссіонерской дѣятельности іеромонаху Рѣшилову удалось также собрать и довольно обстоятельныя свѣдѣнія о поселившихся за границей великороссійскихъ раскольникахъ, какъ и вообще объ эмиграціонномъ движеніи раскольниковъ въ концѣ царствованія Петра I изъ Великой Россіи за польскій рубежъ, или, какъ выражается Рѣшиловъ, «въ польское паство, въ Ляхетчину». Для собиранія свѣдѣній о поселившихся за границей раскольникахъ отправленъ былъ имъ на Вѣтку и въ другія мѣста обратившійся изъ раскола Иванъ Бѣляевъ, именно «ради свѣдомства раскольниковъ, которые съ 1720 и 1721 годовъ

просиль опредѣлить, если соблагоизволено будетъ, нѣкоего Ѳедора Алексѣева сына Мясника, который знаемъ въ Москвѣ въ Цунской палатѣ.

¹⁾ Москов. Румян. Муз. арх. Маркевича, № 225. См. наши Нов. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубѣхъ XVII—XVIII вв. № 20, стр. 114—15.

²⁾ Верховскій, Т. А.: Стародубье. Ч. III, стр. 62—63. Ср. ч. I, стр. 18; ч. III, 82—85.

вновь ушли за границу Московскіе жители и разнымъ городовъ монастырскіе и боярскіе и всякихъ чиновъ люди»... Оказалось, что вновь населилось за польскимъ рубезкомъ 9 слободъ только на земляхъ Халецкаго и Краевскаго и около 300 дворовъ на Вѣткѣ и около Вѣтки по старымъ слободамъ. Раскольники селились вновь и на свободныхъ земляхъ пана Любомірскаго, за которымъ, по собраннмъ свѣдѣніямъ, имѣлось «слободъ съ пятнадцать и два монастыря». «И въ разныхъ мѣстахъ за Днѣпромъ и въ м. Кричевѣ и около м. Полоннаго и по разнымъ мѣстамъ, по пустынямъ и по заводамъ, писалъ Бѣляевъ, всѣхъ жителей тѣхъ раскольниковъ обрѣтается на примѣръ тысячей съ тридцать или больше, кромя старыхъ слободъ, народа русскаго... И всѣхъ раскольниковъ блазнить все несвященная церковь вѣтковская, которая за паномъ Халецкимъ, и оный Халецкій великій себѣ отъ нихъ, раскольниковъ, интересъ поучасть, а имперіи великой Россійской не малая тцета и убыль интересу и суммы, а душамъ христіанскимъ гибель»¹⁾.

Интересны и данныя, собранныя Іосифомъ Рѣшиловымъ о переходѣ изъ Великой Россіи раскольниковъ въ Ляхетчину, ихъ первоначальномъ мѣстѣ жительства, согласіяхъ и ученіи. Особенно много ихъ попало въ руки Рѣшилова и его агентовъ въ 1723 г. Вотъ характерныя черты въ ихъ показаніяхъ: 1) Кузьминъ—жилъ на Балахнѣ, вступилъ въ расколъ и «былъ въ согласіи» съ старицею Полиinarieю, что жила въ Керженскихъ лѣсахъ, недалеко отъ Ларионова починка, исповѣдывался и причащался у раскольническаго чернаго попа Никифора съ Яику,

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1386, стр. 238, ст 2; 239, ст. 1.—О *Кричевскихъ* старообрядцахъ нѣкоторыя свѣдѣнія за прошлый вѣкъ см. въ Опис. Кричевскаго „графства или бывшаго староста“ Андрея Мейера: ркп. библ. Имп. Казанскаго унив.верс., № 1543. Лѣт. зан. арх. ком. Вып. VП.—Опис. ркп., хран. въ библ. Имп. Каз унив. А. И. Артемьева.—Въ 1725 г. „раскольническій обращатель“, іером. І. Рѣшиловъ, донесъ св. Синоду о потаенныхъ раскольникахъ, находящихся въ Курскомъ, Обоянскомъ и Мирнопольскомъ уѣздахъ Бѣлогородской епархіи, о которыхъ ничего не доносилъ мѣстный еп. Епифаній, съ точнымъ указаніемъ мѣстъ ихъ поселенія, ихъ обрядовъ и пр. Всѣ раскольники были „согласія Вѣтковского попа Асафа и Александра“. Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Синода. Т. V, ст. 400—402.

занимался перевозомъ за рубежь раскольниковъ. 2) Гавриловъ—Балахонецъ, изъ дѣтства крестился двуперстно, «опознался» съ старцею Поливарьею, переводилъ старцевъ и старицъ на Вѣтку. 3) Васильевъ—Балахонецъ, Софонтьева согласія, вѣпчаецъ Керженскимъ попомъ Васильемъ, жилъ на Керженцѣ недалеко отъ Ларионова починка, близъ келіи старицъ Капитолины и Ириархіи того жъ согласія, перевозилъ изъ Воронжина починка за границу старицу Ненилу. 4) Евдокимовъ—впалъ въ расколъ въ 1716 г. со всею своею семьей въ Городцѣ, свезъ на Вѣтку свою жену и на обратномъ пути попалъ въ руки агентовъ Рѣшилова. 5) Кирсановъ—Балахонецъ, Городецкой волости, изъ дѣтства молился двуперстно, исповѣдовался и причащался у вѣтковского чернаго попа Литонія, свезъ на Вѣтку свою жену, трудника старца Якова, старицу Ириарху и еще неизвѣстныхъ ему по имени старицу и трудника, ѣхалъ взять на Вѣтку своего отца. 6) Пономаревъ—Нижегородецъ, Софонтьева согласія, изъ дѣтства исповѣдывался и причащался у бѣлаго попа Авраамія, свезъ за границу, на Вилеву слободу, гдѣ жилъ дяконовецъ черный попъ Андрей, двухъ раскольниковъ и на обратномъ пути пойманъ Рѣшиловымъ. 7) Старица Анисья—родомъ Городецкой волости, крещена раскольниковскимъ попомъ, пострижена такимъ же чернымъ попомъ Никифоромъ; когда была взята, въ то время съ нею ѣхало на Вѣтку изъ Керженскихъ келій 8 подводъ, на которыхъ было 16 старицъ и бѣлицъ. 8) Емельяновъ—Балахонецъ, раскольникъ «издревле», съѣхалъ на Вѣтку съ сестрой своею старицею Матроной и на обратномъ пути пойманъ; возилъ ихъ Зыбковскій раскольникъ за 5 руб. 9) Ивановъ—Заузельской волости, раскольникъ года съ 4 со всею семьей, духовника имѣлъ бѣлаго попа Авраамія, везъ изъ нѣяму на Вѣтку старицъ: Маремьяну и Авдогью. 10) Жуковъ—Вязниковецъ, раскольникъ, ѣздилъ на Вѣтку съ двумя семьями. 11) Ерофеевъ—работникъ Вязниковскаго посадскаго человѣка Мокія Тимошеева, наученъ расколу хозяиномъ, свезъ его на Вѣтку съ книгами и образами. 12) Схииница Теодора—родомъ изъ г. Романова (Яросл. губ.), за мужемъ была въ Казани, 45 л. тому назадъ пострижена въ Керженскомъ скиту Онуфріева согласія попомъ Досивеемъ, жила въ сосѣднемъ скиту подъ началомъ у матери своей Мары, у которой подъ началомъ было старицъ до 30, да «покоящиковъ» (дрова кололи?) мужчинъ человѣка по

два, схвачена на дорогѣ въ Вѣтку съ просфорой и агпцемъ, полученными будто бы отъ постригавшаго ее попа Досвѣси и другаго попа Онуфрія; созналась, что причащала этимъ агпцемъ раскольниковъ, которыхъ предварительно исповѣдывала, что правила съ своими келейницами утрени, вечерни, часы и молебны; ѣхала на Вѣтку провѣдать, чтобы самой переѣхать и другихъ перевезти туда; указала на притонъ Онуфріевцевъ въ Нижнемъ у Василія Максимова и Ивана Муратова, а въ Кузьмодемьянскѣ - у кузнеца Онисима Ѳомина. 13) Михайловъ—раскольникъ Ларионова починка, ѣхалъ на Вѣтку съ матерью и сестрой и старицей Ѳеодорой. 14) Матвѣевъ—раскольникъ отъ дѣда и отца, родомъ Костромичъ, жилъ на Москвѣ въ расколѣ за укрывательство 4 поочередно приходскихъ поповъ, изъ которыхъ одинъ, съ Краснаго пруда, по имени Евфимій, крестилъ у него дѣтей по старопечатному требнику, другой—Ѳеодоръ былъ съ Покровки отъ Предтечи, третій Василій, его духовникъ, оставя приходъ, жилъ по домамъ тайно; Матвѣевъ же указалъ на три скита - женскій старицы Доросеи, безъ указанія его мѣстоположенія, мужескій въ Семеновскомъ починкѣ и такой же Макарьевскій, гдѣ исповѣдывалъ и причащалъ бѣлый попъ Семень; съѣхалъ на Вѣтку, „*бѣлая отъ управления Питирима*“ и двойнаго оклада. 15) Ѳеодоровъ - родомъ Костромичъ, раскольникъ лѣтъ 15, ѣхалъ на пограничье въ слободу Зыбкую съ матерью, везъ и другихъ за деньги. 16) Захарова - родомъ изъ Суздальскаго края, безпоповщинскаго согласія, ѣхала на пограничье, гдѣ жилъ ея духовникъ Макарій. По ея показанію Макарій исповѣдывалъ ихъ такъ: «собравъ человекъ 30 или 40, исповѣдывалъ глухою исповѣдью, напоминая кійждой свой грѣхъ, соединенный въ разныхъ лицахъ человѣческимъ естествомъ, и нѣкую исповѣдь проповѣдывалъ будто скитскихъ отцовъ, и общее всѣмъ прощеніе давалъ, а по исповѣди проглашалъ сіе слово: «Богъ васъ простить, а вы де меня простите». А во ученіи де проповѣдывалъ: «плачьтеся, Богъ васъ не оставитъ»; а о причастіи—де толковалъ: «слезы-де намъ вмѣняются вмѣсто причастія, и вѣра наша правая, и по вѣрѣ-де нашей вся намъ готова отъ Бога». А погребеніе—де у нихъ однимъ канономъ, а крещенія—де младенцевъ у нихъ никакова не бывало». 17) Матвѣева—дочь православной матери, завезла мать свою насильно въ раскольниковую слободу Стародубскую Тимошкинъ Перевозъ, гдѣ она «въ раскольниковомъ сусвѣртіи и умре», какъ ни

старался спасти ее отъ раскола ея сынъ. 18) Ивановъ—родомъ изъ Юрьевца Повольскаго, увлеченъ въ расколъ въ Чернораменскихъ скитахъ учителемъ Меркуріемъ Григорьевымъ, который говорилъ ему «отъ св. писанія и отъ Ипполита о временахъ и о лѣтахъ, и о царствѣ антихристовѣ и о печати его, и о Иліи и о Енохѣ и о мерзости запустѣнія», и о прекращеніи таинства пригашенія,—послѣ чего и самъ Василій Ивановъ проповѣдывалъ «единомудренное согласіе» въ стародубской раскольнической слободѣ Чернецкой; ѣхалъ на границу съ 18 раскольниками. 19) Иванъ Григорьевъ—изъ Орла, увлеченъ въ расколъ въ Орлѣ учителемъ Ѳеодоромъ Ѳоминымъ, жилъ въ Ригѣ, гдѣ зналъ многихъ раскольниковъ, изъ Риги переѣхалъ на Вѣтку, гдѣ былъ въ духовенствѣ у попа Антонія; ѣхалъ во второй разъ на Вѣтку съ сестрой Марою и былъ Рѣшиловымъ пойманъ. Григорьевъ указалъ въ Орлѣ на нѣсколькихъ чловѣкъ раскольниковъ, въ томъ числѣ на сборщика Корякина, который, по его словамъ, «зналъ премножество всякихъ раскольниковъ» въ этомъ городѣ, и на пристанище раскольниковъ въ этомъ городѣ у Савелья Гатилина, жившаго въ Стрѣлецкой слободѣ. 20) Михайло Мартыновъ, Зыбковскій войтъ, крестьянинъ дворцоваго села Даниловскаго, деревни Хабаровой, поповщій наученъ съ малолѣтства дѣдомъ и отцомъ, отца духовнаго не имѣлъ на родинѣ лѣтъ съ 20; 25 лѣтъ тому назадъ поселился въ Зыбкой съ семьєю, гдѣ они духовными отцами имѣли раскольническихъ поповъ Александра Римлянина, Бориса Катужанина и Леонтія, жившаго въ Слободѣ Зыбкой. Мартыновъ вмѣстѣ съ бурмистромъ Карповымъ не допускалъ Рѣшилова до переписи слобожанъ. Послѣдній не былъ изъ числа пойманныхъ при переходѣ за рубежь; онъ былъ взятъ къ допросу за сопротивленіе миссіонеру Рѣшилову¹).

Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. I, ст. 583—585. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323 стр. 160—164. О старицѣ Анисьи см также № 1386, стр. 242—244. Она была заключена подъ началъ въ женскій монастырь подъ Новгородсѣверскомъ. Подводчику Акиму Ѳеодорову Пригарницкому, жителю Новгородскому, она разсказывала, что Рѣшиловъ „взималъ“ ее въ Почепѣ, взялъ «лошадей двоя и денегъ рублей съ 20» и нудилъ меня къ студодлянью, я его не послушала». При помощи того же Акама Пригарниц-

Въ числѣ пойманныхъ въ 1723 г. агентами миссіонера Рѣшилова, при переходѣ черезъ границу, былъ и «презельный раскольниковскій учитель Иванъ Парфеновъ, сынъ Подпруджниковъ» (21). На допросѣ онъ сказалъ, что лѣтъ съ 40 онъ крестится двуперстно, что въ 1705 г. „сѣхалъ“ за рубежъ на Вѣтку и былъ здѣсь въ духовенствѣ сначала у чернаго попа Θεодосія, а потомъ у брата его Александра, также чернаго попа, что «читая лѣтъ 30 Библию, печати Острожской, благовѣрнаго де князя Константія Константіевича, напечатанную—де въ 1581 г.», онъ нашелъ, что въ нынѣшнія времена исполняется апокалипсическое пророчество, заключающееся въ 20 главѣ: „седьмое де царство наше русское, возьмутъ де христіане во владѣніе Царьградъ“. Находя, что указаніемъ на 20 главу Апокалипсиса Подпруджниковъ коснулся «высокой чести Е. И. Величества», Рѣшиловъ не дерзнулъ дальше и разговаривать съ Подпруджниковымъ; онъ передалъ его своему директору, Черниговскому еп. Иродіону, который препроводилъ его въ только что почти образовавшуюся тогда Малороссійскую Коллегію для отправки въ сенатъ. Въ синодальной канцеляріи Подпруджниковъ подробно разсказалъ свою біографію и обстоятельства, при которыхъ сдѣлался раскольниковъ, и притомъ убѣжденнымъ раскольниковъ. Оказалось, что онъ родился въ Юрьевѣ Польскомъ и крещенъ былъ православнымъ священникомъ и «не противнымъ дѣйствомъ», т. е. не пораскольниковски. Еще мальчикомъ перебрался онъ съ своимъ отцомъ, посадскимъ человѣкомъ, по ремеслу сыромятникомъ, въ Москву, «гдѣ и учился церкви живоначальная Троицы, что въ Сыромятникахъ, у пономаря Мирона по старопечатнымъ книгамъ, и священное писаніе знаетъ. Какъ пришелъ въ совершенный разумъ и совершенный возрастъ, жилъ онъ въ приходѣ упомянутой церкви, въ посадѣ, въ Сыромятной слободѣ, и всякія подати платилъ, и по выбору слободскихъ людей службы служилъ, въ старостахъ и въ рагушѣ бур-

каго „черницы—старовѣрки“ были взяты раскольниками и изъ женскаго монастыря Печеницкаго. Онъ же разсказывалъ, что слышалъ въ слободѣ Воронкѣ, во дворѣ Петра Терентьева, когда собрались туда мѣстные раскольники, то «говорили обще всѣ»: *«оного де врага Божія, Ирода Рѣшилова, убить, гдѣ на уѣздѣ или въ городѣ, всеми силами старатися ильютъ».*

мистромъ и на пушечномъ дворѣ у приему и отдачѣ денежной казны, и сочтенъ и начету на немъ неявилося, и довольствовался мастерствомъ— дѣлалъ сыромитныя кожи, къ сѣдламъ подируги и имѣлъ торгъ въ лавкѣ⁴. О семейномъ своемъ положеніи объяснилъ, что женатъ и имѣеть трехъ сыновей, которые «учились у разныхъ чиновъ людей по старопечатнымъ книгамъ и божественное писаніе знаютъ». У мѣстныхъ священниковъ въ Москвѣ онъ, Подиружниковъ, жена и дѣти его исповѣдывались и приобщались, «и къ службамъ въ церковѣ ходилъ и священниковъ съ потребности въ домъ къ себѣ пускалъ; но потомъ, тому лѣтъ съ 17, съ женою и дѣтьми шелъ за польскій рубежъ въ Вѣтковскій Покровскій монастырь... А шелъ онъ не по договору чьему, но собою, уювая тамъ удобнѣе себѣ нитомство получить, понеже въ бытіе въ службахъ въ Сыромитной слободѣ пришелъ въ оскудѣніе; а пропускнаго письма у него не было, понеже въ то время и безъ пропускнаго письма проходить было свободно. И пришедъ къ Вѣтковскому старостѣ Халецкому, получилъ отъ него для житія пустой дворъ, съ котораго платилъ въ годъ по два рубля, и въ ономъ дворѣ жилъ подтретья года, и потомъ шелъ въ стародубскій уѣздъ, въ дворцовое село Еленки¹⁾. Въ этомъ дворцовомъ селѣ Иванъ Парфеновъ и жилъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтился въ Стародубѣ съ іеромонахомъ Юсифомъ Рѣшиловымъ. Въ періодъ своей Вѣтковской еленской жизни Подиружниковы уже въ православную церковъ не ходили, исповѣдывались и приобщались отъ присланнаго изъ за рубежа, именно съ Вѣтки, попа Бориса; но «церковныя преданія», настойчиво утверждалъ Подиружниковъ, «и прежде сего и нынѣ содержи и ни въ чемъ св. перкви никакой противности и расколу, кромяъ двоеперстнаго сложенія и старопечатныхъ книгъ, не имѣю». Оставить двуперстное сложеніе и старопечатныя книги Подиружниковъ рѣшительно отказался, и на допросѣ въ Синодѣ выразилъ только готовность платить за то двойной окладъ, какъ это онъ и всегда дѣлалъ по переѣздѣ въ Еленку, выплачивая сначала по 4, а потомъ по 12 и даже больше

¹⁾ По показанію Подиружникова онъ съѣхалъ за рубежъ на Вѣтку въ 1706 г., между тѣмъ по переписнымъ книгамъ Ергольскаго и Брянчанинова онъ съ семьей переселялся въ Еленку уже въ 1701 г. М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 118.

рублей въ годъ еленскимъ войтамъ, для отсылки въ Кіевогубернскую канцелярію. О своемъ злохитромъ и хульномъ мудрованіи въ Синодѣ онъ объяснилъ, что находилъ въ книгѣ Ездры и въ 20 главѣ Апокалипскаго пророчества о послѣднемъ времени: «въ нынѣшнсе де время Ездрино пророчесиво присутственно и дѣется де же по оному пророчеству; да и двадесатая глава Апокалипсиса Юанна Богослова зѣло по настоящему времени вся такъ чинятся и седмое царство наше русское нарицается; войдутъ хрстіане въ Царьградъ и во владѣніе себѣ возьмутъ, и агаряское злочестіе до конца истребится отъ благочестиваго царя». Св. Синодъ усмотрѣлъ «великую противность» Подпруджникова чести Его Величества, что онъ такимъ образомъ принималъ пророчества изъ Ездры и Апокалипсиса, и 9-го іюля 1723 г. опредѣлялъ отослать его для розыска въ Тайную Канцелярію. 1-го февраля 1724 г. послѣдняя сообщила Синоду, что „раскольникъ Подпруджниковъ сперва по увѣщанію архіерейскому троекратно не покоренъ пребывалъ въ противномъ своемъ толкованіи, а потомъ онъ былъ пытанъ и съ розыску винился и говорилъ, что впредь такъ толковать не станетъ, а съ кѣмъ оное толковалъ и изначала обученъ, тѣ всѣ померли, а потомъ и онъ Подпруджниковъ умре“. Отъ роду ему было 70 лѣтъ. Предметъ его толкованій о послѣднемъ врѣмени въ извѣстной степени совпадаетъ съ бреднями Донскихъ раскольниковъ конца XVII в., пона Самойла и др. Возможно, что толкованія Подпруджникова имѣли и преемственную связь съ донскими черезъ чернаго попа Θεодосія, живалшаго на Дону до Вѣтковской своей дѣятельности¹⁾.

Не смотря на эти положительныя, повидимому, результаты, миссіонерская дѣятельность іеромонаха Рѣшилова въ Стародубѣ, тѣмъ не менѣе,

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. вкл. т. IV, № 1323 ст. 171. Опис. док. в д., хран. въ арх. св. Сия. т. I, ст. 577—588; т. III, ст. 340—343. Дополн къ Акт. Ист. т. XII, № 17, стр. 144, 187. Дружинявъ: Расколъ на Дону Спб. 1889 г., стр. 143—145. Іеромонахъ Симонъ Кохановскій по порученію Синода составлялъ отиѣты на какое-то раскольническое толкованіе на книгу Апокалипсиса, для чего я передано было ему самое толкованіе. Опис. док. ад., хран. въ арх. св. Сия. III, ст. 476.

прошла почти рѣшительно безслѣдно; главное, что онъ имѣлъ въ виду и по возможности дѣлалъ во время своего пребыванія среди Стародубскихъ раскольниковъ, было непрочно. Хотя, по его словамъ, имъ и было присоединено къ православной церкви нѣсколько сотъ раскольниковъ, но всѣ они почти вслѣдъ за своимъ обращеніемъ опять перешли въ расколъ, подъ вліяніемъ раскольничьей среды и раскольническаго фанатизма. Положеніе новообращенныхъ и оставшихся на жительствѣ въ тѣхъ же раскольническихъ слободахъ было крайне неприглядно и тяжело, благодаря тому, что раскольники на оставлявшихъ старую вѣру смотрѣли какъ на предателей и измѣнниковъ, и всячески старались ихъ притѣснять. Не говоря уже о побояхъ, рѣзкихъ выходкахъ противъ православія и разнаго рода нравственныхъ оскорбленійхъ, эти притѣсненія выражались и болѣе сильно, задѣвая самые существенные жизненные интересы новообращенныхъ. Волостные раскольничьи начальники, бурмистръ и выборные съ слободскими войтами, умѣвшіе ладить съ отдаленнымъ Кіевскимъ и ближайшимъ стародубскимъ начальствами, доходили даже до того, что безнаказанно вѣдали съ новообращенныхъ въ большемъ сравнительно съ раскольниками количествѣ указныя и неказныя окладныя деньги, или отнимали подъ разными предлогами принадлежавшіе имъ, какъ слобожанамъ, грунты и разныя угодья, а также и пожитки, „безчестя и ругаяся за соединеніе“. Такое отношеніе къ новообращеннымъ, кромѣ раскольническаго фанатизма, объясняется и самымъ положеніемъ раскольническихъ общинъ въ Стародубѣ. Дѣло въ томъ, что Стародубскіе раскольники съ 1718 г. платили извѣстный опредѣленный окладъ въ Кіевскую губернскую канцелярію. Если нѣкоторые плательщики этого оклада соединялись съ православною церковью, то тѣмъ самымъ, по существовавшему въ то время узаконеніямъ, они выходили изъ раскольническаго общества, и стало быть, усиливали платежъ тѣхъ, которые оставались въ расколѣ. Чтобы отстоять самостоятельность раскольническаго общества и раскольничьяго управления, волостные начальники и принимали съ своей стороны мѣры, чтобы не уменьшалось число волостныхъ плательщиковъ. Невыгоды такого порядка хорошо понималъ Рѣшиловъ и справедливо видѣлъ въ немъ самый существенный тормазъ успѣху своей миссіонерской дѣятельности. Въ доношеніи своемъ Св. Синоду, отъ 3 октября 1724 г., онъ писалъ: «Въ Стародубскомъ полку и

Черниговскомъ за разными помѣщиками живутъ раскольщики, которые, по ревности своей раскольнической, записались въ тягловой платежъ ко онымъ слободамъ раскольническимъ въ команду ихъ раскольническую; а нынѣ Божіимъ спомоществованіемъ и увѣщаніемъ обратились къ церковному соединенію и, приходя къ намъ, скорбятъ слезно, предлагая свою нужду о нападкахъ отъ раскольщиковъ въ платежахъ неспособныхъ за то, что обратились отъ раскола, также и развращенныя свои приносятъ рѣчи на прельщеніе ихъ простоты¹⁾. Въ другомъ своемъ болѣе раннемъ доношеніи онъ утверждалъ, что „раскольническій бурмистръ Ерема Карповъ съ войты своими и солдаты и раскольники тѣхъ обратившихся отъ раскола паки развращаютъ, и за соединеніе, безчести и ругаясь, берутъ пожитки ихъ и всякіе платежи править сильно, чего де ради прочіе отговариваются, что де имъ обращаться невозможно, понеже де *сила рука Еремина, а не синодальная*“. Онъ желалъ, чтобы новообращенные „по прежнему“ оставались «въ подданствѣ у своихъ помѣщиковъ»¹⁾. Позже, когда раскольничьи слободы находились въ ближайшемъ вѣдѣніи стародубской полковой канцеляріи, послѣдняя не разъ дѣлала распоряженія въ томъ смыслѣ, чтобы волостные раскольничьи начальники не взяли съ новообращенныхъ двойнаго оклада противъ раскольниковъ и ни въ чемъ не имѣли до нихъ дѣла, и что обратившіеся отъ раскола должны «дабелѣ и прочее отбывать противъ православныхъ Грекороссійскаго исповѣданія обывателей, а не противъ суевѣрныхъ раскольниковъ, и вѣдомымъ имъ быть въ полковой стародубовской канцеляріи, а не въ раскольническомъ правленіи». Всѣ подобнаго рода соображенія и распоряженія однако-же, надо думать, не облегчали положенія вообращенныхъ, что видно отчасти и изъ того, что не разъ приходилось ихъ дѣлать. Кіевская губернская канцелярія въ 1751 г., по дѣлу Дядькина и Кухтина обратилась въ сенатъ за разрѣшеніемъ вопроса, „гдѣ обратившимся изъ раскола жительство имѣть—въ раскольническихъ ли слободахъ, въ какихъ нынѣ находятся, по прежнему, или въ другихъ какихъ мѣстахъ, и гдѣ имъ судомъ и расправою быть вѣдомымъ“²⁾. Послѣдовало ли какое

¹⁾ П. с. н. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, стр. 168, 172 и 139. Ист. стат. опис. Черн. еп., VII, стр. 218.

²⁾ Харьк. ист. архивъ № 12937.

сенатское распоряженіе по этому вопросу—мы не знаемъ. Св. Синодъ въ подобныхъ случаяхъ не разъ высказывался, какъ напр. по дѣлу Михайла Патрикѣева, сына известнаго попа Патрикія, въ томъ смыслѣ, чтобы новообращенныхъ изъ раскола переводить изъ раскольническихъ слободъ въ другія мѣста жительства, православныя. Практическаго значенія подобныя соображенія повидимому не имѣли.

Въ неуспѣхъ своей миссіонерской дѣятельности Рѣшиловъ винилъ всѣхъ и вся, но только не себя. Кромѣ Кіевскаго генераль-губернатора князя Трубецкаго и подчиненнаго ему Стародубскаго коменданта Пашкова¹⁾, онъ обвинялъ въ томъ же и тогдашнихъ мѣстныхъ мадоросій-

¹⁾ Подполковникъ Илья Ивановичъ Пашковъ до 1724 г. былъ Стародубскимъ комендантомъ, съ 1724 г. былъ назначенъ вмѣсто Кокоскина Стародубскимъ полковникомъ, пробывъ таковымъ до 1728 г., и смѣщенъ вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ за вятки и другія насилія. О свойствахъ этихъ насилій говорятъ намъ отчасти протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта. По жалобѣ полчанъ Пашковъ допрашивался какъ въ Глуховѣ, такъ и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и показалъ, что стоящимъ на заставахъ офицерамъ онъ давалъ инструкцію о сборѣ на него съ проезжающихъ купцовъ съ параконнаго воза по 20 коп., съ одноконнаго по 16 коп., а съ ярмовъ и меньше... Кромѣ того жаловались на неправильные его суды, отниманіе мельницъ и грунтовъ. Въ докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Верховному Тайному Совѣту по этому дѣлу говорится: «иногда Петръ I изволялъ въ Малой Россіи въ нѣкоторыхъ полкахъ полковникамъ изъ великороссійскихъ людей быть для того, чтобы оны, по примѣрамъ прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, не были, и тѣмъ бы народъ тамошній отъ чинимыхъ имъ отъ старшихъ тягостей, обидъ, грабительствъ, отнятіемъ грунтовъ, лѣсовъ, мельницъ, весьма былъ свободенъ, и судъ и расправу чинили правдою, безволочно и безъ вятокъ, и безъ накладовъ. Ежели кто преступялъ и становилъ жить съ примѣра прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, то и за одно малое преступленіе повиненъ казни; а довольство имъ, полковникамъ, волѣно имѣть съ полковыхъ маестностей». 11 Января 1729 г. Верховный Тайный Совѣтъ положилъ резолюцію, по которой у Пашкова были отобраны всѣ деревни и онъ отрѣшенъ отъ должности; все награбленное имъ должно быть возвращено прежнимъ владѣльцамъ. Сб.

скихъ властей: наказнаго гетмана П. Л. Полуботко, представителей

рус. вст. общ., т. 94, стр. 22—24. А. М. Лазаревскій: Опис. Ст. Малор., т. I, стр. 48—50, 56, 127, 129, 130, 414—422. Интересна характеристика Пашкова, сдѣланая еп. Иродіономъ въ донош. его св. Синоду 1723 г. Оп. док. и д., хран. въ арх. св. Сян. т. III, ст. 453—455. Въ немъ онъ писалъ, что «въ его епархіи раскольники обрѣтаются въ Стародубцахѣ и ко увѣщанію не склоняются, понеже защищаетъ ихъ накрѣпко господинъ комендантъ Стародубскій, Ил. Ив. Пашковъ, и не только оные раскольники не опасаются ничего живутъ въ Стародубѣ, а прѣбываютъ туда и изъ околнчихъ селъ безболзненно; и тіа, которымъ повѣрено дѣль раскольническихъ управленіе не безпочви въ житіи своемъ, понеже онъ, г. комендантъ, часто на ихъ нападаетъ и убійствомъ имъ грозитъ и раскольникамъ въ своемъ заблужденіи нѣтъ никакого страха». Въ доказательство справедливости своего доношенія преосвященный приложилъ въ копіи доношеніе, полученное имъ отъ одного изъ стародубскихъ священниковъ, Игнатія Петропавловскаго, который въ своемъ доношеніи сообщилъ еп. Иродіону нѣсколько фактовъ защиты Пашковымъ раскольниковъ, а именно: 1) «27 мая 1723 г., онъ, Пашковъ, чрезъ солдатъ своихъ отбилъ изъ подъ аресту, присланныхъ въ Стародубъ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшлявымъ раскольническую черницу и дѣвку (о нихъ см. выше), а гдѣ онъ ихъ подѣвалъ, то не свѣдомо; 2) 29 мая его же комендантскій служба на предмѣстьѣ въ день торговый попалъ на самого попа Игнатія, бранилъ скверными словами и забойствомъ похвалялся, и сіа вся по приказу комендантскому дѣлаются, и во дни торговые прेमного ихъ, раскольниковъ, изъ слободъ бываютъ и всякъ не безъ запаса, съ палками ходятъ по мѣсту, тутъ же и солдаты и дворовые служки бродятъ, а того и смотрятъ, хто бы не зачепилъ раскольника; 3) 31 мая въ недѣлю всѣхъ святыхъ самъ комендантъ оваричати почаль, понеже со свящ. Александра, бывшаго Кулознаго (с. Коровнова? Курковскаго?), всенародно на предмѣстьѣ, по служеніи въ церкви идучаго, казаль рясу сдерети, и какъ его, священника, мордовали, сдираючи рясу, назадъ руки заворочали, самъ онъ на письмѣ донесетъ Вашему преосвященству». Копія письма приложена къ дѣлу св. Синода за № 441—363. Изъ него видно, что священника схватили солдаты комендантскіе, по его приказанію, за то, что онъ когда—то задержалъ раскольника, котораго потомъ у него отбили, а священнику эту вину припомнили и

генеральной канцелярии и малороссийской коллегии, правителя генеральной канцелярии Ивана Левенца, генерального есаула Ивана Мануйловича, стародубского наказного полковника Петра Корецкого и др. Епископъ Продіонъ, со словъ Рѣшилова, въ своихъ донесеніяхъ Св. Синоду 1723 г. писалъ относительно Полуботка: «Наказный де г. гетманъ съ генеральною старшиною необратившихся раскольниковъ въ Москвѣ отсылать не хотить, а требуютъ отъ него, епископа, тѣмъ раскольникамъ на подъемъ прогонныхъ денегъ...; оны же де наказный г. гетманъ съ старшиною стародубскому наказному полковнику къ розыску потребныхъ раскольниковъ за арестомъ у себя держать и въ градскія тюрьмы принимать и караульщикомъ давать не велѣтъ, и въ томъ градскимъ начальникамъ возбраняеть». Генеральная канцелярия и малороссийская коллегія, не принимая уловленныхъ Рѣшиловымъ раскольниковъ для отправленія ихъ въ «раскольную розыскныхъ дѣлъ канцелярію» и другія мѣста, отговаривались всегда тѣмъ, что у нихъ нѣтъ на то сенатскихъ указовъ, или что отъ епископа не прислано прогонныхъ и кромовыхъ денегъ для отправленія такихъ арестантовъ. На ссылки и указанія епископа на общія правительственныя распоряженія по розыску раскольниковъ обыкновенно отвѣчали, что то «повелѣно великороссийскимъ управителямъ», а не имъ, и что въ тѣхъ указахъ „о малороссийскомъ правленіи нигдѣ не указано“. Левенца и Мануйловича Рѣшиловъ обвинялъ и въ томъ, что

улучили случай схватить его и ограбить. «А какъ оны, комендантъ, велѣлъ содрать съ меня сукопную рясу», пишетъ обиженный, я не даваячися согнуть руки на персѣхъ крѣпко, а оныя солдаты, по его комендантскому велѣнію, почали моя руки назадъ выворачивать и вывернувши стягли съ меня рясу, а мене на томъ же мѣстѣ простовласаго оставили». По секретарской помѣтѣ на доношенія епископа слѣдовало *„о противныхъ поступкахъ Пашкова предложить къ разсмотрѣнію немедленно“*; по было-ли что сдѣлано—невидно. Полн. соб. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323 стр. 158—159. 168—169; № 1386, стр. 237—238, 240, 246. О Пашковѣ см. и Ист. стат. опис. Черниг. еп. Черниговъ. 1873 г. VII, 210—211, 215, 217—218, 221—223. О взяткахъ подполк. Пашкова см. А. М. И. Д. Д. М. св. 62, 1728 г., № 15. Объ отрѣшеніи Илья Пашкова отъ стародубскаго полковничества за взятки тамъ же и у Лазаревского, т. I. Опис. ст. Малор.

они пойманныхъ въ Глуховѣ раскольщиковъ и посаженныхъ подъ арестъ „въ ратушу въ бородахъ“, а равно и „нехотящихъ носить образцоваго платья“ отпускали безъ 60-ти рублеваго штрафа „паки въ расколъ“, и тѣмъ нарушали государственныи интересъ. Особенно сильно изъ малороссійскихъ властей Рѣвшиловъ жаловался на стародубскаго наказнаго полковника Корецкаго, что онъ, полковникъ, „для собранія съ неисповѣдывавшихся штрафныхъ денегъ сборщиковъ, также и для поимки раскольниковъ, не носящихъ образцоваго платья..., людей не дастъ, отчего де чинится не малая трудность и остановка, и оное дѣло за не малыми трудностями въ совершенство никогда придти не можетъ“. Противъ стародубскаго магистрата и вообще малороссійскихъ обывателей Рѣвшиловъ выдвигалъ другое обвиненіе, что они спорить противъ указа о бородачахъ и говорятъ: „того де указъ не къ намъ присланъ и не про нихъ писанъ, но про раскольниковъ“.

Особенно несочувственно малороссійскія власти относились къ Рѣвшилову за то, что онъ настаивалъ на сборѣ штрафныхъ денегъ съ неисповѣдывавшихся, начиная съ 1718 г., и совершенно справедливо находили, что слѣдовало постепенно приучать людей къ исповѣди и исполненію обязанностей „званія христіанскаго“, а не наказывать ихъ прямо штрафомъ, въ особенностн „посполитыхъ людей“, по большей части не исполняющихъ этихъ обязанностей „за многотрудными работами“ и другими причинами, „а не парочности ради“. Въ такомъ-именно смыслѣ высказывался наказный гетманъ и Черниговскій полковникъ П. Л. Полуботко. Въ письмѣ къ еп. Иродіону, приведенномъ послѣднимъ въ извлеченіи въ одномъ изъ его донесеній св. Синоду, онъ такъ говоритъ по этому поводу: „Писалъ панъ Петръ Корецкій, наказный полковникъ Стародубовскій съ тамошней старшиною, что, по указу св. Синода, присланный отъ него, епископа, іеромонахъ Іосифъ Рѣвшиловъ великое надъ поличанами стародубовскими, градскими и сельскими людьми, чинить затрудненіе: съ каждаго неисповѣдавшагося съ 718 г. беретъ по 5 коп. штрафу, въ чемъ де упомянутый стародубскій полковникъ просилъ его, дабы до него, епископа, писать, чтобы штрафованія трудность въ сіе скудное время была оставлена къ осени. По которому де его, полковника, прошенію, полагается онъ на него, епископа, дабы онъ, епископъ, респектуячи на вышніе людскіе недостатки (понеже де въ сей часъ на

хлѣбъ есть дороговъ), послалъ до его. Рѣшилова, указъ: чтобы означенный штрафъ до осени былъ оставленъ, понеже де нынѣ обывателемъ во всемъ нужда: первое-пропитаніе имѣти, второе-консистентовъ довольствовати подлежитъ. Да и исповѣданія де посполитыхъ людей, какъ рассуждати можно, одни за слабостью здоровья, а другіе за многотрудными работами, а не нарочности ради не могли исполнити, понеже де прежь сего обстоятельно о штрафахъ приказанія и объявленія не было, а нынѣ по объявленіи... обстоятельнаго со штрафомъ указа надѣются, что отъ сего часу всякъ подлиннаго званія христіанскаго безпріянно въ надлежащее время исповѣдаться будутъ»¹⁾.

Попытка Св. Синода присоединить къ православной церкви Стародубскихъ раскольниковъ не имѣла успѣха; Рѣшилъ не оправдалъ возложенныхъ на него Св. Синодомъ надеждъ въ дѣлѣ обращенія Стародубскихъ раскольниковъ. О его противораскольнической дѣятельности слѣдуетъ сказать тоже, что сказалъ одинъ исследователь о дѣятельности его учителя на проприщѣ миссіонерства-Питиримѣ. Отдавая должную дань уваженія послѣднему, какъ ревностнѣйшему борцу противъ раскола, энергичному, дѣятельному и постоянному въ своихъ мѣрахъ до конца жизни, онъ однакоже находилъ во всей его дѣятельности «одинъ главнѣйшій недостатокъ: отсутствіе искренности, фальшь въ дѣйствіяхъ». Эта фальшь въ дѣйствіяхъ и отсутствіе искренности замѣтны и у учениковъ Питирима, въ томъ числѣ и у Юсифа Рѣшилова. Подобно Питириму, и Рѣшилъ, хотя менѣе умѣло, чѣмъ первый, старался рисоваться предъ раскольниками, православными, правительствомъ, какъ миссіонеръ по призванію, для котораго единственное средство обратить заблуждающихся—слово убѣжденія, проповѣдь, а не внѣшнія принудительныя или же жестокія мѣры. А между тѣмъ эти—то послѣднія мѣры и составляли самую сущность миссіонерскихъ пріемовъ какъ Питирима, такъ и Рѣшилова²⁾.

¹⁾ П. с. п. и р. по ижд. прав. ясл. IV, стр. 153, 165, 171, 238.

²⁾ Такъ смотрѣли на нихъ и раскольники. Въ числѣ перехваченныхъ Рѣшилъскимъ раскольничьихъ писемъ съ Вѣтки были письма и въ Поволожье къ родственникамъ, въ которыхъ Вѣтковцы писали, чтобы «пріѣжали къ нимъ повзмишкавъ, пообождавъ писемъ отъ нихъ..., понеже де нынѣ имъ за рубежомъ отъ присланнаго изъ св. Синода Рѣ-

Правда, послѣдній не могъ такъ властно и увѣренно дѣйствовать противъ раскольниковъ, какъ первый, сильный своими связями съ сильными міра; но и онъ, какъ мы видѣли, для обращенія раскольниковъ пользовался «погребомъ», конфискаціей имущества и тому подобными средствами. «Такой фальшивый способъ дѣятельности», говоритъ тотъ же изслѣдователь о миссіонерствѣ Питирима, «естественно не могъ привести къ благимъ послѣдствіямъ. Хотя по отчетамъ Питирима и выходило, что раскольниковъ обратилось много—цѣлыя тысячи; но, нужно признаться, обращеніе это было лицемѣрное, вынужденное «страхомъ наказаній» и «рванія ноздрей». Вынужденность по началу блистательно и показала себя въ концѣ. Лишь только мѣры насилія были оставлены, — все обратившіяся слова впали въ расколъ, и начали гнѣбить даже православныхъ, какъ объ этомъ свидѣлствовалъ самъ Питиримъ. По его словамъ дѣло дошло до того, что раскольники стали убивать священниковъ, заботившихся о поддержаніи православія. Весьма натурально, что одинъ и тотъ же способъ дѣйствій произвелъ одинаковые результаты въ Поволожьи и Стародубьи и далъ ясное и убѣдительное указаніе на то, какъ миссіонерствовать не слѣдуетъ¹⁾.

шилова великое чинится затрудненіе, также какъ и ямъ отъ Питирима. .»
П. с. п. и р. по в. прав. исп. IV, стр. 160.

¹⁾ Н. А. Сахаровъ: Дѣятельность Питирима противъ раскола. Страницы за 1881 г. сентябрь, стр. 114—116.—Ср. Есиповъ. Раск. дѣла. Т. 1, стр. 648; т. 11, стр. 195, 219; Древ. Рос. Визл. X, стр. 406 и др. Ист. Рос. Соловьева, XVIII, 332—333 Оплс. д. и д., хран. въ арх. св. Снп. 1, № 65—28, стр. 46;—т. V, № 121, ст. 207—208. У Положскихъ раскольниковъ и донынѣ живетъ память о Питиримѣ въ поговоркѣ, напр. „Питиримъ людей поторялъ“ и т. д. О послѣдующей миссіонерской дѣятельности Рѣшилова видѣ предѣловъ Черниг. епархіи, напр. въ Новгородской, въ Старорусскомъ у., по порученію преосвящ. Θεодосія, см. Оп. д. и д., хран. въ арх. св. Снп. т. V, № 145—151, стр. 257—261. Здѣсь, между прочимъ, Рѣшиловъ натолкнулся на бывшаго въ расколѣ свѣц. старорус. у., погоста Черенчицъ, Флора Харитоновъ, обращеннаго въ расколъ раскольническимъ пачальникомъ и учителемъ, изв. *Θεодосіемъ Васильевымъ*. Послѣдній «проклялъ бывшій на

Вдобавокъ, какъ миссіонеръ, Іосифъ Рѣшиловъ не обладалъ и сотою

Харитоновѣ свящ. чинъ, расстригъ и перекресталъ по своему ученію тремя токмо въ воду погруженіями и назвалъ Григоріемъ». Харитоновъ бѣжалъ за польскій рубежъ, жилъ за паномъ Куницкимъ вблизи сгита Θεодосія Васильева. Въ маѣ 1725 г. «изыскиватель раскольниковъ, іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ, былъ призванъ въ св. Синодъ и спрашиваеъ о томъ, что отъ него, Рѣшилова, извѣстно учинилось: нѣкакой де въ Москвѣ раскольникъ жену свою, придерживающуюся благочестія, за приобщеніе божественныхъ тайнъ и за пріятіе церковныхъ святынъ тирански до смерти замучилъ, о чемъ для лучшаго увѣренія въ Москву приватно и писано, только такого дѣла въ Розыскной Раскольниковскихъ дѣлъ канцеляріи не смысано, чтобы онъ, Рѣшиловъ, обстоятельно о томъ показалъ. И онъ, Рѣшиловъ, въ присутствіи св. Синода объявилъ, что о вышеобязанномъ ругательствѣ раскольника онъ слышалъ въ прошломъ 1724 г. въ Москвѣ отъ архіепископа Сарскаго и Подонскаго Леонида, что и дѣло о томъ есть въ Духовной Дикастеріи, а гдѣ этотъ раскольникъ живетъ, какъ ему имя, отечество и прозваніе, о томъ онъ неизвѣстенъ. Когда въ Духовной Дикастеріи дѣла не смысались, Рѣшиловъ опять былъ допрошенъ и показалъ, что въ августѣ 1724 г. жилъ онъ на Крутицахъ въ домѣ преосвящ. Леонида, и былъ у нихъ разговоръ о необращающихся богомерзскихъ раскольникахъ: онъ, Іосифъ, говорилъ, что въ Черниговѣ и Стародубѣ имѣлъ онъ съ раскольниками, о св. церкви разглагольствіе; они де, раскольники, ни мало ко св. церкви по замерзѣлому своему упрямству не сообщаются^а, и что съ ними дѣлать и какъ поступать, просилъ его преосвященство доложить св. Синоду; преосвященный же Леонидъ рассказалъ ему и вышеприведенный случай. Спрошенный по этому дѣлу архіеп. Леонидъ (уже Крутицкій) отвѣтилъ, что ничего подобнаго не было и быть не могло, «понеже для положенныхъ на него дѣлъ пребываніе тогда и нынѣ имѣть на Московскомъ дворѣ, а не на Крутицахъ»; а если бы было такое или подобное дѣло, то давно бы было донесено о немъ св. Синоду. Предвидя новый допросъ, Рѣшиловъ неизвѣстно куда скрылся. Оп. д. и д., хран. въ арх. св. Сив. т. V, № 122—215, ст. 207—208. Вскорѣ впрочемъ послѣ того Рѣшиловъ очутился въ синодальной тюрьмѣ. Взятый архіепископомъ Θεофилактомъ изъ послѣдней, въ 1726—1727 г.г. Рѣшиловъ размыскавалъ и обращалъ записныхъ и потаенныхъ раскольниковъ Рязви Володимеровой, приложивъ

долей тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя проявилъ Пятиримъ въ своей противораскольнической дѣятельности. Да и всѣ вообще свѣдѣнія о немъ невыгодно характеризуютъ его какъ нравственную личность. По словамъ г. Чистовича, автора извѣстнаго изслѣдованія: «*Феофанъ Прокоповичъ и его время*» (Сборн. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. IV, Спб. 1868 г.), знакомаго впрочемъ болѣе съ послѣднѣмъ—стародубскою жизнью и судьбой Рѣшилова, послѣдній «*былъ человекъ пустой и продажной, грубый и наглый проходимецъ, у котораго въ душѣ не осталось повидимому ни одного чистаго понятія, ни одного честнаго движенія. Онъ въ грошъ не ставилъ монашество, хотя былъ іеромонахомъ; развратничалъ съ крайнимъ безстыдствомъ; но гдѣ нужно было, ползалъ и пресмыкался съ такимъ же крайнимъ самоуничиженіемъ. Въ монастыряхъ Тверской епархіи (послѣ стародубской миссіонерской дѣятельности), которыми онъ управлялъ съ званіемъ игумена, онъ не возбуждалъ ничего, кромѣ ненависти, своими притѣсненіями монаховъ и монастырскихъ крестьянъ, хищничествомъ и поборами. Даже снисходительный къ нему Феофилактъ (Лопатинскій, тверской архіепископъ, рассчитывавшій на Рѣшилова какъ на человека начитаннаго въ раскольнической письменности и знавшаго разные раскольническіе толки) долженъ былъ дѣлать ему иногда строгія внушенія и подвергать его административнымъ взысканіямъ. «*Посланъ ты, писалъ ему разъ преосвящ. Феофилактъ, во св. обитель Клобуковскую (переведенъ изъ Ракова монастыря въ 1728 г.) настоятелемъ въ такомъ надѣяніи, чтобы ты въ началѣ самъ исправленъ былъ, также и врученное вамъ, какъ братію, такъ и епархіальныя дѣла духовныя, по данной инструкціи, исправлялъ. А нынѣ слышно намъ не только отъ тамошнихъ жителей, но и отъ многихъ постороннихъ людей, что житіе и поступки имѣешь ты весьма не добрые и правиламъ св.**

при доношеніи тверскому архіепископу о нихъ и списокъ главныхъ потаенныхъ раскольниковъ и раскольничьихъ скитовъ. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода, т. VI, ст. 564—565. Объ общемъ характерѣ миссіонерской дѣятельности Іосифа Рѣшилова см. въ изслѣдованіи священника А. Синайскаго: «*Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства въ первые годы Синод. управленія при Петрѣ Вел. (1721—1725 г.г.)*». Спб. 1895. Стр. 40—48.

апостоль и св. отецъ противныя, а именно: прѣхавъ ты въ Клобуковъ монастырь и вшедъ въ св. церковь, изъ алтаря въ царскія двери въ мантии входь и выходъ имѣлъ, чего во всей Россіи и при томъ никому не дано, кромѣ высшихъ степеней архимандритовъ, а не всеѣмъ архимандритамъ, о чемъ и въ настоящій грамотѣ сего держать не велѣно. Также въ церковь не ходишь, только въ воскресные дни, и для того своего выхода приказываешь, чтобы звонъ былъ и безъ звону не ходишь; а въ поіслѣйные дни праздновать не велишь и звонъ по церковному уставу воспрещаетъ; а когда служишь, и въ томъ служеніи діаконовъ не токмо руками бьешь, но и служебникомъ въ нихъ бросаешь. А издревле въ оной обители читали на повечеріи по три канона съ акаѣстикомъ: ты оставилъ. О св. обители никакого радѣнія не пиѣешь, только по своимъ прихотямъ все старое переламываешь, отчего, за вашими бездѣльными и излишними прихотями и расходами, св. обитель во всеконечное пришла разореніе, а паче и въ барышничествѣ твоѣмъ Клобуковскихъ казенныхъ и собственныхъ твоихъ лошадей, чего настоятелямъ держать не надлежитъ. И не токмо что самъ ты, и кумъ твой Суворовъ всякими вымыслами, для своихъ бездѣльныхъ корыстей, священниковъ и церковнослужителей тирански мучите, но еще по сердцу своему избрали, для бездѣльнаго своего средства, введенскаго попа Тимоеея, и безъ выбора того города священниковъ самовольно опредѣлили въ старосты поповскіе, который, подозрительный съ тобою въ свойствѣ, по уѣзду ѣздилъ, а для чего и по какому указу, того не объявляетъ. И не токмо священникамъ съ причетники чинить онъ, попъ Тимоеей, бѣды и разоренія, но въ монастырь прѣзжая власти ругаетъ. Паче же, что ты церковнымъ вещамъ касаешься, а именно: двѣ чаши серебряныя, которыя для соединенія божественныя службы построены, взялъ ты себѣ въ келью, а вмѣсто тѣхъ поставилъ оловячныя; да и другія церковныя вещи забираешь себѣ въ келью». Добрый по природѣ архіепископъ прощалъ ему все эти вины, если онъ исправится. «Если же опять на тебя будетъ какое доношеніе, то на тѣлѣ твоѣмъ будетъ положеніе не малыхъ ранъ и изверженіе изъ игуменскаго сана. Да ты-жъ, разверзши свое адское горло, при многихъ знатныхъ особахъ кричишь, что въ Кашинѣ и въ уѣздѣ всѣхъ поповъ разорю, и что взятки беру для того, что у меня у всѣхъ глаза заглѣдены и никакого де не боюсь». Письмо заканчи-

вается собственноручною припискою Теофилакта: «о семъ тебя остерегаетъ Теофилактъ, архіепископъ Тверскій и Кашиинскій. Марта 19, 1729 г.». Въ другомъ случаѣ тотъ же изслѣдователь, говоря о известномъ процессѣ по поводу подметнаго письма 1732 г. съ пасквилямъ на Теофана Прокоповича, къ которому привлеченъ былъ и Рѣшиловъ, какъ подозрѣваемый вмѣстѣ съ другими составитель письма отъ папы къ новгородскому архіепископу Теофану Прокоповичу, называетъ Рѣшилова человѣкомъ «съ изворотливой совѣстью, дурнымъ и болтливымъ», который, ничего не понимая, обо всемъ разсуждалъ и со всеми толковалъ: о солдатахъ, что они не бодры и очень не надежны, и еслѣбъ въ народѣ стала смута или замѣшательство, то отъ нихъ не много помощи надѣяться, объ отягощеніи народа, о недородахъ хлѣбныхъ, о иноземцахъ, находившихся въ службѣ русской, о распоряженіяхъ св. Синода, обо всемъ». «Вотъ де,—разсуждалъ онъ съ Симоновскимъ экономомъ Серафимомъ,—по указамъ св. Синода, которые были указы напредъ сего, о привѣсахъ на св. иконахъ, о свѣчахъ въ церквахъ и о голубцахъ, что надъ умершими, о малыхъ монастыряхъ и пустыняхъ въ приписку къ большимъ монастырямъ: за все токмо Теоодосій (Яновскій) пропалъ, а ихъ святѣйшества какъ живутъ, такъ живутъ». Правду сказала о Рѣшиловѣ Саввинскій архим. Антоній, также привлеченный къ Рѣшиловскому дѣлу: «Рѣшиловъ, какъ мельница, на весь свѣтъ мелеть». То мечталъ онъ о епископствѣ, то о схимонашествѣ въ Бизюковѣ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ нѣсколько времени передъ привлеченіемъ къ процессу о подметномъ письмѣ. «Схимонашескій образъ онъ, Рѣшиловъ, въ Бизюковѣ монастырѣ воспріять хотѣлъ-ли, о томъ я нижайшій не знаю»,—разсказывалъ въ собраніи слѣдственной комиссіи Іоасафъ Маевскій, архим. Бизюкова монастыря, такой же проходимецъ въ то время изъ Малороссіи, какимъ былъ Рѣшиловъ изъ Великороссіи, дошедшій однакоже въ Кіевскихъ школахъ до реторики и «подъ дирекціей» Теофана Прокоповича слушавшій тамъ логику,—«и у трезваго его о семъ не слыхалъ. А напившись пьянъ, онъ, Рѣшиловъ, говаривалъ, что желалъ бы въ Бизюковѣ монастырѣ схимонахомъ быть и келью себѣ построить. И я, нижайшій, оныя его, Рѣшилова, пьяныя рѣчи вмѣнялъ въ смѣхъ, а не въ правду». Не даромъ и преосвященный Теофилактъ, такъ много и долго покровительствовавшій Рѣшилову, въ концѣ концовъ горько разо-

чаровался въ немъ и призналъ публично его недобросовѣстнымъ. Въ июнѣ 1735 г. Теофилактъ былъ привлеченъ къ Рѣшиловскому дѣлу, по оговору самаго Рѣшилова, а въ декабрѣ того же года его передали изъ Кабинета въ Тайную Канцелярію, съ тѣмъ, чтобы допросить его кабинетнымъ министромъ и, въ случаѣ разноурѣчій, сдѣлать ему очныя ставки съ Маевскимъ и Рѣшиловымъ. На одной изъ такихъ очныхъ ставокъ Рѣшиловъ не постыдился просить Теофилакта, чтобы онъ укрывательствомъ не пролилъ его, Рѣшилова, крови. Теофилактъ не выдержалъ этой безсовѣтности и публично отвѣчалъ на его просьбу такъ: «Въ тебѣ, сударь, свиная кровь»; съ тѣхъ поръ Рѣшиловъ сдѣлался ему просто противенъ. Между обвиненіемъ, изведеннымъ на Лопатинскую, со словъ Маевского и Рѣшилова, было 4 пункта, по которымъ тогдашній подсудимый не могъ избѣжать пытки: а) онъ говорилъ, что Петръ I, а за нимъ и весь царскій домъ, преданъ лютеранству; б) о поведеніи Екатерины I выражался слишкомъ непочтительно и даже не благопристойно; в) говорилъ, что Петръ II воспитанъ былъ дурно и притомъ въ лютеранствѣ; г) что послѣ него слѣдовало бы на престолѣ русскомъ быть не Аннѣ Ивановнѣ, а дѣтишъ Анны Петровны, старшей дочери Петра Великаго.

Въ 1738 г., 13-го декабря слѣдственная по Рѣшиловскому дѣлу коммиссія изъ кабинетныхъ министровъ обвиняла архіеп. Теофилакта и въ томъ, что онъ не обращалъ вниманія «на важныя продерзости» Рѣшилова, а именно, что въ бытность его въ Клобуковомъ монастырѣ «провозносилъ о имѣющахся въ крестѣ св. мощахъ, что онъ малу вѣру имѣеть и образъ живоначальныя Троицы съ мощами изъ церкви понамарю выкинуть вонъ приказалъ и прочія продерзости чинилъ»... Таковъ былъ «коханый прелать», какъ называлъ его разъ въ 1728 г. архіеп. Теофилактъ, поздравляя за чашею вина съ Клобуковскимъ игуменствомъ, и «коммиссаръ св. правительствующаго Синода», во время своей стародубской миссіонерской дѣятельности, мечтавшей, при слухахъ о восстановленіи патриаршества при Петрѣ II, сдѣлаться епископомъ, при посредствѣ того же своего покровителя Теофилакта, одного изъ кандидатовъ на патриаршество въ то время по народной молвѣ¹⁾.

¹⁾ Чистовичъ, И. Теофанъ Прокоповичъ и его время стр. 461—462, 482—483. Подробности процесса о подметномъ письмѣ съ пас-

Мѣры миссіонерскаго воздѣйствія на стародубскихъ раскольниковъ

квиемъ на Теофана тамъ же, стр. 407—412, 470—493. Письмо папы къ архіеп. Новгородскому напечатано г. Чистовичемъ въ «Нов. мат. для Рѣшил. дѣла», стр. 57—58. Срав. его же: 1) «Рѣшил. дѣло. Теофанъ Прокоповичъ и Теофилактъ Лопатинскій. Матеріалы для ист. первой полов. XVIII в.» Спб. 1861. 2) Новые матеріалы для Рѣшил. дѣла. М. 1862. Особенно важны въ первомъ изъ указанныхъ сочиненій приложенія, а именпо: 1) «Примчанія, которыя подадутъ подозрѣніе въ сочиненія подметнаго письма на іеромонаха Іосифа Рѣшилова» (стр. 8—14); 2) «Примчанія изъ разныхъ дѣлъ и обстоятельство, что извѣстнаго пашкевля, въ 1732 году, мѣсяца... авторъ или сочинитель есть бывшій монашъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ» (стр. 15—16). О дальнѣйшей судьбѣ Рѣшилова извѣстно слѣд. Не смотря на то, что онъ все свалилъ съ своихъ плечъ на Теофилакта и Маевского, его пытали въ тайной канцеляріи столько разъ, что почти со всѣмъ разорвали. До 1740 г. онъ содержался въ крѣпости, получая на содержаніе по 3 к. въ сутки. Въ 1740 г. онъ былъ еще живъ, потому что 20 декабря состоялся Высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось: Маевскому, Рѣшилову, Ясинскому и др., хотя они и виновны явились, вины ихъ отпустить и разослать въ разные монастыри, именно разстригъ: Маевского, Рѣшилова и Ясинскаго въ братство... Тайная канцелярія, по обычаю, обязала ихъ подпиской: «О чемъ они въ тайной канцеляріи спрашиваны и что на то показали, о томъ имъ разговоръ ни съ кѣмъ никогда не имѣть и ни подѣ какими видомъ отнюдь не разглашать; а ежели они о томъ съ кѣмъ имѣть будутъ разговоры или хотя мало о чемъ стануть разглашать, и въ ономъ отъ кого будутъ обличены, и за то учинена имъ будетъ смертная казнь». Это послѣднее официальное извѣстіе о Рѣшиловѣ. Толки о восстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра I ходили не только въ монашеской средѣ, но и въ средѣ государственныхъ сановниковъ, принадлежавшихъ къ приверженцамъ русской старины. По слухамъ кн. Д. М. Голицынъ и И. А. Мусинъ-Пушкинъ стояли на сторонѣ тверскаго архіепископа Теофилакта; Долгорукіе поддерживали Ростовскаго архіепа. Георгія Дашкова; о Теофанѣ Прокоповичѣ—никто ни слова. Только архим. Іоасафъ Маевскій разсуждалъ съ Рѣшиловымъ; «ежели бѣ,—да чего Боже сохрани,—прозвели въ патріархи новгородскаго архіерея, то

не прекращались и по удаленіи Рѣшилова изъ Стародубья въ концѣ

живыхъ насъ поглатаетъ». Въ иныхъ общественныхъ слояхъ обращались имена Нижегородскаго архіепа. Пятирима и духовника Императрицы, Троицкосергіевскаго архіепа Варлаама. Объ одномъ изъ кандидатовъ — Георгіи Дашковѣ Маевскій толковалъ, «что будетъ въ томъ великое диво, какъ то произведеніе въ патріарха Ростовскому учинится»; въ другой разъ онъ же говорилъ Рѣшилову: „увидимъ де, какъ онъ, Георгій, на патріаршество на лошадахъ вѣдетъ“. Когда слѣдственная коммиссія потребовала у него объясненія: „какое же диво онъ тутъ видѣлъ?“ Маевскій объяснилъ: „это у него было въ разсужденіи потому, что онъ, бывшій Ростовскій, человекъ не ученый, и духовнымъ персонамъ, которыя суть природою изъ малороссійанъ, будетъ великое изгоненіе, понеже онъ Малороссійцевъ, какъ о томъ и прочимъ есть не неизвѣстно, весьма ненавидѣлъ“. (Допросы и показанія 7-го марта 1734 г.). Авторъ извѣстнаго „Молотка на Камень вѣры“ писалъ: „Смертію Петровою воскресна нака Яворскаго единомышленника, яко — Лопатинскій, еп. Тверской; Дашковъ бывъ уже отъ Петра въ заточеніе опредѣленъ, но потомъ епископство Ростовское пріялъ; такожь еп. Коломенскій помощію суевѣрныхъ вступилъ въ Синодъ: по своимъ прихотямъ прележа о тиранствѣ папезскомъ трудились. Изъ которыхъ Дашковъ уже такъ близокъ былъ къ патріаршеству, что никакого сумнительства къ возведенію на престолъ не осталось. Но смерть Петра I и судъ Всевышняго не только все оное въ ничто превратилъ, но и ихъ — Ростовскаго, Коломенскаго и Воронежскаго явно обличилъ“. (Ркп. Рум. Муз. № CCCCLXVII). Возражатель Молотку отвѣчалъ на это: «Понеже ты дерзнулъ и не постыдился природныхъ русскаихъ архіереевъ, огнюду папства не знающихъ, и съ породы ненавидящихъ, нахально и напрасно папствомъ порицать: то уже изъ того можно видѣти, какова правда и въ прочихъ твоихъ клеветахъ... Архіереемъ, отъ тебѣ хулимымъ, неповинно страдавшимъ, по сего свѣта мнѣнію, кончина бѣ христіанская, въ совершенной надеждѣ жизни вѣчна». Теофилактъ, человекъ многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, авторъ многихъ сочиненій противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ, лютеранъ и кальвинистовъ, былъ повидимому безразличенъ къ молвѣ о возстановленіи патріаршества: это былъ человекъ далеко не честолюбивый. За то окружающіе его мечтали о постыяхъ отъ будущаго патріарха: Рѣшиловъ уже мнилъ себя еписко-

1724 г.¹⁾ За весь послѣдующій періодъ до Екатерины II, миссіонерство среди ихъ вмѣнялось въ обязанность представителямъ мѣстнаго духовнаго правленія, т. е. главнымъ образомъ Стародубскому протопопу и его помощникамъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны были однакоже попытки назначенія самостоятельныхъ или специальныхъ противораскольниковскихъ миссіонеровъ, хотя и не удачныя по приведенію ихъ въ исполненіе. Не видно, чтобы представителями мѣстнаго духовенства принимались какія либо систематическія и постоянныя мѣры для миссіонерствованія среди раскольниковъ; однимъ словомъ, это было случайное миссіонерство, по какому либо данному поводу. Дѣло обыкновенно происходило такъ: попадался какой либо раскольникъ мѣстнымъ властямъ

помъ; Маевскій былъ менѣе честолюбивъ: онъ желалъ только печерской архимандріи послѣ дяди своего Іоаникія Сенютовича... При одномъ разговорѣ съ Маевскимъ Рѣшловъ спросилъ: „Отчего не сбылось патриаршество Теофилакта?“— „Быть бы ему давно патриархомъ“ отвѣчалъ Маевскій, «только скрипочки, да дудочки помъшали», прибавивъ, что эти слова—объ охотѣ Теофилакта до музыки онъ слышалъ отъ князя Д. М. Голицына въ бытность въ Москвѣ по дѣлу архіепископа. Когда Маевскій сталъ защищать архіепископа, князь сказалъ: «Полно, полно! Я знаю, каковъ вашъ архіерей. Не такъ онъ живетъ какъ отецъ его, преосв. Стефанъ митрополить». (Нов. Мат., стр. 59). Теофанъ также любилъ музыку. Голиковъ, *Дланиа П. В.* т. XV, стр. 212. Чистовичъ: Теоф. Прок. и его время. Стр. 628—629. Извѣстны также заведенныя Теофосіемъ Яновскимъ въ Москвѣ въ 1723 г. ассамблеи, на которыя должны были собираться синодальные члены и прочія духовныя власти; правила для нихъ были установлены тѣ же, какъ и для государевыхъ ассамблей. Въ Донскомъ монастырѣ 29 декабря «для ассамблеи былъ изготовленъ обѣдъ», что правилами не воспрещалось. Отеч. зап. 1857 г., стр. 21—22.

¹⁾ 12 июня 1725 г. Кіевскій генераль губернаторъ князь Трубецкой въ своемъ доношеніи св. Синоду писалъ о посылкѣ листовъ «увѣщ. св. Синода объ обращеніи раскольниковъ къ православной вѣрѣ», между прочимъ, и «въ раскольниковыя слободы, поселенныя въ Стародуб. и Чернигов. уѣздѣхъ ко тамошнимъ комендатамъ». Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Сын. т. II, ст. 180, примѣч. прилож. IX.

и его по обычаю присылали Стародубскому протопопу на увѣщаніе, который или самъ лично его увѣщевалъ или передавалъ для увѣщанія своимъ помощникамъ; въ случаѣ упорства или крайне рѣзкаго, иногда кощунственнаго отношенія къ православной церкви и ея представителямъ, попадавшихся такимъ образомъ раскольниковъ отпиривали въ мѣстную духовную дикастерію или консисторію, въ случаяхъ особенной важности— даже въ контору св. Синода. Вотъ нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о характерѣ предпринимавшихъ въ то время мѣстными духовными властями миссіонерскихъ мѣръ противъ раскольниковъ.

19-го мая 1729 г. намѣстникъ протопопа Стародубской Игнатій Стрыйковскій доносилъ еп. Иродіону, что «отъ давнихъ де годовъ зашай великороссіявинъ торговщикъ Савва въ Стародубовъ, и, между прихожанами равныхъ приходоу живи, общеніе имѣлъ съ правовѣрными во всехъ обрядахъ церковныхъ, со всемъ домоуствомъ своимъ; а въ 729 г., въ посніе св. четыредесятницы дни, развратился онъ, Савва, и первѣ исповѣдоватися и таинъ святыхъ сообщникомъ быти не похотѣлъ, и съ молитвою Стародубовскаго священника церкви Сочествія св. Духа Іоанна въ домъ свой недопустилъ; а послѣ оному священнику Іоанну, дабы его ни въ какихъ требоухъ не вѣдалъ, понеже де онъ, Савва, отступникъ, старую вѣру принялъ, отказалъ». По донесенію намѣстника еп. Иродіонъ обратился къ правителямъ полка Стародубскаго съ отношеніемъ, въ которомъ просилъ ихъ помочь намѣстнику отослать раскольщика Савву въ Черниговъ, согласно имѣвшимся на этотъ счетъ указамъ. Правители—судья полковой Ханенко и наказной полковникъ Андрей Миклашевскій—«отступника и раскольника Савву намѣстнику выдать ослушались и взять самому возбрали; ибо де гетманъ Апостолъ въ духовній судъ заказалъ не отдавать, но изслѣдовавъ, ему, гетману, то слѣдствіе отослать къ разсмотрѣнію, которое де и послано для резолюціи». Дѣло было представлено на усмотрѣніе св. Синода; послѣдній писалъ и требовалъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которой въ то время была подчинена гетманская Малороссія, такого указа на этотъ счетъ: «въ малороссійскихъ городахъ и уѣздахъ являющихся раскольниковъ, для увѣщанія ихъ къ православію, отсылать къ архіереямъ неударжанно, и свѣтскіе препятствія духовнымъ персонамъ въ томъ отнюдь не чинили; ибо увѣщаніемъ и обращеніемъ ко св. церкви и къ соединенію съ правовѣрными и раскольники повинны

быть въ вѣдомствѣ духовнаго суда».¹⁾ Дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстенъ.

По дѣлу 1745 года о книгахъ, отобранныхъ у слободскаго раскольника, членъ Малороссійской Канцелярїи Ильинъ писалъ, что Стародубскій священникъ, являсь въ домъ раскольника Васильева, грабительски забралъ книги и много вещей и надѣлалъ много другихъ обидъ, почему просилъ подвергнуть священника строгому отвѣту. Когда произведено было слѣдствіе, бурмистръ Карповъ, доносившій Ильину на священника, обѣщалъ представить доказательства на доносъ и не представилъ, а Васильевъ, въ прошенїи своемъ, писалъ, что у него взяты только книги, но ничего другаго и обиды никакой не видалъ онъ отъ священника. Пресвященный, сообщая о томъ канцелярїи, просилъ подвергнуть Карпова наказанію за клевету. Ильинъ наивно отвѣчалъ, что „въ канцелярїи сгорѣли указы, подвергающіе Карпова отвѣту“. Такъ передается этотъ интересный фактъ въ Историко-статистическомъ описанїи Черниговской епархіи, на основанїи дѣла архива Черниговской Духовной Консисторїи за 1745 г., № 380. (кн. 1, стр. 138). Самаго дѣла намъ не удалось найти въ указанномъ архивѣ лѣтомъ 1891 г.

15-го марта того же 1745 года извѣстный намъ слободской заводчикъ Кореневъ донесъ въ Канцелярїю Министерскаго Правленія, что 3-го марта, будучи въ Стародубѣ, онъ «нашелъ тетрадку, писанную рукою Еленскаго схимника, раскольника Григорья Яковлева, въ которой написаны нѣкакіе вопросы». При доношенїи Коренева приложена была и самая тетрадка съ вопросами, при чемъ сообщалось, что надпись на ней о времени ея полученія, по признанію Коренева, сдѣлана была рукой другаго раскольника Владиміра Михайлова. Началось дѣло; въ министерскую канцелярїю прежде всего привлеченъ былъ Еленскій схимникъ, и потомъ, по его показанію, „сысканы и допрашиваны“ еще два раскольника: Михаилъ Григорьевъ и Кузьма Соснинъ. Оказалось, что тетрадка по содержанію представляла «100 вопросовъ о крестѣ» сочиненія Михаила

¹⁾ П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. VII, № 2333. Дѣло 1730 г., № 204. Объ отношенїи гетмана Данїила Апостола къ малороссійскимъ архіереямъ, Черниговскому и Переяславскому, интересныя данныя тамъ же: №№ 2290 и 2398.

Григорьева, Климовскаго жителя, по профессіи иконника, пріятеля Ивана Алексѣева, безпоповца, извѣстнаго автора «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ». Григорьевъ принадлежалъ къ Діаконовскому толку, и пользовался въ то время и въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка славой ученаго человѣка среди слободскихъ раскольниковъ. По сказанію Вѣтковскаго лѣтописца, онъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевымъ, «самоучкою» изучалъ «граматику и риторику съ діалектикой Лихудіевы». Министерская Канцелярія, не компетентная, конечно, въ разрѣшеніи вопросовъ о крестѣ, помимо духовнаго правленія и Черниговской Консисторіи, прямо отъ себя экстрактъ по этому дѣлу отправила въ св. Синодъ, который указомъ, отъ 3-го ноября 1746 года, опредѣлялъ рѣшеніе по означенному дѣлу учинить Черниговскому епископу Амвросію Дубневичу (1742—1750 г.г.). Въ Черниговѣ дѣло было рассмотрѣно и рѣшено быстро, но едва ли справедливо; Михаилъ Григорьевъ, отосланный изъ министерской канцеляріи вмѣстѣ съ другими соприкосновенными къ дѣлу лицами на судъ Черниговскаго архіерея, какъ авторъ «100 вопросовъ о крестѣ», по раскольническому свидѣтельству, былъ «сѣченъ плетьюми по доносу въ Черниговѣ у архіерея..., и съ тѣхъ поръ ни черты не выпускалъ, боялся»; поэтому, — замѣчается въ Вѣтковской лѣтописи, — что «времена были строгія». Между прочимъ изъ этого дѣла о «нѣкакыхъ вопросахъ» видно и то, что вопросы, предложенные преосвященнымъ Питиримомъ діакону Александру съ братіей, «не мало тревожили и слободскихъ діаконовцевъ» въ сороковыхъ еще годахъ. «Они давали ихъ читать пріѣзжавшему съ Вѣтки попу Семену и просили отзывать его. Попъ возвратилъ вопросы безъ отвѣтовъ»¹⁾.

¹⁾ Указъ св. Синода, отъ 3-го ноября 1746 г., по дѣлу о «нѣкакыхъ вопросахъ» напечатанъ въ Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, 227—228. Тамъ же, кн. 1, стр. 137, 139—140, находится указаніе и на самое дѣло Михаила Григорьева съ товарищи, хранившееся въ Черн. консисторскомъ архивѣ: Дѣло Консисторіи 1745 г., № 383. Намъ лично не удалось его отыскать въ Консисторскомъ архивѣ, какъ и многихъ другихъ раскольниковыхъ дѣлъ, указанныхъ въ Ист. стат. опис. По всей вѣроятности это дѣло, какъ и другія раскольниковыя дѣла, которыми пользовались при составленіи Ист. стат. опис. Черн. еп., не были возвращены въ консисторской архивъ, если только тогда же не были унич-

Изъ процесса 1747 г. о Воронковской лжехристовщинѣ, начатаго по довошенію того же Коренева и Стародубскаго полковника Федора Максимовича, видно, что привлеченный къ отвѣту Воронковскій житель Семень Моисеевъ «перво́е былъ увѣщаемъ попомъ Стародубовскимъ соборнымъ Григоріемъ Виницкимъ, а потомъ и протопопомъ Григоріемъ Поддужкимъ» и «склонился, чтобы ему быть по прежнему въры православной христіанской»¹⁾.

Весьма характеристиченъ случай обращенія въ православіе раскольника Бухтина. Дѣло было такъ. 10-го сентября 1751 года обратился въ Стародубское духовное правленіе съ прошеніемъ Еленскій раскольникъ Георгій Степановъ Дядькинъ, въ которомъ объяснилъ, что 23 года тому назадъ родители его вышли изъ Великороссіи въ малороссійскую раскольничью слободу Еленку, будучи въ правовѣрїи, и что онъ, Георгій, родился въ правовѣрїи и былъ по православному окрещенъ на мѣстѣ своего рожденія. По переселеніи въ Еленку, по наущенію раскольниковъ, отецъ и мать и сестры его дѣвки, по простотѣ своей, превратились въ расколъ, «и его малолѣтняго тому жъ соединили». Первоначальныя православныя традиціи въ семьѣ Дядькиныхъ были однакоже такъ сильны, что онъ, не смотря на 23-лѣтнее пребываніе въ расколѣ, вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и своими сестрами, пришелъ къ мысли оставить „явное заблужденіе раскольниковскаго суевѣ-

тожены, какъ уже не нужныя якобы.—О учености Михаила Григорьева и сѣченіи его плетью «у архіерея» см. Лѣт. Вѣтк. церкви—рукоп. нашей библ., л. 108.—О Еленскомъ схимникѣ Григоріѣ Яковлевѣ упоминается въ синодскомъ указѣ отъ 3-го ноября 1746 г. Преосв. Филаретъ Гумилевскій въ Обз. рус. дух. лит., изд. III, кн. II, стр. 318—321, отождествляетъ этого Григорія Яковлева съ авторомъ «Испытанія о раскольническихъ мнѣніяхъ и исповѣд. о единой соборной, истинной и православной церкви» и пр., которое писано въ 1748 г. Насколько справедливо это отождествленіе—сказать трудно, не имѣя въ рукахъ указаннаго дѣла консисторскаго архива о Михаилѣ Григорьевѣ и Григоріи Яковлевѣ. О Григоріи Яковлевѣ, какъ авторѣ «Испытанія»... см. и наше «Опис. ркп., хран. въ Черн. Дух. Сем. Спб. 1880 г., стр. 151—157.

¹⁾ Харьков. историч. арх. № 21299. Нов. Мат. по ист. раск. на В. и въ Старод. Кіевъ. 1893 г., № 23, стр. 131—140.

рія" и увидѣлъ въ немъ «прямую души погибель». Особенно тяготило его, какъ и многихъ другихъ, находившихся въ сходномъ съ нимъ положеніи, отсутствіе законнаго священства у старообрядцевъ—поповцевъ. Среди Еленскихъ раскольниковъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка были и другіе случаи обращенія въ православіе, на что есть указаніе и въ дѣлѣ Дядькина съ Кухтинимъ, какъ и въ другихъ тогочасныхъ дѣлахъ. Въ 1751 г. Стародубская полковая канцелярія доносила въ Генеральную, что раскольничье волостное правленіе чинить обиды обратившимся въ православіе жителямъ описной слободы Еленки Евдокиму, Никифору и Кондрату Сидоровымъ, а другихъ не допускаетъ до этого обращенія, какъ напр. Дядькина. Такое движеніе къ обращенію въ православіе вызвало рѣзкое проявленіе раскольничьяго фанатизма со стороны большинства мѣстныхъ слобожанъ, считавшихъ своею нравственною обязанностью остановить дальнѣйшій ходъ этого движенія, угрожавшаго интересамъ раскола. Въ этихъ видахъ, болѣе фанатичные представители Еленскихъ раскольниковъ, въ томъ числѣ Еленскій войтъ и нѣкій Данило Кухтинъ съ товарищи, начали «чинить обращающимся отъ раскола въ православіе людямъ обиды». Сторону обидчиковъ православія держали и волостныя власти: тогдашній бурмистръ Тимофей Смирновъ и выборный Алексѣй Хрущовъ. Чинимыя обращающимся въ православіе «обиды» прежде всего состояли въ томъ, что у Дядькина, какъ и у прежде его обратившихся въ православіе Еленскихъ раскольниковъ, раскольничьи волостныя власти были отобраны «грунтъ и другія угоды». Вместе съ тѣмъ Дядькинъ былъ намѣренно обвиненъ въ воровствѣ, котораго онъ не совершалъ, и держанъ «въ желѣзахъ» сначала при волостномъ слободскомъ правленіи, а потомъ 20 недѣль и при Киевской губернской канцелярії, признавшей его въ заключеніе не виновнымъ по не имѣнію подлежащихъ уликъ. По освобожденіи изъ заключенія Дядькинъ въ Стародубскомъ духовномъ правленіи возбуждалъ противъ Кухтина дѣло, перенесенное потомъ въ іюлѣ 1752 г. въ Черниговскую Духовную Консисторію, за то, что онъ, Кухтинъ, «вносилъ православную католическую греческаго исповѣданія вѣру» и «нещадно билъ его, Дядькина». На допросѣ въ Консисторіи Кухтинъ показалъ, что онъ «православно католической греческаго исповѣданія вѣры ни въ какомъ случаѣ не хулилъ, и въ обращеніи отъ расколу доносителя Георгія

Дядькина на оную вѣру онъ, Кухтинъ, къ называнію геретическою, католицкою, никакъ не блядословилъ, и онъ де Дядькинъ донеслъ на прасно, по единой за учинившійся ему бой злобѣ. И того де онъ, Дядькинъ, доказать не можетъ; потому де, что тотъ бой ему, Дядькину, послѣдовалъ до обращенія отъ раскола». Дядькинъ утверждалъ противное и говорилъ, что Кухтинъ православную вѣру называлъ «геретическою, католицкою», и что уже вызванный въ Черниговъ просилъ его, доносителя, «чтобъ онъ сказалъ, что онъ, Кухтинъ, тѣхъ рѣчей не говорилъ». Последнее обстоятельство Кухтинъ призналъ, но объяснял тѣмъ, чтобы «ему, Кухтину, отъ того дѣла скоро освободиться». Въ тѣхъ же видахъ скорого освобожденія отъ суда, Кухтинъ подалъ наконецъ преосвященному Ираклію Комаровскому прошеніе о своемъ желаніи принять православіе. 19-го марта 1753 г. преосвященный Ираклій передалъ Кухтина іеромонаху каедральнаго монастыря Иродіону, которому повелѣвалось его, Кухтина, «по его усердному желанію о принятіи къ православно католической греческаго исповѣданія вѣры наставлятъ подлежащихъ должностей». Оказалось, что «всего отмѣненія съ православіемъ только и вѣдалъ Кухтинъ», что, во-первыхъ, «гнушался въ брадобритіи» и говорилъ, что съ брадобривцами, «какъ съ піаницами и табашниками ясти, пити и молитися возбранено»; что двуперстное крестосложеніе «крѣпко содержалъ», и что наконецъ «не безсумнителенъ и въ обливаніи младенцевъ при крещеніи». По увѣщанію каедральнаго іеромонаха Кухтинъ пересталъ «въ брадобритіи гнушаться», призналъ истину триперстнаго крестосложенія «во изображеніе равенства Пресвятыя Троицы», и просилъ грекороссійскому исповѣданію православныя вѣры его сообщить»; соглашался «охотно учинить и отрицаніе» отъ раскола по печатной книжцѣ 1742 г. На докладъ іеромонаха Иродіона преосвящ. Ираклій положилъ весьма оригинальную и характерную для архіерея—малоросса резолюцію: „По учиненіи отрицанія очистить ему (Кухтину) предъ духовникомъ совѣтъ свою и за приготовленіемъ по должности христіанской приобщить его, Данила, святымъ тайнамъ. *Вз знахъ же его, Данилы, отрицанія отъ раскола и прилятія имъ, Кухтинимъ, православної грекороссійскаго исповѣданія вѣры, ему, Кухтину, бороду и волоса на голову постричь по малороссійску, и утвердить его къ непревратному содержанію вѣры довольнымъ наставленіемъ,*

и за тѣмъ особливимъ доношеніемъ отпуску въ домъ ему требовать¹⁾.

Такъ относимся архіерен.—малороссы къ великороссійскимъ расколникамъ...

Въ началѣ 1757 г. слободской заводчикъ Никита Кореневъ обратился въ св. Синодъ съ доношеніемъ, въ которомъ просилъ „о присылкѣ къ нему, Кореневу, священниковъ великороссійскихъ двухъ человекъ, изъ коихъ одному быть при его, Коренева, заводѣ, а другому въ слободѣ Климовой, гдѣ волостная контора, въ коей де кроиъ расколниковъ имѣются православные“. Свое прошеніе объ опредѣленіи двухъ православныхъ великороссійскихъ священниковъ въ старообрядческія слободы заводчикъ—миссіонеръ мотивировалъ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, удовлетворить церковно-религіознымъ потребностямъ жившихъ среди слободскихъ расколниковъ православныхъ великороссіянъ, издавна нерасположенныхъ къ малороссійскимъ священникамъ, заподозрѣннымъ въ обливаетствѣ, съ другой—содѣйствовать среди расколниковъ распространенію православія и «учинить усѣченіе расколническимъ потаевнымъ помамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ прошеніи Кореневъ весьма категорично утверждалъ, что „расколники, живущіе въ описныхъ слободахъ, нѣкоторые склонны священниковъ имѣть православныхъ. *только бѣ оны были великороссійскіе*“. Св. Синодъ въ общемъ согласился съ представленіемъ заводчика Коренева и только послѣднему пункту его не придалъ того значенія, на которое указывалъ проситель, благодаря чему и весь послѣдующій ходъ этого дѣла получилъ не надлежащее направленіе. Именно, св. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мѣстный Черниговскій епископъ Пракдій удовлетворилъ желаніе просителя, назначилъ въ указанные имъ мѣста «священниковъ искусныхъ», «стрезваго и благочиннаго житія», и чтобы расколники «тѣмъ священникамъ отдавали достойное безъ всякаго презрѣнія почтеніе», а послѣдніе увѣщевали живущихъ въ описныхъ слободахъ расколниковъ, «изъясняя при томъ, что все единое, какъ великороссійскимъ, такъ и малороссійскимъ священникамъ чрезъ благодать св. Духа священство данное и церковь великороссійскаго народа съ

¹⁾ Харьков. ист. арх. № 12437, лл. 1—3, 6—8 и пр.—Арх. Черняг. Духов. Конс. № 673, ящ. 24. Новые Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 82, стр. 152—160.

малороссійскимъ ничѣмъ не разиствуеть, но во всемъ есть Правовѣріе и православіе сходственно». Таковъ общій смыслъ синодскаго указа, данаго Черниговскому епископу Ираклію 7 іюня 1757 г.

Посмотримъ, какииъ образомъ приводился въ исполненіе этотъ синодскій указъ мѣстною властію. 29 октября Стародубскій протопопъ Григорій Подлужскій получилъ изъ Консисторіи въ свою очередь указъ, которымъ повелѣвалось «востребовать обстоятельное письменное утвержденіе отъ волостной конторы, на какомъ именномъ основаніи и довольствѣ полученіемъ за трудъ свой въ слободу Климову при волостной конторѣ опредѣленный священникъ имѣеть жить, имѣется ль для жилья священника дворъ и гдѣ тому опредѣленному священнику и съ кѣмъ церковныя священнослуженія христіанскія прилучающіися и требы отправлять». Требовался при этомъ именованный и достовѣрный реестръ находящихся православныхъ при волостной конторѣ и въ описныхъ раскольническихъ слободахъ. По полученіи требуемаго „письменнаго утвержденія“ протопопу поручалось избрать въ своей протопопіи „изъ звонариевъ, или за неизмѣнѣмъ ихъ и изъ настоящихъ священниковъ, въ коей церкви по два и по три ихъ имѣется“, такого священника, который удовлетворялъ бы выраженнымъ въ синодскомъ указѣ требованіямъ, т. е. былъ бы священникомъ искуснымъ, трезвымъ, благочиннаго житія. Дѣло шло теперь уже только объ одномъ священникѣ, такъ какъ еще 12 октября заводчикъ Кореневъ объявилъ доношеніемъ еп. Ираклію, что только „въ слободу Климову священникъ одинъ потребенъ при волостной конторѣ“...

Дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ ясно, что въ описныхъ слободахъ было весьма ограничено число раскольниковъ, которые были склонны имѣть православныхъ священниковъ. Управитель Морозовъ писалъ Стародубскому протопопу, что если православный священникъ и потребенъ въ описныхъ раскольническихъ слободахъ, то только для находящихся при волостной конторѣ православныхъ служителей, которые однакожъ не могутъ „священника съ причетники на своемъ коштѣ содержать за малозимѣнѣмъ жалованья“. На собранной по этому поводу волостной сходкѣ бурмистръ, всѣхъ слободъ войты и выборные люди отказались взять на себя содержаніе православнаго священника: не дали ни денегъ, ни хлѣба. Не смотря на такое явно несочувственное отношеніе слобожанъ къ православнымъ священникамъ, богатый заводчикъ не переста-

валъ указывать мѣстному епархіальному начальству на необходимость указанной имъ мѣры, именно въ видахъ содѣйствія распространенію православія среди раскольниковъ, и былъ совершенно правъ въ настойчивомъ проведеніи своей мысли. Между прочимъ въ своемъ доношеніи въ Черниговскую Консисторію, отъ 11-го декабря 1760 года, онъ писалъ о необходимости опредѣленія въ раскольниковыя слободы православныхъ великороссійскихъ священниковъ слѣдующее: „А въ оныхъ (священникахъ) состоитъ крайняя надобность..., отчего я принужденъ былъ прибывшаго ко мнѣ изъ раскольниковъ ко увѣщанію отпратить въ Катанинскій монастырь къ отцу игумену при письмѣ, объявля, чтобы оному посланному отъ меня никакого принужденія и отягощенія не было учинено, дабы и другимъ впредь приходить было повадно; токмо де отъ него, о игумена, съ нимъ поступлено инымъ образомъ: отосланъ въ Стародубъ подъ карауломъ, отчего де и другіе, страхъ возымѣвъ, намѣреніе свое оставили. И за неприсылкою таковыхъ священниковъ въ порученномъ мнѣ дѣлѣ учинилась остановка и время упуцается втунѣ, безъ всякаго дѣйствія»... Ту постановку дѣла, которую придумала мѣстная духовная администрація, именно, вмѣсто назначенія постоянныхъ священниковъ въ раскольниковыя слободы, посылать туда священниковъ на время, по мѣрѣ надобности въ нихъ, съ разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ Стародубскаго протопопа, Коренева находилъ непрактичной и неудобной. Лишней онъ находилъ и переписку съ управителемъ „о дворѣ священнику и о пропитаніи...; ибо де когда бѣ оныи священники присланы ко мнѣ были, то бѣ о всемъ томъ учинено было и довольствіе“...¹⁾.

За неудачной миссіонерской попыткой Коренева почти непосредственно послѣдовала другая, не болѣе удачная по своимъ послѣдствіямъ, со стороны Клиновскаго жителя Федора Федорова Попова, „повѣреннаго отъ желающихъ сущаго благовѣрія“. Какъ и въ первомъ случаѣ, дѣло началось доношеніемъ въ св. Синодъ, изданнымъ 13 марта 1761 г. ротмистромъ казацкой службы Дмитріемъ Матвѣевымъ Поповымъ, по

¹⁾ Арх. Черн. Дух. Конс., № по описи 1033, ящ. 37. Дѣло о опредѣленія въ стародубскія раскольниковыя слободы по просьбѣ заводчика Коренева двухъ православныхъ священниковъ.

происхожденію Еленскимъ раскольниковъ, въ то время уже обратившимся въ православіе. Этому послѣднему въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка дано было порученіе «выводить изъ за границы въ крѣпость св. Елисаветы желающихъ быть въ казачьей службѣ людей», т. е. главнымъ образомъ раскольниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Польши. Не мало ихъ въ то время переселилось и изъ Стародубья и заселило въ окрестностяхъ новооснованной крѣпости большія и богатыя селенія, какъ-то: *Злынку, Клинци, Никольское* и др. Первые два названія образовавшихся тамъ поселеній указываютъ на стародубское происхожденіе своихъ поселенцевъ.¹⁾ Отправляясь въ февраль 1761 г. въ С.-Петербургъ по дѣламъ заграничныхъ „выходцовъ“, рѣшитель Поповъ въ Стародубѣ столкнулся съ указаннымъ Федоромъ Поповымъ и его единомысленниками, объявившими ему, что уразумѣли «правоту православныя вѣры», и что «все то, что всероссійская церковь одолжаетъ, съ радостію пріемяютъ и содержатъ». Ихъ было всего «человѣкъ до десяти»; отъ имени ихъ ротмистръ Поповъ, по просьбѣ ихъ, и подалъ доношеніе въ Св. Синодъ о соединеніи ихъ съ православною церковію. Они рассчитывали, что и «изъ другихъ раскольническихъ слободъ жителей, коихъ считается до

1) 16-го января 1752 г. имп. Елисавета Петровна дала жалованную грамоту генераль-маіору Ив. Хорвату и повелѣла, для защиты поселяемыхъ въ новой Сербіи гусарскихъ и пандурскихъ полковъ, устроить земляную крѣпость съ наименованіемъ ея крѣпостью св. Елисаветы. Вокругъ крѣпости скоро стали заселяться слободы изъ разнаго сброда, въ числѣ ихъ были и „русскіе люди“ изъ Польши, преимущественно раскольники, отчего в слободы получили названіе „раскольничьихъ“. Благодаря раскольниковъ, Елисаветградъ скоро сдѣлался торговымъ городомъ. Уже въ 60-хъ годахъ раскольники (Семенъ Сенковский) отправляли свои товары въ Константинополь чрезъ Хаджибейскую пристань, впослѣдствіи Одессу, куда многіе потомъ и выселились, чему способствовало и само правительство. Екатерина II, желая поощрить устройство новыхъ городовъ Екатеринославской и Вознесенской губерній, въ томъ числѣ и Одессы, указомъ 2 октября 1795 г. предоставила поселявшимся тамъ жителямъ значительныя преимущества, а *раскольниковъ позволила строить церкви и монастыри* и отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ священникамъ, поставляемымъ православ.

десяти тысяч душъ, същется де вѣсколько человекъ, желающихъ соединиться съ православною всероссійскою церквію⁴. Уразумѣніе „правости православныя вѣры“ было однакоже далеко неполное и безусловное; единомысленники Федора Попова, какъ позднѣйшіе единовѣрцы, принимали законное благословенное церковію священство, но только подъ условіемъ содержанія старыхъ книгъ и старыхъ обрядовъ. Такое условное единеніе съ православною церковію они мотивировали крайнимъ невѣжествомъ и затвердѣлымъ расколомъ, и потому находили, что «какъ имъ самимъ откровенно приступить, такъ и прочихъ вдругъ въ правовѣріе обратить неудобно и невозможно, кромѣ какъ на первой случай выбрать изъ нихъ же грамотныхъ двоихъ въ поны, которые бѣ могли имъ проповѣдуя св. вѣру, всѣ ея догматы подробно внушить, и построить бы тамъ въ Климовой слободѣ близъ раскольнической конторы ихъ коштомъ церковь, въ которой бы де все, что до догматовъ вѣры касается, исправляемо было какъ оно и во всей всероссійской церквіи происходитъ: точію бѣ де на первой случай, дабы де удобнѣе было оныхъ раскольниковъ въ ту церковь привлечь, позволить исправлять службу по старопечатнымъ книгамъ и не запрещать бы двоеперстнаго креста сложеніе».

Вообще говоря, сущность доношенія Федора Попова съ товарищами сводилась къ слѣдующимъ четыремъ главнымъ пунктамъ, Кромѣ содержанія старыхъ обрядовъ, особенно настаивалось въ доношеніи на томъ, чтобы изъ самыхъ мѣстныхъ старообрядцевъ, желающихъ сущаго благовѣрія, были выбраны люди достойные «ко принятію хиротоніи» (двое), которые могли бы заняться дѣломъ «обращенія находящихся въ раскольническихъ слободахъ затвердѣлыхъ раскольниковъ и невѣждъ Божественнаго писанія». Выдвинуто было и то требованіе, чтобы снята была «лежащая за двоеперстное сложеніе клятва». Таковы первые два пункта доношенія. Въ двухъ послѣднихъ дѣло шло о внѣшнихъ условіяхъ новаго церковнаго порядка, ижѣвшаго установиться у стародубскихъ слобожанъ, въ случаѣ условнаго единенія съ православною церковію. Въ третьемъ пунктѣ говорилось «о опредѣленіи тѣмъ двумъ человекамъ для повсемѣстной проповѣди и труда на дневную пищу и на прочіе расходы изъ сборныхъ

архіереями. II. С. З. т. XXIII, стр. 793. Ср. Зап. од. общ. ист. и др. II, стр. 384—401; III, стр. 356.

той волости оброчныхъ повсигодныхъ денегъ по сту рублей на годъ»; а пунктомъ четвертымъ проектировался особый «президентъ при волостной конторѣ или духовныхъ дѣлъ управитель», который былъ бы «теплымъ ревнителемъ и поборникомъ православно-каволическія церкви» и защищалъ бы „желающихъ перейти отъ раскола въ православіе“. Въ качествѣ подходящаго для такой роли человѣка составители доношенія просили опредѣлить вышеупомянутаго ротмистра Попова, бывшаго Еленскаго раскольника. Таковъ общій смыслъ доношенія, поданнаго въ св. Синодъ 13-го марта 1761 г.

Св. Синодъ весьма сочувственно отнесся къ самой мысли о возможности соединенія раскольниковъ съ православною церковію; но не обратилъ серьезнаго вниманія на формальную сторону проектируемаго составителями доношенія условнаго единенія съ православною церковію раскольниковъ. Дѣло представлялось возможнымъ и легкимъ. Для ускоренія его, безъ предварительнаго сношенія съ ближайшимъ къ стародубскимъ раскольническимъ слободамъ архіереемъ, т. е. Черниговскимъ, какъ дѣлалось до тѣхъ поръ въ подлежащихъ случаяхъ, рѣшено было на этотъ разъ испробовать иной путь. Именно, по опредѣленію св. Синода, отъ 1-го іюня, «за лучшей и ближайшей къ склоненію тѣхъ раскольниковъ въ правовѣріе усмотрѣнъ способъ, послать туда на первой случай отъ св. Синода изъ великороссійскихъ хотя въ школахъ не ученаго (ибо обучавшіеся въ школахъ по затвердѣлому въ раскольникахъ упрямству уповательно имъ не весьма будутъ пріятны), но православныя церкви нашея догматы и преданія довольно знающаго, житія и состоянія добраго и ко обращенію раскольниковъ въ правовѣріе способнаго, которой бы одноличнымъ своимъ бытіемъ всѣ ихъ состоянія разсмотрѣть и пристойными изъясненіями и средствами къ правовѣрію тѣхъ раскольниковъ соединить удобнѣе могъ». По вопросу о постройкѣ въ слободѣ Климовой церкви св. Синодъ высказался въ томъ смыслѣ, чтобы построить ее тогда, когда «раскольниковъ знатное людей число обратится и церковь православную имѣть пожелаютъ».

Столь же сочувственно отнесся къ мысли о соединеніи слободскихъ раскольниковъ съ православною церковію и правительствующій Сенатъ, когда св. Синодъ обратился къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о назначенія известной суммы на содержаніе священника-миссіонера „изъ оброч-

ныхъ повсягоднихъ денегъ“, собираемыхъ раскольничьей волостной конторой, и о назначеніи „для лучшаго исполненія священнику при обращеніи изъ раскола и защищенія обратившихся въ православіе людей отъ раскольниковъ“ особаго президента или духовныхъ дѣлъ управителя.

Въ своемъ опредѣленіи по даннымъ вопросамъ, отъ 27-го августа того же 1761 г., увлекаясь мыслью о возможности соединенія раскольниковъ съ православною церковію, Сенатъ между прочимъ выражалъ и ту мысль, чтобы въ малороссійской раскольничьей слободѣ Климовой, по возможности въ непродолжительномъ времени, была построена православно-каѳолическая церковь, „для желающихъ сущаго благовірія и другихъ къ лучшему обращенію и приведенію въ православіе“, и чтобы туда поско, ъе, былъ назначенъ способный священникъ—миссіонеръ. Для постройки церкви, потребной, по смыслу Сенатскаго опредѣленія, какъ „для находящихся надъ тѣми раскольниками управителей и служителей“, такъ въ особености „для обращенія раскольниковъ“, назначалось Сенатомъ 500 руб. казенныхъ денегъ „изъ таможенныхъ доходовъ“ Кіевской губернской канцеляріи, а на содержаніе священника съ причетниками до 300 руб. изъ суммъ, собираемыхъ съ раскольничьихъ слободъ. Сенатъ находилъ возможнымъ удовлетворить и то требованіе, чтобы назначенъ былъ особый президентъ или духовныхъ дѣлъ управитель „для обращенія раскольниковъ въ православіе“, въ лицѣ ротмистра Попова, „подъ смотрѣніемъ опредѣленныхъ надъ раскольниками управителей“.

Указомъ Св. Синода отъ марта 1762 г., даннымъ на имя преосвященнаго Кирилла, епископа Черниговскаго и Новгородѣврскаго, предписывалось, чтобы онъ отправилъ «для обращенія раскольниковъ въ слободу Климову, истребовать чрезъ надлежашее сношеніе изъ Смоленской или Бѣлоградской епархій, единаго изъ великороссійскихъ священника, хотя въ школахъ и неученаго, и при немъ діакона и двухъ церковниковъ». Относительно священника—миссіонера и церковниковъ въ указѣ было сказано, чтобы они состояли «подъ вѣдомствомъ и надсмотрѣніемъ» Черниговскаго преосвященнаго, и относили ему, «какъ о имѣющихъ обращаться въ православіе, такъ и о всѣхъ тамошнихъ поведеніяхъ, а особливо о могущихъ случиться каковыхъ трудностяхъ и недоумѣніяхъ», испрашивая у него надлежашее наставленіе во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ. Въ свою очередь преосвященному Кириллу поставилось въ

обязанность—чинить по отзывамъ священника-миссіонера «немедленные разсмотрѣнія и распоряженія, дабы въ таковой полезномъ дѣлѣ остановки быть не могло, и что происходить имѣеть, о томъ за извѣстіе, а въ случаѣ надобности и съ требованіемъ резолюціи представлять Св. Синоду чрезъ полгода, или когда каковая въ чемъ потребность настоять будетъ». Соответствующіе указы немедленно посланы были епископамъ: Парфенію Смоленскому, Іоасафу Бѣлогородскому и въ Кіевскую Губернскую Канцелярію. Такъ быстро и энергично дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ Св. Синодъ.

Съ неменьшею быстротою дѣйствовалъ и преосвященный Кириллъ. Къ июлю 1762 г. имъ были уже закончены сношенія съ Бѣлогородскимъ епископомъ Іоасафомъ, и 31-го июля были присланы въ Черниговъ при проеморіи изъ Бѣлогородской консисторіи: священникъ Троицкаго Бѣлогородскаго собора ключарь Симоонъ, Логиновъ діаконъ Бѣлогородскаго уѣзда с. Муромъ Данилъ, Насѣткинъ и два церковника,—дьячокъ, сынъ ключаря, Алексѣй Семеновъ и новомаръ Бѣлогородскаго собора Леонъ Романовъ. 5-го августа священникъ-миссіонеръ и состоящіе при немъ церковники, по распоряженію преосвященнаго, отправились къ мѣсту своего назначенія въ слободу Климову. Положеніе о. Симеона Логинова оказалось весьма незавиднымъ и тяжелымъ на новомъ мѣстѣ служенія: онъ не зналъ настроенія слобожанъ; не зналъ и того, что и какъ ему дѣлать и съ кѣмъ имѣть дѣло. Тѣ, по инициативѣ которыхъ возбуждено было дѣло въ Св. Синодѣ и которые повидимому искренно желали условнаго соединенія съ православною церковью, но при посредствѣ избранныхъ изъ своей среды священниковъ, теперь ничѣмъ не обнаруживали своего желанія, отстранились отъ начатаго дѣла, а главный вожакъ и инициаторъ этой миссіонерской попытки даже скрылся изъ Стародубья. Въмѣсто сочувствовавшихъ дѣлу соединенія съ православною церковію раскольниковъ, единственнымъ мѣстнымъ руководителемъ въ данномъ положеніи оказался православный управитель раскольничьихъ слободъ надворный совѣтникъ Титовъ. Къ нему преосвященный Кириллъ отъ 5-го августа писалъ: «означенному священнику съ причетники, прибывъ въ оную слободу Климову и невѣда кто зъ раскольниковъ къ правовѣрною сущее имѣеть желаніе, къ таковому ихъ обращенію вступить слѣда будетъ взять трудно; ему же и о возбудителяхъ къ таковому богоугодному дѣлу... довѣдаться безъ пособія вашего благородія будетъ

невозможно; особливо же пока устроится церковь, не имѣя ему, священнику, къ отпращенію надлежащихъ въ церквѣ православной отпращаемыхъ церемоній, благопристойнаго мѣста, къ таковому обращенію приступить будетъ тяжестно». Пресвященный Кирилль «богомолчески» просилъ управителя потрудиться «въ благоудномъ дѣлѣ», объявить священнику иниціаторовъ Поповыхъ и отъ нихъ обстоятельнымъ образомъ разузнать, кто изъ раскольниковъ описныхъ слободъ «къ сущему правовѣрью имѣетъ желаніе, и тѣхъ «представить священнику, съ чего ему возижтъ способъ къ наставленію ихъ и протчихъ въ православіи». Въ заключеніе своего письма пресвященный писалъ и просилъ: «если кто къ правовѣрью настоящее окажетъ добротество, то не токмо отъ нежелающихъ сего благочестія благопристойно сохранять, но и всякое имъ показывать къ возбужденію къ сему и протчихъ удовольствію»...

Оказались напрасными всѣ богомольческія просьбы пресвященнаго Кирилла. Отвѣтное письмо управителя Титова не давало никакой надежды на благоприятный исходъ начатаго миссіонерскаго дѣла.¹⁾ Онъ доносилъ пресвященному, что назначенный Сенатомъ въ качествѣ президента или духовныхъ дѣлъ управителя находится въ Кіевѣ подъ слѣдствіемъ, а Ѳедоръ Поповъ—въ безвѣстномъ отсутствіи; что во всей слободѣ нѣтъ «особаго и способнаго мѣста», кромѣ расколынической часовни, «для исправленія церковныхъ церемоній и поученія божественнаго писанія ко обращенію отъ раскола въ правовѣріе и для удобнѣйшаго къ священнику приходу»; что, наконецъ, какъ онъ ни старался «провѣдать о желающихъ сущаго благочестія», но что «ни единого не смыкалось», хотя онъ и собиралъ для этого провѣдыванія волостной съѣздъ. Раскольники, по словамъ управителя, почти единогласно объявили, «что отцы ихъ, а иные и сами изъ Великороссіи, оставя дома и имущества, бѣжали не отъ чего инаго, какъ только соблюсти по ихъ расколыническому суетвѣрью древніе обряды, и иначе приступить не могутъ, какъ если имъ позволять построить церковь стариннымъ обычаемъ и въ священника посвятить, коего они изберутъ изъ среды ихъ народа, которому и въ грамотѣ прописано было бѣ, чтобъ исправлять всякія духовныя требы по старо-

¹⁾ Отвѣтное письмо Титова отъ 25-го сентября 1762 г.

печатнымъ книгамъ, непротивнымъ св. восточной церкви, а лежащую имѣющуюся клятву на двоесперстное сложеніе святъ и разрѣшить. А окромѣ сего объявляютъ, предавъ себе во власть и высокомонаршее благоволеніе, къ нынѣшнимъ же церковнымъ обрядамъ приступить не похотятъ и склоняемы не будутъ. Словомъ сказать «Владыко просвѣщеннѣйшій»,—заключалъ свою мысль надверный совѣтникъ Титовъ,—«развѣ зъ благословенія Вашего Просвѣщенства построятся здѣсь въ слободѣ церкви, и тогда невидимая десница Господня тронетъ ихъ окамененніи сардуи и отверзетъ ихъ ослѣпленныя очи, то они склоняемы будутъ, а не иначе; ибо они себя считаютъ правовѣрными, по преданію св. апостоловъ ходящими, и за грѣхъ почитаютъ молиться и отправу всякую духовную исправлять по новоправнымъ книгамъ». Таково было общее религіозно-церковное унастроеніе тоговременныхъ слобожанъ, которое не давало надлежащей почвы для миссіонерскаго дѣла на условіяхъ полного обращенія въ православіе, какъ ставилось дѣло св. Синодомъ.

Въ ноябрѣ 1762 г. о. Логиновъ съ діакономъ и причетниками возвратился изъ слободы Климовой въ Черниговъ и жилъ, за неимѣніемъ собственныхъ средствъ, „на всемъ катедральномъ комтѣ“, какъ видно изъ донесенія Св. Синоду еп. Кирилла отъ 18-го декабря 1762 г.

12-го февраля 1763 года о. Симеонъ Логиновъ и состоящіе при немъ церковники были отправлены обратно изъ Черниговской епархіи въ Бѣлогородскую¹⁾.

Въ Елизаветинскому времени относится еще одна попытка сближенія съ православною церковію ревнителей стараго обряда въ Стародубѣ. Единственное упоминаніе о ней пока находится въ старообрядческомъ сборникѣ Хлудовской бібліотеки (№ 352 по описанію Попова), писанномъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія Е. Г. Бронниной въ Москвѣ. Именно здѣсь находится весьма интересное для насъ въ данномъ слу-

¹⁾ Арх. Черн. Дух. Консист. № 1408. Нов. Мат. для ист. раск. на В. я въ Старод. № 47. Изъ дѣла 1761—62 г. объ устроеніи въ слоб. Климовой правосл. церкви и о назначеніи туда изъ Бѣлогородской епархіи «единого изъ великороссійскихъ священника» съ діакономъ и двумя церковниками. Стр. 220—231.

чаѣ, особенно по своему предисловію, старообрядческое сочиненіе явно Стародубскаго происхожденія, озаглавленное своеобразно такъ: „*Артикулъ, то есть наука отговорная противу нововѣстнаго увѣщанія, увѣщающаго ко пріятію новодѣйственаго священства*“. Поводъ или „вина и случай сочиненія сего Артикула“ такъ объясняется въ предисловіи къ нему: „Въ лѣто 7267 (1759 г.) іюня присланъ указъ изъ Кіевской губернской канцеляріи въ волостную контору старообрядцевъ, тако-же къ подполковнику Дмитрію Андреевичу Шмакову, на той часъ при комиссіи ему бывшу. Кой по тому указу собравъ со всѣхъ слободъ во іюль того-же лѣта волостную сѣздку, и вычиталъ имъ съ указу выписку, въ ней же сѣдцевъ положенъ вопросъ: „Желають ли старообрядцы по старымъ книгамъ поставить кого себѣ въ поны, дабы той у нихъ службу служилъ, и звонъ-бы имѣлъ какъ въ Великой Россіи къ службѣ“? Кой вопросъ слышавше, собраніи отпросишася о томъ у подполковника между собою подумать. И собирахуся о томъ яко бы рещи съ седмицу: и овин убо на томъ собраніи склонящся на сіе, овин же на ино, и прочіи на прочая“ .. Въ концѣ концовъ стародубскіе слободскіе раскольники высказались рѣшительно противъ сдѣланнаго имъ указаго предложенія, мотивируя свое нежеланіе послѣдовать ему тѣмъ, что такое дѣло поведетъ во все не къ миру, а къ раздору.... Въдъ священникъ, говорили слобожане, ничего не можетъ сдѣлать безъ воли своего епископа: какъ-же онъ будетъ креститься двумя перстами, когда его епископъ молится тремя? Если же онъ будетъ креститься тремя перстами, то значить, — разсуждали стародубскіе ревнители стараго обряда, — намъ неискренно желаютъ добра, а желаютъ и насъ впоследствии заставить креститься троеперстно. Приводили и другія основанія несоотвѣтствія съ излюбленной ими стариной при пріятіи „новодѣйственаго священства“. Таковъ внутренней ходъ мыслей, развиваемыхъ въ „Артикулѣ“ (Опис. ркп. Худовской бібліотеки А. Попова, № 352; въ самомъ сборникѣ „Артикулъ“ помѣщенъ на лл. 159 об. — 179 об.).

Подъ какиѣмъ воздѣйствіемъ явилось вышеизложенное указное предложеніе Кіевской губернской канцеляріи—ближайшимъ образомъ неизвѣстно. Возможно, какъ и есть нѣкоторое основаніе полагать что это былъ отвѣтъ черезъ Кіевскую губернскую канцелярію со стороны высшей власти, духовной или свѣтской, на просьбу 1755 г. Вѣтковскихъ,

Гомельскихъ и Стародубскихъ слобожанъ — раскольниковъ поповщинскаго толка о дарованіи имъ епископа „отъ великороссійскихъ архимонастырей“, о которой уже нами упоминалось въ предшествующей главѣ (стр. 696). Такимъ образомъ вѣсто самостоятельнаго старообрядческаго епископа, котораго добивались отъ „великороссійскихъ архимонастырей“ мѣстные слобожане въ 1755 г., имъ предлагали въ 1759 г. поставить изъ нихъ самихъ лишь только особыхъ священниковъ, которые служили бы у нихъ по старопечатнымъ книгамъ и съ подобающею этому служенію вѣншей церковной обстановкой. По точному смыслу „Артикула“ дѣло представляется иначе, а именно такъ, что инициатива указнаго предложенія исходила вполнѣ самостоятельно отъ Кіевской губернской канцеляріи, исполнителемъ которой и являлся въ данномъ случаѣ подполковникъ Шмаковъ, находившійся въ то время въ Стародубскихъ раскольническихъ слободахъ. Проф. Нильскій, извѣстный знатокъ исторіи раскола, отрицалъ даже возможность самостоятельной инициативы со стороны Кіевской губернской канцеляріи въ данномъ случаѣ, находя весьма сомнительнымъ, чтобы подобнаго рода предложенія могла даже дѣлать губернская канцелярія, въ вѣдомствѣ которой находились всѣ Стародубскіе и Черниговскіе раскольники, одна, безъ всякаго участія духовнаго вѣдомства въ той или иной формѣ (Чт. по ист. рус. старообряд. раскола 1889—1890 г. И. О. Нильского). Тѣмъ не менѣе и тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ XVIII в., въ отношеніи церковныхъ дѣлъ вообще, въ особенности же по дѣламъ раскола, инициатива очень часто исходила отъ вліятельныхъ свѣтскихъ лицъ, а потомъ дѣлалась и достояніемъ духовнаго правительства. Ближе къ дѣлу мы укажемъ на слѣдующее. Въ 1759 г. Кіевская губернская канцелярія находила возможнымъ указно предложить подчиненнымъ ей стародубскимъ „старовѣрцамъ“ высказаться о томъ, желаютъ ли они кого-либо изъ своей среды поставить себѣ въ священника по старымъ книгамъ и обрядамъ, чтобы онъ потомъ и всѣ службы совершалъ по тѣмъ же старопечатаннымъ книгамъ и обрядамъ. Въ слѣдующемъ 1760 году малороссійскій гетманъ, графъ К. Г. Разумовскій, находилъ возможнымъ войти съ широкимъ представленіемъ на Высочайшее имя относительно церковнаго устройства тѣхъ же стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ. Онъ представлялъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ отъ 31-го августа 1760 г., не столько, конечно, въ церковно-государственныхъ интересахъ, сколько въ оныхъ

личныхъ, владѣльческихъ, въ видахъ болѣе успѣшнаго возвращенія зарубежныхъ старообрядцевъ въ Малую Россію и заселенія ими своихъ обширныхъ и слабо населенныхъ земель въ ней, о чемъ совершенно прозрачно и высказывался и просилъ, „для приласканія ихъ“, не сносясь ни съ св. Синодомъ, ни съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, Высочайше дозволить имъ „содержаніе закона по ихъ преданіямъ и старопечатнымъ книгамъ“, имѣть своихъ священниковъ и даже даровать имъ право строить свои церкви и монастыри (Х. И. А. Д. М. № 6673. См. также наши Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод., № 45, стр. 205—216. Васильчиковъ, А. А.: Сем. Разумовскихъ, т. 1, стр. 253—254, 265—268). Есть много и другихъ аналогичныхъ фактовъ изъ XVIII в.

Упомянутый въ „Артикулѣ“ подполковникъ Д. А. Шмаковъ не разъ исправлялъ служебныя обязанности въ стародубскихъ раскольниковыхъ слободахъ то въ качествѣ слободскаго управителя, то во главѣ слѣдственной комиссіи о спорныхъ грунтахъ и разныхъ смертноубиственныхъ дѣлахъ. Въ дѣлахъ бывшей Малороссійской Коллеги, хранящихся теперь въ Харьковскомъ университетскомъ историческомъ архивѣ, имѣется обширное дѣло подъ № 10888 (11026) на 729 листахъ „о происшедшихъ у раскольниковъ съ малороссійскими владѣльцами и обывателями спорныхъ, за земаю, обидныхъ и смертноубиственныхъ дѣлахъ и о учрежденіи въ раскольниковой слободѣ Климовой слѣдственной комиссіи и о прочихъ къ сей комиссіи касающихся дѣлахъ“, обнимающее собою время съ 1764 г. по 1780 г. когда слѣдственная комиссія перестала существовать. Здѣсь между прочимъ въ одномъ изъ дѣлъ за 1774 г. говорится, что подполковнику 5-го Кіевскаго баталіона Д. А. Шмакову было поручено въ 1757—1758 г. указомъ Кіевской Губернской Канцеляріи разобрать дѣло о спорныхъ грунтахъ слободы Климовой и Митьковки, съ Ровскою волостью, въ томъ числѣ и с. Могилевецъ съ обывателями, которое и слѣдовало было при депутатѣ съ малороссійской стороны бунчуковомъ товарищѣ Гудовичѣ (л. 560). Въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ сохранились нѣкоторыя дѣла этой слѣдственной комиссіи отъ 1757 г., напр. предложеніе повѣренному генераль-фельдмаршала и кавалера Алексѣя Григорьевича Разумовскаго Титову, отъ 3-го іюля, дополнить поданный имъ экстрактъ въ комиссію отъ 21-го мая по дѣлу съ раскольниками, подписанное подполковникомъ Шмаковымъ, какъ и доно-

шеніе повѣреннаго по этому поводу отъ 9-го іюля того же года. Въ 1761 г. тотъ же подполковникъ уже завѣдывалъ дѣлами Васильковского форпоста, какъ видно изъ другого дѣла, хранящагося теперь въ Киевскомъ центральномъ архивѣ въ связкахъ дѣлъ о переселеніяхъ и колонизаціи. Въ 1768 г. тотъ же подполковникъ былъ временно опредѣленъ Киевской губернской канцеляріей „къ управительской должности“ въ раскольническихъ слободахъ Стародубья, а въ 1769 г., за назначеніемъ правительствующимъ сенатомъ „настоящаго управителя“ надворнаго совѣтника Вырынаева, ему велѣно снова быть въ слѣдственной комиссіи на мѣсто уволившагося по болѣзни премьеръ—маіора Ефрема Гуцина и всякія спорныя о земляхъ, обидныя и смертноубійственными дѣла „порознь слѣдовать и разбирать по крѣпостимъ и другимъ достовѣрнымъ документамъ, а у кого оныхъ не явится, то по свидѣтельскимъ показаніямъ“, согласно указу сената о допущеніи раскольниковъ во свидѣтельство и къ присягѣ (д.л. 242 - 244). Въ слѣдственной комиссіи подполковникъ Шмаковъ состоялъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, какъ видно изъ разныхъ указаній вышеупомянутаго обширнаго дѣла Харьковскаго историческаго архива (д.л. 308, 311—315), такъ и изъ разныхъ дѣлъ Киевскаго центрального архива (св. дѣлъ о пересел. и колонизаціи). Въ 1774 г. за смертію управителя Вырынаева подполковникъ Шмаковъ снова назначенъ былъ отправлять обязанности управителя по волостной конторѣ (д. 595 об.). Вместе съ маіоромъ Мельниковымъ, преемникомъ Шмакова по слѣдственной комиссіи, послѣдній считался малороссійскими депутатами при слѣдственной комиссіи мирволившимъ слобожанамъ (д. 304 об. и др.)

EB_1901_SLAVFOND_SF00000629